

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

КОЛОНИАЛЬНАЯ СЕРИЯ

под редакцией
Н. С. ВАРГА и В. Ф. РОШТЕИНА

И. М. РЕЙСНЕР

АФГАНИСТАН

Вступительная статья

С картами и схемами

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1929

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Колониальная серия
под редакцией

 Ф. Ротштейна

И. М. РЕЙСНЕР

АФГАНИСТАН

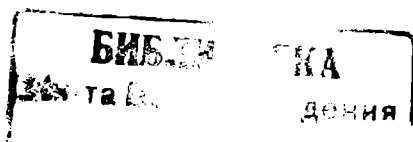
С КАРТАМИ и СХЕМАМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1929

ИКА 503

Статформ. А5

Главлит № А—42187

заказ 550

Тираж 3.100

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие автора к первому изданию... ..	1
Предисловие автора ко второму изданию.. ..	2
В в е д е н и е... ..	3
Глава 1-я. Страна и население... ..	7
Глава 2-я. Экономика... ..	33
Глава 3-я. Создание буфера.	68
Глава 4-я. Национальный вопрос. Классы и государство ...	92
Глава 5-я. Запретная страна	111
Глава 6-я. Англо-афганская война	143
Глава 7-я. Реформы Амануиллы (1919—1929)	160
Глава 8-я. Международное положение Афганистана	193
Глава 9-я. Гражданская война в Афганистане.	223
Материалы, манифесты и узаконения периода гражданской войны 1928—29 гг.	249

КАРТЫ И СХЕМЫ

Таблица национально - племенного состава Афганистана.
Составил Н. Киселев.

Схема юго-восточных подступов к Афганистану.

Карта основных элементов рельефа Афганистана.

Схематическая карта земледельческих районов Афганистана
(по Вавилову).

Карта расселения важнейших народностей Афганистана.
Составил Н. Киселев.

Схема путей Афганистана с указанием главнейших перевалов

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К 1-МУ ИЗДАНИЮ.

Настоящая работа была подготовлена к печати еще осенью 1924 года, но по независящим от автора обстоятельствам она смогла увидеть свет лишь теперь. Известная переработка и обновление материала не меняют, однако, того основного факта, что работу по Афганистану можно было бы написать теперь гораздо полнее и глубже, чем это представлялось возможным четыре года тому назад. Для работы были отчасти использованы сведения, собранные автором во время личного пребывания в Афганистане в 1919—1921 г., но с того времени реформы и энергичное экономическое строительство в значительной степени изменили облик отсталой страны, только что вышедшей из подчинения британскому империализму.

Поскольку у нас отсутствуют сводные труды по Афганистану, имеющие специально в виду роль Афганистана на фоне национально-революционного движения народов Востока, автор решается на опубликование предлагаемой работы, заранее сознавая ее несовершенство.

Сейчас более, чем когда-либо, ощущается настоятельная необходимость в подробном обследовании не только буддийских или иных древностей Афганистана, но прежде всего его экономики, аграрного вопроса и классовой структуры. Надо надеяться, что в ближайшие годы эта задача будет выполнена силами молодого марксистского востоковедения.

Игорь Рейснер.

Немчиновка, 6/VI—28 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К 2-МУ ИЗДАНИЮ

Книга в значительной мере написана заново. Появившиеся труды Вавилова и Букиничча, Днепровского и др. дали возможность обрисовать более полную картину афганской экономики и сельского хозяйства. Расширено место ранней истории Афганистана, в связи с борьбой за великие сухопутные пути Азии. Заново написана глава о реформах. Введена новая глава IX, посвященная гражданской войне в Афганистане.

Спешный характер выхода в свет 2-го издания и кратость срока, который был установлен для переработки, не дали автору возможности провести работу со всей той тщательностью, какой она заслуживала. Автор пользуется случаем выразить благодарность академику Н. И. Вавилову, любезно разрешившему использовать карту земледельческих районов Афганистана, помещенную в его книге «Земледельческий Афганистан».

Игорь Рейснер

Москва, V—29 г.

ВВЕДЕНИЕ

Империализм представлен в колониях не одними только банкирами, генералами и оптовыми торговцами. Империализм создал целую историческую школу, которая в седой древности азиатских народов, как в некоем зеркале, отражает колониальную политику нынешнего дня. История пишется наизусть, с таким расчетом, чтобы оправдать и осветить колониальное владычество. Одним из наиболее ярких примеров может служить афганская история в изображении английской школы буржуазных востоковедов. Афганистан — это ворота Индии. Индия омывается с трех сторон океаном, а с севера она замкнута полукольцом неприступных Гималаев. Только прорыв 800 миль от перевала Дара до крепости Кветта открывает на северо-западе ряд горных проходов, соединяющих Индостан с остальным материком Азии. От географии непосредственный скачек в область политики. Перечисляют ряд вторжений иностранных народов в Индию. Оказывается, что большинство этих вторжений, хотя и не все, произошли по линиям путей, сбегающих с Гиндукуша. Тщательно перечисляются нашествия Александра Македонского, вторжения кочевых племен саксов и юджи, разрушительные походы Чингиса и Тимуридов, афганцев и персов, чтобы потом свести всю историю Индии только к иностранным нашествиям, а всю пограничную политику — только к задаче удержания и захвата горных проходов Гиндукуша. Эта теория конечно имеет свои удобства. История Индии сведена здесь к истории иностранных вторжений. Раз прежде над Индостаном царил мусульманская сабля Газневидов или других султанов; раз Индия всегда становилась добычей захватов извне, то английская колониальное владычество тем самым освещено и сводится к нормальному эпизоду в развитии Индии. Суммируя. — раз Индией и прежде управляли иностранцы, то они будут управлять ею и впредь.

Такая постановка вопроса, к сожалению находящая иногда отклик даже у исследователей-марксистов, представляет прямое насилие над фактами. Нашествие и вторжение, — а ими в достаточной мере наполнена и история Европы, — должны рассматриваться не как самодовольный фактор, а в живой и непосредственной связи с общей экономикой страны, с ее производственными отношениями и

характером классовой борьбы. Уже в китайской истории открыты великолепные эпизоды, когда слабеющий феодализм силами свежих орд кочевников пытался поглотить в крови крестьянские восстания. Так называемое «английское» завоевание Индии также представляет лишь один из эпизодов жестокой гражданской войны, бушевавшей в Индостане еще с конца XVII века. В конечном счете в зависимости от уровня экономического развития самой Индии стоит вопрос о том, какой эффект окажет то или иное вторжение. В одном случае поход великого македонянина, это «чистка» торговых путей между Западом и Востоком, имела своим результатом широкий расцвет торговли между Индией и бассейном Средиземного моря и прямо содействовала централизации Индии под властью просвещенного чиновничества Мауриев с его буддийской идеологией. В другом случае орды кочевников легко справляются с разрозненными феодальными княжествами Индии и заменяют их выродившуюся знать новой военной аристократией победителей. В третьем случае иностранное вмешательство является эпизодом в борьбе жрецов с феодалами, как об этом сообщает английский исследователь Байнс, имея в виду нашествие сакков и их связь с индийским жречеством. Вместо голой схемы нашествий перед нами выступает исторический процесс во всей своей сложности, многообразии и полноте. Но если Индия относительно легко становилась добычей внешних вторжений, то гений Маркса еще 70 лет назад сумел бросить свет своих догадок и на эту сторону индийской истории. Покуда Индия слагается из бесчисленных самодовлеющих общин, этих миниатюрных республик, живущих замкнутой жизнью и являющихся единицей натурального хозяйства, покуда крестьянству этих общин безразлично, кому они платят продуктовую ренту — моголам, афганцам или махратам, — до тех пор обороноспособность преимущественно крестьянской страны безусловно должна была стоять на очень низком уровне. Здесь нет смысла поднимать вопрос о восточном феодализме, но ясно, что военно-феодалная иерархия Индии представляла гораздо более хрупкую надстройку над массой крестьянских общин, чем западный феодализм через крепостное хозяйство, барскую запашку, органически связавшийся, выросший и переродивший крестьянскую общину. Но если приходится считаться с известной слабостью Индии, опять-таки не всегда, а лишь в определенные периоды ее исторического развития, то этот аргумент не может иметь никакого отношения к современности. Английское правительство давно разрушило старую земельную систему Индии, и вместо изолированных, самодовлеющих общин на арене истории сейчас выступает лауперизированное крестьянство, подавленное английским налоговым чиновником, помещиком и ростовщиком. Вопрос только в том, может ли английский империализм найти точку опоры в этом классе, или же наоборот

страх аграрной революции, страх революционных выступлений масс в тылу, гонит английскую политику на «стратегическое разрешение» вопроса об СССР, и в частности о советских республиках Средней Азии. Из-под белоснежного плаща «чистой истории», занимающей невинными изысканиями по части греческих нашествий IV века до нашей эры, перед нами выступает теория, которая должна оправдать необходимость подавления афганского народа британским империализмом только потому, что афганские племена имеют несчастье занимать горные проходы, связывающие Индию с Туркестаном, Персией и Западным Китаем.

Теория обороны Индии имеет свою внутреннюю логику. Припав тезис о значении иностранных нашествий, справившись с источниками о том, что все завоеватели, за исключением арабов в VII веке и англичан в XVIII, — явились в Индию по-суху, приходится признать и практические выводы о «естественной» границе Индии по Гиндукушу. В доказательство обычно цитируют Абу-Фазла, историографа индийского императора Акбара, и ряд других не менее достопочтенных источников. Но спрашивается, кого боялся Акбар — он боялся кочевников-узбеков. В целом ряде случаев спокойные земледельческие равнины Индии находились под угрозой пограничных горцев или кочевников из более отдаленных районов. Могут ли английские хозяева Индии сослаться на эти исторические примеры, как доказательство необходимости английских гарнизонов и крепостей у всех сухопутных входов и выходов Индостана. Военная техника и военная мощь являются производным от техники производства. Достаточно сравнить Индию, вырабатывающую сейчас свыше миллиона тонн железа и чугуна на своих металлургических заводах, с примитивными кузницами афганских кочевых племен или даже устарелыми казенными оружейными мастерскими в Кабуле, — и сразу станет ясно, что сам по себе Афганистан с его полукочевым населением не представляет угрозы границам Индии. Что же касается боязни других кочевых орд, то в век железных дорог и пароходов миграция, как известно, принимает несколько иные формы и характер, чем при великом переселении народов.

Вместо чисто стратегической проблемы, якобы связанной с абстрактной необходимостью обороны Индии, афганский вопрос начинает принимать несколько иные очертания. Вместо кочевников-гунов или тюрков, по ту сторону Гиндукуша лежит Советская земля. Вместо абстрактной и неопределенной фигуры «правительства Индии», якобы связанного преемственностью и с императором Акбаром, и с другими туземными правителями, перед нами вырасовывается британский империализм. Вместо обороны Индии вообще получается оборона неприкосновенных колониальных интересов «vested interests» от всяких посягательств извне и изнутри. Наконец, между

Индо-Британской империей и Советским Союзом — 7 миллионов населения Афганистана, где крупный торговый капитал, тесно сросшийся с верхушкой чиновничества, а отчасти и помещичьей собственностью, делает попытку создать свое буржуазное государство. Попытка создания своего национально-буржуазного государства совершается в тяжелых условиях, созданных старой зависимостью от Англии. С другой стороны, эта попытка происходит в эпоху, когда противоречия между новым социальным строем и уходящим капитализмом ярче всего выражено антагонизмом СССР и Британской империи. Афганистан буквально лежит на самом узком участке англо-советского фронта, — меньше 800 километров отделяют границу Индии от советского рубежа, между Термезом и Пешавером.

Настоящий труд пытается осветить экономику и новейшую историю Афганистана именно в этом разрезе, и поэтому необходимым и естественным явилось включение материалов, посвященных характеристике как советской Средней Азии, так и колониальной Индии.

История англо-русского соперничества также рассматривается не со стороны того влияния, которое оно оказало на общую политику этих держав, но под углом воздействия на развитие самого Афганистана.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТРАНА И НАСЕЛЕНИЕ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Афганистан представляет собой суживающийся к северо-востоку треугольник с рваными краями, вклинившийся между советской Средней Азией, Персией и английской Индией. Персидская граница составляет основание этого треугольника, граница с СССР — более короткую, а с Индией более длинную стороны его. Афганистан занимает пространство между $60^{\circ} 45'$ и 75° восточной долготы и между $29^{\circ} 23'$ и $38^{\circ} 31'$ северной широты. От вершины треугольника еще дальше на восток отходит узким язычком Вахан, разделяющий Памиры, Западный Китай, и подвластные англичанам княжества крайнего севера Индии (Читрал, Гильгит). Общая площадь Афганистана равна 634 500 кв. км. (246 000 кв. миль).

Северная граница Афганистана на всем ее протяжении соприкасается с советской Средней Азией. От скрещения советско-персидской границы она идет общим направлением на восток до выхода на реку Аму-Дарья. Отсюда государственная граница около 800 километров непрерывно следует по течению этой величайшей среднеазиатской реки, отделяющей Афганистан от СССР. У Каля-и-Хумба река делает резкий поворот на юг. К востоку от этого поворота Аму-Дарья носит название Пянджа. У Ишкашима Пяндж вскоре поворачивает в восточном направлении. Граница следует его течению, затем идет по течению реки Пампра до ее истока (горное озеро Зори-Куль или озеро Вуда). Отсюда граница идет уже по-суху до перевала Беик, где на величайших высотах, в месте так называемого «индийского суживания» горных складок, сталкиваются границы Китая, Индии и СССР.

Афгано-персидская граница тянется с севера на юг почти по прямой линии и пересекает безлюдную, в общем плоскую местность, пока у Кух-и-Малик-и-Сияха она не упирается в границы британского Белуджистана. Отсюда начинается англо-афганская граница, которая поднимается в общем направлении на северо-восток и идет по системе Сулеймановых гор, составляющих перегородку между

Индией и Афганистаном. Индо-афганская граница, вплоть до выхода ее на Памир, проходит по горной местности.

Границы Афганистана за исключением англо-афганской, были определены непосредственными переговорами Англии с Персией и Россией. Согласно Парижскому договору 1857 года Персия признала английское посредничество для всех своих сношений с Афганистаном, и в 1874 г. майор Гольдич установил в общих чертах афгано-персидскую границу. В 1891 г. пограничный спор в районе Хаштадана был разрешен особой комиссией под председательством генерала-майора Маклина. Наконец, в 1904/5 г., в связи с переменной руслз реки Гильменда, по которому частично проходит афгано-персидская граница, Англией была направлена в Сеистан миссия Мак-Магона, которая выступила третейским судьей между Персией и Афганистаном и окончательно установила здесь границу. Афгано-персидский договор 1921 г. обходит молчанием вопрос о границах, очевидно, исходя из признания существующих. Первое соглашение с Россией по вопросу об афганских границах относится к 1873 году. Соглашение это представляет обмен нот между русским министром иностранных дел Горчаковым и английским — Гранвиллем, согласно которому Россия признавала северной границей Афганистана реку Аму-Дарью, от Хаджа-Салеха до озера Сары-Кола. Соглашение 1873 года носило декларативный характер и было фактически выполнено лишь в 1895 году, когда одновременно с памирским разграничением состоялась передача Афганистану части Бухарского бекства, Дарваз, расположенного на левом (афганском) берегу реки, причем к Бухаре тогда же отошли части Шугнана и Рошана, занятые раньше афганцами на правом берегу Аму-Дарьи. Участок границы между Хаджа-Салехом и персидской границей был разграничен в 1886 г., непосредственно после Кушкинского столкновения, когда царские войска заняли вооруженной силой Пендинский оазис. Наконец, в 1895 году состоялось разграничение на Памирах, и таким образом была определена вся северная граница Афганистана, от персидского пограничного пункта Зюльфагара до перевала Бейк. Во всех русско-английских разграничительных комиссиях афганцы в лучшем случае играли роль наблюдателей, с которыми не считались ни англичане, ни русские. Октябрьская революция 1917 г. и афганская война за независимость в корне изменила международное положение Афганистана, фактически аннулировав все англо-русские соглашения. Англо-советский договор августа 1924 года, сорванный впоследствии правительством Болдуина, в общем списке договоров «признанных обеими сторонами, как потерявшими силу», — включал также договоры, протоколы и соглашения об Афганистане и его границах. Англо-афганская граница получила свой настоящий вид в результате трех войн. Первая война, закончившаяся полным поражением англичан (1842 г.), не

принесла им территориальных приобретений. После второй войны (1880) они захватывают округа: Пишин, Сиби, Чагех и долину Курама. Лишь в 1893 г. была установлена общая граница между Индией и Афганистаном; однако, в виду восстания пограничных племен, афганцы не допустили разграничения на участке к западу от Хейберского прохода. В 1919 году, после третьей англо-афганской войны, по условиям прелиминарного мирного договора афганцы были вынуждены признать границу этого спорного участка «по определению британской разграничительной комиссии» (ст. 5-я Раваль-Пиндского договора 8 августа 1919 г.).

Р Е Л Ь Е Ф

Афганистан представляет высокогорную страну. Узлом всей горной системы является так называемое «индийское скучение» горных складок между верховьями Инда и Аму-Дарьей. Центральным хребтом всей системы является Гиндукуш, проводящий резкую грань между югом и севером страны. Гиндукуш постепенно снижается на запад. Перевалы через центральный хребет проходят на высоте 3—4 тысяч метров, между тем как перевальные точки Парапамизского хребта, отделяющего Гератскую долину от советской границы, лежат на высоте не выше 1 500 метров. Северный склон Гиндукуша, обращенный к Советской границе, переходит в ряд невысоких увалов и на протяжении почти 1 800 км. между Гератом и Фейзабадом образует сравнительно плодородную полосу лессовидных почв, переходящую по берегам Аму-Дарьи в солончаковую или каменистую пустыню. Наибольшей мощности и высоты достигают горные цепи северо-восточного Афганистана. Сравнительно невысокий перевал Парун, пройденный экспедицией Вавилова-Букинич по дороге в Кафиристан, имел перевальную точку на уровне 4 760 м. Именно в этом районе горные складки сближаются между собой, образуя лишь узкие долины и обращая всю эту часть Афганистана в ряд неприступных горных трупов (Кафиристан, ныне Нуристан, Бадахшан, отчасти Кухистан). Центральный Афганистан занят мощным горным массивом, известным под названием горной страны Хезараджата. Ряд горных цепей выброшен далеко на юг и юго-запад, образуя как бы грубый треугольник, основание которого составляет линия Кабул-Герат, а вершину — Кандагар.

Дальше на юго-запад горы переходят в равнинно-степную местность, каменистую и песчанную пустыню, охватывающую огромное пространство (в общем, до 150 тыс. кв. км.) Баквийской и Гильменской пустынь, а еще дальше на юг — пустыни Регистана. Здесь, на самой границе с Персией, расположена система болотных озер — Хамун.

Снижение наблюдается и на востоке, в направлении к Индии. Река Кабул, впадающая в Инд, на протяжении 250 километров между Кабулом и Джелалабадом снижается с 1760 до 600 метров, создавая Джелалабадский оазис с его субтропической растительностью. Менее глубокую впадину образует Газнийское плато (2 300 м.), где значительно развернулось орошаемое земледелие. Сам Кабул расположен на высоте 1760 м.

От Индии Афганистан отделяет еще одна горная преграда, не менее серьезная, чем сам Гиндукуш. Это система Сулеймановых гор. Она протянута общим направлением на юго-запад, охватывая обширную полосу от Кветто-Пишинского нагорья до реки Сват. Эта система делится на три части: первой, считая с юго-запада на северо-восток, является Кветто-Пишинское нагорье; затем собственно Сулейманов хребет, идущий по границе параллельно течению реки Инда, с проходами в Афганистан по долинам отдельных горных рек, и наконец, горная область Тираха, примыкающая к мощному хребту Сефид-Куха, прорезанному знаменитым Хейберским ущельем, этим важнейшим стратегическим путем северо-западной Индии.

На юго границы Афганистана опять замкнуты горами Чагай, расположенными у границы Белуджистана.

Уже краткий очерк рельефа предопределяет изолированный характер отдельных областей Афганистана, обособленность узких речных долин и замкнутость оазисов с их поливным земледелием. Север и юг страны разобщены между собой хребтом Гиндукуш; центр страны составляет горный массив Хезараджата; весь юго-западный угол равнинного Афганистана занят бесплодными каменистыми пустынями. Между Индией и Афганистаном еще одна преграда в виде скал и теснин Сулеймановых гор. Здесь же можно добавить, что за исключением Хоста и Кафиристана и отдельных других лесистых вкраплен, горы Афганистана почти безлесны и на базарах Кабула и Кандагара топливо продается на фунты. Вся посевная площадь Афганистана, считая поливные и неполивные земли, не превышает миллиона гектаров.

РЕКИ

Основными речными бассейнами являются Аму-Дарья, Гильменд и река Кабул, имеющая сток к Инду. К бассейну Амур-Дарьи можно условно отнести реки Мургаб и Герируд, хотя они и не доходят до Аму-Дарьи, теряясь в песках — первая у Мервского оазиса, вторая — в Теджене, на советской территории.

Бассейн Аму-Дарьи (греческое название Оксус до сих пор употребительно в английской литературе) охватывает весь северный Афганистан с водораздельной линией по Гиндукушу. Сама река от

истока до крутого поворота на север, к бессточному Аральскому морю, куда в конце концов впадает, составляет на протяжении 800 км. северную границу Афганистана. Течение реки быстрое, половодья бывают летом, в зависимости от таяния снегов в горах. Аму — судоходна до Сарайской переправы. До Термеза ходят пароходы. Переправа на афганский берег обычно совершается на туземных каюках или поромах*. Важнейшие притоки, сбегające с Гиндукуша, — Бокча, Кундус и Балхаб.

Бассейн реки Гильменда (около 1 000 км. длиной) охватывает юго-западную часть Афганистана. Беря начало в Пагманском хребте, к северо-западу от города Кабула, река пересекает массив Хезараджата и по выходе из гор принимает справа три притока — Тарнак, Аргендаб и Аргестан, сворачивает на юго-запад и теряется в солончаковых низинах Хамуна на границе с Персией. Гильменд и его притоки образуют замкнутый бессточный бассейн.

Река Кабул с притоками принадлежит к бассейну Инда. В реку Инд также впадают реки Курам и Гумал, прорывая горную перегородку Сулейманова хребта и образуя сравнительно удобные пути связи между Газнийским плато и Индией. Водораздел между Кабулом и Гильмендом образуется Пагманским хребтом, примыкающим к центральной системе Гиндукуша.

Река Кабул (длина 460 км.) принимает многочисленные притоки (с севера Пендшир, Тагар, Алишанг и самый полноводный из всех их — Бунар; с юга — Логар и Сурхаб), круто спускается к Джелалабаду, становится даже судоходной по выходе на британскую территорию и впадает в реку Инд, около местечка Калабаг. Бассейн Кабула и его притоков образует ряд сельскохозяйственных оазисов, сначала в горных долинах Пендшира, Горбенда и Кабула, а затем и Джелалабадский оазис, эти сравнительно густо населенные культурные области Афганистана.

Река Герируд также является бессточным бассейном. Общей длиной около 850 км., она протекает между Сефид-Кухом на юге и хребтом Фируз-Кухом на севере и по выходе из горных теснин образует неширокую долину, важнейший сельскохозяйственный оазис северного Афганистана. Около города Герата река поворачивает на север и теряется на советской территории в Тедженском оазисе.

За исключением Аму-Дарьи, реки Афганистана не судоходны. Реки Кабул и Бунар отчасти используются для сплава. Для народного хозяйства реки играют основную роль, как источник искусственного орошения. Больше половины всей обрабатываемой площади Афганистана — это поливные земли. Вода является одним из лимитов разви-

* Важнейшие переправы: Кабадианская (ширина реки полторы версты); Термезская (полторы версты); Гузарская (1 верста) и Келифская (200 саж.).

тия сельского хозяйства. По расчетам инженера-агронома Букиннича, даже современная техника не смогла бы оросить более 300 тыс. гектаров новых земель к югу от Гиндукуша *. По сравнению с ирригационными сооружениями Индии, где один только строящийся сейчас барраж на реке Инде около Суккурра оросит свыше 10 млн. гектаров, ирригационные возможности южного Афганистана ничтожны.

Экспедиция академика Вавилова и инженера-агронома Букиннича в своем капитальном обследовании «Земледельческий Афганистан» также отвергает установившееся мнение о богатстве Афганистана текущими водами и горными источниками **.

П О Ч В А

Афганистан беден почвой. Вся юго-восточная часть страны (Кабул, Кандагар, Газнийское плато) характеризуется галечниковыми, каменистыми почвами. Юго-западный Афганистан, с его громадными равнинными пространствами (районы Келата, Фарраха, Себзавара, южные равнины Афганистана) представляют песчаную или каменистую пустыню. Только области к северу от Гиндукуша, и в частности долины и покатоки Афганского Туркестана и Гератской провинции образуют полосу лессовидных почв, грубо ограниченную на западе Гератом, а на востоке Фейзабадом (Катагано-Бадахшан). Лессовидные почвы не только дают лучшие пастбища и выгоны скоту, но обеспечивают сравнительно широкое развитие неополвной культуры (богара) пшеницы и даже хлопка. На галечниковых же почвах юга земледелие находится в полной зависимости от искусственного орошения. Но даже при наличии воды здесь приходится прибегать к искусственному наращиванию почвы, создавая неглубокие террасы земли на жесткой каменистой основе. В долине Хоста сначала выравнивают каменистую основу, а потом искусственно накладывают сверху нужный слой почвы ***. По авторитетному заключению экспедиции Вавилова, и Кабульский и Кандагарский оазисы, и в меньшей степени Герат, где до сих пор в таком ходу земляные удобрения, представляют в полной мере творение человека. «Весь Кабульский оазис создан искусственно из земли; каждая пядь земли для земледельца Кабулистана дороже всего мира. Чтобы создать пахотный слой на одной десяatine голого речного галечника всего лишь в 15—20 см. толщиной, требуется

* Вавилов Н. И. и Букиннич Д. Д., Земледельческий Афганистан. Ленинград, 1929 г., издание Всесоюзного ин-та прикладной ботаники, с. 151, 173.

** То же, с. 135.

*** Afghanistan and its inhabitants, Translated from «Hayat-i-Afghan» of Muhammad Hayat Khan by Henry Priestly. Lahore, 1874 г., с. 219. В дальнейшем изложении будет сокращенно цитироваться как «Хаят-и-Афган».

перевезти на осликах не менее 400 куб. саж. земли. Пологие склоны гор только в немногих местах подрыты маломощными наносами лессовидного характера. По большей же части они представляют собой совершенно каменистые пласты, которые нужно еще наращивать. Поэтому у Кабула так и дорожат всяким земляным материалом. Постоянно можно наблюдать, как люди копошатся у разрушенных построек или древних развалин, развозя на осликах землю на отдаленные поля. Даже из-под каменистых осыпей кирками выдалбливают тонкие землястые прослойки, лишь бы добыть субстрат для растений * Кандагарский оазис характеризуется тем, что «его почвы являются самыми молодыми, искусственно созданными». Слабость почвы является серьезнейшим препятствием для расширения ирригационной сети, — если бы даже были в полной мере урегулированы Гильмендская и Герирудская речные системы, «потребовалось бы десятки, а может быть и сотни лет, чтобы подготовить каменистые покатоки долины к расширению оросительной сети. В этом и заключается вся невыгодная сторона осуществления в Афганистане больших проектов» **.

КЛИМАТ

Определяющим фактором климата горного Афганистана является высота над уровнем моря. Афганистан охватывает последовательный ряд климатических зон от субтропиков Джелалабадской низины до холодного и сурового климата Бадахшанских нагорий. В основу классификации мы берем данные экспедиции ак. Вавилова, проверившей на месте ряд неполных материалов, имевшихся в европейской и русской литературе. Распределение климатических зон тем более важно, что в связи с условиями почвы и орошения, оно дает предпосылки для определения основных районов и типов сельского хозяйства.

1. Горные области с холодным и умеренным климатом, с хорошо выраженным различием времени года.

а) Высокогорные области, выше 2 400 м. над уровнем моря. Зима продолжается от 7 до 9 месяцев. Типичными районами являются Бадахшан и горный массив Хезараджата. Это область яровых хлебов (пшеница, ячмень, яровая рожь). Посевы преимущественно поливные. Пастбищ часто не хватает.

б) Умеренные нагорные области (1 300—1 400 м. над уровнем моря). Умеренный климат. Снег выпадает в декабре, январе, феврале и марте, но долго не лежит. Это нагорные долины Кабула, Чарикара, Пендшира и Газнийское плато. В Кабуле еще вызревает виноград. Области поливной озимой пшеницы и поливных культур вообще. В отдельных случаях возможна даже культура хлопчатника (Чарикар).

* Вавилов. Исследовательский Афганистан, с. 80.

** То же, с. 142.

2. Средняя зона — от 900 до 1 300 метров над уровнем моря. Пустынные области с очень малым количеством осадков (меньше 250 мм.). Сравнительно холодная зима. Климат сухой; значительные колебания суточной температуры. Сюда относятся интенсивные районы поливной культуры Герата и Кандагара.

3. Низины (ниже 900 м.).

а) Пустынные области с малым количеством осадков (меньше 250 мм.), знойным летом, холодной зимой. Сюда относятся: часть Афганского Туркестана, примыкающая к песчаным степным районам пашего Туркменистана между Аму-Дарьей и Кушкой. Этот же климат характеризует пустынные области юго-западного Афганистана. Здесь, правда, еще более высокая температура в летние месяцы.

б) Степи и предгорья Северного Афганистана. Районы Маймене, Мазар-и-Шерифа, Бадгиза, большая часть Афганского Туркестана. По сухому климату эти районы напоминают южно-русскую степь. Осадки зимой. Лето знойное. Зима с понижением температуры ниже нуля. Район широкого распространения неполивных (богарных) посевов; богатые пастбища для скота.

в) Желалабадская низина с субтропическим влажным климатом. с мягкой зимой и богатой растительностью, напоминающей индийские условия. Вызревают финики, апельсины и сахарный тростник.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Пути сообщения носят примитивный характер более или менее постоянных выючных троп и следует древним маршрутам, описанным еще греческими историками в III и II веке до нашей эры. При отсутствии железных дорог, а также и шоссейных, появившихся лишь в последнем десятилетии, направление путей сообщения находилось в прямой зависимости от рельефа пор и требований выючного транспорта. Во многих случаях наличие пастбищ определяет маршрут того или иного пути. В свою очередь, афганские тропы служат не только для торговли, но и для массового движения кочевников, периодически перемещающихся с места на место в поисках подножного корма для скота.

По маршрутам афганских путей нынешнего дня можно изучать походы Александра, нашествия Чингиса или тюрков. В свою очередь, источники древности, как например, китайца Сюань-цзан, совершившего в VII веке паломничество к святым местам буддизма в Индию и Афганистан, носят характер злободневности, рисуя трудности перехода через Гиндукуш. Интересные сопоставления можно найти в книге д-ра Эмиля Тринклера, а также у Гольдича, в его книге «Ворота Индии».

Афганские пути обычно делят на две группы *:

1. Пути с севера на юг, пересекающие или обходящие Гиндукуш, соединяя Индию с советской Средней Азией. В экономике страны эта группа путей имеет решающее значение. Так же велико их значение для оценки стратегического положения Афганистана.

2. Пути продольные, пересекающие Афганистан общим направлением с запада на восток, соединяющие Персию с Афганистаном, а также служащие дополнением к поперечным путям.

Начнем с первой группы, куда войдут пути: 1) из Кушки, на советской границе, через Герат и Кандагар, на Чаман и Кветту; 2) от Термеза, через Мазар-и-Шериф, Ташкурган, Гайбак, тот или другой перевал через Гиндукуш, к Кабулу, оттуда через Джелалабад до Пешавера. Эти два пути являются основными магистралями как для внутренней торговли, так и для торговли транзитной. Второстепенное значение имеют дороги: а) Мерв-Бала-Мургаб; б) Керки-Андхой, Меймене-Чаравчи-Пузалич (где она выходит на вычунную дорогу Герат-Кабул) и Шиберган-Сарынуль, Доулет-Яр; в) Келиф-Ача; г) Курган-Тюбе-Ханабад; д) Куляб-Рустак-Фейзабад-Зебак-Читрал (Индия).

От Кушки до Кандагара может пройти колесо (781 км.). При возвращении из Европы через Персию падишаха Амануллы, маршрутом Герат-Кандагар прошли несколько десятков автомобилей. От Кандагара до Чамана (117 км.) проходит хорошо разработанная дорога, проложенная с таким расчетом, что английские саперы в случае войны без труда используют ее для полотна железной дороги. От Кушки до Герата также возможно колесное движение, хотя перевалы через Парапамизский хребет нуждаются еще в разработке.

Путь Герат-Кандагар караван на лошадях проходит в 14—16 дней, верблюжий — 18—20 дней.

Основной путь от Термеза до Кабула имеет три главных варианта, в зависимости от перевальных пунктов через Гиндукуш. Западный вариант — от Гайбака, через перевал Каракуталь (высота 3 060 м.) на Бамиан, Чарикар или же через перевал Унай непосредственно в долину Кабула. Центральный вариант — от Гули через перевал Салаяп (3 900 м.) к Чарикару. И восточный вариант от Хинджай, через перевал Хавак (3 550 м.), долиной Пендшира к тому же Чарикару. Чарикар, где сходятся все три пути, является важным стратегическим пунктом, и именно здесь находилась база Александра во время греческого похода на Индию и основанный им город (Баграм). Первое направление доступно для движения круглый год, а по Хаваку —

* Очерк путей по книге Pr. Emil Trinkler, *Afghanistan. Eine Landeskundliche Studie*. Petermans Mitteilungen. Gotha, 1928 г., а также по прекрасному очерку К. в № 1—2 «Торговля СССР с Востоком» за 1929 г.

при условии незначительных вспомогательных мер, как протаптывания снега*. Длина пути Термез-Кабул составляет 650 км. по первому варианту и 495 км. по второму варианту. Термез-Гайбак связаны дорогой, доступной для автотранспорта, за исключением песчанного участка в 15 км. на афганском берегу Аму-Дарьи. С юга же к перевалам Гиндукуша подходит шоссейная дорога, доведенная через Бамиан до подножья Каракуталя. От подножья Хавака к Чарикару идет колесная дорога. При условии пользования автотранспортом, за исключением конечно перевальных участков, путь Кабул-Советская граница сокращается до 5—6 дней, вместо 16—18 дней прежней караванной дороги.

Дорога Кабул-Джелалабад-Пешавер (278 км. до индийской границы) хорошо разработана и вполне пригодна для автодвижения. Автомобиль быстро вытесняет здесь вычужный транспорт. Строится новое шоссе, которое должно пройти долиной реки Кабула и срезать крюк между Нимлой и Будхаком.

Путь Керки-Андхой-Меймене пригоден на всем протяжении под колесо. Общая длина — 245 км. Этот путь связывает наш пограничный пункт Керки с районом Меймене.

Вторая группа (продольные пути). Здесь важнейшими направлениями являются: 1) Мешед-Герат (370 км.) — главная торговая магистраль, связывающая Афганистан с Персией. Возможно автодвижение; 2) дорога Герат-Бала-Мургаб-Меймене (380 км.), — вычужный путь связи между Гератом и Мейменинской областью; 3) дорога Андхой-Шиберган-Мазар (370 км.) — связывает Мейменинскую область с Мазар-и-Шерифом; 4) дорога Мазар-Ташкурган-Ханабад-Фейзабад (368 км.) — колесная дорога, связывающая между собой важнейшие населенные пункты Мазар-и-Шерифской и Катагано-Бадахшанской провинции; 5) дорога Герат-Обе-Доулет-Яр-Кабул, через горный массив Хезараджата, общим протяжением 746 км., исключительно вычужная, закрыта в зимние месяцы (ноябрь-апрель); 6) в отношении Хезарейской дороги, маршрут Герат-Кандагар-Кабул является обходным и в начальной своей части — Герат-Кандагар — был рассмотрен в первой группе путей. Участок Кандагар-Кабул, общим протяжением 485 км., также доступен для автодвижения и составляет важное звено во внутренних коммуникационных путях Афганистана.

Состояние путей сообщения резко подчеркивает разобщенность важнейших районов страны. Наиболее богатая ресурсами область Афганского Туркестана в течение зимних месяцев фактически отрезана от столицы. Лишь далекий путь в обход Гиндукуша связывает

* Подробности об общественной повинности «протаптывания снега» при эмире Хайбулле. См. Андреев. М. С. По этнологии Аф-на. Общество для изучения Таджикистана и народностей за его пределами. Ташкент 1927. Долина Пендира (Материалы из поездки 1926 г.), с. 6.

Герат с Кабулом в период, когда снег заваливает горный массив Хезараджата. На данном уровне производительных сил горный характер страны и мощная цепь Гиндукуша как бы разрывают Афганистан на ряд самодовляющихся районов, обособленных земледельческих оазисов. Факторами объединения служат, с одной стороны, торговля, а с другой — массовое движение скотоводов, совершающих сезонные перекочевки радиусом во много сотен километров. Считают, что свыше миллиона афганских кочевников каждый год пересекают Гиндукуш на пути к богатым пастбищам Бадгиза, Афганского Туркестана и даже недоступного Бадахшана.

НАСЕЛЕНИЕ.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

При отсутствии государственной статистики и переписи возможны лишь весьма приблизительные подсчеты, которые колеблются в пределах от 4½ до 15 миллионов. Нами принята в основу цифра русских исследователей, Аристов и Снесарева, определяющая население Афганистана в пределах от 7 до 7½ миллионов. Сюда мы вносим небольшую поправку, в связи с естественным приростом и сейчас примем число жителей Афганистана за 7½—8 миллионов*.

Афганистан представляет резко выраженное многонациональное государство. Крупнейшая национальная группа — афганцы составляют менее половины общего числа жителей (3,5 миллиона). Пестрый состав народонаселения является прямым следствием английской колониальной политики, определившей начертания афганских границ таким образом, что в состав государства-буфера на севере вошли области, населенные почти 1 млн. турков (туркмены и узбеки), более чем 1 млн. таджиков и рядом мелких иранских народностей, в то время как на юге из состава эмирата были исключены ряд районов, где патаны или афганцы составляют подавляющее большинство. Приложенная карта расселения народностей Афганистана дает представление об общих территориальных границах афганской народности (включая Индию), так же как о размещении различных национальностей и племен внутри самого Афганистана. Эта карта наглядно иллюстрирует результаты англо-русского соперничества и выявляет все трудности создания национально-буржуазного государства на такой пестрой основе. По исчислениям составителя

* 40 лет назад эмир Абдур-Рахман в своей автобиографии приводил цифру 10—12 миллионов. Имперский справочник по Индии в 1908 г. приводил цифру в 4,5—5 милл.; «Statesmen's Year-Book» за 1926 г. исчисляет население Афганистана в 12 млн. Официальное афганское издание 1926 г. в 15 млн. (учебник географии, издание министерства просвещения)

карты, Н. А. Киселева, число зарубежных афганцев, занимающих пограничную полосу Индии, равняется 4 100 000, причем в это число включены афганцы, живущие в Белуджистане. Всеиндийская перепись 1921 г. дает несколько иные данные, правда, ограниченные пределом северо-западной пограничной провинции. Здесь «вся провинция в ее нынешнем составе фактически является страной паганов (афганцев)». Эта провинция, как известно, делится на полосу независимых пограничных племен с населением в 2 825 тысяч душ на площади 25—50 тыс. кв. миль и области оседлого населения, составляющие часть Британской Индии, как округа Пешавера, Банну, Кохата, Дера-Измаил-Хан и индийской Хазары с населением в 2 251 000 душ на площади в 12 410 кв. миль. Полоса независимых племен сплошь афганская по населению и языку. В остальных областях афганцы составляют по языку 53% населения, а по национальности же причислили себя к афганцам во время переписи 39% населения, что дает нам в первом случае 3 979 000, а во втором случае 3 654 000 афганцев северо-западной пограничной провинции, считая и независимые племена. В оседлых областях афганцы составляют подавляющее количество населения: в округе Пешавера — 56%; Банну — 64%; Кохата — 48%*.

В числе афганцев за пределами сев.-зап. пограничной провинции надо различать три группы: афганские колонии внутри Индии, представляющие остатки афганской военной знати или наемных армий, игравших крупную роль в индийском средневековьи, вплоть до войн XVIII века. Такие колонии мы находим в Пенджабе, вблизи города Лудианы, который самое свое название заимствует от афганского племени Лоди и представляет сейчас как бы богадельню для знатных родов, возможных претендентов на престол, изгнанных из самого Афганистана и получающих пенсию от правительства Индии. Далее, Рохиль-Клэнд в Соединенных провинциях на левом берегу Ганга, где афганцы образовали свое самостоятельное княжество, разгромленное Ост-индской компанией лишь в конце XVIII века. И наконец, ряд местностей на юге Индии, известных под названием «Афганского Карнатика». Все эти колонии и группы, за исключением знати на английском содержании (Лудиана), никакой роли в политике не играют.

Вторую группу зарубежных афганцев представляет торговый и ростовщический капитал, выросший на давних коммерческих связях Индии и Афганистана и в частности на так называемой кочевой торговле «повинда», о чем речь будет ниже. Афганские ростовщики и торговцы считают своей истинной родиной Индию, не имеют политических и национальных связей с Афганистаном и характеризуются,

* Census of India, 1912. Vol. XIV. N. W. Frontier Province, c. 17, 200, 235.

как энергичная предпринимательская группа, охватывающая своими операциями даже отдаленную Австралию (вывоз верблюдов, торговля скотом).

Последнюю группу представляют эмигранты, спускающиеся в Индию в поисках работы и известные там под общим наименованием патанов. В число их без различия включаются: как подданные независимого Афганистана, так и горцы из пограничных племен или жители северо-западной пограничной провинции. Малая культурность и великолепные физические качества часто делают патанов орудием в руках англо-индийских капиталистов, комплекующих фабричную охрану, главным образом из патанов, на манер ингушей и кавказских горцев в царской России. «Патаны» сыграли видную роль при провокации бомбейских рабочих осенью 1928 года.

Как видно, для понимания афганской «прриденты» решающее значение имеет полоса независимых пограничных племен и оседлое население округов Пешавера, Кокхата и Банну. Кроме этой узкой полосы, искусственно оторванной от афганского государства, в самой Индии мы не находим сколько нибудь крупных групп, способных играть ту или другую самостоятельную роль в англо-афганских отношениях.

Несколько иной тип отношений складывается на севере Афганистана, где подавляющее большинство и туркмен, и узбеков живут за советским рубежом, а меньшинство — в пределах Афганистана, причем те и другие ничем не отличаются ни по языку, ни по религии, ни по экономическому укладу.

Если решающим слагаемым, определившим нынешний состав Афганистана, была империалистическая политика, то с другой стороны, Гиндукуш, подобно Кавказу с его уединенными долинами и трупобами, служил как бы гигантским изолятором для сохранения ряда древнейших народностей, вытолкнутых в его горные теснины новыми волнами пришельцев. При наличии ряда переселенческих волн, шедших через Гиндукуш, при близости самого Афганистана к Индии вопросы афганской этнографии представляют весьма спорную почву.

Население Афганистана принадлежит к трем основным группам. По классификации Эмиля Тринклера первую группу составляют иранцы в лице таджиков и афганцев (которые, однако, говорят на разных языках); вторую группу дают индо-арийцы в лице кафиров — нынешняя область Нуристана по юго-восточным скатам Гиндукуша — типичный горный изолятор, где сохранился ряд обособленных племен *

* Кафиристан, обследованный англичанином Робертсоном в 1889—91 годах, а затем Вавиловым и Букиничем в 1924 году, является, пожалуй, наименее известным уголком Афганистана. В то время как Робертсон считает

Наконец третья этническая группа — тюрко-монголы, представленная чар-аймаками, хезарейцами, узбеками и туркменами.

АФГАНЦЫ

О происхождении афганцев до сих пор идут споры. Согласно фантастической родословной, афганцы происходят в 37-м поколении по прямой линии от Саула через его внука Афгану и представляют потерянное колено Израилево, переселившееся в Афганистан после взятия Иерусалима Навуходоносором. По собственному убеждению афганцев, они являются бени-израили, т. е. семитами. Практическое значение этой родословной, как регулятора племенных отношений, лежит в той ее части, где говорится об общем родоначальнике всех афганцев, Каисе, обращенном в мусульманство при Магомете и получившем имя Абдур-Рашид и прозвище Патан, что значит «руль» или «весло». От этого Абдур-Рашида и его сыновей выводится родословная всех отдельных племен и родов и деление их на основные группы керларийцев, гургушт, ~~собранийцев~~ и гильзаев. Ряд английских ученых отнеслись к этой родословной, как к документу первой важности, и вместо того, чтобы рассматривать ее в качестве показателя родового быта, как это делает Ковалевский, считают возможным утверждать, что афганцы действительно являются одним из израильских колен (Гольдич и в особенности Белью).

Вторая теория о происхождении афганцев отнесит их к иранской ветви и указывает, что еще Геродот фиксировал в районе Сулеймановых гор племя пактианов. Сулеймановы горы, очевидно, и являются истинной родиной афганцев, откуда часть из них спустилась на северный склон, в район Газнийского плато и далее на запад — в Бандгарской низменности, в то время, как более значительные группы заняли южные скаты, нынешнюю полосу пограничных племен и долины Курама, Точи, отчасти Кабула, а также районы Свата и Пянджкора на севере. Этот процесс миграции обычно относят к периоду XIV—XV вв., когда оседлое иранское население (его остатки — это нынешние таджики) были отчасти прямо истреблены вторжением монголов при Чингисе и Тимуре, отчасти же вытеснены в более недоступные и суровые области. С другой стороны, известно, что еще при Газневидях в XI веке значительные группы афганцев были поселены в пограничной с Индией полосе и образовывали ударные отряды Махмуда Газневийского в борьбе с индийскими раджам. Еще не-

кафирские племена остатками древнейших индоарийцев, советская экспедиция пришла к заключению, что кафиры и таджики едва ли не одно и то же.

Робертсон, Кафиры Гяндукуша (есть рус. перевод); Вавилов, Земледельческий Афганистан, глава 5 ч. «Нуристан» (Кафиристан).

сколько раньше название афганцев попадает в персидских хрониках при Сабуктегине. Так или иначе, но афганцы вряд ли заняли нынешнее свое положение раньше X—XIII века. Афганская народность впитала в себя и целый ряд других. Образцом могут служить гильзаи, обафганившиеся турки, воспринявшие как язык пушту, так и кодекс чести афганцев, «пхутун-вала». О происхождении целого ряда других обафганившихся племен, как кугиане, мапгаль и джадран (район Хоста и северный скат Сефид-Кух, см. карту), до сих пор идут споры, но очевидно, дает себя знать сильная примесь ряда народностей, прошедших через Афганистан, как саки, ю-джи и гунны.

Афганский язык или пушту принадлежит к ипдо-иранской ветви. Различают два диалекта: к югу от Хейберского прохода — мягкий, пушту, к северу — твердый, пакту. Общие пределы распространения пушту — на западе Гильменд, на востоке — река Инд, на севере — Гиндукуш, на юге — Индийский океан. Такова весьма приблизительная схема, приводимая Тринклером. На самом пушту говорят главным образом кочевые афганцы. По Моргенштерну, даже дюррани, влиятельнейшее афганское племя, обучают детей на персидском языке *. Персидский же язык является официальным языком, так же как и языком городов. Афганская литература сводится главным образом к героическим балладам, описаниям клановых и племенных боев и дает близкую параллель старой шотландской балладе. Афганцы, за немногими маловажными исключениями, принадлежат к сунитскому толку ислама.

РОДОВОЙ БЫТ

Все исследователи отмечают присущий афганцам дух врожденного демократизма. Мак-Грегор, по наблюдениям Ферье, рисует нам следующие черты. В Афганистане «господствует известная простота и демократизм, вряд ли свойственный другим восточным странам. Люди, принадлежащие к низшим классам, одетые в рубище, покрытые грязью, свободно обращаются к эмиру со своими жалобами и запросами. Они входят и занимают места перед ним без всяких церемоний, прямо переходят к делу, с тем свободным и чуть нахальным видом, который так свойственен афганскому характеру. Личная свобода расцвела в Афганистане в невиданной на Востоке степени» **.

Европейский исследователь смешал здесь «личную свободу» буржуазного общества с тем духом врожденного демократизма, который выработан в афганских племенах давним господством родового быта и связанных с ним хозяйственных форм. И если афганское общество еще 70 лет тому назад можно было характеризовать словами Ферье,

* *Morgenstirne, G., Report on languages of Afghanistan. Oslo, 1926.*

** *Central Asia. Vol. II, Afghanistan, by C. M. Mac-Gregor. Calcutta, 1871, c. 59.*

то в области земельных отношений полковник Тэт (Tate) мог еще в 1910 году писать о «преобладании родовой и племенной собственности на землю в коренных афганских областях и об отсутствии в Афганистане так называемой государственной собственности на землю, с которой приходится так часто встречаться как в Индии, так и в Персии» *.

Наличие родовых отношений и их пережитков легко устанавливается по ряду признаков. К таким признакам безусловно относятся и происхождение от общего предка, причем подразделение афганских племен на четыре основные группы восходит к четырем сыновьям Кайса — Абдур-Рашида. В свою очередь эти группы распадаются — сарбанийская на 105 кланов или кхелей, керларнийская — на 108, а гуркушт на 177 (по Белью), причем опять-таки дробление на кланы связано с родословным деревом, хотя в отдельных случаях известно, что такие дробления иногда происходили и по политическим причинам **. Среди афганцев до сих пор сохранилось типичное для родового строя деление — на племя или каум; клан или кхель; род или кахлоль, и наконец, «большую семью». В ряде случаев племенное и родовое деление до сих пор преобладает над территориальными признаками; так например, в племени дюррани, где различные кланы перемешались при оседании на землю, органы управления строятся по племенному, а не территориальному типу. Племенной и родовой собственности на землю мы коснемся ниже, в связи с аграрными отношениями. Но хотелось бы отметить наличие еще в XVIII веке племенной собственности, настолько крепкой, что Ахмед-Шах, основатель афганской империи, не мог расширить территорию города Кандагара без согласия различных кланов дюрранийского племени, коллективно владевших землей по соседству; наличие даже в Афганистане 80-х годов целых племен, не только коллективно владевших землей, но и коллективно ведших хозяйство; наличие в современном Афганистане переделов земли не только между отдельными владельцами внутри деревенской общины, но и наличие переделов, при которых участками меняются целые кланы и даже племена, — так называемый «веш» ***.

В области правового уклада родовые пережитки дают себя чувствовать не только в виде кровной мести и права убежища, но и наличием соприсяжников, выступающих во всех сомнительных случаях

* Tate, G. P., The kingdom of Afghanistan. Calcutta, 1911, с. 7—8.

** Эмиры садозайской династии, опасаясь чрезмерного усиления баракзаев, выделили из этого клана ряд родов в качестве нового клана.

*** Tate; op. cit, с. 87; «Хаят-и-Афган». op. cit, с. 287 (племя ганда пур). Ковалевский М. М. Родовой быт СПб 1913. 17—19. Baden—Powell. B. H. Land system of British India VI. II. Oxford. 1892 г., с 636, 637 и дальше.

в качестве представителей рода или племени. Кодекс чести или общий обычай племени вазиров устанавливает необходимость по крайней мере 100 соприязников для всех дел, связанных с проступками против личности.

Процесс разложения родового уклада принял в Афганистане своеобразный характер, причем некоторым чертам этого уклада обнаружили чрезвычайную устойчивость. Отметим основные черты экономической среды, наложившей свой отпечаток на этот процесс. Прежде всего, сравнительная легкость соединения племенной и военной организации, причем, с одной стороны, бедные афганские нагорья, с их недостатком почвы и воды, а с другой — соблазнительная возможность внеэкономического присвоения в земледельческих равнинах Индии. Сухопутное пиратство безусловно составляло важное подспорье в экономике афганских племен, и здесь уже дана предпосылка, каким образом «родовой уклад из соединения племен для свободного вершения общественных дел становится особой организацией для грабежа и притеснения соседей; органы родового быта из исполнителей народной воли обращаются в самостоятельные органы притеснения и господства над своим же народом»*. Разложение родового быта шло и по другому руслу. До открытия в 1498 г. обходного морского пути вокруг Африки, Афганистан составлял важнейшее звено великого торгового пути, соединявшего Индию с бассейном Средиземного моря. В свою очередь, афганские скотоводческие племена, кочующие на пространных от долины Инда и равнин Дерезата и Дамана на востоке, Бадгиза и Сеистана на западе, составляли как бы естественных посредников между рынками Индии, с одной стороны, Средней Азии и Персии — с другой. Торговля и скотоводство тесно срослись между собой, и здесь уже даны предпосылки выделения крепкой имущей верхушки и разложения старого равенства, опять-таки при сохранении оболочки племенного единства.

Наконец, оседание на землю, переход к трудоемкому поливному земледелию, возникновение частной собственности на вновь орошенные земли, существовавшей наряду с племенной еще в XVIII веке, и известный процесс феодализации — вот третий путь распада родового уклада. Однако на этом пути существенным препятствием являлась нехватка земли. Как раз в южном Афганистане, с его галечниковыми почвами, процесс оседания кочевников сопряжен с крупнейшими трудностями. В ряде случаев несколько кланов того или иного племени садятся на землю, в то время, как остальные вынуждены остаться кочевниками. Иногда деление проходит не только внутри

* Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности, государства, с. 202 (сравни К ш е в и ц к и й Л. Психические расы, СПб, 1902 с. 115).

племени, но и внутри отдельных кланов. На основе истории Хаят-и-Афган, написанной по персидским источникам, выясняется ряд подобных фактов. Так, племя туртарин представляет смешанную картину: два клана — это кочевники в чистом виде, а остальные — земледельцы. Племя гандапур, с боем захватившее равнину Рори, обнаружило, что всем земли не хватит, и «после соответственных размышлений гандапуры решили, что один человек из каждой семьи сядет на землю, в то время как остальные останутся кочевниками». О племени устурани известно, что одна половина села на землю, другая — кочует. У нурзаев (деление дюрранийского племени афганцев) мы находим смешанное хозяйство: «нурзай крепко связаны с земледелием, но семьи этого клана также владеют крупнейшими стадами, перегоняемыми с места на место в зимнюю погоду. Весной клан распадается на две части — одни со скотом и детьми направляются к пастбищам гор Кух-и-Сия-Банда, в то время как другие остаются обрабатывать землю». Тарки, клан племени гильзаев группы Сулейман-кхель «насчитывают в Афганистане около 15 000 семейств, из коих $\frac{2}{3}$ являются оседлыми земледельцами, в то время как остальные, в силу нехватки земли, вынуждены остаться кочевниками». Иногда избыточное население племени вынуждено переходить от земледелия к скотоводству. Так, племя каротис, если верить автору Хаят-и-Афган, 70 лет тому назад были чистыми земледельцами, но целый ряд родов и кланов перешли к скотоводству. «Сейчас еще земледельцы каротис преобладают над скотоводами, хотя последние все время увеличиваются в числе». Равным образом острая борьба за пастбища и землю характеризует племенные отношения, причем в ряде случаев земледельческие племена, лишившиеся своей территории в силу военного поражения, предпочитали эмиграцию рабству и обращались к скотоводству. Другие племена, лишившись земли, специализировались на кочевой торговле, вступая, однако, в отношения зависимости от более сильных. В третьих случаях побежденное племя оставалось на месте, переходило на положение полурабов и арендаторов у захватчиков. Именно так произошло с коренными жителями долины Свата и Бунера после подчинения этих областей Юсафзаем*.

При таких условиях возможен целый ряд причудливых комбинаций, допускающих как соединение оседлого земледелия со скотоводством в рамках единой племенной организации и даже в рамках той же клановой организации, или же подчинения земледельцев скотоводам с тем или другим типом зависимости, иногда переходящей в феодальные отношения. Процесс этот в целом еще

* «Хаят-и-Афган», с. 287, 76, 138, 291, 66 и 182. Cp. Bellew, An Inquiry into Ethnography of Afghanistan». London, 1891, с. 127.

недостаточно изучен, и разложение афганского родового быта может составить предмет интереснейшего социологического исследования.

В условиях ожесточенной борьбы за землю, — а история афганских племенных отношений является не чем иным, как постоянной кровавой войной за пастбища и землю, — даже земледельческие племена сравнительно долго сохраняют свою племенную организацию, сросшуюся с их военной организацией — улусом. Другим обстоятельством, в известной степени замедлившим распад племенных союзов, явилась политическая организация афганского государства, строившегося до недавнего времени на подавлении не-афганцев афганцами, причем выгоды опять-таки доставались не всем афганцам, а лишь знати и некоторым племенам и кланам, близко связанным с правящим эмиром. До середины XVIII столетия таким господствующим племенем являлись гильзай, а затем дюррани, сначала в лице попользайской группы (род садозаев был правящим до 1818 г.), а затем баракзайской группы того же племени, давшей из клана Мухамедзаев всех эмиров вплоть до нынешнего Амануллы. Здесь уже политическая организация накладывается сверху на племенную и превращает отдельное племя или группу племен в опорную точку эмирской власти, сращивает племена с государственным аппаратом.

Неудивительно, что афганские условия дают не только медленный темп распада племенных и кровно-родственных союзов, но и большое разнообразие форм этого распада. Если у чисто кочевых племен скот повсеместно составляет частную собственность, а лишь пастбища — племенную, а фигура вождя, выросшая в качестве организатора массовых перекочевок, значительно усиливается в связи с его участием в торговле, то для земледельческих племен основным является вопрос о земельных наделах, и их распределении, о чем ниже. Лишь у немногих племен, главным образом, у обитателей более суровой полосы независимых пограничных племен, должность вождя остается выборной. У гильзаев вождь назначается эмиром. У дюрраниев вождь выборный, но лишь из состава определенного рода, являющегося «ханским родом племени». Во многих случаях должность вождя наследственно закреплена в одной какой-нибудь семье. Повсюду, как у скотоводческих, так и у земледельческих племен, имеются неравноправные чужаки, терпимые в качестве вассалов «хамсая» или полурабов. Такие хамсая не имеют права голоса на племенном совете или джирге, не имеют права на земельный надел и часто облагаются дополнительными поборами в пользу племени или хана. Все афганцы одинаково связаны кодексом чести — пухтун-вала, который сводится к трем основным правилам — 1) право убежища, предоставляемого даже смертельному врагу, причем, однако, переход порога дома или пограничной черты освобождает хозяина от всяких обязательств в отношении гостя; 2) обязанность кровной мести, которая переходит от отца к сыну, до пятого положе-

ния; 3) обязанность гостеприимства, причем в афганских деревнях часто имеется особое помещение, — худжра — отводимое гостям или путникам.

Судебной инстанцией, так же, как и органом управления, являются с одной стороны совет старейшин (джирга), а с другой — хан или малик. У первобытных вазиров хан ни властью, ни влиянием не пользуется. «Даже в племенном совете его мнение не имеет ни цены, ни веса. В своем собственном клане он не имеет власти, разве когда выбран третейским судьей; но и в таких случаях малик предпочитает отклонить эту сомнительную честь, боясь мести одной из сторон. Дело малика — оповещать о решениях, принятых советом племенных старейшин и приводить их в исполнение. С войной он также не связан. Это дело особых выборных начальников, так называемых цаль-меш-таяп. Единственная привилегия малика у вазиров — это право на двойную порцию баранины при угощении» («Хаят-и-Афган», с. 251).

Далеко не так обстоит дело у других афганских племен. В княжествах Свата, Дира и Бунера малики с английской помощью и поддержкой превратились в подлинных корошков, произвольно накладывают налоги, имеющих право жизни и смерти над своими подданными. У момандов и у дюрраниев власть хана в известных случаях конкурирует с властью джирги. У дюрраниев хан является единственным военным начальником, а судьей в тех случаях, когда тяжущиеся сами обратятся к нему, по тем или иным причинам избегая суда старейшин. У кочевых племен должность хана и военный начальник совпадает, хотя иногда избирают особых должностных лиц, так называемых цальвешти, как ответственных за организацию перекочевков.

О племенных ханах тюркских племен чар-аймак, Белью утверждает, что они абсолютные государи, а их соплеменники — бесправные подданные, над которыми они творят суд и расправу*. С другой стороны, великолепной иллюстрацией старого родового права может служить так называемый общий обычай вазиров «да-вазиро-нарк», установленный около 300 лет тому назад, в связи с столкновением двух кланов из-за женщины, но сохранивший свою силу и сейчас. Как сообщает предание, кодекс был составлен родовыми старейшими и получил единодушное одобрение всего племени. Кодекс делится на три основные части, связанные с проступком против личности, против имущества и положением женщины.

1. Проступки против личности регулируются кровной мстью, по общему правилу — жизнь за жизнь. Но пока жив обидчик, мсть нельзя перенести на его сыновей или родственников. Женщина не включена в число кровников. Размер виры (выкупа) — 1 200 рупий

* Bellew, op. cit, с. 48.

за мужчину, 600 рупий за женщину. Во всех сомнительных случаях, когда убийство не доказано или заподозренный отрицает свою вину, его невинность должны подтвердить 100 соприсяжников. Число их снижается до 50, если обвиняют женщину. Имеется и соответственная такса за ранение. Между маликом и простым членом племени разница не проводится.

2. Проступки против имущества. Грабеж вызывает соответственные репрессии — забала (угон скота). Можно, однако, пойти и на мировую. Для этого нужно восстановить пограбленное, обещать 18 женщин в жены потерпевшему, причем 9 из них должны быть переданы немедленно, а 9 — в зависимости от рождения детей жепского пола в семье обидчика. Здесь женщины-невесты служат фиктивной единицей расчета, по 33 рупии за немедленно передаваемых и по 25 рупий за ожидаемых в будущем.

Воровство. Возможен или путь репрессий — нападение потерпевшего на дом или собственность обидчика, или же мировая, на тех же основах, как и в случаях грабежа.

3. Положение женщины. Женитьба без согласия сородичей приравнивается адюльтеру и карается смертью. Опекуном женщины является отец, брат или дядя. Вдова становится собственностью рода мужа и переходит по наследству к брату мужа или к его сыну. Если брак не состоится по причине смерти жениха, то тем не менее невеста почитается частью наследства. В случае адюльтера на мужа и сородичах лежит обязанность покарать смертью и жену и любовника. Если любовник ускользнет, между тем, как женщина будет убита мужем или его родственником, то на обязанности родственников жепы лежит долг кровной мести против мужа и его рода, как за простое убийство («Хаят-и-Афган», с. 238—244. Сравни также Mac Gregor op. cit, где приведен афганский кодекс Nang-i Pukhuna, с. 182).

ВАЖНЕЙШИЕ АФГАНСКИЕ ПЛЕМЕНА

Список основных племен, их численность и районы расселения даны на этнографической карте и приложенных к ней таблицах. В тексте мы ограничимся характеристикой лишь групп дюрраниев, гильзаев и некоторых отдельных племен области Хоста и района Сефид-Куха, сыгравших крупнейшую роль в последних событиях. Дюррани представляют самое многочисленное афганское племя (полтора миллиона человек), связанное больше с земледелием, меньше со скотоводством и занимающее обширный район, начиная западной частью Газнийского плато, где дюррани граничат с гильзаями, и распространяющееся на всю область Кандагар, большую часть равнинной полосы (районы Ферраха и Сабзевара), с основными земледельческими поселениями по долинам Гильманда, Тарнака и Аргендаба.

Племя дюрраниев образует отдельные группы и дальше на север; в районе Балха имеются 10 000 семей, принадлежащих к клану исакзаев. Некоторые дюрранийские племена кочуют по Мейменинской области. В Гератской области также имеется значительная прослойка дюррани.

— Дюррани делятся на две основные группы — зирак и панджпай. К группе зирак принадлежат кланы попальзаев, алькозаев и баракзаев. Как указывалось, садовайский род клана попальзаев был правящим в Афганистане до 1818 г., удержавшись в Герате до 1841 г. Основатель Афганской империи, Ахмед-шах Дюррани или Абдали (так раньше звали дюрраниев) принадлежал именно к садоваим. Возвышение же Дост-Магомета означало вместе с тем торжество баракзаев, и в руках этого клана афганский престол остался до 1929 г. На примере дюррани, являвшихся как бы основой власти Кабульского эмира, легко проследить сращение племенной и военной организации.

«Устройство племени дюррани», — пишет Мак-Грегор, — «резко отличается от других племен, хотя очевидно и те, и другие имели прежде общий уклад». Причина этой разницы лежит в тесной связи дюррани с эмиратом и «в наделе земель под условием военной службы. Эмир Кабула является племенным вождем дюррани, а также их военным начальником. Землю дюррани держат под условием военной службы, выставляя определенное количество всадников с определенного количества плугов» *. Командующие конницей являются и главой гражданской администрации, причем военная и племенная организация были совмещены таким образом, что военный округ или улус совпал с родовым или клановым делением. Вместе с тем, наследственные вожди племен были превращены в офицеров, а вожди кланов — в офицеров низших ступеней, причем каждый хан или малик командовал своей частью племени. Организация этого типа в несколько видоизмененной форме дожила до наших дней.

Из кланов дюрранийского племени, в значительной степени связанных со скотоводством, отмечаются нурзай — к западу и северо-западу от Кандагара, и исакзай — тоже к западу от Кандагара, по пескам берегов Аргендаба, а также в Гармсере, в Феррахе и Сабзеваре.

Гильзай, общей численностью в 1 100 000 человек, являются важнейшим племенем на северном скате Сувеймановых гор, в то время как на южном скате, обращенном к Индии, такую же роль играют вазиры. Гильзай занимают Газнейское плато, вплоть до подножий Хезараджата, граничат на западе с дюрраниями и узким язычком доходит на северо-востоке до самой Кабульской долины и

* Mac-Gregor, op. cit, с. 61—63.

дороги, соединяющей Кабул с Пешавером. Гильзаи, так же как и дюрраи, в большей степени земледельцы, в меньшей степени скотоводы. Но земли не хватает. Крупнейший клан гильзаев, сулеймап-кхель, до сих пор ведет полукочевой образ жизни, спускаясь в зимние месяцы со скотом в долины Индостана. Полукочевниками также является клан тарки. Кочевые гильзаи заходят далеко — па север. Гильзайские племена отмечаются и в Мейминской области и даже в Бадахшано-Катагане, где их зимней стоянкой является устье Кундуза. Гильзаи — турки по происхождению, но совершенно обфганившиеся. Гильзайское племя (хильджи) играло крупную роль при Газневидских султанах, но сильно пострадало во время монгольских вторжений. К началу XVIII столетия гильзаи оправились, руководители национальной борьбы против персов, занимавших Кандагар, посадили даже своего шаха на персидский престол в Исфагани, но были разгромлены Надир-шахом, широко использовавшим антагонизм дюрраниев и гильзаев. Гильзаи лишились части земли, некоторые из них были выселены в Персию, другие — обращены в зависимое от дюрраниев положение. Сепаратизм гильзаев, их недовольство дюрранийской властью — проявлялось в ряде восстаний, но в конце XIX столетия гильзаев окончательно сломил эмир Абдур-Рахман-хан. Гильзаи сейчас не имеют общеплеменных ханов и даже малики в отдельных группах и кланах назначаются Кабулом. При обширности территории, занятой гильзаями, сравнительно резком делении на скотоводов и земледельцев и отсутствии сильной племенной аристократии, на гильзайских крестьянах и скотоводах не так силен отпечаток племенного единства и племенной «общности интересов».

Важнейшими делениями гильзайских племен являются: кланы Хотак, между Кандагаром и Келат-и-Гильзаи (бывший царский клан гильзаев); клан Токи, занимающий район Келат-и-Гильзаи, отчасти долину Аргендаба, ближе к Хезараджату, и наконец, клан сулеймап-кхель, самый воинственный и самый многочисленный, занимает области Катаваза, отчасти Зурмата, Гандамака, Сурх-рода, в восточном Логаре, район Альтимура и т. д. Клан Хотак и Токи объединяются в группу туран, к группе же брахим, кроме отмеченного клана сулеймап-кхель, принадлежат Али-хель, Ака-хель, Сахур и Андар-тарки.

Кугиане и шинвари, сыгравшие столь заметную роль в восстании 1928 г., занимают северный скат хребта Сефид-Кух, нависающего над путем Кабул-Пешавер. Оба эти племена занимают территорию, бедную естественными ресурсами, где земледелие возможно лишь по отдельным террасам и скатам, среди неприступных скал. Многие шинвари не имеют даже домов и ютятся в пещерах. Чрезвычайно крупную роль для этих племен играют отхожие промыслы, и в частности, обслуживание вьючного транспорта между

Индией и Кабулом. Всендийская перепись 1921 г. отмечает, что шинвари «тесно связаны со всей организацией въючной торговли между Пешавером и Кабулом» («Перепись», т. XIV, с. 252). На этом же факте останавливается и английский исследователь Оливер. «Шинвари, известные под названием лоргайских, занимаются в значительной мере перевозкой грузов между Пешавером и Кабулом», причем он дает им аттестацию «очень хорошего поведения». (E. E. Oliver, Across the Bordar or Pathan and Biloch, London 1890, с. 209).

Племена джадран и мангаль, известные по восстанию в Хосте 1924/25 г., представляют по преимуществу племена горных земледельцев. Джадран, общей численностью в 70 тыс. человек, занимают лесную полосу, ограниченную с запада долиной Хоста и районом Зурмата, а к северу районом племени мангаль. Земли очень мало. Крестьяне прибегают к искусственному наращиванию почвы. Джадран вынуждены прибегать к отхожим промыслам и в качестве землекопов и чернорабочих нанимаются целыми артелями в Индию. Каждый клан имеет влиятельного малика, «чье влияние диктует волю племени». Племя джадран обычно не причисляется к афганцам. Белью говорит о них: «Джадран свободный народ и не считаются афганцами». (Bellew, op. cit, с. 110).

Мангаль (100 тыс. чел.), частью земледельцы, частью скотоводы, занимают плодородную долину Чамкани и горы к западу, вплоть до границ области Зурмат. Они «частью земледельцы, частью скотоводы, все более или менее независимы и склонны к грабежу». (Bellew, с. 99).

Недостаток места вынуждает нас отказаться от обзора важнейших племен пограничной полосы, хотя их список с краткой характеристикой дан в таблице, сопровождающей этнографическую карту. Во многих случаях политическая граница между Индией и Афганистаном, так называемая линия Дюрранда, разрезает на две части родственные племена. Так, моманды (к северу от Хейберского прохода), тури (долина Курама), вазиры и в меньшей степени гильзаи частью находятся в англо-индийском подданстве, частью в афганском.

Из афганских племен, принимавших участие в восстании 1928/29 г., на первом месте стоят кугиане и шинвари, что помимо общих причин связано с падением роли въючного транспорта и стеснениями кочевой торговли при режиме Амануллы. Гильзаи стремились возможно дольше сохранить нейтралитет, при слабых попытках отдельных вождей обосновать самостоятельное гильзайское государство. Дюррани в общем поддерживали падишаха Аманулла, но в достаточной мере слабо и нерешительно. Мангаль и джадран, подавленные правительственным террором, после разгрома Хостинского восстания, в событиях 1928/29 года активного участия не принимали.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА

Кроме спорных кафиров пацменьшинства принадлежат к двум основным расовым группам иранцев и тюрко-монголов. Если в политической жизни решающая роль принадлежала афганским племенам, составлявшим ядро армии и давшим верхушку административного аппарата, то в экономике более существенное значение имеют национальные меньшинства, занимающие наиболее богатые ресурсами области страны — ее север и северо-запад.

Т а д ж и к и. Таджики представляют остатки коренного иранского населения, занимавшего когда-то не только нынешний Афганистан, но и равнины Средней Азии. Под влиянием ряда вторжений и этнических передвижек таджики оказались вытесненными с насиженных мест и занимают сейчас нагорную часть Афганского Туркестана, составляют большинство населения Катагано-Бадахшанской провинции, а также Гератской долины, где крестьянство сплошь таджикское, и, наконец, удержались в ряде долин по южному скату Гиндукуша, как в долинах Пендшира и Горбенда, отчасти в долине Чарикара и даже Кабула. Отмечается присутствие таджиков и южнее, в районах, занятых дюраниями и гильзаями. Здесь таджики известны под названием дехкане или дикхане и сведены к положению арендаторов афганских земель. Общая численность таджиков определяется в полтора миллиона, хотя эта цифра, возможно, преуменьшена. Таджики говорят на персидском языке и потому их иногда называют парсиванами. По мнению проф. Андреева, персидский язык не является основным языком таджиков, а лишь наложен на более древних наречиях таджикского народа. Горные таджики или, как их называют, гальча, живут обособленными группами, и среди них в ходу отдельные местные наречия, как ваханское, шугнанское, сарыкольское, зебакское, муджанское, агнобское и некоторые другие.

В отличие от остальных народностей Афганистана, таджики являются преимущественно, если не исключительно, земледельцами. И если равнинным таджикам свойственна известная податливость и покорность, сложившаяся в результате многих веков национального гнета, то горные таджики уединенных земледельческих долин сохранили крепкий дух самостоятельности и представляют сильные и выносливые племена, не уступающие афганцам по своим боевым качествам. Во время басмаческого движения в Средней Азии именно горные таджики, в известной части своей шедшие с басмачами, были наиболее трудным противником.

По религии таджики принадлежат к суннитам, но по мере удаления на северо-восток все большее значение приобретает секта измаелитов (маулеви или агахани, как их зовут в Афганистане), связанная с почитанием «живого бога» Ага-хана, получающего в Бомбее десятину

с дохода всех измаелитов. Среди таджиков, вообще говоря, сильна власть духовенства, представленного последственными группами пиров или ишанов.

Таджикское крестьянство, и в частности крестьянство Кугистанского района, играло выдающуюся роль в восстании 1928/29 г.

Узбеки занимают среднюю часть Северного Афганистана, а именно, районы Меймене, Мазар-и-Шерифа, Балха, Хульма, Ханабда, Таш-Кургана и Кундуза. Узбеки, общей численностью около 500 000 человек, представляют потомков недавних тюркских завоевателей (XIII—XVII века), удержавшихся в Средней Азии на положении господствующей национальности до колониального внедрения русских. Узбеки — земледельцы и скотоводы, но не имеют племенной организации и управляются афганскими чиновниками, в значительной мере упразднившими власть старых беков и знати. Узбеки — мусульмане сунниты, говорят на узбекском языке и по всему своему облику и укладу напоминают своих сородичей в советской Средней Азии, объединенных в Узбекской ССР.

Туркмены представлены в Афганистане племенами сарыков, салоров, эрсаринцев и теке, занимающих приграничный равнинно-степной район Северного Афганистана, примыкающий к советской границе между Кушкой и Керками. Туркмены главным образом кочевники, занятые отчасти разведением каракулевых овец, наиболее ценного экспортного сырья Афганистана, в меньшей степени земледельцы. Важное значение имеют ковровые промыслы. Язык — туркменский, по религии — сунниты.

Хезарейцы — племена монгольского происхождения, занявшие центральное нагорье Афганистана в XIII—XV вв. после вторжений Чингиса и Тимура. Еще при Бабуре (XVI столетия) хезарейцы говорили на монгольском языке, сейчас — на персидском. Район расселения хезарейцев А. Е. Снесарев определяет следующим образом: «Восточная граница этой площади лежит на меридиане перевала Унаун; западная — на меридиане, прилежащем между Мургабом и Меймене. Северная граница пролегает несколько южнее широтного колена хребта Банд-и-Туркестан, а южная — почти совпадает с параллелью города Газни. Восточную часть этой большой площади занимает хезара, а западную — аймаки; где пролегает разделяющая линия, нет определенных указаний»*. Хезарейцы в громадном большинстве горные земледельцы, хотя отдельные группы скотоводов заходят далеко на восток в Бадахшане. Хезарейцы шииты по религии, хотя Снесарев утверждает, что они главным образом измаелиты. Хезарейское крестьянство жестоко страдает от периодических движений афганских

* Снесарев, А. Е., Афганистан, Москва, 1921, с. 123.

скотоводов, пересекающих Гиндукуш на своем пути к пастбищам севера, вытаптывающих и вредящих посевам.

Ч а р - а й м а к и — название, присвоенное четырем племенам ирано-тюркского и тюрко-монгольского происхождения. Из них фирюз-кухи являются наиболее резко выраженными иранцами. Чар-аймаки говорят по персидски, хотя с большой примесью тюркских слов. Среди этих племен ханы пользуются деспотической властью. Аймаки в подавляющем большинстве кочевники. По религии — мусульмане-сунниты.

Национальный вопрос будет рассматриваться нами в особой главе, в связи с классовой структурой и классовыми противоречиями Афганистана. Но здесь хотелось бы отметить некоторые причины антагонизмов, неизбежно принимающие оболочку племенной и расовой борьбы. Интересы афганского кочевника, противостоящие интересам хезарейского или таджикского землевладельца, при периодических столкновениях между скотоводами и крестьянством указанных областей прежде всего выражаются в расовой вражде. К этому присоединяется ожесточенная борьба отдельных кочевых племен за пастбища и выгоны, достигающая порой большого напряжения в степных районах северного Афганистана, куда направляется сильный приток афганского населения. Если учесть то обстоятельство, что помещичий класс и высшее чиновничество представлены главным образом афганцами и что до реформ Аманулли афганцы вообще находились на положении привилегированной национальности, то становится понятным острый характер национальных противоречий в Афганистане.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЭКОНОМИКА

Экономический строй современного Афганистана можно характеризовать, как переходный период разложения замкнутого районного оазисного хозяйства под напором новых денежных, а отчасти уже капиталистических отношений.

Понятие районно-оазисного хозяйства, установленное сначала немецким ученым Гартманом, а затем переработанное на марксистской основе Сафаровым в его «Проблемах Востока», выдвигает на первое место своеобразное сочетание и взаимодействие оседлого, поливного земледелия с экстенсивным скотоводством в ряде стран Ближнего Востока. Наличие с одной стороны отдельных полос и впадин оазисного земледелия, а с другой — обширных районов, полу-степи, полупустыни, где возможно лишь весьма примитивное скотоводство, про-

водит довольно резкую черту деления между оседлым и кочевым населением, между земледельцами и скотоводами. На определенной ступени экономического развития возникает и более или менее интенсивный обмен между земледельческими и скотоводческими областями, причем в роли посредника выступает городской базар или рынок. Обмен, где с одной стороны фигурирует шерсть, изделия из кожи и другие продукты скотоводства, а с другой — ремесленные изделия и хлеб, довольно рано принимает денежную форму, и таким образом районно-оазисное хозяйство нельзя назвать исключительно натуральным. Самый объем областей экстенсивного скотоводства, тяготеющий к тому или иному оазисному центру, предопределен естественно-географическими условиями, хотя скотоводы, с их обширным радиусом передвижения, выступают иногда и в качестве посредников между удаленными областями, но обмен этот в условиях вьючного транспорта, разумеется, не может иметь массового характера. Таким образом, районно-оазисное хозяйство допускает отношения обмена лишь в ограниченных рамках, все сводится к перераспределению внутри определенного района, сохраняющего замкнутый и неподвижный характер в отношении других частей страны. Никакого национального рынка нет, каждая область имеет самодостаточный характер и весь строй экономических отношений характеризуется косностью и консервативностью. Городское ремесло достигает известного развития, отделяется от земледелия и работает уже не на отдельного заказчика, но на рынок, понимаемый опять-таки с ограничениями, наложенными всем характером районно-оазисного хозяйства.

Теория районно-оазисного хозяйства грешит двухсторонним схематизмом. С одной стороны, она пытается охватить слишком широкие территориальные пределы, зачисляя в один и тот же разряд Востока области, резко отличные по своей экономической структуре, всему типу хозяйственных отношений. С другой стороны, в известной мере потеряна историческая перспектива, и «неподвижный, косный Восток» выступает в качестве некоей данной величины, поставленной как бы за скобки процесса исторического развития, подверженной лишь второстепенным и в общем несущественным изменениям. Конечно, это не так. Открытие и падение торговых путей, захват власти торговым капиталом, восстания ремесленников и городской бедноты, различные стадии в феодальных отношениях — дают громадное разнообразие динамических процессов, которые нельзя исчерпать голой схемой районно-оазисного хозяйства. Вполне очевидно, что само это хозяйство, подобно азиатскому способу производства, выдвинутого Марксом с основным ударением на Индию, прошло через ряд стадий, подъемов и падений, прежде чем окостенеть в тех застойных формах, какие прежде всего объясняются общим упадком в Афганистана, в Персии, и Средней Азии после победы морских путей над старой

сухопутной магистралью индо-европейской и китай-европейской торговли. С этими поправками теория районно-оазисного хозяйства может быть принята, как ценное орудие понимания афганской экономики последних двух столетий.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Сельское хозяйство Афганистана, дающее пропитание от 60 до 70% населения, подразделено Вавиловым и Букиничем на ряд отдельных типов и районов, существенно различных между собой*, а именно: высокогорное земледелие (выше 2 600 метров); нагорья 1 600—2 000 метров; оазисы Кандагара, Герата, Северного Афганистана; экстенсивное, богарное земледелие Северного Афганистана. В высоких узких долинах Бадахшана, Кафиристана, Хезараджата, поднятых на общую высоту свыше 2 600 м., расположены специфические районы горного земледелия. Слабость почвенного покрова, преобладание поливных посевов над неполивными, преобладание культур ярового ячменя и лишь отчасти пшеницы, хорошо разработанная система мелкого орошения, построенного, главным образом, на использовании горных источников и текущих вод, дает картину расселения отдельными деревеньками и даже домами, общую изолированность жителей от внешнего мира, неслыханную остроту в борьбе за существование. Почву приходится искусственно наращивать, обрабатываемая площадь часто ограничена крошечными террасками по несколько десятков метров, продовольствия не хватает и основным ресурсом питания часто становится культура тута. Свежие тутовые ягоды, а затем сушеный и вяленый тут в продолжение многих месяцев составляют пищу горных таджиков даже в таких областях, как долина Пендшира. В некоторых областях Бадахшана не хватает корма для скота, и далеко не все области горного Афганистана характеризуются обилием подножных кормов, обычно им приписываемого. Горное земледелие почти исключительно оседлое земледелие, но недостаток продовольственных ресурсов приводит с одной стороны к отхожим промыслам, а с другой — к переходу целых племен или части их к скотоводству с его кочевым бытом. Необходимо отказаться от предвзятой мысли, что обязателен лишь переход от скотоводства к земледелию и что абсолютно исключена возможность известного рецидива скотоводства на почве специфических экономических условий.

Как видно, замкнутые горные изоляторы Кафиристана, горного Бадахшана и в меньшей части Хезараджата, отрезанные в продолжение многих сотен лет от общения с окружающим миром, должны быть исключены из общей системы отношений районно-оазисного хозяйства, как отдельные самодовляющие единицы. Вовлечение их в общую экономическую жизнь страны зависит от направления торговых путей.

И если долина Пендшира, лежащая на торном пути из Кабула в Афганский Туркестан, является сейчас центром ряда кустарных производств, и пендширская самотканка «карбаса» славится на весь Афганистан, то горные районы Кафиристана были впервые открыты Робертсоном лишь в конце XIX столетия, а по наблюдениям Вавилова и Букинича кафиры еще в 1926 году жили настолько изолированно, что нельзя было даже найти проводников от селения к селению, а тем более из долины в долину.

Переходную ступень от высокогорного земледелия к районам подлинной оазисной культуры, как Кандагар, Герат и Кундуз, составляют сравнительно широкие открытые долины Кабула и Чарикара, а также Газнийское плато. Здесь к культуре яровой поливной пшеницы присоединяется и пшеница озимая. Кое-где возможна даже культура хлопчатника; крупное значение имеют бобовые, а также кукуруза (район Кабула). Земледелие почти исключительно поливное — отводом воды небольшими каналами по долинам Кабула, Логара, Горбенда и т. д.; кяризами — подземными водосборными галлереями, в районе Газнийского плато. Почва также бедна, как и в высокогорных районах, но дает себя знать многовековая работа человека, сумевшего создать в полном смысле слова новый искусственный почвенный покров. При бедности почвы обязательным является внесение искусственных удобрений и известная последовательность культур, соблюдаемая не везде и всегда в тех же формах, но все же приближающаяся к севообороту. Преобладает полеводство, хотя в отдельных пригородных районах полеводство и промысловое огородничество, с его интенсивной грядковой культурой, играет крупную роль (долина Чарикара).

И если в оазисных районах Герата и Джелалабада почти вся обрабатываемая площадь дает двойной, а в редких случаях и тройной урожай, то здесь двойной урожай является исключением, преобладающую же роль имеет монокультура, т. е. на одном и том же поле возделывается не более одного растения в год*.

Из всего характера обрисованного нами сравнительно интенсивного и трудоемкого земледелия вытекает и значительная густота населения, и оседлость его, прочная связь с землей.

Еще на более высокой ступени стоят оазисы Герата, Кандагара, Джелалабада, а на севере — районов Кундуза с его рисовой культурой. Гератский оазис Вавилов сравнивает с городом-полем или городом-

* Днепровский определяет урожайность поливной пшеницы в 150 пуд. с десятины в районе Гератского оазиса. Вавилов, по аналогии с советской Средней Азией определяет урожайность в пределах от 35 до 50 пуд. пшеницы с десятины. Для районов поливного земледелия он считает возможным не сколько поднять эту оценку. Днепровский, Хозяйство Гератской области Афганистана, ВСНХ, Главхлопком, Библиотека хлопкового дела, том X. Москва, 1928, с. 183. Вавилов, цит. соч., с. 220.

садом. Деревни следуют одна за другой, каждый свободный клочок земли использован, и вся система земледелия строится на 9 основных каналах, отведенных из реки Герируда. Днепровский в своем истощающем труде дает следующую картину соотношения культур первичного и вторичного посева в Гератском оазисе.

Посевные площади Гератской долины

Первичный посев (в процентах)		Вторичный посев (в процентах)	
Пшеница	32,50	Пар	13,00
Ячмень	20,50	Джугара	2,50
Перс. клевер	8,50	Просо	3,50
Мак	16,00	Рис	23,50
Люцерна	13,50	Хлопок	15,00
Багли	5,50	Табак	4,50
Бахча	2,00	Мачи	8,00
Огороды	1,50	Бахча	6,00
		Горох	3,00
		Огороды	2,00
		Маслян. семена . .	4,50
		Люцерна	13,50

Из характера возделываемых растений, при крупной роли, занимаемой хлопком, бобовыми, люцерной, бахчами и огородами, выясняется общий облик весьма интенсивного сельского хозяйства. При оазисном земледелии не только необходимо искусственное орошение почв, но и постоянное внесение удобрений. Скотский навоз тщательно собирается детьми, даже на улицах, в особые корзинки; устраиваются особые голубятни для сбора птичьего помета. Широко применяются и различные виды земляного удобрения. При среднем размере крестьянского надела в 3—4 джериба (1 джериб равен $\frac{1}{10}$ части десятины) земледелие афганских оазисов не должно уступать интенсивности японского или китайского земледелия. «Учитывая огромные затраты труда на мелиорацию, сбор удобрения руками, ирригацию, усложненную дробным владением, множество полевых и огородных культур, наличие трудоемких культур, как хлопчатник и рис, люцерна — число рабочих дней на единицу площади здесь должно быть исключительно велико, да и самый труд требует постоянного напряжения и внимания. Высокий урожай, благодаря обильному поливу, возможность

двух культур в год, и наконец, самое разнообразие их делает хозяйство Гератского оазиса устойчивым». (Вавилов и Букин и ч., Земледельческий Афганистан, с. 97).

Кандагарский оазис, возникший по берегам пяти каналов, отведенных от реки Аргендаба, носит несколько другой характер, в силу значительного развития плодоводства (более каменистые почвы, меньшая площадь). Возделываются гранаты, айва, виноград, персики. Свежие и сушеные фрукты имеют готовый рынок сбыта в Индии. Джелалабадский оазис при плодородии почвы, большом количестве осадков, более открытом характере Джелалабадской низменности привел к развитию более обеспеченного, но в то же время и более экстенсивного типа хозяйства.

На северном Афганистане, кроме Герата, крупнейшее значение имеет район поливных рисовых культур по долине Кундуза.

Другой тип отношений, или вернее, другой тип хозяйства дают северные районы лессовидных почв по скатам и увалам Афганского Туркестана. Здесь преобладает богара, т. е. хозяйствование ведется в расчете лишь на естественное орошение, и земледелие целым рядом ступеней соединяется с скотоводством. Неглубокая случайная вспашка, иногда случайные посевы, иногда же переложная система, которую в конце концов сменяет двухполье, дает в общем картину экстенсивного хозяйства на сравнительно широких полустепных просторах. Исследователь северного Афганистана, в продолжение нескольких лет проживший в Мейменинском, а затем в Мазар-и-Шерифском районе, дает следующую характеристику местному земледелию: «Обработка земли самая варварская, поглощающая массу лишнего человеческого труда. Ничтожна площадь технических и бобовых растений, характеризующая своими размерами степень культурности полеводства. Господствует пшеница, на втором месте ячмень. Хозяйство трехпольное и чаще двухпольное. После пшеницы и ячменя поле год остается под паром или засеивается дынями, арбузами, кунжутом и зягирем (лен)». (Монич, Афганский Туркестан, журн. «Новый Восток», № 16—17).

Наш основной источник — экспедиция Вавилова и Букин и ч. — характеризует эти районы, как место «наибольшего сосредоточения полуседлого населения. Возможность основывать земледелие на богарных посевах заставляет вести полукочевой образ жизни внутри района. К этому принуждает необходимость в заложной системе и стремление более равномерно стравливать выпасы по временам года. Поэтому приходилось наблюдать своеобразный тип кочующих поселков, представляющих собой периодически забрасываемые стоянки, в которых признаками жилья служат лишь оставленные глиняные кормушки и две-три глинобитные мазанки» («Земледельческий Афганистан», с. 55).

Афганский Туркестан нельзя, конечно, рисовать себе, как область исключительно скотоводческую или лишь примитивно земледельческую. Сводная таблица площадей обрабатываемой земли в Афганистане указывает на наличие обширных орошенных площадей в бассейне Мургаба, Балха, Хульма и в особенности Кундуза, общей площадью 200 тыс. гектаров, что почти вдвое превышает площадь поливных земель южного Афганистана, исключая Герат. Но в то время как на юге богара достигает ничтожных размеров 70 тыс. гект., север располагает фондом почти полумиллиона гектаров богары. В основном сельское хозяйство к югу от Гиндукуша исключительно зависит от искусственного орошения, в то время как на севере интенсивное хозяйство оазисного земледелия рядом градаций и ступеней связано с обширными пространствами богарного земледелия. Будущее земледельческого Афганистана безусловно лежит на севере, где с одной стороны возможно освоение новых, еще незатронутых районов, а с другой стороны — современная техника сможет использовать значительные, хотя и не чрезмерные запасы воды для расширения существующих интенсивных оазисов. В особенности это относится к району Кундуза, где, по исчислениям экспедиции Вавилова, возможно расширить ирригационную сеть почти на 100 тыс. гектаров (см. сл. стр.).

Советские исследователи отвергли установившуюся со слов ранних английских путешественников оценку афганской ирригации, как высоко совершенной*. По мнению Вавилова, Днепровского и Монича, афганские оросительные сооружения хотя и дают весьма отличный образец хорошо разработанной системы мелкого местного орошения (ручьи, маленькие каналы), но в общем отличаются примитивностью и неспособны обеспечить сколько-нибудь крупные инженерные постройки, могущие идти в сравнение с Индией или Египтом. Сооружения главным образом земляные, с примитивными подпорками из дерева. Единственным памятником старого инженерного искусства служит арочный мост около Герата, остаток эпохи Саманидов. Кяризная система заимствована из Персий и менее разработана в сравнении с Персией или даже нашей Туркмений. Ирригация, как таковая, не требовала здесь мощного регулирующего вмешательства государства, и из основ централизованной азиатской деспотии, указанных Марксом, — оросительная система, внутренний грабег (налоги) и внешний грабег (война), — на долю Афганистана остались два последних момента, с особенным ударением на войне, что стояло в связи с борьбой за великие пути торговли.

Орудия афганского земледелия (за подробностями отсылаем к превосходной главе в книге академика Вавилова, дающей историю

* Сравни Wood Journey to the sources of the river Oxus. London. 1841 г., с. 108.

Сводная схематическая таблица приблизительной площади орошаемых и богарных земель в Афганистане

Р а й о н ы	Фактическая площадь орошае- мых земель	Приблизитель- ная фактическая площадь богар- ных земель
А. Южный Афганистан		
а) Бассейн р. Кабула		
1. Прикабульский район. Мелике истоки и долины Логара и Пендшира (Лягман)	около 20.000	—
2. Джелалабадский район. Долины Кунара, Алингара, Сурхаба и Кабула, Джелалабада	» 25.000	—
б) Бассейн притоков Ипда	» 3.000	—
в) Газнийский бассейн (бассейн озера Аб-и-Стада)	» 3.000	—
г) Гильмендский бассейн		
1. Келатский район (долина Тарнака)	» 10.000	—
2. Долина Аргестана	» 5.000	—
3. Долина Каданая	» 2.000	—
4. Бассейн Аргендаба	» 10.000	—
5. Кандагарский оазис ниже Кандагара до слияния с Гильмендом	» 10.000	—
6. Долина Гильменда	» 20.000	около 37.000
д) Фарахский бассейн (Фарах-Руд)	» 10.000	» 20.000
е) Бассейн озера Хамун-и-Саварат	» 5.000	—
ж) Бассейн Адраскенда, орошающего Сабзеварский оазис.	» 10.000	» 10.000
Итого в южном Афганистане .	133.000	67.000
Округляя	130.000	70.000
Б. Северный Афганистан		
а) Бассейн Герируда (в пред. Афганистана)	около 70.000	около 60.000
б) » Мургаба (» » »)	» 10.000	» 100.000
в) » Аб-и-Кейсар (Андхой)	» 15.000	» 30.000
г) » Сар-и-Пуль-Аб	» 15.000	» 40.000
д) » Балха (включ. Ахча)	» 45.000	» 50.000
е) » Хулама (Хульма), орошающего Ташкурганский оазис	» 25.000	» 60.000
ж) Долина Кундуз-Дарьи	» 50.000	» 100.000
в) » Кокчи	» 30.000	» 20.000
и) Мелкие притоки Пендша	» 10.000	—
Итого в северном Афганистане .	270.000	460.000
Всего в Афганистане .	403.000	527.000
Округляя	400.000	500.000

Вавилов, Земледельческий Афганистан, с. 174).

афганского плуга на фоне значительного сравнительного материала) отличается достаточной примитивностью. Плуги деревянные наминают на севере туркестанский омач, на юге же представляют своеобразную форму первобытного плуга. Ряд специфических орудий, как зембар (особая лопата для двух человек), кардигад, особые конные лопаты, — выработались в связи с необходимостью земляных работ по наращиванию почв, по удалению камней с поля, по регулированию разных видов местного орошения. Несмотря на общую примитивность, орудия свидетельствуют о давних сельскохозяйственных навыках населения. В Герате даже в ходу любопытная молотилка в виде вращающегося барабана с деревянными зубьями. Для очистки каналов и арыков в ходу разнообразный набор ручных и конных, железных и деревянных лопат. Обработка земли ведется главным образом быками. Бедняцкие слои, не имеющие своего скота и не имеющие средств для найма его, иногда обрабатывают вручную, мотыгой.

Ряд неопределимых пока трудностей (отсутствие государственной статистики, невозможность выборочных обследований, недостаточное знакомство с экономической историей Афганистана) — стоят на пути выяснения основ афганского крестьянского хозяйства. Выяснено, что основным землепользователем в оазисных районах и в районах горных долин Кабула и Чарикара, так же, как и на севере, является мелкое крестьянское хозяйство с семейным наделом в пределах от 3 до 6 джеривов. Значительное дробление участков и их мельчание соединяются с разными формами крупного землевладения. Но каков бюджет афганского крестьянина, какова товарность его хозяйства, каковы колебания этой товарности для разных районов Афганистана — остается пока полем догадок. Важно отметить одно, — что национального рынка для продуктов сельского хозяйства пока нет. Тов. Днепровский, обследовавший Гератский оазис под углом возможного расширения там площади под хлопком, установил, что даже хлеб ближайшей соседней области Бадгиза (района экстенсивного богарного земледелия по склонам Паратамизского хребта, запирающего с севера Гератскую долину) не имеет доступа на Гератский базар, так как накладные расходы по вывозному транспорту поднимают стоимость пуда хлеба в полтора раза. «В настоящее время, — говорит Днепровский, — между Бадгизом и долиной Герируда почти нет никакой экономической связи, и влияния одного района на другой минимальное. Отсутствие экономической связи между этими районами не может рассматриваться, как исключение: все остальные районы Афганистана, и даже отдельные части районов (например, отдельные оазисы Гератской долины) в той или иной мере оторваны друг от друга, почти никакого влияния друг на друга не оказывают и сплошь и рядом перераспределяют внутри себя то, что производят». Как общее правило, цена на

хлеб в северном Афганистане в два раза ниже, чем к югу от Гиндукуша. Так, по Моничу «основные зернопродукты — пшеница и просо, — несмотря на избыток их в Афганском Туркестане, все же не вывозятся в потребляющие южные провинции в виду чрезвычайной дороговизны вьючного транспорта. Так, пуд пшеницы в Мазар-и-Шерифе в урожайные годы стоит 2 рупии, а доставка его из Мазар-и-Шерифа в Кабул (расстояние 500 верст) обошлась бы в 5 рупий. Подобную надбавку на фрахт в состоянии выдержать лишь ценные виды сырья или такой продукт гастрономической роскоши, каким в Афганистане считается рис».

Медленный рост товарности за последние 50 лет был скорее связан с внешней торговлей, чем с внутренней и в большей степени охватил скотоводство (каракуль, шерсть, кожа), чем земледелие. Гератский оазис, расположенный в непосредственном соседстве с русской железно-дорожной сетью давал выход хлопка на внешний рынок лишь в размере 20 тыс. пуд. волокна при общей производительности 232 тыс. пуд. волокна, т. е. товарность менее 10%. Все остальное поглощает внутреннее потребление.

Большую степень товарности, очевидно, дадут фруктоводческие и садоводческие районы Кандагара, отчасти же Кабула и Чарикара, Афганские фрукты, сушеные и сырые, пользуются громадным спросом в Индии.

О внутренней торговле сельскохозяйственными продуктами сведений мало. Известно, что в Кабуле своего продовольствия не хватает, и оно подвозится отчасти с севера, через Гиндукуш (рис), отчасти же из районов Лагмана и Джелалабада. Наблюдавшаяся Мельниковым в начале 900-х годов массовая перевозка хлеба через Гиндукуш (до 100 тыс. пуд. в год), очевидно, осуществлялась на основе старой полуфеодальной эксплуатации афганцами своих северных окраин — натуральные подати в зерне, общественная гужевая повинность по бесплатной перевозке хлеба *. Во время восстания 1928/29 г., когда Кабул был отрезан от Джелалабада и Лагмана с одной стороны, Афганского Туркестана — с другой, и вынужден был довольствоваться местными ресурсами Чарикара, Пендшира и долины Логара, в столице ощущался острый недостаток припасов, и цены дали резкий скачок вверх. Лишь с помощью таких косвенных признаков обнаруживается, что Кабульская область уже лишена характера самодостаточности.

Известным рынком для сельскохозяйственных оазисов является не только основное, но и пришлое скотоводческое население. При массовом

* По Мельникову в течение одного только года (1903) из Бамiana было вывезено в Кабул свыше 80.000 пудов зерна. — Мельников, От Термеза к Кабулу, Ташкент, 1907 с. 108.

характере перековок (свыше 1 млн. человек в год) размеры скотоводческого спроса на хлеб представляют величину, с которой нельзя не считаться при определении товарности афганского сельского хозяйства. Этот обмен в известной степени носит внеэкономический характер (грабеж, вытапывание и присвоение посевов скотоводами).

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОРЕННЫХ АФГАНСКИХ ОБЛАСТЯХ

Необходимо привести довольно резкую грань между северным Афганистаном и областями к югу от Гиндукуша, в смысле наличия крупного землевладения. В коренных афганских областях на форме землепользования до сих пор лежит отпечаток племенной организации. Сельская община обычно совпадает с тем или иным племенным делением и коллективно владеет пустошами и выгодами. Наличие пережитков племенной или клановой земельной собственности отнюдь не препятствует, с одной стороны, возникновению всевозможных отношений аренды и половичества, а с другой — образованию в отдельных случаях и крупной земельной собственности феодального типа. Но как общее правило, афганское крестьянство не потеряло здесь хозяйственной самостоятельности и владеет землей, которую обрабатывает.

Из самого характера поливного земледелия с неизбежным расселением небольшими деревеньками и даже отдельными хуторками по течению оросительных каналов или в ближайшем соседстве с источниками колодезного орошения, наряду с потребностями трудоемкого, а в известных случаях даже интенсивного земледелия, — вытекает сравнительно ранний распад первобытной коммунистической общины, основанной не только на коллективном владении землей, но и на коллективной ее обработке. Реликтовые остатки таких коммунистических общин в наибольшей своей чистоте сохранились на северо-западной границе Индии, в полосе пограничных племен. Здесь даже такой завзятый буржуа, как Боден Пауль, наделяющий земледельческие общины дравидов (лет так за 3 000 до христианской эры, т. е. во времена арийского нашествия) характером частной собственности на землю, вынужден признать «наличие в известном смысле племенной собственности на землю». (B a d e n - P o w e l l, Land-Systems of British India, vol. II, p. 638). На самом деле можно говорить о коммунистической общине, как институте, реально существовавшем в некоторых заброшенных уголках еще в 80-х годах прошлого столетия, а может быть, дожившем в исключительных случаях и до нашего времени. Во всяком случае, афганский историк, описывая племя гандапур, занимающее подножья Сулеймановых гор, в округе Дера-Измайхан, — пишет следующее: «Все шесть кланов обрабатывают землю совместно. Весь собранный урожай образует общий запас, из которого

каждый из кланов берет свою долю в соответствии с вложенным трудом, причем клановые старшины в свою очередь распределяют зерно по семейным долям (дадди), в зависимости от числа работников в каждой семье». (Хаят-и-Афган, с. 299).

Обычно афганские племена, осевшие на землю, (а процесс этот происходил уже в исторические времена), обозначают всю территорию племени как «таппа». Далее, территория подразделяется на клановые отрезки «таппа», иногда именуемые кхелями, согласно различным именам кланов. Каждая деревня, — а таких деревень может быть несколько в каждой «таппе», — подразделяется на «канди», причем семейные наделы или «бакхра» обычно имеют по несколько участков (в зависимости от качества земли, близости к оросительным сооружениям) в каждом канде. (B a d e n P o w e l l, op. cit., с. 636).

Такие разделы с установлением не только владений отдельных кланов, но и наделов семейных, приурочиваются к определенному решению того или иного родоначальника. Так, у племени юсофзаев раздел земли был проведен Шейхмалем, каковой «разделил всю территорию по числу основных кланов, каждый такой участок был раздроблен на дафтары», эти последние поделены на бакха, причем бакха в свою очередь подразделяются на семейные наделы или патти. У дюрраниев раздел земли также восходит к мифическим временам их родословной. «Стало тесно, — сообщает афганский хроникер, — дюррании сильно ссорились друг с другом, пока наконец, вождь Умр или Омар с общего согласия был наделен властью распределить землю между кланами и семьями. Раздел этот в силе до настоящего времени» (Хаят-и-Афган, с. 58). Раздел этот конечно не в силе по настоящее время, родовая община дюрраниев давно уступила место феодальному держанию земли, в зависимости от несения военной службы, но важно отметить, насколько крепко предание о предшествующих формах землевладения.

Пережитком племенного владения остается и другой обычай афганцев, так называемый «веш», что значит передел и обмен участками не только между владельцами семейных наделов внутри той или иной деревни, но и между кланами и родами, переходящими из одной «таппа» в другую.

Земельные отношения пограничной полосы между Индией и Афганистаном дают громадное разнообразие форм и типов племенной собственности на землю и ее разложения. У махсудов, например, вновь освоенная территория распределяется между отдельными кланами в зависимости от числа выставленных каждым кланом работников. Внутри же каждого клана распределение происходит на основе наследственных долей, определяемых степенью родства с общим родоначальником. Ковалевский устанавливает три формальных признака, характеризующих распад родовой общины и переход ее в соседскую: 1) порядок

определения семейных наделов по степени родства уступает место другим способам (по числу едоков, по размерам фактического владения, в зависимости от числа выставляемых воинов и т. д.); 2) избрание общинных старост, связанных с династией родоначальников, уступает место назначению; 3) исчезает неотчуждаемость общинных земель чужакам или не-родственникам (Ковальский, Общинное землевладение; причины, ход и последствия его разложения, Москва 1897, с. 18).

Уже родовая община, внутри которой произошло выделение прочих семейных участков, легко может стать организацией эксплуатации различного рода чужаков, допускаемых к обработке земли в качестве зависимых арендаторов или даже полурабов. Племенное землевладение афганских племен (оговариваемся здесь опять, в том смысле, что дело идет об основном типе эволюции) шло именно по пути закрепления наделов в зависимости от степени родства при одновременном образовании значительного слоя арендаторов из чужаков. В пограничной полосе северо-западной Индии они носят название «хиндки» или «факиров», а в Афганистане «хамсаев», что значит — подзащитный, и не допускаются в племенное собрание или джиргу, часто не имеют права носить оружие и обложены рядом поборов в пользу общины. К неравенству наследственных наделов полноправных членов общины, к наличию низших групп бесперывных «хамсаев» и «хиндки» скоро присоединяется частная собственность на вновь орошенные земли. По обычному праву Востока вновь орошенная или расширенная земля становится наследственным владением того, кто его оросит, и тем самым исключается из общинных переделов. По свидетельству того же «Хаят-и-Афган» в поливных оазисах южного Афганистана «вещ» окончательно исчезает в середине 19 столетия. Позже «вещ» сохранился на сухоходольных (богара) землях пограничной полосы. Вода также становится объектом частного присвоения. Уже в дневнике Бабура, т. е. в 16 веке, имеются упоминания о частной собственности на воду, возможность покупки и продажи оросительных каналов*. На родовую общину, с другой стороны, насаиваются те или иные полуфеодалные права, и в частности, пожалование целых областей «в кормление» отдельным ханам или военнначальникам (обще-мусульманская «икта», персидский «тиуль», индийский «джагир»). Наряду с родовыми полуфеодалными формами собственности начинает возникать и частная собственность. По свидетельству Стрэдчая, уже в 50-х годах прошлого столетия цена акра земли в оазисе Кабула равнялась 12 ueat-purchases. В результате всех этих изменений афганская община должна безусловно представлять весьма смешанную картину.

* «Memoirs of Babur», translated from turki by John Leyden and William Erskine. New edition. Oxford. 1921 Vol. II. P. 373.

В основном, необходимо подчеркнуть, что хан или феодал не сумел стать крупным землевладельцем. Если знати и удалось захватить более крупные участки, чем рядовым членам племени, то ни в коем случае нельзя еще говорить об экспроприации знатью племенных или общинных фондов. В большинстве случаев развитие остановилось на общине, остающейся формально родовой, в том смысле, что семейные участки определяются по степени родства, но переделы прекратились, на землях общины нашел приют целый ряд зависимых арендаторов, а в нераздельном владении общины остаются лишь пустоши и выгоны, причем при отчуждении общинником семейного надела с ним переходит и право на пользование «альмендой». Неясно, связывается ли ограничениями и какими права продажи или отчуждения семейного земельного надела. Очевидно эти ограничения если и продолжают существовать, то лишь в качестве формальности. В кратких словах, афганская родовая община находится в стадии разложения, эволюционируя главным образом в сторону мелкой крестьянской собственности на землю. Полковник Тэт говорит, что «ни в какой другой области Востока, как у гильзаев и дюрраниев, мы не найдем такого сравнительно равномерного распределения земли, очевидно, стоящего в связи с управлением государством через племена». О дюрраниях Хаята-и-Афган говорит, что «они по большей части сами возделывают свою землю; являясь мелкими крестьянами. Земля их поделена в строго равных долях» (с. 67—70). У племени дюрраниев, как известно, племенная организация срослась с военной и произошла известная феодализация землевладения. Еще Надир-шах, а затем Ахмед-шах-Дюррани (середина XVIII столетия) разделили всю землю дюрраниев на участки по 300 плугов, каждый плуг приравнивался участку в 100 танапов, а каждый танап равнялся 60×60 ярдов. С каждого плуга дюррании должны были выставлять по два всадника для королевской службы, уплачивая, кроме того, в качестве налога десятую долю валового урожая. Характерно в этом процессе феодализации то, что наделы получают не только военноподчиненные и ханы, но вся масса племенных воинов. С падением требований военной службы такой надел в один или несколько плугов очевидно легко превращается в мелкую собственность.

С формальной стороны Мак-Грегор подразделяет землевладение коренных областей Афганистана по следующим разрядам: 1) собственники; 2) арендаторы за деньги или из определенного количества продуктов, фиксированного на вечные времена; 3) исполщики или чайрикеры; 4) наемные рабочие; 5) рабы и зависимые люди, возделывающие хозяйские земли без всякой платы. По южному Афганистану, к сожалению, нет данных о степени дробления крестьянских участков. степени концентрации земли в руках помещиков, а тем более о распределении земельного фонда по разным группам владельцев, включая

государственные фонды. Больше сведений имеется о формах аренды. Преобладает ипольщина, причем такого типа, когда хозяин авансирует полностью семена, скот и орудия и землю, безгар же (так называют афганского половника) предоставляет лишь собственный труд. Урожай обычно делится в следующей пропорции — $\frac{1}{6}$ хозяину, $\frac{1}{6}$ безгару*.

В силу ряда причин, связанных как с международным положением Афганистана (племенные ополчения как барьер против Англии), так и в силу племенного характера афганской государственности), крестьянское землевладение оседлых племен в известной мере сохранило свою жизнеспособность и сейчас. Как далеко зашел процесс дифференциации и разложения, в связи с вторжением денежного хозяйства, ростом цен на землю, (в районе Кабула доходит до 1 000 рупий за джериб), какую роль сыграло, наконец, введение Амануллой денежного палого, — остается пока невыясненным. С формальной стороны разложения общинного землевладения зашло настолько далеко (свободное отчуждение земли), что здесь не требовалось особого вмешательства государственной власти. Достаточно было отсечь налоговые и судебные вольности земледельческих племен, их привилегии, связанные с несением воинской службы, чтобы нанести сильнейший удар и без того хиреющим, а в известной мере искусственно консервированным формам племенного землевладения.

Феодалные пережитки в коренных афганских областях, очевидно, сводятся, во-первых, к праву хана или малика на известные натуральные поборы и повинности; во-вторых, к наличию слоя подневольных, зависимых арендаторов «хамсая», «хиндки», «факиров», а также рабов и полурабов, обрабатывающих ханскую землю. В меньшей степени этот слой связан и с отдельными более состоятельными общинниками; в-третьих, к величайшей чересполосице, вытекающей из всего характера остатков родовой общины, где каждый семейный надел состоит из ряда участков, разбросанных по нескольким «таппа»; в-четвертых, к наличию землевладения, связанного с несением военной службы, как у дюрраниев, представляющих не что иное, как казачье сословие, т. е. типичный остаток феодализма. И в-пятых, к пестроте форм землевладения — наряду с частной собственностью сохраняются пережитки феодальных прав, разного рода особых прав племен на землю и т. д.

* Mac-Gregor, op. cit., стр. 34, 39, 63. Еще Григорьев в своем «Кабулистане и Кафиристане» (СПБ, 1867 г., стр. 658) отмечает, что «землевладелец часто отдает рабочим (безгарам) за их труды по засеву, уходу за пашней и жнитву одну треть урожая. Если же хозяин снабжает безгаров сьотом и всем необходимым инвентарем, то они получают 0,1 долю урожая».

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СЕВЕРНОГО АФГАНИСТАНА

Аграрные отношения Севера представляются значительно проще. Типичным является преобладание крупной и средней помещичьей собственности. Возможно, что фигура северо-афганского помещика так резко выступает на первый план потому, что для Афганского Туркестана и Гератской провинции мы пользуемся в полном смысле слова новейшими данными Монича (1927 г.) и Днепровского (1928), в то время как для очерка о коренных афганских районах были использованы источники, главным образом, конца XIX века. Равным образом, остается неизвестным, к какому именно периоду, предвоенному или послевоенному, относится бурный рост помещичьего землевладения на севере Афганистана. Но факт остается фактом. В Гератском оазисе общий земельный фонд в 70 тыс. десятин распределяется следующим образом: казенные земли (главным образом в аренде помещиков) — 23% — 18 000 десятин, помещичьи — 45% или 35 000 дес., крестьянские — 32% или 25 000 дес. (Днепровский, с. 77). Этот автор пишет: «Сплошь и рядом целые кишлаки с усадьбами и пахотными землями расположены на помещичьей земле. Называют одного помещика, которому принадлежит целый арык длиной в 30 верст, со всеми орошаемыми из этого арыка землями. Недостаток пахотных земель, их дороговизна — заставляют арендовать у помещика не только пахотные земли, но и селиться на помещичьих землях, связывая тем самым надолго, а может быть, навсегда свою судьбу с данным помещиком». Преобладающий тип арендатора это полковник — чайрикер, сидящий на карликовом наделе в 3—4 джероба (джероб — $\frac{1}{6}$ десятины), арендующий по нужде при обычном разделе урожая: $\frac{1}{6}$ крестьянину, $\frac{4}{6}$ помещику.

Об Афганском Туркестане Монич говорит следующее: «Большая часть поливной земли и лучшие неполовинные земли принадлежат помещикам и казне, а крестьянство, в общем безземельное, обрабатывает помещичьи земли обыкновенно за очень низкую долю урожая». И дальше: «Крестьянин чайрикер, судорожно цепляющийся за свое карликовое хозяйство и всемерно эксплуатируемый экономически господствующим над ним помещиком, представляет собой самый распространенный тип афганского землероба».

Крестьянское хозяйство полностью и целиком находится в зависимости от помещика. Помещик не только захватил землю, но в значительной степени монополизировал скот и сельскохозяйственные орудия. 45% крестьян Герата не имеют своего скота и на кабальных условиях пользуются помещичьим. Чайрикерство здесь весьма близко подходит к крепостническим отношениям. «За плату скотом пользуются в очень редких случаях. Преимущественным же способом оплаты считается отработка. Так как большинство населения прибегают

к аренде у помещиков, то обычными поставщиками рабочего скота для обработки собственных земель арендаторов являются помещики, которые это пользование их скотом оговаривают при заключении договора в аренде-сдаче» (Днепровский, с. 110). То же явление отмечается в Афганском Туркестане. Сама форма безгараства, при которой на долю исполщика остается обычно лишь от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{6}$ урожая, говорит о хозяйственной беспомощности крестьянства *.

Кредит, предоставляемый помещиком своему безгару, весьма часто, если не всегда, сводится к отношениям ростовщической кабалы. Конечно, в среде крестьянства сохранились и некоторые более или менее самостоятельные слои. Наряду с арендой из доли продукта развивается и денежная аренда, а также формы натуральной аренды, в большей мере отвечающие интересам крестьянства, как например, аренда с фиксированной платой в определенных продуктах (главным образом, товарные культуры). Последний вид аренды преобладает на казенных землях. Арендная плата тогда обычно берется ятменем и пшеницей. Арендатор, по желанию, может заменить продукты деньгами по средней рыночной цене продукта в момент расчета за аренду. Как денежная аренда, так аренда с фиксированной платой продуктами, не имеют однако сколько-нибудь широкого распространения и подавляются чайрикерством.

Цены на землю ярко отражают высоту грабительской ренты. В оазисе Герата джериб земли, расположенный на верхних, более многоводных арыках, колеблется между 1 500 и 2 000 рупий; на средних — 750—1 000 рупий; на нижних — 500—700 рупий. Ниже 500 рупий джериб поливной земли не спускается. Если считать денежную аренду в сумме 30—50 рупий в год (по данным Днепровского), то цена даже худшего участка земли выразится в 10 year-purchases. В Афганском Туркестане цена на землю доходит до 1 000 рупий за джериб.

Размер помещичьего землевладения не поддается точному учету. В Афганском Туркестане, в западной его части, еще преобладает мелкий помещик и бай. Дальше на восток, начиная от Андохйского оазиса, наблюдается постепенное укрупнение землевладения. Рисовые плантации по оазису Кундуза уже представляют собой крупнейшие помещичьи латифундии.

Северо-афганский помещик гораздо ближе к крепостнику, чем к феодалу. Это сравнительно новый слой купцов, чиновников, удачли-

* В Герате преобладающая форма аренды из $\frac{1}{5}$ урожая. В Мазар-и-Шерифе — из $\frac{1}{6}$; в Меймене — из $\frac{1}{7}$; в рисовых районах Катагано-Бадахшана (Андераб, Баглан, Ханабад, Талихан) крестьянство более самостоятельно; обработка земли ведется крестьянскими быками, семена также дает крестьянин и оставляет себе большую часть урожая.

вых спекулянтов, обзаведшихся земельной собственностью. Хозяйства обычно сами не ведут, действуя через приказчиков и управляющих. Рост помещичьего землевладения не выразился ни улучшением техники сельского хозяйства, ни повышением урожайности. Налоговый гнет и помещичья эксплуатация заставляют некоторые слои крестьянства вовсе бросать землю, переводя других на положение батраков. Ни в Герате, ни в Афганском Туркестане не ощущается недостатка рабочих рук при сезонных работах. Но наемный труд не получил сколько нибудь широкого применения в сельском хозяйстве, и здесь решающую роль играет половник — чайрикер. Излишняя рабочая сила до войны отливала на работы в Персию и Среднюю Азию.

Процесс образования помещичьей собственности в северном Афганистане во многом напоминает однородное явление в экономике Персии последних 40 лет. Но там рост помещичьего землевладения «мюлькдаров» шел параллельно развитию хлопководства и росту товарности сельского хозяйства. Открытие рынка сбыта в Россию, широкое развитие хлопководства, а отчасти садоводства — привело к быстрому переходу полуфеодальных форм эксплуатации в полукрепостнические, обусловило быстрое исчезновение общинных племенных и крестьянских земель под напором помещичьей собственности. Другой чертой динамики земельных отношений Персии явилось усиление налогового гнета, породившее тенденцию крестьянства заслониться от всемогущего налогового чиновника покровительством помещика или влиятельного лица. Своеобразное закладничество было одним из процессов, облегчившим расширение помещичьего землевладения. В Афганистане товарность сельского хозяйства при малозначительном обмене с Россией не могло сыграть роли единственно решающего фактора. Достаточно сравнить объем внешней торговли с Персией — 101 миллион руб. в 1913 г. и с Афганистаном — 12 миллионов руб. в том же году, чтобы получить достаточно наглядный масштаб для сравнения. Очевидно, в процессе образования афганского крупного землевладения далеко не второстепенную роль сыграла афганская политика экспроприации земельной собственности после завоевания края, дополненная впоследствии в полном смысле слова беспощадной налоговой эксплуатацией узбекского и таджикского крестьянства. При отсутствии как у узбеков, так и у таджиков крепких племенных союзов, они представляли весьма благоприятную питательную среду для афганского помещика и для сборщика налогов. До сих пор северо-афганское крестьянство предпочитает искать покровительства у помещика против сборщика налогов. Так называемое «свободное крестьянство» бедных горных районов Афганского Туркестана оказывается в гораздо более тяжелом положении, чем чайрикер, исполнитель на помещичьей земле. «Помещичья эксплуатация крестьян сама по себе большое зло. Но в архаических афганских условиях она кажется чуть ли не благом

по сравнению с внеэкономическими, «мягко выражаясь», методами обогащения чиновников, от которых разоренное дотла крестьянство либо бесшумно мрет голодной смертью, либо в припадке отчаяния хватается за оружие» (М о н и ч, с. 324; ср. Д н е п р о в с к и й, с. 79).

Переход этот выражает эволюцию в сторону крепостничества, а не феодализма, так как отдавшийся под руку помещика крестьянин сразу же теряет всякую не только политическую, но и экономическую самостоятельность и превращается в придаток помещичьего хозяйства. И если падишах Аманиула в значительной мере смягчил моменты национального угнетения узбеков и таджиков афганцами, зато он ввел денежный налог, окончательно разоривший крестьянство и давший новый толчок росту помещичьей собственности. Относительно замкнутый характер сельскохозяйственных районов Северного Афганистана, их слабая товарность — отразились, однако, в том факте, что здесь не возникло сколько-нибудь развитых отношений крепостничества. Персия дает более яркие формы крепостничества по сравнению с слабыми зародышевыми образованиями Афганистана.

СКОТОВОДСТВО

Разнообразие климатических зон Афганистана, начиная от субтропических низин Джелалабадского оазиса и соседней долины Инда, кончая нагорьями Бадахшана, где зима продолжается почти 9 месяцев, содержит благоприятные условия для экстенсивного скотоводства. Афганские скотоводы находятся почти исключительно в зависимости от подножных кормов, и в поисках за ними масса кочевников, вместе со своими стадами совершают сезонные перекочевки, превышающие иногда радиус $1\frac{1}{2}$ —2 тысячи километров. «Кочевое хозяйство характерно для большей части территории Афганистана. В течение всего лета по большим дорогам и тропам восточного, центрального и южного Афганистана можно наблюдать любопытные картины переселения народов. Сотни людей со всем своим скарбом, с верблюдами, волами, лошадьми, на ослах, пешком — тянутся с юга на север. словно после грандиозного бедствия снимаются целые волости, целые районы, напоминая библейские картины великих переселений народов в землю обетованную с пастырем впереди, шествующим с посохом в руках. Летний зной выжигает остатки травянистой растительности в пустынных районах южного Афганистана, заставляя население продвигаться к северу и в горы в поисках кормов и продовольствия. Не только стада с пастухами, но все население целых районов, с женами, детьми снимаются ежегодно с места и перекочевывают с юга на север, проходя многие сотни километров, и нередко разрушая встречные оседлые поселки. Бесконечны жалобы о разрушении кочевниками.

Не случайно хлебороб Афганистана стремится вооружиться с ног до головы». Так рисуют массовое движение скотоводов Вавилов и Букинич в своем отчете. Эти же авторы прибавляют: «мы не знаем другой страны, в которой периодические переселения кочевников захватывали бы столь огромную часть населения и ее территорию. Это поистине примитив кочевого хозяйства». («Земледельческий Афганистан», с. 87). В основном динамика перекочевков сводится к движению с юга на север в весенние месяцы, возвратный же поток кочевников осенью начинается движение на юг, к зимним стоянкам, расположенным в теплых, хорошо укрытых долинах. Из ряда источников выясняются некоторые типичные маршруты кочевых племен. Так, кочевые дюррани, по Мак-Грегору (с. 239), следуют по трем основным маршрутам: дюррани, занимающие территорию к северу от Кандагара, на лето откочевывают на близлежащие к северу нагорья Хезараджата, на зимовку же возвращаются на Кандагарскую равнину. Дюррани к югу от Кандагара проводят зиму в горах Тоба, т. е. направляются к югу, на границу с Индией, чтобы вернуться зимой обратно в Кандагарскую область. Наконец, дюррани к западу от реки Гильменда имеют несравненно более обширный радиус перекочевков, — на лето они направляются в Бадгиз, к северу от Герата. Некоторые же племена доходят до Банд-и-Туркестан и до лесовидных пастбищ Афганского Туркестана. «Хаят-и-Афган» подтверждает Мак-Грегора в том смысле, что основной маршрут дюррани — это движение от берегов Гильменда весной в Бадгиз и горы Кух-и-Сиах-Бенда (с. 68). Племя момандов, занимающее территорию к северу от Хейберского прохода, между реками Кабула и Кунара, имеет летовку в самом центре хезарейского нагорья — у истоков Гильменда (с. 137). Далее, профессор Андреев («По этнологии Афганистана», с. 18) сообщает, что ряд афганских племен, имеющих постоянное местопребывание в Латмане (в Джелалабадском районе), перекочевывают на три месяца наиболее жаркого периода в горные долины Хавака, Парiona и Таль. Консульские доклады по северному Афганистану, а также Монич, отмечают присутствие кочевых афганских племен в северном Афганистане, как в Мейменинской области, так и в Катагано-Бадахшане. В Катагано-Бадахшане отмечаются две группы гильзаев, имеющих зимовку в устье реки Куцдуза, откуда на летний период одна группа откочевывает на восток, привлекаемая прекрасными пастбищами плато Шиве, в Афганском Дарвазе; вторая же группа избрала местом летовок центральный хребет Гиндукуш в районе Хавака. Кочевые гильзаи (племенной группы тохи), очевидно, лишь недавно обосновались в Мейменинской области и имеют летовку на северном склоне Гиндукуша; осенью они спускаются вниз по долине реки Ширинтагаба, чтобы провести зиму в районе Давлетабада на советской границе. Туда же (район Давлетабада) на зиму приходят и дюррани, кочующие по долине

реки Кайсор. Миграция кочевых афганских племен на север — явление недавнего прошлого *.

Тот факт, что афганские кочевники свободно переваливают Гиндукуш, подтверждается и из афганских источников. В книге Бурхан-уд-Дин-и-Кушеки «Катаган и Бадахшан» (изд. О-ва изучения Таджикистана, Ташкент, 1925, с. 25, 30, 55) имеются определенные указания на присутствие кочевых племен Южного Афганистана, перекочевывающих на летовку в отдаленный район афганского Дарваза — на плато Шиве и равнину Иш или Иеш (между Радом и Дарвазом). В числе племен, имеющих там летовку, Кушеки называет «Кандагарские племена, афганские племена, скотоводов-бадахшанцев», — всего 16 тысяч семей с 4 миллионами голов скота. Прилив скотоводов в район плато Шиве заставил коренное земледельческое население уйти, так как «скотоводов с каждым годом становилось все больше и больше, и земледельцы, не выдержав стеснений оттого, что скотоводы травили их посев, были вынуждены выселиться» (с. 197). Приведенные нами маршруты представляют в значительной мере случайный подбор материалов, но они показывают громадный район движения скотоводов, причем от сравнительно небольших местных перекочевок из долин в близлежащие горы, что очевидно совмещается с полуоседлым земледелием, имеются другие маршруты радиусом по несколько тысяч километров.

Великое переселение кочевых племен совершается медленно. Вперед высылаются разведчики для установления наличности подножных кормов. Само движение племени строго регулируется вождем. Если не хватает продовольствия для людей, его отчасти покупают, отчасти же пограблывают оседлое крестьянство. И тем не менее, кочевники все же служат крупным рынком для оседлых оазисов, не только в смысле сбыта им продовольствия, но и продукции городского ремесла, как ювелирные изделия, работ по металлу, отчасти хлопчатобумажных тканей, как матта и карбаса. В свою очередь, среди кочевников в ходу ряд ремесел, главным образом связанных с выделкой шерсти. Шерсть идет на выделку кошм для юрт, а также особых тканей для палаток. Выделываются шерстяные зимние халаты (чекмёни), а также всевозможная одежда. Кроме нее изготавливаются мешки, переметные сумы, чулки, перчатки, попоны, кембелы (длинные ткани с поперечными рисунками, известные в Средней Азии под названием афганских одеял). Наконец, ковровое производство и выделка

* Монич, цит. соч., с. 325, пишет следующее: «Еще 50 лет тому назад русские путешественники, посетившие Афганский Туркестан (Яворский, Гродеков, Матвеев), не заметили присутствия там афганских кочевников, а теперь на тысячеверстном протяжении от Герата до Памира можно часто встретить характерные черные шатры афганских кочевников — мальдаров».

палаток, также принадлежит кочевому быту *. Афганское скотоводство как-будто представляется на первый взгляд библейским примитивом, первобытным переселением народов. Но если всмотреться пристальнее, то выясняется, что скотоводство дает значительную часть афганской внешней торговли и в гораздо большей степени связано с внешними рынками, чем то же афганское земледелие. В Афганистане имеется двухмиллионное стадо каракулевых овец. Ежегодный выход каракуля равняется 600 тыс. шкурок, на все 100% идущих на экспорт. Велико внутреннее потребление шерсти, переработка ее для местных нужд. Но по исчислению консульского отчета по Гератской провинции товарность шерсти в отношении внешнего рынка равняется 40%, в то время как хлопок дает лишь 10% товарности. По торговле с СССР продукты афганского скотоводства стоят на первом месте. Каракуль представляет ценнейший товар, за которым буквально охотятся, и притом довольно успешно, представители англо-индийских торговых фирм. Оттянуть афганский каракуль на север, предоставить ему транзит через СССР представляет одну из серьезнейших задач советской торговой политики.

Афганские стада состоят главным образом из овец и коз, в меньшей степени из верблюдов и рогатого скота. Каракулеводство сосредоточено почти исключительно в равнинной полосе Афганского Туркестана, прилегающего к советской границе (Мейменинская область). Каракулевые стада были значительно пополнены перекочевкой скота туркмен эрсаринцев, перешедших в Афганистан после гражданской войны в Бухаре.

Кочевники в большой степени, чем оседлое население, сохраняют родовой быт. Но на почве торговли (а кочевая торговля до сих пор играет крупнейшую роль в Афганистане) власть хана или вождя приобретает новые оттенки. Такой хан выступает в качестве посредника. Он часто получает авансы от английских банков; он является скупщиком и посредником, и в случае удачного окончания периода накопления навсегда остается в Индии, чтобы заняться ростовщичеством или торговлей в более крупных размерах. Здесь идет речь о кочевых племенах, связанных главным образом со скотоводством. Кроме них имеется ряд племен или корпораций, занимающихся торговлей, как основной своей профессией, а также вьючным транспортом — червобарством.

* Ковровое производство Афганистана переживает определенный упадок вызванный падением иностранного спроса. Для капиталистических стран восточные ковры — предмет экзотической роскоши. Спрос на них регулируется капризом моды.

ПОВИНДА

Повинда, или профессиональные кочевники-торговцы, представляют собой особые племена, по всей вероятности выделившиеся на почве старой транзитной афганской торговли. Основной линией движения повинда является Индия—Герат—Кандагар; в меньшей степени Индия—Кабул—Бухара. Профессионалами повинда являются следующие племена: 1) племя назир, совершающее ежегодные рейсы с 16-ю тысячами верблюдов; 2) кхароти выставляют 1 800 человек и 6 000 верблюдов; 3) миа-хель — 1 400 человек, 6 000 верблюдов; 4) дутани — около 4 000 верблюдов. И наконец, 5) ниази — 3 000 верблюдов при 600 погонщиках. Материалы Хаят-и-Афган, которыми мы здесь воспользовались, возможно, преувеличивают объем скотоводческой торговли. С 70-х годов прошлого столетия утелко много воды. Царское правительство включило Бухару в таможенную черту и открыло путь проникновения туда индийских или англо-индийских товаров через Афганистан. Железная дорога Нушка-Дуздаб, соединенная с сетью англо-индийских железных дорог у Кветты, в значительной мере свела на-нет значение афганских путей для английских товаров, направляющихся в Персию (Сеистан и Хорасан). Но все же для обмена между самим Афганистаном и Индией племена повинда играли крупную роль и даже последние восстания против Амануллы-хана дают нам оттенки, связанные с недовольством кочевников-торговцев, страдавших от конкуренции автомобильного транспорта и ряда таможенных ограничений (лицензии).

Английский исследователь Белю дает настолько красочные описания кочевой торговли, что оно заслуживает быть приведенным полностью.

«Уже в начале теплых месяцев повинда поднимаются из Индии на Газнийское плато и располагают свои небольшие черные шатры — кезди в районе Муккура и Келат-и-Гильзаи. Здесь остаются женщины, дети и скот, под охраной нескольких воинов, в то время как остальные уходят вместе с караваном, тяжело нагруженным товарами, закупленными в Индии. Они идут через Кандагар, на Герат и дальше в Персию. Другие направляются в Бухару через Кабул. Тем временем скот пастется в горах и долинах Газни, Келат-и-Гильзаи, Зурмата. Свободные люди заняты перевозкой и продажей соли, закупленной ими на соляных копях Кохата. Скоро караваны возвращаются обратно с продуктами запада, палатки складываются, лагеря оставляют до будущего года, и все племя, с женщинами и детьми, скотом и всем имуществом медленно движется в октябре к Индии. Они пересекают Сулеймановы горы и осторожно продвигаются по знаменитому Гомульскому проходу где дикие племена вазиров уже поджидают их в надежде верной добычи. Перед прохождением через Гомул повинда объединяются в один общий

отряд под командой выборных вождей, специально поставленных наблюдать за безопасностью и организовать оборону. Иногда дело обходится без кровопролития, одной уплатой пошлины. Зимой повинда располагаются в равнине Инда, около Дамана. Отсюда, уже по железным дорогам, отдельные их представители отправляются в крупные городские центры, как Бомбей, Лагор или Мультиан, для закупки товаров» (Белью, цит. соч., с. 127).

Для обеспечения своих стоянок на Газнийском плато повинда вступают в отношения зависимости от тех или иных сильных афганских племен, отдаются под их защиту, как бы становятся их вассалами. Так, например, повинда племени ниази являются вассалами гильзаев. Другие племена повинда находятся под защитой дюрраниев.

При характеристике сельского хозяйства были отмечены ряд промежуточных ступеней, соединяющих земледелие со скотоводством. По весьма приблизительному подсчету треть населения Афганистана — оседлые земледельцы, другая треть — кочевники в чистом виде, а остальное население, исключая города, занимает среднее положение полукочевников, полуземледельцев. Наиболее интенсивно процесс оседания происходит в северном Афганистане, где пастбища легко обрабатываются под богарные посевы. Северный Афганистан является притягательным пунктом скотоводов, но одновременно здесь сосредоточено $\frac{1}{3}$ всех богарных посевов. Здесь же можно наблюдать любопытные промежуточные формы, как у туркмен, частично занятых земледелием, причем символом этой двойственности служит кибитка, водруженная на крыше постоянного жилья — глинобитной мазанки. Радиусы кочевков начинают сокращаться. Скот отсылают поближе и наконец земледелие начинает играть преобладающую роль в хозяйстве. Наряду с этим процессом следует отметить любопытнейшие типы отношений между скотоводческими племенами и земледельцами. Так, один из кланов кочевых дюррани представляет кочевую аристократию, имеющую однако большие пространства пахатной земли, обрабатываемые исключительно при помощи исполщиков и подневольных арендаторов «хамсая». В другом случае уже на территории под политическим контролем Британской Индии, племя бануджи-земледельцев отдалось под защиту вазиров, главным образом, скотоводов, причем был заключен формальный договор об аренде, признававший вазиров собственниками земли при обязательстве обеспечить военную защиту, но накладывавший на бануджи определенную ренту в продуктах.

Вопрос о переходе скотоводческих племен к оседлости представляет один из крупнейших вопросов, ставших перед создателями централизованного Афганистана. Кочевники представляют антигосударственный элемент. Их богарные посевы трудно улавливаются фискальным аппаратом. Сами они легко ускользают от платежа налогов. Перекочевки приводят к резким столкновениям с крестьянством.

Кочевая торговля до последнего времени являлась основным руслом внутренней торговли. Как сообщают наши консульские отчеты по северному Афганистану, афганские чиновники относятся с известной опаской и почтением к кочевым племенам. Если возникает спор, то каким выезжает на стоянку номадов и творит суд и расправу не иначе, как по соглашению с племенными вождями. Кочевое племя как бы составляет особую административную единицу.

Расширение пахотной площади или отвлечение рабочей силы скотоводов в промышленность могли бы лишить Афганистан полукочевого характера, который до сих пор характеризует весь уклад страны. Но для южного Афганистана лимитом является недостаток почвы и недостаток воды, не говоря об отсутствии средств для крупных ирригационных сооружений. Сколько нибудь быстрого роста афганской промышленности не приходится ожидать. Остается отход скотоводов на север и оседание их в Афганском Туркестане. Но в условиях современного Афганистана (характер путей сообщения и т. д.) этот процесс будет носить чрезвычайно медленный средневековый характер.

РЕМЕСЛА

Существование скотоводческого хозяйства и оазисного поливного земледелия, причем обе системы были замкнуты в тесных территориальных пределах, определяемых самим рельефом страны, не могло не повести к развитию оживленного обмена между ними на основе естественно-географического разделения труда. В качестве посредника выступает городской рынок. Кроме ряда крупных торговых центров, как Кабул, Кандагар, Герат, расположенных на древних транзитных путях из Индии в Европу, в Афганистане мы находим значительное число городских поселений и высоко развитую базарную торговлю. В городах же сосредоточены ремесленники, работающие не на отдельного заказчика, а непосредственно на рынок, и организованные по типу наследственных каст*. В промышленной деятельности афганцев основное значение имеет кустарно-ремесленная обработка животного и растительного сырья — выделка кож, каракульчи, изделий из бараньей и верблюжьей шерсти, шуб и овчин на бараньем меху, — «постин», ковров, в том числе и шелковых. Распространено

* Вот что пишет один европейский путешественник, живший в Кабуле в 1917—21 гг. Класс мастеровых в Кабуле, как и вообще в Афганистане, имеет ярко выраженный кастовый характер. Ремесло передается от отца к сыну, от сына к внуку. Каждый род ремесла имеет на базарах свой участок мастерских и лавок, живут по возможности в одной части города. Роднятся только между своими собратьями по ремеслу. Семейный праздник или горе является таковым для всей ремесленной общины. Каждый цех имеет своего старшину (калантаря), который является в своем цехе главой, — он же ходатай и вершитель для своей общины перед властью предержащими.

шелководство и шелкопрядение. Имеются многочисленные ремесленники по обработке металлов; выделяется медная посуда, изделия из железа и т. д. В прежние времена оружие выделки афганских мастеров пользовалось известностью далеко за пределами Средней Азии.

Основные городские ремесла: выделка хлопчатобумажных тканей; окраска тканей; ювелирные изделия (главным образом, на кочевой рынок); обработка кожи. Сельский Афганистан и значительная часть городского населения до сих пор снабжаются шерстяными и хлопчатобумажными тканями домашней и кустарной выделки. Хлопчатобумажное производство является в большей своей части придатком крестьянского хозяйства, в меньшей степени перешло в города в качестве самостоятельного производства. Отдельные сельские местности живут текстильным производством и приобретают характер центров кустарной промышленности. К таким районам относится долина Пендшира*, вырабатывающая домотканку «карбаса», закупаемую скупщиками со всех концов Афганистана. В Гератской области, в районе Шафлан, насчитывается до 4 000 ручных ткацких станков, и работа ведется главным образом на рынок. По сведениям Днепровского, в районе Шафлана есть деревни, где ткачеством занимается до 95% хозяйств. Вместе с тем, ткацкая промышленность понемногу отделяется от сельского хозяйства. «В Герате уже имеется до 200 ткацких мастерских, применяющих наемный труд. Из этого количества 30 мастерских имеют по 5 станков, до 50 мастерских — по 3 станка, 120 мастерских — по одному станку; всего 420 станков» (Днепровский, с. 117)**.

Отрыв от русского рынка в период 1917—1927 гг., снабжавшего раньше весь северный Афганистан мануфактурой, отчасти в обмен на хлопок-сырец, а также резко протекционистская таможенная политика независимого Афганистана (в среднем 25% обложение мануфактуры) безусловно дали новый толчок развитию ручной выделки хлопчатобумажных тканей.

Из других промыслов по отдельным районам выделяется ковровое производство в Герате; в Кандагаре фабрикация четок из искусственно кристаллизованной кремне-кислой соли (находят сбыт в Мекке и Индии); в Кабуле сосредоточено шелкопрядение, обработка шерсти. Кроме местного шелка-сырца здесь обрабатывается сырье, привози-

* Андреев, цит. соч., с. 39—30; наряду с Пендширом, необходимо отметить и Чарикар—этот район, в виду его близости к Кабулу, в последние годы быстро развивается и является центром производства кустарной самотканки, так называемой «карбаса» («Земледельческий Афганистан», с. 390).

** Степень подчинения афганского ремесла торговому и ростовщическому капиталу, а также формы его работы пока не исследованы. За себя, однако, говорю тот факт, что в Герате имеется 23 лавки купцов, торгующих исключительно самотканкой и выдающих денежные авансы кустарям-крестьянам.

мое из Кандагара и Ганзи. Выделяются — «канаваз», одноцветная материя, окрашиваемая преимущественно в красные и желтые тона, «дуррахи», более широкие материи, затем «люнге хамам», шелковые простыни для бань. В скотоводческих областях вырабатываются тонкие материи из верблюжьей шерсти «какма», «барак», «курк». Однако, по своим высоким ценам, эти материи доступны лишь более состоятельным классам.

Особую отрасль производства составляет разведение и сбор растительных красочных веществ — гранатовой корки, спорака и т. д., а также лекарственных растений, как асафетида (воночая камедь).

ГОРНЫЕ БОГАТСТВА

Разработка горных богатств Афганистана ведется кустарным путем и находится в зачаточном состоянии. Сколько нибудь серьезная разведка была произведена английским геологом Грисбахом, во время оккупации 1879—188 гг.; только в самое последнее время, в связи с общим курсом на индустриализацию, афганское правительство пригласило ряд иностранных специалистов, работы которых частично получили гласность. Еще с древнейших времен разрабатывались золотосодержащие россыпи на Аму-Дарье. В Бадахшане добывался лapis-лазурь (монополия эмира) и каменная соль. В главном хребте Гиндукуша в местечке Фиринджай (долина Горбенда) еще в начале XIX столетия разрабатывалась руда, содержащая 55% свинца. При эмире Хабибулле, кроме того, была сделана попытка начать добычу асбеста в Хосте, вскоре оставленная. Жильное золото одно время добывалось под самым Кандагаром. Необходимо также отметить наличие медных рудников в местечке Чиль-Сутун (в семи верстах от Кабула), где и сейчас кустарным способом ведутся работы.

Общие данные геологической разведки, суммированные недавно В. А. Обручевым*, безусловно говорят, что Афганистан обладает значительными ископаемыми богатствами. Не говоря о жильном (к северу от Кандагара) и рассыпном (Бадахшан) золоте, драгоценных камнях (верховье Аму-Дарьи и р. Кокчай), обнаружены: свинец (долина Горбенда); медь (долина Логара, к югу от Кабула, долина Арганде); железо (долина Горбенда); серо-железная руда (у Лягмана и под Джелалабадом); наконец, мощные пласты угля в долине Сайган (близ Доаба и Испушта и далее к северо-востоку у местечка Нарин); коксовый уголь 7 500—8 000 калорий (два пласта по 2,5 метра каждый). Уголь равным образом обнаружен в 50 верстах к северо-востоку от

* В. А. Обручев, Ископаемые богатства Афганистана, «Новый Восток» № 16, 1927 г.

Герата и целом ряде других областей. Азбест в Хосте чрезвычайно высокого качества, длинно-волокнистый. Наконец, в верхней долине р. Герируда, верстах в 70 к востоку от Герата, обнаружена нефть, месторождения которой встречаются и в ряде других пунктов Гератской провинции.

Громадные трудности транспорта и отсутствие дорог являются главнейшими препятствиями для развития афганских недр. По заключению геолога Обручева, «наибольшее значение, повидимому, получит в ближайшее время добыча золота, ляпис-лазури, драгоценных камней, слюды и азбеста, как наиболее ценных ископаемых, выдерживающих транспорт по горным дорогам и не требующих для своей обработки сложных технических устройств; возможно также развитие добычи нефти, тогда как добыча угля, меди, свинца и железа пока может рассчитывать только на удовлетворение местных потребностей».

По Тринклеру (цит. соч., стр. 76), будущее имеет за собой разработка афганской меди, конечно, при условии разрешения вопроса о транспорте. Основные районы залегания меди Тринклер определяет по линии к востоку от Кабула-Газни, т. е. в ближайшем соседстве с Индией, которая вынуждена, как известно, импортировать меди на 20 мил. руб. золотом в год.

Афганское правительство в первую очередь намечает разработку угля к востоку от Герата, причем эти месторождения предполагают соединить узкоколейной железной дорогой с Гератом. Из других угольных месторождений наибольшее значение для афганской фабрично-заводской промышленности, на 90% сосредоточенной в городе Кабуле, имеют только угли Нарина. Правительство также предполагает поставить разведочное бурение нефти.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Обрабатывающая промышленность на 90% сосредоточена в Кабуле и обслуживает, главным образом, нужды обороны. Начало было положено в период 1885—1897 гг., когда под руководством английских инженеров здесь был сооружен оружейный завод, выделяющий ружья, патроны, орудия и снаряды. Завод этот развился в крупное предприятие, имеющее следующие главные отделы: оружейное, оружейно-патронное, пороховое, холодного оружия, монетное, суконное, винокуренное, электро-механическое, хлопчатобумажное, мыловаренное, картонажное, литографское и деревообделочное. Энергия получается от гидро-электрической установки в Джебельсарадже в 40 верстах от Кабула. Завод обслуживает, главным образом, казенные заказы. На заводе, или как его называют афганцы, «кар-хане» (дом машины) работает около 5 000 рабочих. Кроме этой фабрики в Кабуле работает

обувная, также пользующаяся электро-энергией; число рабочих от 200 до 300 человек. Гидро-техническая установка Джебелзараджа снабжает Кабул и осветительной энергией. В Джелалабаде есть небольшой деревообделочный завод (тиковое дерево в полусобранном виде сплавляется в Индию). В Герате, Мазар-и-Шерифе и Кандагаре при местных арсеналах имеются механические и интендантские мастерские. За последнее время правительство приняло кое-какие меры к развитию промышленности. За 1924 г. в Кабул из-за границы доставлено оборудование для следующих заводов (очевидно, весьма небольших) — чугунно-литейного, железо-делательного, цементно-бетонного и стекольного. Кроме того, намечено открытие мыловаренного и расширение существующего завода искусственных минеральных вод. Около Кабула открыта спичечная фабрика. Кроме того, начат постройкой хлопко-очистительный завод в Герате, который получит энергию от небольшой электрической установки, также дающей свет этому городу. Фабричная промышленность в Афганистане остается пока в зачаточном состоянии и представляет лишь государственные предприятия.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Внешняя торговля Афганистана распределяется между Персией, Британской Индией и Средней Азией (Россия). Преобладающее значение имеют две последних страны.

Развитие внешней торговли Афганистана до 1900-х годов мало поддается статистическому учету и сохраняло чрезвычайно медленный темп. Эмир Абдур-Рахман пытался создать в стране предпосылки для общеафганского внутреннего рынка и ввел с 1890 годов запретительные пошлины на большинство иностранных товаров. Общий оборот с Англо-Индией, достигший было в 1891 году 8,67 млн. рупий, за следующее десятилетие снизился до 5,819 млн. рупий. Равным образом экспорт, шедший из России, за одно только пятилетие (1895—1900 гг.) падает с 2,48 млн. руб. до 2,12 млн. руб. «Либеральная эра» афганской внешней торговли наступила при эмире Хабибуллахане. При нем были значительно понижены ввозные и вывозные пошлины. На товары, шедшие из России, они в среднем равнялись 40% со стоимости. Тем не менее, торговля с царской Россией, благодаря ряду поощрительных мер (премий, возврат акциза) стала развиваться довольно быстро. В период 1901—1913 гг. общий оборот русско-афганской торговли вырос почти в три раза.

Следующая таблица рисует распределение афганской торговли по странам в довоенный период (в тыс. зол. рублей)*:

* Таблица взята из сборника «Торговля СССР с Востоком», 1927 г., с. 105.

1909—13 гг.	Вывоз из Афга- нистана	В %	Ввоз в Афгани- стан	В %	Общий оборот	В %
Англо-Индия	9 689	62,9	6 388	51,4	16 076	57,8
Россия	5 149	33,4	5 109	41,4	10 258	36,8
Персия	561	3,7	918	7,5	1 479	5,4
Итого средний годовой то- варооборот	15 399	100	12 415	100	27 814	100

Как видно, афганская внешняя торговля имела весьма скромные размеры для страны с 7-миллионным населением. Афганистан оставался в значительной степени замкнутым рынком. Тем не менее довоенная торговля с Россией, охватывавшая больше трети всего оборота, играла крупную роль в общем строении внешней торговли. Здесь сказывались два момента: географическое тяготение северо-афганских рынков к Средней Азии и торговая политика царского правительства, придававшего громадное политическое значение внедрению на афганский рынок.

По группам товаров русско-афганская торговля имела в 1913 году следующий вид (в тыс. руб.):

Группы товаров	Наш импорт из Афганист.	%	Наш экспорт в Афганистан	%
Сырье и полуфабрик.	4 554	72,3	976	1,6
Скот	785	12,5	1	—
Жизненные припасы.	6 1	10,5	97	6,3
Изделия	249	4,7	5 472	92,1
Итого	6 299	100	5 946	100

85% нашего экспорта составляли бумажные ткани; 6% сахар; 2% стекло и фарфор; далее шли шелковые и шерстяные изделия, металлические изделия, керосин, спички и другие товары.

По импорту на первом месте стоял каракуль (24%); после него хлопок (17%); шерсть (15%); мелкий рогатый скот (12%); семя куш-жутное и льняное, миндаль, фисташки, изюм, шкуры бараньи и ковры.

При близости главных административно-торговых центров Северного Афганистана к головным пунктам русской железнодорожной сети (от Герата до Кушки — 114 верст; от Меймене до Керки — 108 верст; от Мазар-и-Шерифа до Термеза — 58 верст) наш рынок целиком поглощал сырьевые экспортные излишки Гератской, Мазарской, Катанго-Бадахшанской провинций. Хлопок, шерсть, каракулевые шкуры шли отсюда исключительно на север.

Торговля с Индией имела в 1918 году следующий вид (в индийских рупиях):

Экспорт из Афганистана в Индию:		Импорт в Афганистан из Индии:	
Фрукты, овощи, орехи	2 615 000	Хлопчатобумажн. изделия и пряжа . . .	9 002 000
Кожи и шкуры. . .	468 000	Кожа выдел.	960 000
Продовольств. . . .	1 120 000	Металлы и мет. изд.	524 000
Шерсть-сырец . . .	7 436 000	Сахар	700 000
Прочие товары . . .	1 245 000	Чай	1 230 000
		Прочие товары . . .	2 817 000
Всего . . .	12 884 000	Всего . . .	15 233 000

Торговля с Индией по объему превышала русско-афганскую и всегда имела благоприятный англичанам баланс, что, очевидно, стояло в связи с обширными военными и другими закупками, производимыми Афганистаном в Индии и Европе в счет получавшейся от правительства Индии субсидии.

С 1917 по 1923 г. гражданская война и товарный кризис прервали наши торговые связи с Афганистаном. Как показывает следующая таблица, место русских товаров было полностью занято английскими (в тыс. зол. руб.):

1919/20—1923/24 гг.	Вывоз в Афганист.	В %	Ввоз из Афганист.	В %	Общий оборот	В %
Англо-Индия.	14 781	98,1	12 429	86,6	27 210	92,2
СССР	45	0,2	715	4,9	759	2,7
Персия	288	1,7	1 230	8,5	1 518	5,1
Итого средний годовой то- варооборот	15 113	100	14 374	100	29 487	100

Афганская экономика, пытаясь приспособиться к новому положению вещей, подверглась ряду серьезных сдвигов.

Возможность экспорта северно-афганского сырья на индийский рынок была, прежде всего, ограничена дороговизной и трудностью транспорта. При расстоянии от 700 до 1 000 верст караванного пути, разделяющего центры Северного Афганистана от индийской границы, фрахты ложились тяжелым накладным расходом на каждый пуд груза (до 6—7 рупий). Только наиболее ценные виды сырья (каракулевые шкуры, отчасти шерсть) могли выдержать высокую стоимость перевозки, и при таких условиях северо-афганский рынок, насыщенный английской мануфактурой не в достаточной степени, натурализуется, переходит к возрастающему потреблению кустарной «маты» и холстов.

Общий размах этого процесса наглядно иллюстрируется следующей таблицей, заимствованной нами из статьи тов. Палюкайтиса (в тыс. пуд.).

Страны вывоза	1913	1918/19	1919/20	1920/21	1921/22
Англо-Индия	315	225	187	98	92
СССР	107	—	—	—	—
Персия	4	2	2	1	1
Всего	326	227	193	99	93
В %	100	69,8	60	30,3	28,5

Увеличившийся спрос на англо-индийские изделия покрывается отчасти вывозом шерсти из Гератской и Мазарской провинций, главным же образом, повышенным экспортом каракулевых шкурок. Если раньше русский рынок поглощал почти 300 тыс. шкурок в год, то в период 1917—1924 годов ввоз в Индию превышает 1 млн. шкурок ежегодно. Увеличение падает, главным образом, на стада туркмен, эрсаринцев, частично перекочевавших из Бухары. Индийские скупщики, представители крупных англо-индийских торговых фирм, охватывают афганских и туркменских каракулеводо-сетью авансов, товарного кредита и т. д. Более того, во времена острого недостатка товаров (в частности чая и мануфактуры) в Советской Средней Азии англо-индийский капитал в крупных размерах, особенно до советской революции в Бухаре (1920 г.), вел контрабандную торговлю, выкачивая каракуль, ковры, ценность. Еще в 1923 году через Мазар-и-Шерифскую таможню прошло из Индии свыше 80 тысяч пудов чая, имевшие, главным образом, контрабандное назначение. В 1924 году это количество снижается вдвое в силу все уве-

личивающегося снабжения средне-азиатского рынка нашими торговыми органами при одновременном усилении охраны границы.

Оценка внешней торговли Афганистана за последние годы затруднена недостаточным характером статистики. Англо-индийская статистика учитывает лишь грузооборот в конечных пунктах железнодорожных путей, выходящих на афганскую границу. Но эти пути служат как для целей местной торговли, так и для торговли с полосой пограничных племен, а в отношении Кветтского узла и для торговли с Персией. При таких условиях приходится прибегать к разного рода подсчетам, дающим лишь весьма приблизительные результаты (см. статью С. Зашук «Внешняя торговля Афганистана», журнал «Народное хоз-во Средней Азии», № 7—8, 1928 г.). Другая трудность лежит не только в отсутствии афганской статистики, но и в изменении курса афганской валюты, неуклонно падающей за последние три года. При таких условиях цифровой материал не может явиться полным отражением динамики афганской внешней торговли.

Первой чертой послевоенной торговли, безусловно, является общий рост торговли Афганистана при одновременном достаточно резком увеличении пассивности торгового баланса. Приводимый нами баланс из ст. С. Зашука опять-таки имеет ориентировочное значение (в млн. руб.).

Средняя за послевоенные годы	Привоз	Вывоз	Общий товарооборот %	
С Индией	15,00	11,20	26,20	79,4
» СССР	2,18	2,97	5,15	15,7
» Персией	0,47	1,59	2,06	4,9
Итого . .	17,65	15,76	33,41	100,0

Торговый баланс Афганистана до войны носил пассивный характер; но «невидимым» слагаемым была английская субсидия в 2 400 тыс. индийских рупий, служившая расчетным средством по оплате военных и других заказов за границей. Основное увеличение торговли падает сейчас на торговлю с Индией. Здесь, очевидно, с одной стороны, произошло географическое перемещение в связи с отрывом северо-афганского рынка от Средней Азии и снабжением его из Индии; с другой стороны, сильно увеличился выход афганского каракуля (естественный прирост стад; перекочевка туркменских стад из Бухары), что должно было дать резкий скачок вверх афганского экспорта, так как каракуль, как известно, является одним из самых ценных видов скотоводческого сырья. Третий момент — это резкое увеличение афганских закупок за

границей, в связи с курсом на создание своей промышленности и на военную реформу (закупка оружия и снаряжения).

Трудность сравнения послевоенного и довоенного периода англо-афганской торговли углубляется тем, что с 1925 года индийская статистика внешней торговли перешла на систему количественной оценки товарооборота, в то время как раньше давали лишь цены по группам товаров. Для Индии основную роль в импорте из Афганистана играли раньше продукты сельского хозяйства, как-то: фрукты и орехи, молочные продукты, рис. По наблюдениям т. Фор, вывоз по этим группам товаров остается стабильным, новую статью экспорта образует каракуль, отчасти шерсть и в меньшей степени хлопок, совершающий трудный караванный путь с севера даже через Гиндукуш. При таких условиях внешняя торговля с Англо-Индией, несмотря на известное количественное увеличение, повидимому, не может служить показателем скольконибудь значительного роста производительных сил или увеличения товарности сельского хозяйства. По мнению тов. Фор («Экономика современного Афганистана», журнал «Торговля СССР с Востоком», № 7—8, 1928 г.) каракуль является основным рычагом англо-афганской торговли, в известной степени уравновешивающим ее из года в год растущий неблагоприятный Афганистану баланс. Показателем неблагоприятного баланса служит падение афганской валюты. Если в 1925 году за 100 афганских рупий (кабули) давали 60 индийских рупий, то в 1926 г. — лишь 55, в 1927 г. — за 100 рупий афгани — 50 рупий, а в 1928 г. — лишь 43. То же и при расчете на английский фунт стерлингов: в 1926 г. за один фунт — 23,5 рупий, в 1928 г. — 31 рупий (из статьи тов. Фор).

Если товарность афганского сельского хозяйства в известной мере все же выросла, то в недостаточной степени, чтобы покрыть значительные закупки правительства в Европе и, прибавим мы, в значительно меньшей степени, чем этого можно было ожидать, имея в виду резкое повышение налогового гнета и перевод поземельного налога в деньги, что должно было послужить мощным тараном денежного хозяйства. Усиливая, с одной стороны, налоговый гнет, правительство падишаха Амануллы, с другой стороны, являлось сторонником таможенного протекционизма, построенного на исключительно высоких как ввозных, так и вывозных пошлинах. Пошлина на шерсть доходила до 40% со стоимости, с хлопка — до 20% со стоимости и т. д.

Торговля с СССР после почти десятилетнего упадка дает за последние два года стремительные увеличения и достигает в 1928 году довоенного уровня. Общий оборот торговли с Афганистаном за 1927/28 г. рисуется в следующем виде.

Экспорт в Афганистан из СССР .	8 808 тонн.	6 849 тыс. руб.
Импорт из Афганистана в СССР .	10 013 »	6 698 » »
Общий товарооборот	18 821 »	13 547 » »

По группам товаров в нашем экспорте первое место занимают хлопчатобумажные ткани — 902 тонны на 3 834 тыс. руб.; затем сахар — 5 084 тонн на 1 936 тыс. руб.; и далее нефтепродукты — 1 418 тонн на 236 тыс. руб. Вывоз мануфактуры равняется уже 66% довоенного экспорта.

В импорте из Афганистана на первом месте идут: шерсть — 4 052 тонны на 3 562 тыс. руб.; дальше скот — около 5 000 голов на 836 тыс. руб.; пушнина — 369 тонн на 1 426 тыс. руб. и наконец хлопок — 618 тонн на 586 тыс. рублей.

По сравнению с довоенным периодом мы имеем определенные структурные изменения афганского импорта. Если раньше по импорту видное место занимал каракуль, затем хлопок и лишь на третьем месте шерсть, пушнина и т. д., то сейчас в афганском импорте решающее значение имеет шерсть, пушнина и мелкий рогатый скот. Хлопок занимает незначительное место: вместо 3 000 тонн довоенного вывоза — в 1928 году в СССР вывезено лишь 618 тонн.

Продукты скотоводства сейчас занимают первенствующее место в советско-афганской торговле, в то время как хлопок, кунжутные и льняные семена и другие более мелкие продукты технических культур земледелия почти полностью выпали из товарооборота. И если по отношению к англо-афганской торговле можно говорить о стабильности или небольшом даже росте экспорта сельскохозяйственных продуктов, то для северных областей Афганистана, этих основных земледельческих районов страны, отмечается падение товарности сельского хозяйства. Этот процесс паходит подтверждение и в значительном росте ручной выделки хлопчатобумажных тканей*.

Основные процессы афганской экономики можно суммировать следующим образом.

1. Быстрый рост цен на продовольствие, и в частности на хлеб. Если при Абдур-Рахмане (900-е годы) одип сир пшеницы стоил в Афганском Туркестане полрупии, то в 1914 году его цена подымается до 2 рупий, и равнялась в 1924 г. пяти рупиям (сир пшеницы — равен 2½ пудам).

2. Постепенное районирование. Выделяются хлопководные районы на севере, районы промыслового фруктоводства и огородничества на юге. Афганское скотоводство в большей степени начинает работать на внешний рынок.

* При составлении очерка по торговле были использованы следующие материалы: статья тов. Палюкайтиса в сборнике «Торговля СССР с Востоком», «Торговля России с Востоком и русско-восточная торговая Палата», Москва, 1923; Журнал — «Торговля России с Востоком»; статья Слентцкокого, Рейснера и т. д. Бобынина Н. Н. «Персия и ее внешняя торговля» (1901—1923), Тифлис, 1923 г. Indiaa year — book за последние годы.

3. Относительно медленный рост внешней торговли, резко снизившийся в результате разрыва связи с русским рынком, причем товарность афганского сельского хозяйства северных провинций не восстановлена полностью и сейчас. Значительная пассивность баланса в послевоенный период.

4. Относительно медленное вытеснение дотканых шерстяных и бумажных тканей привозной иностранной мануфактурой. Процесс этот задержан в связи с десятилетним перерывом торговли с СССР, и временно сменился ростом кустарной и домашней промышленности.

5. Быстрый рост помещичьего землевладения на севере, быстрый рост цен на землю. Более медленный процесс дифференциации мелкого крестьянского хозяйства на юге. Наличие значительного числа свободных рабочих рук, отход их в Индию и Россию, прилив пауперизированного крестьянства в города.

6. Появление первых промышленных предприятий, усовершенствование дорог, введение автомобильного сообщения, падение, хотя и медленное, роли вьючного транспорта и скотоводческой торговли.

7. Чрезвычайно медленный переход кочевников в оседлое состояние, главным образом, в северном Афганистане.

8. Кризис крестьянского хозяйства в связи с бурным ростом налогов, захватом земли помещиками, при сохранении малой, однако, товарности сельского хозяйства. Кризис в большей степени вызван внешнеэкономическими обстоятельствами (давление налогов), чем дифференциацией на основе рыночных отношений.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СОЗДАНИЕ БУФЕРА

Исторические судьбы Афганистана складывались в непосредственной зависимости от его положения на перекрестке торговых путей, соединявших Индию с Передней Азией и бассейном Средиземного моря. Индийская внешняя торговля, строившаяся на вывозе хлопчатобумажных и отчасти шелковых тканей, растительно красящих веществ, как индиго и аль, игравших в древности и средневековья такую же примерно роль, как нынешние синтетические краски, наконец, пряностей (перец и корица), занимала крупнейшее место в международном обмене докапиталистического мира. Кроме морских путей к Персидскому заливу или в Красное море, Индия располагала единственным сухопутным выходом через горные проходы Гиндукуша в Иран и Среднеазиатские равнины. В непосредственной близости к Афганистану пролегла и другая великая сухопутная магистраль древней торговли, так называемая «северная императорская дорога», в отдельные периоды

соединявшие Китай со Средней Азией, откуда китайский шелк и фарфор после стодневного караванного пути переправились дальше на Запад.

Увалы северного Афганистана, с его богатыми пастбищами, образовывали место привалов и встреч караванов, и именно здесь возникла древняя культура Бактрианы, — «страны тысячи городов».

Городская культура Афганистана, расцвет бактрийских городов, прежде всего связывается с их значением, как промежуточных пунктов транзитной торговли. «Исследуя агрономически северный Афганистан, — пишут Букинич и Вавилов, — мы пришли к заключению об отсутствии в области древнего бактрийского царства географических элементов, необходимых для создания крупной оседлой земледельческой культуры. Все значение древней Бактрианы сводится к центральному положению на великом торговом пути из Индии в Месопотамию, к изобилию дешевых кормов, на приволье» *. По исчислению такого добросовестного исследователя, как англичанина Морелэнд, объем транзитной торговли к концу XVII столетия, т. е. уже после открытия морского пути вокруг Африки, равнялся 15 000 верблюдов в год (около 150 тысяч пудов) **. Центральное положение Афганистана на торговых путях делает его чрезвычайно рано объектом ожесточенной борьбы международных сил, пытавшихся было монополизировать обмен с Индией или Китаем. В этих внешних условиях наряду с ограниченными физическими возможностями самого Афганистана — его раздробленностью, бедностью почвы — следует искать причин, почему территории современного Афганистана не смогли раньше слиться в единое государственное целое и в тех или других комбинациях всегда составляли часть могущественных империй, возникавших в Иране или в Средней Азии. «Для составления исторического очерка Афганистана», — пишет проделавший эту работу В. А. Гурко-Кряжин, — «приходится сплошь да рядом искусственно изолировать историческую жизнь отдельных областей его, а затем сочетать их в общую картину» (В. А. Кряжин, Исторические судьбы Афганистана, сборник «Афганистан», изд. ВНАВ, М. 1923).

В V веке до нашей эры весь Афганистан и часть Индии к западу от реки Инда входили в состав персидского государства Ахменидов, боровшихся с античной Элладой за первенство на Средиземном море. Походы Александра Македонского (327 г. до нашей эры) рушат господство персов, приводят Индию в непосредственное соприкосновение с Западом и влекут за собой мощный рост торговли, сопровождающейся в самой Индии возникновением централизованного государства Мауриев (322—180 гг. до нашей эры). Паместники Александра уже

* «Земледельческий Афганистан», с. 81. Op. cit.

** W. Morland, «From Akbar to Aurangzab», London, 1923 г.

через три года теряют захваченные ими в Индии земли, а вскоре Чандрагупта Маурия положил свою руку и на всю территорию до самого Гиндукуша. Так во всяком случае интерпретирует Винсент Смит договор между эллинистическим государством Селевкидов и Чандрагуптой в 316 г. до нашей эры * В этот же период к северу от Гиндукуша, в нынешнем Афганском Туркестане на почве значительной греческой колонизации и расцвета культурной городской жизни создается греко-бактрийское государство, эта «страна тысячи городов», входившая одно время в состав империи Селевкидов, потом добившаяся кратковременной независимости и быстро исчезнувшая под ударами кочевников, сартов и парфян, в первом веке до нашей эры. Этот же период — один из наиболее блестящих в истории Индии, когда подъем торгового капитала создал чиновничью империю Асоки, и выдвинул в качестве своей идеологии буддизм, уничтоживший систему каст, — является вместе с тем периодом интенсивного обмена с Западом и в законах Маурийских царей мы находим специальные постановления о безопасности иностранных купцов и порядке распоряжения их имуществом в случае смерти или банкротства.

Вторжение сакков и парфян разрывает связь Индии с Западом. Последующее тысячелетие представляется наиболее смутным как в истории Индии, так и интересующего нас Афганистана. Новая кочевая волна ю-джи обрушивается на Индию в 1-м веке нашей эры. Кабульская и Кандагарская провинции Афганистана становятся местом пребывания их кушанских царей, покровительствующих буддизму, правда, уже в более грубых его формах. Надписи на монетах еще по-прежнему на греческом языке. Римские императоры шлют послов к кушанским царям, пытаясь использовать их для нажима с тыла на парфян, являющихся препятствием для широкого развития индо-римской торговли. Но все же торговля идет больше по морю, чем по суку. Морская торговля особенно расцвела после открытия сезонного характера муссонных ветров, приписываемого греческому кормчему Гиппалюсу (49 год нашей эры). Все же и Кабулистан и Северная Индия изобилуют находками римских монет, в особенности периода от Августа до Нерона. Экспансия Китая, пытавшегося установить в период 73—102 гг. нашей эры непосредственные торговые и дипломатические отношения с Римской империей (экспедиция генерала Пан-Джао, по мнению проф. Дугласа, доходила до Каспийского моря), являясь кратковременным эпизодом и глубокого влияния на Афганистан не оказала. Китайские пилитриммы еще в V веке находят в Афганистане, главным образом, иранское оседлое население, многочисленные буддийские ступы и монастыри. В конце V века в Индии через Гиндукуш вторгаются гунны (так называемые белые гунны-эфталиты).

* Vincent Smith, The early History of India, Oxford, 1924, с. 303.

С мусульманским периодом история Афганистана вступает на более твердую почву фактов. Арабское завоевание охватывает лишь западные области Афганистана и Среднюю Азию. Герат и Термез в VIII веке и вплоть до тюркских нашествий остаются рассадником мусульманского просвещения, культуры, интенсивной городской жизни. Восточный Афганистан же остается в руках мелких индийских раджей. После тюркских вторжений, при династиях Газневидов и Гуридов (XI и XII вв. нашей эры) Восточный Афганистан становится опорной точкой мусульманского движения в Индию, осуществляемого главным образом, мечами афганцев. Целые афганские племена и роды переселяются в Индию, образуя отчасти наемные армии, отчасти прослойку военно-бюрократической знати. Особенно сильно это движение после захвата Дели султаном Бахлалом-Лоди, афганцем по происхождению (1450).

Вторжение монголов при Чингисе (XIII век) и Тимуре (конец XIV века), за которыми вскоре следуют узбеки, занимающие среднюю часть Афганского Туркестана, водворяет хаос, приводит к запустению городов, гибели ирригации и влечет вытеснение остатков коренного иранского населения афганцами, в районах к югу от Гиндукуша. В начале XVI в. монгольский князь Бабер, княживший на Фергане, но выбитый оттуда узбеками, переходит Гиндукуш и вступает в борьбу с афганскими родами, составлявшими военную знать северной Индии, раздробленной в этот период на ряд отдельных мусульманских и индийских княжеств. Поход Бабера кладет основу просуществовавшей два века (1523—1707) могущественной империи Великого Могола, объединившей северную Индию и восточный Афганистан в единое целое. Могольское государство было переходным образованием от феодальных форм к чиновничьей иерархии. В период расцвета монгольские государи зажали в крепкой узде афганские племена, посылали против них карательные экспедиции и сделали много, чтобы обеспечить безопасность караванных путей, для чего приходилось договариваться и с узбеками в Афганском Туркестане, и с персами, занимавшими Герат. Однако приближался глубокий внутренний кризис. Прежде чем индийский торговый капитал мог захватить власть, а тем более — совершить эволюцию в сторону промышленного развития, денежное хозяйство прорвалось в деревню, подорвало самодовлеющую индийскую общину и создало обстановку для крестьянских восстаний самого широкого размера*. Одновременно слабеет и военная сила моголов, и в 1649 году они теряют Кандагар, перешедший в руки персов. Афганские племена совершают свое выступление, как самостоятельная историческая сила, в период, когда Индия охвачена жестокой гражданской

* См. мою работу «Классовая борьба в Индии при Моголах». Журнал «Новый Восток» № 19.

войной, когда в Пенджабе бурлит крестьянское восстание сикхов, когда в бомбейском декане подымается возникшее на аграрной почве анти-мусульманское движение махратов и когда, наконец, приморское купечество, давно связанное общностью коммерческих интересов с европейскими факториями и купцами, протягивает им руку политического союза для совместного восстановления «порядка и безопасности». В самом Афганистане уже в начале XVIII столетия подымается восстание гильзаев против персидского владычества; они пользуются крупным успехом и даже сажают своего шаха в сердце Персии — Исфагани. Успехи гильзаев оказались кратковременными. Полубандит — полукондотьер Надир-шах снова объединяет Персию, изгоняет гильзаев, вторгается в Афганистан, используют племенную рознь гильзаев и дюрраниев и совершает уже в 1739 году со смешанными афгано-персидскими силами грабительский поход в Индию, довершающий там общий разгром.

Из среды афганцев вскоре выдвигается талантливый военачальник Ахмед-шах-Дюррани. В 1747 г. он коронуется в Капдагаре, однако, лишь «в качестве короля дюрранийского племени, а не афганского монарха» (Белью, с. 160).

Для афганских племен как будто возникла широкая возможность развить сухопутное пиратство в Индии. И действительно, дюрранийское государство представляло слабо сколоченное объединение племенных афганских вождей, связанных известной общностью интересов на почве крупных грабительских экспедиций в Индию. В 1761 году афганские силы, объединившиеся с уцелевшими мусульманскими феодальными княжествами северной Индии, наносят решительное поражение армии махратов в битве у Панипата. Английские колонизаторы, едва утвердившиеся в приморской Бенгалии и строившие свою политику не только на сотрудничестве с индийским торговым капиталом, но и на феодальной раздробленности Индии и противоречиях между силами мусульманского севера и махрасского юга, с боязнью ожидали образования дюрранийской империи в Индии. Но эти опасения не оправдались. Крестьянское восстание сикхов, боровшихся с одинаковым подъемом против мусульманских ханов и индийских раджей, развивается именно в провинции Пенджаба, перехватывающей все пути из Афганистана к индийскому двуречью. Линия сообщения афганцев паходится под постоянной угрозой со стороны сикхов, идущих от победы к победе, несмотря на жесточайшие репрессии со стороны властвующих классов. Ахмед-шах повернул свои полчища обратно в Афганистан, ограничившись временным захватом западного Пенджаба, Кашемира и ряда областей в долине Инда*.

* См. мою работу «Крестьянское движение сикхов» (1700—1849). «Революционный Восток», № 4—5, 1928 г.

Победа сикхского крестьянства привела не только к восстановлению свободных общин, но и к созданию своеобразного государства с фигурой крепкого военного диктатора, Ранджит-Синга во главе. Уже в 1810 году сикхи отнимают у афганцев город Мултан; в 1819 г. к ним переходит Кашемир; в 1823 году — и Пешавер. Государство сикхов легло непроницаемым барьером между Индией и Афганистаном и создало объективно благоприятную обстановку для «собрания» Индии под властью Ост-индийской компании. Этот длительный процесс, охвативший почти столетний период, от захвата Бенгалии в 1757 году до второй англо-сикхской войны 1849 года, приведшей к потере независимости Пенджаба, облегчался сикхским барьером, лежавшим как раз на пути между Индией и Афганистаном, откуда мусульманские княжества раньше в изобилии черпали живую силу афганских и среднеазиатских кочевников*.

Международная обстановка, однако, была не такова, чтобы Афганистан мог вести изолированное существование. Если английская монополия внешней торговли Индии, гражданская война в Пенджабе, а затем афгано-сикхские войны в значительной мере подорвали значение сухопутного торгового пути на запад, то остается стратегическая и политическая задача обороны горных проломов Гиндукуша против всякого, кто посягнет на царские прибыли и неслыханный темп хищнического накопления «достопочтенной компании» английских купцов, торгующих с Ост-Индией. Английское внедрение в Индию с самого начала было связано с острейшими международным соперничеством и борьбой за морские пути — сначала с португальскими, затем с голландскими, а потом с французами. Англия ведет с Францией три кровопролитных войны в XVIII веке, и в 1763 году французская колониальная экспансия в Индии была сведена на-нет. Английский флот занял командующее положение на водных путях Индийского океана и сохранил его по сей час. Единственная опасность могла угрожать только с северо-запада. Афганистан автоматически вовлекается в орбиту мировой политики.

Англо-французское соперничество (Наполеоновские войны), затем борьба царской России и Англии на Среднем Востоке, наконец, угроза германской экспансии — являлись определяющими факторами английской политики в афганском вопросе.

Стоило Бонапарту отправить в 1808 году в Тегеран миссию генерала Гардана для подготовки французского похода в Индию, как Ост-Индская компания направляет в Кабул миссию Эльфинстона с поручением заключить союз с Афганистаном и заручиться его поддержкой на случай войны. В виду междоусобной войны, разорвавшей Афганистан,

* См. Alfred Lyall, *British Dominion in India*, 1913, London, с. 161, 321.

Эльфинстон не поехал дальше пограничного Пешавера, а его миссия потеряла всякий смысл после англо-персидского сближения*. С падением Наполеона Афганистан на некоторое время выходит из поля зрения Ост-Индской компании.

Усиление русского влияния в Персии, движение персов на Герат под давлением русской дипломатии и вторая по счету попытка завоевания Хивы, предпринятая Россией в 1839 году, открывают свежую страницу афганской истории. Тогдашний глава английского кабинета Пальмерстон в депеше на имя индийского правительства кратко определил будущие судьбы афганского народа: «Настал момент, писал он, решительно вмешаться в афганские дела, дабы предотвратить распространение персидских владений в направлении на Индию и создать здесь своевременный барьер против русского влияния»**.

Ост-Индская компания сначала испытала дипломатические средства. В Кабул была послана миссия Александра Бернса, предлагавшая афганцам субсидию и помощь для обороны Герата против персов. Эмир Дост-Магомет воспользовался случаем и возобновил афганские притязания на город Пешавер, отнятый незадолго перед тем у него победоносными сикхами. Английское правительство, не желавшее, во-первых, ссориться с сикхами и, во-вторых, ни в малейшей мере не заинтересованное в переходе к афганцам стратегического выхода из Хейберского прохода, наотрез отвергло сделку***. В такой обстановке полуофициальный агент царского правительства, прибывший в Кабул в 1837 г., поручик Виткевич, мог добиться значительных успехов. Он обещал афганцам не принадлежавший России Пешавер и предлагал им широкую военную и финансовую помощь. Британская дипломатия добилась отозвания Виткевича, но в результате всех этих событий в 1839 г. началась первая англо-афганская война.

Результаты этой плачевной авантюры известны. Первоначально английская армия достигла полных успехов и заняла Кабул, Кандагар и весь юго-западный Афганистан. Эмиром был назначен английский ставленник Шуджа-уль-Мульк. Оккупация продолжалась почти два года (1839—1841). Цель всего предприятия заключалась в захвате линии Гиндукуша и обеспечении на вечные времена надежного барьера против царской России.

В 1841 г. в Афганистане началось общее восстание. Панически отступавшая в Индию английская армия была поголовно вырезана в горных проходах к западу от Кабула (Хурд-Кабул). Из всей экспе-

* Эльфинстон и его миссия много сделали для изучения страны. Плод их работ «An account of kingdom of Kabul» до сих пор считается классическим по этнографии и быту Афганистана.

** Цитирую Vincent Smith, «Oxford History of India», с. 637.

*** Сравни «Cambridge History of British Foreign Policy from 1783—1913», т. II, с. 205, изд. 1923 г.

диции спасся один человек — д-р Брайден, который и принес в Пешавер весть о гибели английской армии: «Армия ген. Эльфистона, потеряв орудия, знамена и честь — полностью уничтожена». Все же англо-индийское правительство предприняло особую карательную экспедицию в Афганистан: войска под командой генерала Нокса и Поллока ворвались в Кабул и взорвали на воздух пощаженный Тамерланом крытый базар, чудо архитектурного искусства... После ряда подобных «подвигов» английская экспедиция вернулась в Индию, а эмир Дост-Магомет вернулся на трон в Кабул... Нельзя забывать, что в этот период Афганистан разделяли от Британских владений в Индии — сикхское государство Пенджаба и мусульманское княжество эмиров Синда (позже течение Инда), что чрезвычайно удлиняло английские коммуникационные линии. Несмотря на вынужденное сотрудничество сикхов, английские экспедиционные войска в Кабуле не имели в Пенджабе обеспеченного тыла*.

Наиболее объективный из английских историков в следующих выражениях оценивает результаты первой англо-афганской войны: «Экспедиция за Индом была предпринята с целью создать в Афганистане барьер против угрозы с запада... Продвижение британской армии было предпринято в расчете приостановить персидскую агрессивность и предупредить русские интриги путем замены враждебного правительства дружественным в странах за Индом. После громадных затрат крови и денег мы покинули Афганистан, оставив в каждом городе, в каждой деревне шестину врагов. Мы оставили ужасную память об отступлении покинутой, разбитой армии»**.

Этот жестокий урок показал ценные свойства Афганистана, как возможного буфера против России, а именно: дикость природы, гористость, бездорожья, свободолюбие и воинственность жителей. Испытав на опыте преимущества волчьей ямы, предназначавшейся русскому сопернику, английский империализм переходит к выжидательной и осторожной тактике в афганском вопросе, воздерживаясь от всякого вмешательства во внутренние дела эмирства.

Во время второго английского похода против государства сикхов, Афганистан, несмотря на старые счеты с сикхами, выслал им в помощь вспомогательный отряд кавалерии. Афганская помощь не остановила событий, и после аннексии Пенджаба в 1849 году английская граница выдвигается к самому подножию Сулеймаповых гор. Англия и Афганистан становятся непосредственными соседями.

Война с Персией воскрешает страхи за безопасность североиндийской границы. Россия стремилась натравить Персию на Афганистан и захватить персидскими руками Герат. Первая персидская экспе-

* См. I. D. Cunningham, History of the Sikhs, 1849, с. 230—35.

** John W. Kayes, History of war in Afghanistan, London, 1880, с. 899.

дия (1837 г.) окончилась неудачно; вторая (1856 г.) привела к захвату Герата. Но под влиянием английской экспедиции в Персидский залив персы были вынуждены оставить Герат. В 1857 г. индийское правительство заключает дружественный договор с Афганистаном — обе стороны гарантируют неприкосновенность территории друг от друга; защита интересов Англии в Кабуле возлагается на агента — мусульманина; Афганистан кроме того дает обязательство «быть другом — друзей, врагом — врагов Англии». Этот договор, сопровождаемый выдачей английской субсидии, удержал эмира Дост-Магомета от выступления против англичан во время разразившегося несколькими месяцами позже «великого возмущения сипаев»*. Между тем, пользуясь английской материальной поддержкой, эмир Дост-Магомет понемногу подчиняет окраинные области Афганистана: между 1850—56 гг. происходит завоевание Балха и Афганского Туркестана, в 1863 г. в его руки переходит и Герат.

Россия и Англия со второй половины XIX века стремительно шли на территориальное сближение своих азиатских владений. Завоевав Коканское ханство, подчинив независимые ханства Бухару (1868 г.), Хиву (1873 г.), парская Россия вплотную подошла к географическим рубежам Индии. В свою очередь, британский империализм успел справиться со всеми крупными туземными княжествами Северной Индии, утвердился в Белуджистане и занять, таким образом, стратегическое положение на границах Афганистана.

Мы не задаемся целью подробно осветить причины, столкнувшие русский и английский империализм на арене среднего Востока. Их корни менее всего кроются в самой точке приложения борющихся сил, в данном случае оказавшейся на Гиндукуше. Соперничество двух сильнейших держав старого капиталистического мира далеко не ограничивалось этой частью Азии: их противоречия согласовывались и примирялись путем взаимных уступок и нажимов по всему фронту политических и экономических интересов, сталкивавшихся и в Передней Азии, и в Константинополе, и в Персии. Основная причина лежала в стремлении молодого русского капитала найти колониальные рынки, оградить их стеной высоких таможенных тарифов от иностранной конкуренции и таким образом создать условия для дальнейшего развития оранжерейной русской промышленности**. При таких условиях

* Подробности об этом договоре можно найти у Roberts, Forty one years in India, Vol. I, с. 50—57 и в особенности у Kaye, History of Sepoy mutiny, vol. II.

** М. Н. Покровский пишет: «Английская свободная торговля и русский протекционизм сталкивались всюду, где была русская таможенная линия; нужно было, чтобы таможенный барьер был сломан или по крайней мере значительно понижен, чтобы отношения между двумя странами стали если не дружественными, то хотя бы сносными. (Сборник статей «Внешняя политика». Москва, 1918 г., с. 29). Общие предпосылки англо-русского антагонизма на

основными объектами русской захватнической политики, естественно, стала Передняя Азия (Персия и Турция). На среднем же Востоке, после завоевания Туркестана, аппетиты царской России были с избытком удовлетворены. Здесь было работы на много десятилетий. Индия и Афганистан для царизма имели лишь политический интерес, обусловленный значением этих стран для британского империализма. Именно здесь можно было нанести решительный удар неуязвимой на других участках первоклассной морской державе. Диктовать Лондону свои условия Россия могла бы лишь создав вполне реальные угрозы Индии; но царская дипломатия не шла дальше размахивания мечом на границах Афганистана, пугая англичан лишь возможностью русского нашествия на Индию*. Совсем иначе подходил к вопросу британский империализм. На протяжении XIX века и посейчас Индия остается осью английской политики на азиатском материке.

Интересами обороны Индии в значительной степени определяется и европейская политика Англии, те дипломатические комбинации, которые она от времени до времени создавала, чтобы вернее обессилить соперника, угрожавшего Индии.

Двойственная и неустойчивая политика царского правительства, то пытавшегося обратить «афганский вопрос» в орудие давления на английский империализм, то рассматривавшего его, как объект тайных сделок с англичанами, — только ухудшила международное положение Афганистана в борьбе за свою независимость.

1873 год оформляет положение обеих сторон. Через голову Афганистана, согласно частному англо-русскому соглашению, Аму-Дарья от озера Зорь-Куль до кишлака Бассага (Ходжа-Салех), признается южным пределом возможных завоеваний царизма. Все, что лежит, к югу от нее, провозглашалось «вне сферы русского влияния»

Среднем Востоке исчерпывающе выяснены и в других трудах того же автора, в частности «Дипломатии и войны царской России в XIX столетии», стр. 320—345, а также в его общих исторических курсах.

* Начало кладет Павел I с его планом похода в Индию в союзе с Наполеоном. Затем следуют проекты Чихачева (1854 г.), Дюгамеля (1854 г.), Хрулева (1855 г.) и, наконец, Скобелева (1876 г.). Подробности можно найти в статье т. Раскольниково «Россия и Афганистан», журн. «Новый Восток» № 4. Тов. Раскольников дает всем русским проектам следующую меткую характеристику: «необходимым условием успеха все авторы проектов единогласно считали нейтралитет Персии и содействие Афганистана, в легкости обеспечения коего не сомневались. Основная ошибка этих оптимистических планов и многих других им аналогичных заключалась, с одной стороны, в недооценке трудности исхода и силы английского сопротивления, а с другой стороны, в преувеличенности надежд на содействие афганцев... Но царская дипломатия не обладала в достаточной мере выдержкой и при первом нажиме со стороны англичан тотчас сдавала свои позиции, с преувеличенной поспешностью отзывая свои миссии из Кабула и предательски покидая Афганистан на волю судьбы».

(официальное заявление Горчакова в 1869 г.) *. Британская дипломатия в определении будущей афгано-русской границы не считалась с этнографическими и хозяйственными признаками, а просто имела в виду наметить удобные стратегические позиции для обороны Индии **. Делалось это, конечно, не из уважения к афганистанскому народу и его независимости, которые сами англичане не постеснялись грубо нарушить в 1839 году, а для того, чтобы в конечном расчете самим завладеть Кабульской и Кандагарской провинциями и всеми территориями до Аму-Дарьи. И выторговывая те или иные территории у России и Персии для присоединения их к Афганистану, английская политика имела в виду Афганистан, как будущую британскую колонию.

Британский империализм не замедлил попытаться прибрать к рукам Афганистан вместе с его недавними приобретениями, когда подошел удобный момент. Русско-турецкая война (1877—78 г.), появление царских войск под стенами Константинополя и сан-стефанский мир, фактически утверждавший гегемонию России на Балканах, повели к резкому обострению англо-русских отношений. Под угрозой войны с Англией, пославшей свой флот в проливы, Россия согласилась на пересмотр сан-стефанского договора на Берлинском конгрессе. Стремясь укрепить свое положение при этих переговорах, царская дипломатия решила на военно-политическую демонстрацию на Среднем Востоке. Отряды генералов Гротенгольма, Абрамова и Кауфмана, общей численностью в 20 тысяч штыков, получили предписание готовиться к походу на Индию, и даже пределали некоторые передвижения в Фергане и Памирах, которые лишь подтвердили неподготовленность русских войск к серьезному походу. Сама численность этих войск (20 тысяч) показывает, что дело шло только о демонстрации. Одновременно в Кабул была направлена дипломатическая миссия генерала Столетова с поручением добиться союза с Афганистаном. Прежде, чем он успел доехать до Кабула, работы Берлинского конгресса закончились компромиссом, необходимость нажать с тыла на Англию исчезла, и все столетовское предприятие, таким образом, потеряло практический смысл. Тем не менее, Столетов, подобно Виткевичу, был необычайно щедр на обещания, и по его совету эмир Шир-Али-хан отказался одновременно принять в Кабуле английскую миссию Невилля Чемберлена. В глазах английского империализма этот факт показался

* Подробности см. «Афганское разграничение». Официальное издание царского министерства инд. СПб. 1886 г., с. 65—67.

** Это было с полной откровенностью высказано в английской же литературе. Например, во время Кушкиского инцидента Alfred Lyall писал: «Движение генерала Комарова (в Пендинский оазис) показало англичанам где, при внезапной вспышке, лежит истинная граница Индии и что за опасности грозят нам при ее проведении. Факт, что на пространстве нескольких сот миль между спорной полосой и границами самой Индии лежат территории, управляемые эмиром, — сошел на нет. «British Dominion», op. cit 1913 г., с. 346.

вполне достаточным предлогом, чтобы объявлять войну независимому и вполне свободному в своих внешних сношениях государству, каким в тот период являлся Афганистан.

Осенью 1878 года англо-индийские войска вторглись в пределы эмирства. Царская Россия, сыгравшая во всем этом чисто провокационную роль, осталась безучастной зрительницей событий.

При превосходстве численности и техники, английские войска без особого труда разгромили афганскую армию и завладели было Кабулом, Кандагаром и Газни. Шир-Али-хан и правительство перешли в Мазар-и-Шериф. Однако, с исчезновением регулярных сил афганцев и оккупацией Кабульской и Кандагарской провинций, только начались трудности англичан. В стране вспыхнуло народное восстание и началась беспощадная партизанская война. Необеспеченность коммуникационных линий и трудности сношений с Индией, единственно питающим тылом экспедиции, ставило под вопрос успех всего предприятия. Смерть Шир-Али-хана и переход власти к более сговорчивому Якубу спасает положение. С Якоб-ханом удается заключить в мае 1879 г. выгодный договор, и английские войска спешно выводятся из Кабула и Газни*.

По условиям Гандамакского договора «status» Афганистана в значительной степени сближался с положением так называемых туземных княжеств внутри Британской Индии. Умелая территориальная ампутация отрезала от эмирства округа Пишин, Сиби и Курама, отдавая в руки англичан все важнейшие перевалы на Индию.

Из Кандагарской провинции предполагалось создать нечто вроде государства в государстве под управлением особого «вали» или губернатора, назначаемого из Индии. Английская армия в случае столкновения Афганистана с третьей державой получала право передвижение по афганской территории. В мирное время присутствие британских войск на линии Аму-Дарьи могли восполнить экскурсии английских офицеров, без ограничения числа участников, времени их пребывания в стране и направления поездки. Телеграфная линия, предвестник рельсового пути, должна была связать Кабул с Индией долиной Курама. За военным флагом идет торговля, и Гандамакский договор в статьях 5-й, 6-й и 7-й особо озабочен защитой деятельности английских купцов и промышленников. Взамен «освобожденному Афганистану» великодушно обещалась всяческая поддержка против России. Для точного наблюдения за выполнением договора в Кабуле учреждалось второе правительство под видом Британского посольства, под защитой «международного права» и штыков многочисленного конвоя. Гандамакский договор не нуждается в комментариях. Он порывал

* Текст Гандамакского договора приведен у Соболева, Англо-Афганские распри, в приложении к книге.

с афганской замкнутостью: несколько десятков лет умелой работы и пресловутый буфер незаметно растворился бы в необъятной индо-британской империи от берегов Аму-Дарьи до границ Сиам. Однако, он действовал только три месяца и несколько дней.

7 сентября 1879 года в Кабуле происходит восстание. Власть внешне остается в руках Якуб-хана, но фактически в столице распоряжаются взбунтовавшиеся войска, поддержанные городским населением. Автор Гандамакского договора, английский посол Луи Каваньяри был убит со всем составом сотрудников. Англо-индийскому правительству, только что распустившему по домам армию, пришлось начать подготовку к новому вторжению в Афганистан.

Обнаженная суть английского гнета, распространение оккупации на области, занятые наиболее сплоченными и воинственными афганскими племенами, как гильзаи, афридии, джоррани, многочисленные предметные уроки скорострельной юстиции и военного «права», наконец, славные воспоминания об исходе первой войны и вера в победу над англичанами — поставили под ружье все боеспособное население и придали борьбе за независимость широко народный характер под знаком газавата. Специфическая горная обстановка и бездорожье принижали значение военопой техники, уравнивая силы противника. Англо-индийское правительство сумело, однако, двинуть новую армию осенью 1879 г. в Афганистан. Ряд частных побед, сдача Якуб-хана на милость генерала Робертса, запятие Кабула и Газни не приблизили, однако, разрешение основной задачи, по необходимости сводившейся к водворению порядка и спокойствия на основах поголовного истребления туземцев. Широкие опыты террора, предпринятые Робертсом в покоренном Кабуле, хотя доставили ему лордское достоинство, только озадачили и раздражили афганцев. За исключением подкупленных перебежчиков из сердарской среды*, англичане не имели другой опоры, кроме штыков.

Между тем, с окончанием Берлинского конгресса и отсрочкой столкновения с Россией, меркло отраженное значение Афганистана и он отступал на заднее место перед более насущными задачами английской политики (подготовка захвата Египта). Общественное мнение, удовлетворенное торжественным повешением 9 афганцев за одного Каваньяри, принялось за подсчет жизней и денег. Последняя статья достигала внушительной цифры — 25 милл. фунтов стерлингов — и предупредительно покрывалась самой Индией.

* Оккупанты безусловно пользовались симпатиями у знати. После каждой победы в английский лагерь добровольно являлись многочисленные сердары. Соглашательское настроение знати лишь рельефнее подчеркивает народный характер борьбы. См. Соболев, Англо-афганские распри, выпуск II, с. 331. Непман, *The Afghan War 1879—1880*. London, 1881 г., с. 282—3.

Эта сумма, конечно, не исчерпывала ресурсов крупнейшей из английских колоний, но малейшее брожение в тылу англо-афганской войны в корне подрывало успешность и целесообразность ее продолжения. А в таких признаках не было недостатка. В 1878—79 гг. Деккан охвачен громадным крестьянским восстанием, возглавляемым Махратским вождем «Шиваджи Вторым»; в ряде туземных полков, назначенных на афганский фронт, происходят бунты; на вице-короля покушается террорист Базу. В самой Индии еще не были изжиты последствия голода и засухи 1877 года, унесшего в одной только Мадраасской провинции около 5 миллионов жертв.

Совокупность этих обстоятельств обуславливает пересмотр афганской программы. Не имея сил удержать Афганистан вооруженной рукой, английский империализм решил пойти на мировую. В виду смерти Шир-Али-хана и пленения Якуб-хана англичане вступили в соглашение с опальным племянником покойного эмира — Абдур-Рахман-ханом, вернувшимся только что из своего изгнания в России, но пользовавшимся крупным влиянием в стране.

Абдур-Рахман-хан, из клана баракзаев, уже давно метил на кабульский престол. В шестилетнюю усобицу после смерти Дост-Магомета он держал сторону другого из своих дядей — Магомет-Азама, был у него командующим войсками и бежал в Россию после окончательного торжества Шир-Али-хана. Ко времени пленения Якуб-хана туркестанский генерал-губернатор Кауфман имел неосторожность отпустить Абдур-Рахмана на родину. Железная воля, недюжинный политический и военный талант и сверх того мастерское использование декорации священной войны — скоро ставят его во главе восстания.

Сделка с наиболее влиятельным из повстанческих вождей, сумевшим обуздать своеволие партизан и ввести среди них подобие дисциплины, выводило англичан из опасного положения, грозившего повторением катастрофы 1839 года*. Расчет оправдался и эвакуация юго-восточного Афганистана (Кабул и Газни) совершилась без всяких потерь для войск генерала Робертса.

Одновременно в самой Англии приходит к власти либеральный кабинет Гладстона, сменивший ярко-торийское (консервативное) министерство Дизраэли. В отношении Афганистана ставку на захват Кабула и постепенное распространение власти из столицы к периферии заменяет политика расчленения Афганистана, заглаживания его по частям. Соглашение с Абдур-Рахманом признавало его лишь в качестве «эмира Кабульского». Фактически власть Абдур-

* Вот что писал вице-король Литтон английскому дипломатическому представителю, сопровождавшему армию Робертса: «Как только вы прибываете в Кабул, примите меры, чтобы открыть нам выход из этой мышеловки». (Привозу по Romesh Dutt «Economic history of British India», vol. II, с. 432.

Рахмана распространялась кроме очищенных англичанами областей из Афганский Туркестан и Бадахшан. Вне его власти оставались провинции Гератская и Кандаганская. Из последней была образована «независимая» область во главе с Вали-сердаром Мир-Али, а самый город занял гарнизон под командой генерала Борузза. В Герато хозяйничал Аюб-хан, брат Якуба, не терявший надежды выбить трон из под ног Абдур-Рахмана. Для оккупантов, занимавших центральное положение между Гератом и Кабулом, как будто открывалось широкое поле для сраживания соперников, поддержки одного против другого, с конечным расчетом ослабить обоих и обходными путями вернуть себе позиции, потерянные в результате неудачной войны.

Как Аюб-хан, так и Кандагарский вали, оба не оправдали надежд. Один оказался слишком самостоятельным, а второй — чересчур зависимым. Аюб-хан вместо похода на Кабул бросил свои войска к Кандагару и разгромил английскую бригаду под Мейвандом. Еще до этого поражения в провинции началось восстание и афганские вспомогательные войска целиком передались на сторону Аюба. В Кандагаре англичане могли рассчитывать только на себя — Вали-Шир-Али просил охраны и разрешения уехать в Индию. Победа генерала Робертса над Аюб-ханом не меняла положения. Еще один урок показал, что для прочного закрепления хотя бы в части Афганистана требовались дивизии и корпуса вместо полков и рот, а английское вмешательство в борьбу соперников только сыграло на руку Абдур-Рахману. Правительство Индии вскоре приняло решение очистить Кандагар. К осени 1881 г. Абдур-Рахман завладел и Гератом и Кандагаром.

Вскоре после того, как Абдул-Рахман был признан эмиром, британское правительство торжественно отказалось «от вмешательства во внутренние дела подвластных его высочеству территорий и не настаивает на допущении британского резидента в Кабул», которого скромно заменил агент-мусульманин».

Одновременно британское правительство принимало на себя охрану безопасности Афганистана на случай «невызванного нападения со стороны третьей державы» (России). В области международных сношений эмиру Афганскому оставалось только признать ограничения, созданные обязательствами Персии и России перед Англией. Таким образом, и Афганистан был вынужден примириться с осуществлением невидимой китайской стены, которую с начала XIX века британская дипломатия строила вокруг обреченной страны. По соглашению 1880 г. интересы афганской внешней политики подчиняются английским в лице индийского вице-короля и осуществляются органами последней. За эмирством отрицается право посольства, и оно лишено возможности сноситься с соседними державами даже по вопросам торговых и пограничных взаимоотношений. Афганистан

отныне становится запретной страной, куда воспрещен доступ всякому европейцу, будь он торговец или путешественник.

Таковы основные положения договора, заключенного в 1880 г. между Абдур-Рахманом и английским представителем Леппел-Гриффином*.

В результате двух войн английский империализм не сумел добиться окончательных успехов в Афганистане. Правда, в его руках на этот раз остались головные участки горных проходов — Болапского и Хейберского. Не меньшее стратегическое значение имел захват долины Курама, откуда до Кабула через Шутургарданский и Пайвер-Котальский перевалы было лишь несколько дней форсированного марша. Захват этих пунктов значительно усиливал стратегическое положение Англии на афганской границе. Но другим последствием войны была глубокая, страстная враждебность афганского народа ко всему английскому, ненависть, делавшая совершенно невозможным появление английских купцов и других «мирных пионеров» в этой стране.

Внешнее подчинение Афганистана мало в чем затрагивало его внутренний уклад. После вынужденного отказа от политики военного нажима, англо-индийское правительство по существу лишалось возможности действительного политического воздействия на Кабул. Торговля по своему ничтожному объему не могла еще выполнить роли проводника английского влияния по ту сторону Сулеймановых гор. Наконец, английский агент-мусульманин, аккредитованный при эмирском дворе, вел жизнь зачумленного: он находился под строжайшим присмотром столичной полиции, и афганцы обычно предпочитали обходить самую улицу, где помещалось английское «посольство».

Между тем, международное положение продолжало оставаться угрожающим. И вот, под влиянием дальнейшего усиления России в Средней Азии (покорение Скобелевым туркмен и захват в 1884 г. Мерва) английская политика делает резкий поворот — она временно

* Полковник Тэт следующим образом суммирует соглашение с Абдур-Рахманом: «Мы не заключили формального договора, но было установлено, что эмир получит помощь оружием и деньгами со стороны правительства Индии в размерах, установленных этим правительством; что эмир получит наше признание лишь в качестве правителя Кабула; что он может принять меры к подчинению себе Герата, но что он обязуется не вмешиваться в дела вали или губернатора Кандагара; что округа Пишина, Сиби и Курама не рассматриваются более, как составная часть афганской территории; что британское правительство осуществляет контроль над горными проходами Хейбера и Мични, а также ведет сношения с горными племенами, занимающими хребты в непосредственной близости к указанным проходам; и что, наконец, внешние сношения правителя Кабула будут впредь вестись под контролем правительства Индии». «The Kingdom of Afghanistan», Calcutta, 1911, с. 179.

мирится с фактической независимостью Афганистана, не останавливаясь даже перед ее дальнейшим укреплением. Филантропия тут, конечно, была не при чем: сильный Афганистан должен был послужить щитом Индии против русского нашествия.

Символом этого поворота является установление в 1883 г. ежегодной субсидии эмиру в размере 1 200 000 индийских рупий «для оплаты войск и других мер, необходимых для обороны северо-западной границы Афганистана»*. При отсутствии контроля над расходованием передаваемых сумм, субсидия прежде всего служила предохранительным средством на случай однородных посулов со стороны России. Кроме того, персональная заинтересованность связывала эмира Афганского теснее всякого договора. А интерес был довольно крупный. В первые же три года царствования Абдур-Рахман получил денежную помощь, превосходящую в полтора раза общую сумму взяток, полученных всеми его предшественниками от «британского раджи».

По официальным источникам 1 200 000 рупий составляли 8-ю часть всех приходных статей тогдашнего афганского бюджета, и ценность ее еще увеличивалась регулярным поступлением взносов по сравнению с неровным, чисто случайным характером остальных доходов эмира**.

За финансовой помощью следует и военная. Афганистану передают: 20 000 казенно-зарядных винтовок, 1 батарею тяжелых орудий, несколько батарей полевой артиллерии при щедром запасе снарядов и патронов. Кроме того, Афганистан получил право свободного провоза через Индию оружия и военных припасов, закупленных непосредственно в Европе. Одновременно в Кабуле сооружаются военно-промышленные заводы английскими инженерами на английские же средства. В течение всего этого периода (1885—1887 гг.) насыщение Афганистана оружием остается таким же программным требованием, как и охрана его территориальной неприкосновенности от России.

Однако, афганская армия так и не пригодилась для защиты английских интересов. Единственное вооруженное столкновение про-

* Английский исследователь правильно видит в этом признак не силы, но слабости Абдур-Рахмана. Но из этого не вытекает, что англо-индийское правительство было настолько сильно, чтобы навязать ему контрольные меры, предлагаемые Бульдгером (см. с. 141—147) «Central Asian question» by D. Boulenger. London 1885. См. также Th o r b u r n «Our asiatic neighbours». London, 1891, с. 235.

** The Imperial Gazetteer of India, 1910, New Edition, том V, с. 61, «Афганистан». Сравни Г а м и л ь т о н — «Афганистан» русский перевод 1908. СПб., с. 135.

изошло у Таш-Кепри в 1885 г., где царская Россия силой захватила Пендинский оазис на путях из Мерва в Герат, изгнав оттуда афганские войска. Инцидент крайне обострил англо-русские отношения и даже грозил одно время европейскому миру, но был в конце концов улажен дипломатическим путем. По последующему разграничению Пендинский оазис, вскоре укрепленный постройкой крепости в Кушке, остался за царской Россией.

Английская помощь весьма пригодилась энергичному эмиру Абдур-Рахману в деле окончательного подчинения окраин путем политики решительной централизации. В этой области Абдур-Рахман является подлинным предшественником пынешнего эмира, его внука — Амануллы-хана.

Пользуясь своим положением — единственного посредника между Афганистаном и внешним миром, опираясь на превосходство военной техники и постоянный приток финансовой помощи из-за индийской границы, кабульский эмир решил возвыситься до положения афганского государя и стать из феодальной главы независимых племен настоящим монархом. Отсутствие крупных городских поселений и слабое развитие торгового капитала лишили молодой афганский абсолютизм просвещенного характера и сузили его историческую роль. Другим препятствием был крайне пестрый расовый состав различных групп населения, образующих Афганистан. Абдур-Рахман в автобиографии изо всех сил стремится представить свою деятельность в духе лучших образцов XVIII века в Европе. По существу же кабульский эмир был не столько глубоким реформатором, как искусным полководцем и, прежде всего, носителем интересов первенствующей афганской национальности в деле подавления национальных меньшинств. Пробуждающееся третье сословие находит в нем лишь слабую поддержку.

Несмотря на широкое снабжение английским оружием Абдур-Рахману потребовался срок почти 15 лет для успешного завершения объединения страны. До последней минуты борьба продолжалась с переменным успехом и несколько раз Абдур-Рахман был накануне падения. До самой смерти он сохранил предусмотрительный обычай всегда иметь в кармане свежий запас хлеба, а в подкладке сюртука было зашито несколько золотых монет — на случай возможного бегства.

Из важнейших моментов жестокой гражданской войны отметим: восстание Сеида-Магомет-Кунарского; карательную экспедицию против племени Шинвари (между Джелалабадом и Пешавером); подчинение племен Мангаль и Зурмат; бунт Диновар-хана и присоединение отложившегося было Меймена; поход против племени Кильман (около Лягмана); общее восстание гильзаев, самого многочисленного из афганских племен; правильные военные действия против мятежного Исаак-хана, двоюродного брата Абдур-Рахмана, поднявшего

в 1880 году восстание в Афганском Туркестане, куда он был назначен эмирским наместником*.

К этому списку надо добавить ряд походов, преследовавших чисто завоевательные цели: на Шугнан и Рошан в 1883 г.; две войны с хезарейцами; наконец, в середине 90-х годов завоевание Кафиристана и долины Асмара.

За чисто военными операциями идет более глубокая политика. Вчерашние феодалы — различные ханы, миры и малики лишаются права чеканить монету, творить суд и расправу, иметь собственное войско. Массовое истребление знати, переселение непокорных на новые места, частичное разоружение — нивелируют местную обособленность, частью уничтожая самодовлеющие конкурирующие с государством племенные союзы, частью низводя их на положение органов самоуправления при чиновничьем аппарате. Усовершенствуются пути сообщения и новые дороги связывают Кабул с вновь покоренными областями. Худородные чиновники из эмирских рабов и пажей (гулям бачей) временно вытесняют прищипов кровей на высших военных и административных постах. Сложная система шпионажа и политического сыска дополняет арсенал государственной власти и создает представление о вседесушности и всеведении эмира.

Ведется решительная борьба с грабежом и суровые меры репрессий вроде подвески живых людей в клетках на голодную смерть и массовые казни расстрелом из пушек обеспечивают сравнительную безопасность передвижения.

Из внутренних реформ отметим: введение единой монетной системы, снятие наиболее стеснительных внутренних таможен, реорганизация налогового дела на основах введения натуральной подушной подати; зачисление мулл на казенное довольствие и установление государственного контроля над вакуфными землями, создание основ административного аппарата, организация почтовой службы, наконец,

* Исаак хан бежал на север и нашел приют на русской территории. В 1888—1889 гг. он поднял новое восстание в Афганском Туркестане, уже при активной поддержке царского правительства.

Идея «больно ужалил Англию» на Среднем Востоке принадлежала лично Александру III, а исполнение легло на генерала Б. Громбчевского, из воспоминаний которого «На русской службе», Варшава, 1926 г. (на польском языке) впервые стало известно о роли царского правительства в этой аванюре. Исаак-хан получил сначала крупную помощь — 10 000 берданок, 1 мил. патронов, 100 т. рублей серебром и держал связь с Ташкентом через ген. Громбчевского. Следуя своей общей тактике в афганском вопросе, царское правительство бросило Исаак-хана на произвол судьбы в момент решительной борьбы его с Абдур-Рахманом, летом 1889 года. Решающим в успехе Абдур-Рахмана — по сообщению Громбчевского — явилось наличие горной артиллерии, доставленной англичанами.

Сообщением о книге Громбчевского и переводом части ее с польского я обязал любезности И. С. Зараховича.

создание регулярной армии на основах обязательного рекрутского набора и 18-летней службы. Борьба со взяточничеством и массовой работорговлей, внедрение книгопечатания и паспортная система дополняют общую картину разносторонней деятельности первого из эмиров, царствовавшего «по собственному праву».

В области внешней политики Абдур-Рахман добросовестно выполнял соглашение 1880 года. Высвободиться из-под английской опеки он мог бы лишь при русской помощи, а «белая собака» — любил выражаться покойный эмир, имея в виду русских — «ничем не лучше рыжей» — англичан. Абдур-Рахман отличался глубоким пониманием империалистического характера как русской, так и английской политики на Востоке. Его программа сводилась к накоплению сил в ожидании более благоприятного момента и сохранению до поры до времени строго замкнутого положения Афганистана. «Политика Афганистана в отношении обоих соседей», — говорит он в своей автобиографии, — «должна быть более дружественной к наименее агрессивному из них и враждебной к державе, стремящейся пройти через страну или посягнуть на ее независимость. Сам Афганистан своими действиями не должен провоцировать ни одну из соседних держав, ни под каким предлогом не допуская их к вступлению на свою территорию, какие бы они ни давали обещания в договорах».

Всякая попытка англо-индийских властей вмешаться в дела внутреннего управления рассматривалась эмиром, как посягательство на свои права, и встречала резкий отпор. Сама субсидия принималась, как дань, не закрывая пути для вымогательства надбавок при сколько-нибудь серьезном характере услуги, требуемой правительством Индии от «дружественного» Афганистана.

Несколько раз Абдур-Рахман пытался выйти из-под контроля правительства Индии и добиться обмена посольств непосредственно с Лондоном, но неудачно. Такой же неудачей была посылка его сына Насруллы-хана в Англию (1895 г.).

При Абдур-Рахмане были значительно усилены афганские крепости на границах с Россией. Герат был окружен земляными укреплениями. В Дейдади (на путях из Мазар-и-Шерифа в Кабул) была также сооружена крепость.

Из европейских привычек эмир афганский, между прочим, быстро усвоил захватнические тенденции: «убедившись, что всякое правительство стремится овладеть всем в пределах возможного», — говорит Абдур-Рахман в цитированной уже нами автобиографии, — «я решил попытаться урвать свою долю». В приложении к Средней Азии этот вывод пользовался деятельным сочувствием английского империализма. Злоупотребляя неясностью соглашения 1873 года, эмир афганский захватывает горные княжества Шугнан и Рошан, никогда ранее не входившие в состав афганского государства. Завое-

вательная энергия Абдур-Рахмана не ограничилась этими областями, и в начале 90-х годов афганские отряды начинают свое продвижение в область Большого Памира. В 1893 г. произошло шумевшее столкновение отряда полковника Ионов с афганским разъездом на Памир-Аличуре. Царская Россия весьма решительно поддержала вооруженной силой свои притязания обладать «крышей мира». Однако, по состоявшемуся в 1895 году соглашению с Англией России пришлось удовлетвориться захватом лишь Большого Памира, а между английскими и русскими владениями был вытянут особый буферный клин — княжество Вахан, отданное Афганистану. Одновременно была окончательно установлена русско-афганская граница: Афганистан отказывался в пользу Бухары от своих приобретений на правом берегу Аму-Дарьи (правобережная часть Шугнана и Рошана), получая в обмен часть бухарского бекства Дарваз, расположенного на левом, афганском берегу реки.

Во время англо-бурской войны царская Россия стала вновь проявлять активность на Среднем Востоке. Была сделана попытка войти в непосредственные сношения с эмиром афганским (под предлогом разрешения вопросов о торговле), но после опыта 1879 года и Столетовской миссии Афганистан совершенно не желал рисковать новой войной с Англией, и все получаемые от России предложения были переданы Абдур-Рахамом в руки английских властей.

Уже к концу 80-х годов английская политика делает новый поворот. Разработка опыта войны 1879 года приписала неудачу двукратного похода на Афганистан необеспеченности коммуникационных линий, находившихся под независимых племен ударом. Больше половины войск приходилось выделять для охраны путей сообщения. С другой стороны сам Афганистан, полагалось, мог в лучшем случае лишь задержать русское нашествие, если бы оно действительно началось. Международное положение в период 1890—1900 гг. продолжало оставаться напряженным. Вставал вопрос о подготовке благоприятной стратегической обстановки на последнем из природных рубежей Индии — на Сулеймановых горах. Там английский империализм столкнулся с независимыми афганскими племенами, занимавшими все горное пространство между фактической границей Индии и Афганистаном.

Британская Индия пришла с ними впервые в соприкосновение в 1849 году, после аннексии Пенджаба и областей Сикхского государства. Между собственно Афганистаном и линией Лоренса, означавшей тогда западный предел английского проникновения, оставалась узкая горная полоса, разделявшая рядом параллельных хребтов Индию от более возвышенного плато Афганистана и Колата. Население этой полосы, за ничтожными исключениями, общего с афганцами происхождения, языка и религии, и сохранило в большей степени, чем его западные сородичи, родовой быт, замкнутость и свободолюбие. Вели-

ким моголам и сикхам в борьбе за обеспечение границ Индии приходилось одинаково встречаться с этими «буйными, грабительскими племенами, находящимися часто в междоусобной войне друг с другом, всегда в набегах на равнины Пенджаба и Сида, ужасом торговых караванов во время их следования через горные проходы».

До конца 80-х годов английские военные мероприятия в пограничной полосе носили оборонительный характер. Организация карательных экспедиций в горы да выплаты значительных субсидий, как гарантия поддержания спокойствия на немногих караванных путях, мало чем нарушали независимое существование племен. На опыте выяснилось, что для «наказания» провинившихся горцев (сожжение посевов, уничтожение имущества, захват заложников) по специфическим условиям театра военных действий требуется посылка мощных военных отрядов, при устрашающем эффекте лишь временного и слабого действия. Избегавшие открытого столкновения горцы сохраняли в неприкосновенности живую силу и, быстро восстановив поверхностный урон, нанесенный хозяйству, с удвоенной энергией принимались за прежнее ремесло. Например, английские потери во время одного только «Амбальского похода» 1860 года против масудов значительно превысили убыль английских войск в течение всей второй англо-афганской войны. Более успешно шло с конца 70-х годов приручение белуджистанских племен и афганцев так называемой группы гургушт (юго-западная часть Сулеймановых гор).

Между тем, с общим ростом афганского государства росли его связи с независимыми племенами границы, росло взаимное тяготение двух родственных групп афганского народа. Как мы видели, спор о русском или английском влиянии на Гиндукуш был разрешен в пользу афганцев. Афганское правительство, помня опыт двух оборонительных войн против Англии, великолепно учло стратегическое значение барьера независимых племен: всякое расширение зоны английского влияния в пограничной полосе, проведение там новых железных и колесных дорог всегда рассматривалось афганцами, и не без основания, как угроза, направленная против их страны. Такая оценка английской политики паходила выражение не только в словах, но также в помощи оружием и деньгами, которую Кабул оказывал независимым племенам в их борьбе против английских войск. Так, правительство Индии, положившее немало трудов на поддержку Абдур-Рахмана, перешло к борьбе с ним как только стали обнаруживаться первые признаки тесного сотрудничества между Афганистаном и племенами.

* По последним сведениям численность населения пограничной полосы достигает 2 825 146 человек. Племена могут выставить в поле до 250 000 вооруженных воинов. См. *Indian Year Book* за 1922 г., с. 105.

С назначением в 1888 году маркиза Лендседоуна вице-королем Индии, главнокомандующий Робертс Кандагарский энергично припаялся за подчинение независимых племен.

Силы англо-индийской армии были увеличены на 30 тысяч пштыков, проведена реорганизация так называемых войск имперской службы и сооружены мощные опорные пункты в Кветте, Аттоке и Равальпинде. Не менее быстро росло сплетение стратегических путей в пограничном районе. Одновременно была начата правильная война с горцами под предлогом наказания за их набеги и грабежи *. Отметим важнейшие экспедиции: против юсовзаев, в 1877 г.; в 1894 и 1892 г.г. против орказаев; в 1891, 1892 г.г. завоевания княжеств крайнего севера границы (Дир, Читрал, Гильгит) **.

Встречные движения не замедлили привести английские и афганские отряды Абдур-Рахмана в соприкосновение на почве неустановленных границ. Из районов Булюнд-хеля и Вапно-Эхоба афганские чиновники были выброшены вооруженной силой. Не менее серьезные затруднения возникли в связи с запятием отрядами Абдур-Рахмана долины Асмара. Наконец, постройка Кветто-пишинской железной дороги с вынесением ее на афганскую сторону Ходжа—Амранского хребта, в непосредственной близости от Кандагара, рассматривалась как прямая угроза целостности Кандагарской провинции. В 1892 г. назрел разрыв. В 1893 г. к афганской границе были продвинуты крупные военные силы, и эмиру Абдур-Рахману было предложено принять в городе Джелалабаде английский уполномоченного генерала Робертса, «героя» второй англо-афганской войны. Робертс должна была сопровождать на афганскую территорию целая дивизия английских войск. Эмир стал готовить 100-тысячную армию для достойного приема «дивизии дипломатов». В конце-концов, однако, в Кабул прибыла миссия всего лишь из пятнадцати человек, во главе с Мортимером Дюрандом. Британские силы продолжали оставаться в полной боевой готовности на афганской границе. Эмир Абдур-Рахман под угрозой новой войны был вынужден согласиться на включение в английскую зону многочисленных афганских племен (свыше 3 миллионов человек), занимавших

* Английские авторы с редким цинизмом отзываются о героическом сопротивлении афганских племен. Небезызвестный Винстон Черчилль, сопровождавший в качестве офицера молакандскую экспедицию, пишет: «Легко воспламеняющиеся афганцы не в состоянии сопротивляться первому сильному впечатлению (т. е. захвату их земель англичанами). Они же хватают свои винтовки и становятся священными воинами, столь же опасными, как бешеные собаки, и достойные обращения, как с собаками». «The Story of Molakand Field Force» by Winston Churchill, London. 1898, с. 40.

** В период 1880—1890 гг. англичане предприняли на границе всего 4 крупных экспедиции общей силой в 16.376 пштыков. В течение следующего десятилетия (1890—1900) число экспедиций доходит до 13 общим числом 85 526 пштыков.

пространство между фактической границей и той новой, силой навязанной Афганистану, границей, проведенной в общем по водоразделу Сулеймановых гор и названной линией Дюранда. В свою очередь Англия согласилась на уступку Афганистану всего Кафиристана, долины Асмара и увеличила субсидию до миллиона восьмисот тысяч рупий в год. Кроме того, последовало снятие запрета с оружия и снаряжения, закупленного афганским правительством в Европе и задержанного при транзите через Индию.

По существу, однако, соглашение Дюранда было лишь компромиссом. Сохранение барьера независимых племен было для Афганистана вопросом самозащиты *. Эмир Абдур-Рахман мог внешне отречься от всякой связи с непрерывными восстаниями новых подданных англо-индийской империи, но он ни на минуту не лишал их поддержки оружием, деньгами, снаряжением.

За исключением немногих пунктов, где произошла фактическая смычка англо-афганской границы, как в Хейберском проходе, у Чамана, отчасти в долине Курама, на остальном протяжении Дюрандовой линии между афганцами, паходящимися по обе ее стороны, не было никаких рогаток или кордонов. Приписка горцев к английскому подданству имела разные практические следствия для Индии и Афганистана. Абдур-Рахман без труда и в небольшой сравнительно промежуток времени установил свою власть над отошедшими к Афганистану землями и подошел к северу вплотную к линии Дюранда *. Отошедшие же к Англии пограничные племена выразили свое отношение к договору рядом массовых восстаний. Уже в 1894 году поднялись моманды, за ними вскоре последовали вазиры. В 1895 году волнения распространились на Читрал и Гильгит. В 1897 г. восстание охватывает почти всю пограничную полосу одновременно. К нему присоединяются сватцы, афридии и оракзаи. От Англо-Индии потребовалось максимальное напряжение сил, сосредоточение в пограничной полосе 40 000 армии и бесчисленные жертвы людьми и материалом, прежде чем удалось провести разграничение. Пользуясь затруднениями англичан, Абдур-

* Перед самым приездом миссии Дюранда эмир Абдур-Рахман писал вице-королю: «Если бы эти племена, известные под именем ягиставцев, были бы отданы в мое владение, то я сумел бы их заставить сражаться против врага Англии и моего врага под названием войны за веру и под знаменем единого мусульманского государя (моим знаменем). Но если бы вырвете их из моих рук, то они не принесут пользы ни вам, ни мне. Вам всегда придется воевать с ними или иметь другие неприятности». Привожу письмо эмира по Гамильтону, *op cit.*, с. 269. Предсказание эмира оправдалось в полной мере.

** «Я вряд ли ошибусь, — заявил лорд Чельмсфорд в Палате лордов 3 мая 1923 года, — если скажу, что как только был заключен договор между сэром Мортимером Дюрандом и эмиром Абдур-Рахман-ханом, последний сразу же привел отошедшие к нему племена в подчинение и покорность. Нам же пришлось потратить на эту работу десятки лет, и она не закончена и по сейчас».

Рахман отказался признать договор 1893 года в части, касавшейся установления границы к западу от Хейберского прохода. Во время восстания горцев политика Афганистана включала саботаж со стороны афганских членов смешанных пограничных комиссий, широкую анти-английскую пропаганду среди племен, прямое их подстрекательство и тайную поддержку деньгами, оружием, офицерским составом. В целях более широкого использования знамени священной войны, Абдур-Рахман принял в 1895 году звание царя ислама, «светоча народа и веры», выступая огненным в качестве высшего духовного авторитета не только для своих подданных, но и для восточных племен. На съезде, который ему присудил звание «царя ислама», присутствовали многочисленные муллы и вероучители из пограничной полосы. Одновременно Абдур-Рахман зарекомендовал себя автором ряда богословских книг по жгучему вопросу войны с неверными.

Английская политика реагировала усилением изоляции Афганистана, строгим контролем над ввозом оружия, стремясь по возможности затормозить дальнейший рост афганского государства, искусственно задержать его в условиях отсталости и невежества. И как покажет царствование Хабибуллы-хапа, эта цель была в значительной мере осуществлена в период 1900—1919 гг.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС. КЛАССЫ И ГОСУДАРСТВО

За последнее столетие ход классовой борьбы в Афганистане тесно переплелся с борьбой межнациональной. В свою очередь как постановка, так и пути разрешения национального вопроса были predetermined международным положением страны, оказавшейся в центре англо-русского соперничества на Среднем Востоке.

До рождения Советской России Англия делала политическую погоду на Среднем Востоке; ей и ей одной принадлежал решающий голос в афганском вопросе. Дialectика англо-афганских отношений сводилась к двукратной смене ставки на вооруженный захват Афганистана, политикой невмешательства с уклоном в сторону поддержки вчерашнего врага. Несмотря на внешнее противоречие, обе тенденции связанны глубокий единством в общем плане обороны Индии и исторически следовали одна за другой. Ставка на вооруженный захват линии Гиндукуша была английской программой-максимум. Эту конечную цель английская политика не теряет из виду и сейчас. Принятие же программы-минимум (невмешательство, даже поддержка остриями против России) определялась, во-первых, неудачей всех попыток насильственного закабаления афганцев и, во-вторых, угрозой нашествия и не-

обходимостью прикрыть Индию с севера хотя бы ценой укрепления Афганистана.

Афганистан должен был стать достаточно спаянным государственным образованием, чтобы Россия не смогла оторвать по кусочку северные его провинции. Но вместе с тем эмират должен был остаться в достаточной мере отсталым, и экономически разобщенным, иначе терялись его ценные свойства, как буфера, иначе Афганистан стал бы сам по себе «угрозой» для Индии, особенно в случае его объединения с так называемыми независимыми племенами. Таковы лимиты развития, установленные английской колониальной политикой для буферного государства.

В развитии межнациональных отношений основное значение имели не самые англо-афганские войны, а периоды длительных перемирий, следовавших непосредственно за ними.

Первая англо-афганская война (1838—1842) застаёт Афганистан раздробленным на ряд мелких племенных княжеств*. Власть эмира носила номинальный характер, хотя в военное время он являлся верховным вождем всей массы афганских племенных ополчений. Несмотря на громадные опустошения, нанесенные народному хозяйству четырехлетней войной, эмирская власть вышла из нее значительно укрепленной. Перенеся свои расширенные военные полномочия в область гражданских отношений, она делает первые робкие попытки сломить своеволие племенных вождей и привести их в прямое подчинение Кабулу. В области внешних сношений этот уклон в сторону централизации выразился резко агрессивной политикой эмира Дост-Магомета по отношению к соседям. Наиболее привлекательным объектом для завоевательных ударов афганцев всегда служила Индия. На этот раз дорогу закрывали английские штыки. И попытка афганцев выдвинуться в индийские равнины в союзе с сикхами потерпела полную неудачу; в 1849 г. объединенная афгано-сикхская армия была разгромлена англичанами в битве под Гуджератом. Тогда завоевательная энергия афганцев устремилась по линии наименьшего сопротивления — на север. Уже в 1850 году эмир Дост-Магомет предпринимает первый в целой серии поход против узбекских ханств левого берега Аму-Дарьи. Борьба за эти ханства велась Афганистаном и Бухарой с переменным успехом еще с середины XVIII века, но в период 1850—1860 годов афганцы добиваются здесь успехов и вчерне заканчивают покорение края. Заметим, что с 1855 года Афганистан пользовался некоторой материальной поддержкой англичан, обеспеченной эмиру Дост-Магомету

* Сам Дост-Магомет сидел в Кабуле, его брат Кохандиль-хан был самостоятельным ханом Кандагара, Герат, и прилегающие области находились в руках Камрана, из старой Садовайской династии, а северный Афганистан был раздроблен на 12—14 узбекских княжеств.

по Пешаверскому договору дружбы. Почти одновременно афганцы окончательно закрепляются в Гератской провинции с ее смешанным, неафганским населением. Так заканчивается первая часть «собираания Афганистана», разыгранная на фоне длительного затишья по индо-афганской границе.

Территориальный объем афганских успехов был значительно раздвинут англо-русским соглашением 1873 года.

В борьбе с царской Россией английская позиция была ясна: удерживать царскую Россию на почтительном расстоянии от Индии; заставить ее признать такие границы Афганистана, которые служили бы вместе с тем надежным рубежом Индии и, независимо от окончательного исхода борьбы между самим английским империализмом и неподатливыми афганцами, вынудить царскую дипломатию к отказу от всякого вмешательства в дела Афганистана. Программа эта в общих чертах была достигнута соглашением 1873 года. Стратегические интересы англичан требовали использования линии Аму-Дарьи, и афганская граница на протяжении добрых 800 км послушно вытянулась вдоль этой реки, рассекая тесные экономические и расовые связи между жителями обоих ее берегов. Стратегические ее интересы того же порядка требовали сохранения в руках Афганистана * значительной части персидского Сеистана, и эта самодовлеющая хозяйственная область была беспощадно поделена между соседями. Та же участь постигла и Шугнан и Рошан. К Афганистану отошли лишь половинки, фрагменты целостных хозяйственно-географических районов и с ними вместе отдельные отряды узбекской и туркменской народностей, оставшихся в громадной своей массе по ту сторону государственной границы. Это обстоятельство значительно облегчало афганцам покорение узбекских княжеств, сохранивших еще независимость: отрезанные от своей этнической базы, лишённые поддержки родственной Бухары, прижатые тылом к Аму-Дарье, они стали легкой добычей завоевателя.

Английский империализм не ограничился созданием благоприятной международной обстановки для разгрома национальных меньшинств афганцами. Англичане активно участвовали в этом процессе, финансируя и вооружая афганцев. Непосредственной причиной, толкнувшей англо-индийское правительство на «бескорыстную помощь», опять-таки была военная неудача. Вторая по счету попытка завоевания Афганистана (1878—1880 гг.) окончилась в общем таким же провалом, как первая. На фоне стремительного расширения русской колониальной империи в Средней Азии английская политика панически перегибает палку и вступает на путь материальной поддержки, вооружения и

* Никто из лондонских политиков не сомневался тогда в его близком превращении в один из округов Британской Индии.

финансирования Афганистана. В период 1880—90 гг. эмир Абдур-Рахман-хан, опираясь на получаемую крупную помощь извне, заканчивает подчинение окраин и впервые создает единое Афганское государство. После жестокой борьбы эмиру подчиняются хезарейцы, чар-аймаки, кафиры. Одновременно эмирская власть расправляется с областными афганскими князьями и заканчивает создание чиновничьего аппарата, подчиненного непосредственно Кабулу. Афганистан принимает облик многонационального лоскутного государства, сдавленного обручем абсолютизма.

Как мы видели, объединение Афганистана не было вызвано ни внутренним ростом производительных сил, ни сдвигами в производственных отношениях и классовой структуре. Афганистан был колонией навыворот. «Искусственным» создание более или менее централизованного Афганистана, в рамках, указанных английскими целями, можно назвать в таком же смысле, как например, «искусственными» являются те отношения, которые развитый капитализм силой навязывает отсталым народам. Диалектика развития отплатила за себя тем, что процесс объединения Афганистана в конечном счете вызвал к жизни новые силы, выступившие через несколько поколений под знаменем независимости и национально-освободительной борьбы.

В основных, чисто афганских провинциях, реформаторский размах эмирской власти с самого начала был ограничен областью племенных отношений, непосредственно связанной с военным устройством афганских племен. Не имея за собой поддержки городских центров и развитого торгового капитала, эмирская власть в деле подчинения меньшинств опиралась на военное превосходство афганцев, определявшееся в конечном счете силой племенных ополчений. Свообразие исторической роли, выпавшей на долю афганского абсолютизма, заключалось в создании единой центральной общеафганской власти на узкой базе племенной военной организации. Выход был найден путем создания двух неравноправных национальных групп — афганцев и не-афганцев. Национальные меньшинства становятся основной питательной средой для афганского правительственного аппарата и его племенного окружения. В таких условиях афганский абсолютизм носил первоначально черты двойственности, сочетавшей обнаженный гнет для одних с племенным самоуправлением для других; иерархию чиновников и совет племенных вождей; произвол и сословное представительство; народное ополчение и регулярную армию.

Племенная организация афганцев всегда имела черты военного братства, причем каждое отдельное племя противостояло остальным, как враждебная, соперничающая единица. Соединение по типу племенного и вместе военного сюза не новинка на Востоке и представляет довольно типичную картину для кочевых племен, поставленных в экономическую необходимость восполнять свои хозяйственные прорехи

угоном скота у соседей или грабежом сельскохозяйственных районов У афганцев же, поставленных на самом пороге Индии, этого неисчерпаемого резервуара богатств, кочевая масса имела естественный стимул к военному присвоению в ущерб чисто хозяйственной деятельности. В результате мы находим у афганцев более высокие формы военной организации, непосредственно сросшейся с организацией племенной. Все мужское боеспособное население каждого племени образует особые отряд, «улус», под командой племенного вождя и старшин. Между вождями крупных и мелких племен возникают отношения, весьма близкие к феодальным. Каждый крупный племенной князь имеет под рукой несколько десятков мелких, освобожденных им от несения повинностей и налогов, по связанным с ним военным союзом. Мелкие племенные вожди признаются владыками в определенных территориальных пределах, с правом собирать налоги от имени вышестоящего князя*. Моркрофт, как очевидец, приводит типичный пример такого возникновения налоговых полномочий племенного вождя. «Этот участок (Майдан) был пожалован эмиром Зюльфагархану с правом собирать налоги, при условии выставить на поле битвы, когда понадобится, вооруженную силу из сотни пеших и 12 конных воинов»**. Владетельные князья находились в постоянной вражде между собой, экономически обособляя подвластные им области. Опорными пунктами являлись укрепленные замки. Вот как описывает Вуд уособицу между отдельными феодалами в долине Кабула: «Кух-и-Даман — любимая летняя резиденция знатных кабульцев, ханов и вождей. Местность так же густо усажена замками, как возделанное поле колосьями. Замки солидной постройки и представляют близкое воспроизведение старинных баронских замков нашей страны (Англия).

* Мак Грегор следующими чертами рисует взаимоотношения центральной власти и племенных вождей до Абдур-Рахмана: «Всякая попытка ограничить или подавить права и привилегии сердаров или племенных вождей заранее обречена на неудачу. Каждый из них управляет на свой манер, они песпоконны, честолюбивы и воинственны. Можно сказать, что в Афганистане столько же государей, сколько племенных «вождей». Никакого единства нет (с. 57—58). «Всякий клан или племенная группа в зависимости от своей численности и размеров территории находится под началом одного или нескольких вождей или сердаров. . . В войне и во время мира они готовы передаться от эмира Кабула на службу Гератского визиря, государя Кандагара или же англичан, персов и сикхов. Они живут среди своего племени в укрепленной деревне или даже замке, занимающем возвышенность, где в случае нападения врага, они могут оказать длительное сопротивление. Как общее правило, эмир, изображая из себя номинальную власть, передает племенному вождю все права на сбор налогов на территории его племени, в обмен на обязательство прийти ему (эмиру) на помощь с отрядом войск в случае войны» (с. 60—61, 102, 105, 110).

* Moorcroft William, Travels, London 1841 г. Vol. II, с. 383.

Жизнь и собственность здесь совершенно необеспечена. Мне думается, что трудно найти хотя бы двух владельцев соседних замков, которые не находились бы между собой в открытой вражде или постоянных интригах» *.

Эмирская власть не могла целиком уничтожить установившийся порядок (или вернее беспорядок); она лишь видоизменила и приспособила его к своим нуждам. В результате жестокой военной борьбы владетельные племенные вожди к 80-м годам окончательно лишаются территориального верховенства, общей юрисдикции, права чеканить монету, устанавливать и взимать внутренние пошлины, держать собственное войско. В стране сокращается племенная уособица, обеспечивается известная безопасность собственности и передвижения. Однако, эмирская власть была вынуждена оплатить эти успехи существенными уступками как в отношении отдельных племен, так и целых общественных групп — племенной аристократии **. В самом ходе гражданской войны Кабул натравливал одни племена на другие, опираясь преимущественно на племена дюррани, откуда происходит царствующая династия **. Дюррани, и в особенности клан баракзаев, наиболее близкий эмирскому роду, становится ядром регулярной армии, которая в свою очередь приобретает резко выраженный племенной отпечаток ***. Баракзаи, общей численностью в 300 000 человек, получают строго военную организацию и выставляют в эмирские войска по всаднику от каждого плуга. Баракзаи образуют собой особое привилегированное сословие в государстве. Они изъяты из общей юрисдикции и судятся своим племенным судом, пользуются существенными налоговыми льготами; всему мужскому населению, кроме того, выдается ежегодное пособие. Женщины баракзаев при выходе замуж получают от эмира приданое в размере 100 рупий. Баракзаи, так же, как все дюррани, представляют наиболее типичный пример, но привилегированное положение завоевали себе и другие афганские племена, оказавшие эмирской власти те или иные услуги в течение гражданской войны.

* Wood, Journey, op. cit. c. 175. На то же обилие замков указывает и Яворский, Путешествие русского посольства по Афганистану, Петроград, 1882 г., с. 299.

*** Замечательно, что Imperial Gazetteer of India, описывая военную организацию афганцев начала XIX в., употребляет западноевропейскую феодальную терминологию — «силы афганцев состоят из племенных улусов под командой вождей, получающих земли в лен при условии содержания военной силы». Том V, Афганистан, с. 63.

«Торжество эмира из клана баракзаев было вместе с тем торжеством всякого дюррани, так как этим путем это племя стало как бы гегемоном над всеми остальными афганскими и не-афганскими племенами». (Полковник Тэт, «Королевство Афганистан», цит. соч., с. 17).

«Еще при Хабибуле-хане было подтверждено распределение новобранцев (регулярной армии) отдельных племен по особым ротам, под полковой командой вождей их племени». Гамильтон, op. cit. c. 181.

Более общий характер носят привилегии, полученные племенной аристократией — вождями, старшинами. Они поголовно привлекаются на эмирскую службу, и, под названием «сердарства», становятся правящим сословием по преимуществу, движущей силой аппарата государственного угнетения. Рост влияния племенной аристократии происходит в двух направлениях: путем возвышения вождей и старшин за счет умаления прав рядовой племенной массы и путем привлечения вчерашних феодалов на командные высоты нового, уже бюрократического аппарата. Многочисленные брачные связи эмира Хабибуллы и Абдур-Рахмана с представителями наиболее крупных владетельных родов закрепляют этот союз. Вначале, когда эмирская власть только приступала к созданию централизованного государственного аппарата, она чувствовала себя не слишком прочно и наряду с родовитыми афганцами выдвигала на высшие посты своих собственных ставленников из худородных чиновников или вчерашних придворных слуг. Постепенно эти элементы растворяются в общей массе сердарства, воспринимают его социальный облик и классовый дух. Согласно неписанной конституции Афганистана все важнейшие должности — эмирских наместников, высших военных офицеров и министров монополизируются в руках численно ничтожной группы сердарства. Продолжая сохранять весьма тесную связь с родным племенем, сердар, тем самым имеет за собой известную долю политического веса, независимо от его настоящего служебного положения. Эти скрытые влияния дают себя чувствовать особенно остро в минуты смуты, спорного престолонаследия или временного ослабления эмирской власти. Если в глазах широких масс (особенно не-афганцев) эмир является неограниченным монархом и самодержцем, то для сердаров он лишь первый среди равных, наиболее могущественный и сильный из племенных вождей.

Одновременно, государственная власть берет под свою защиту и покровительство права сердара над его родным племенем. Должность племенного вождя становится окончательно наследственной и подлежит утверждению эмира.

Вместе с тем легализуется положение племенных ополчений и они становятся чем-то вроде общего резерва афганской армии под названием мульки-савар, или кассадавы. При включении племенных ополчений в рамки эмирской армии опять-таки выигрывают вожди, выступающие в роли монопольных посредников между общеплеменной массой и центральной властью. Вождь в качестве командира племенного ополчения пользуется определенными льготами и получает из центра оружие и деньги на каждого ополченца. «Эти конные отряды, — говорит про ополченцев английский исследователь, имея в виду царствование Хабибуллы-хана (в 1901 г. — 1919 г.), — представляют свиты наиболее видных из вассалов. Определенная сумма — 200 кабульских рупий отпускается ежегодно на каждого воина, который

обязан встать под знамена эмира по первому призыву. Оплата милиции обычно производится снижением земельного налога. Привилегия поставки воинов в ополчение высоко ценится племенными вождями^{*}. Налоговые льготы и частичное превращение племенных вождей в государственных агентов по сбору земельного налога значительно усиливало их положение среди соплеменников и открывало вождям широкую возможность экономической эксплуатации своего племени. В конечном итоге этот процесс, по мере общего развития товарно-денежного хозяйства, должен был привести, как это было и в Персии, к росту крупной земельной собственности, к захвату племенных земель вождями и аристократией. Но в Афганистане имелись налицо тормозящие влияния. Если племенное хозяйство и было обречено на слом ходом экономического развития, то нельзя того же сказать об афганской племенной военной организации: афганская регулярная армия до последнего времени предназначалась, главным образом, для действий против внутреннего врага, племенные же ополчения, сосредоточенные в пограничных с Индией областях, являлись предохранительным барьером эмирства против завоевательных попыток англичан.

Напомним, что первая война с Англией была вынесена исключительно на плечах племенных ополчений. В промежуток между первой и второй наряду с ними создавалась и регулярная армия, но она разлетелась вдребезги при первом же столкновении с англичанами у Али-Месджида и Пайвер-Котала (1878 г.). Война вступила в затяжной партизанский период, где основное значение опять приобретали племенные ополчения. Вскоре после заключения мира (1880 г.) начинается длительная английская оффензива против независимых племен северо-индийской границы, — тех же афганцев, только записанных в английское подданство. В борьбе независимых племен с англичанами коренные афганцы принимают широкое, постоянное участие, образуя целые партизанские отряды или вкрапываясь единичными воинами в ряды махсудов и вазиров. Все эти обстоятельства давали племенам некоторую гарантию против чрезмерного экономического усиления племенных вождей налоговой эксплуатацией племен со стороны центрального правительства. В ряде восстаний, почти всегда удачных, племена находили средство вынудить своих вождей или Кабул к тем или иным

^{*} См. «Имперский справочник по Индии», цит. соч. том. V, с. 65. Привилегии распространялись по нисходящей и на рядовых ополченцев. Во всяком случае так было еще в середине XIX века, если верить Гамильтону — «милиционеры занимались полевыми работами и были свободны от всяких налогов кроме десятинного. Вождь не платил никакого жалованья работникам, которые, если не могли заниматься мародерством, вознаграждались более крупными земельными участками, пастбищами и некоторыми торговыми льготами». Гамильтон, Афганистан, цит. соч., с. 166 и 174.

уступкам. Такой порядок вещей, однако, мог продолжаться лишь до тех пор, пока афганская племенная аристократия и созданный ею государственный аппарат находили более выгодный и удобный объект эксплуатации в лице слабых, неспособных к сопротивлению национальных меньшинств. Замедление классового расслоения в среде коренного населения было куплено усилением его среди узбеков, таджиков, хезарейцев, причем организация этого процесса в целом берет на себя эмирская власть.

Завоевание афганского Туркестана и резкое повышение налоговых ставок при афганской власти вызвало экономический кризис среди таджикского и узбекского населения. Не менее болезненно должен был отразиться разрыв экономических связей с Бухарой и Туркестаном после проведения государственной границы по реке Аму-Дарье. «С водворением здесь афганцев» (на левом берегу Аму-Дарьи), сообщает Мельников, «города постепенно опустели. Таш-Курган еще недавно насчитывающий свыше 12 000 жителей, сейчас насчитывает едва 7 000. На месте многих цветущих городов остались одни развалины» *. В сельских же местностях резкое повышение земельного налога влекло разрежение населения, уход его в Бухару и последующее запустение обширных культурных площадей. Конфискация большинства земель туземной знати, переход всех брошенных и необработанных земель в собственность государства создает в руках афганского эмира обширные земельные фонды. Частично они используются для создания военных афганских колоний среди туземного населения. Афганские переселенцы быстро превращаются в паразитов, отдавая полученные им земли в аренду бывшим владельцам из туземцев. Другая часть государственного земельного фонда попадает в руки придворных фаворитов, эмирских любимцев. Наконец, остатки фонда остаются номинально в собственности государства, но сдаются им на льготных условиях в аренду крупным афганским чиновникам, посланным для управления краем. Батраками на этих землях опять-таки становится туземное коренное население. Само налоговое обложение варьируется в пользу афганцев в прямой зависимости от расовых признаков. «Пошлины и налоговую повинность несет все население Афганского Туркестана, кроме самих афганцев, кои значительно облегчены **». На то же обстоятельство указы-

* Мельников, — цитированное сочинение, с. 101. Тот же факт подтверждает англичанин Гамильтон, цит. соч., с. 98, 99 и 101. Афганские официальные источники отрицают упадок под влиянием афганского завоевания. Смотри Бурхан-уд-Дин-Хан-и-Кушкеки «Каттаган и Бадахшан», перевод с персидского. Ташкент, 1926 г. с., 23.

** Мельников, цит. соч., с. 144. Сравни — «Всякий честный афганец полагает, что он уже тем облагодетельствовал страну, что готов каждую минуту взяться за оружие в защиту родины. Афганские племена всегда находят сред-

васт и английский источник — «Размеры земельного налога колеблются в зависимости от количества воды, употребляемого при орошении почвы, а также в зависимости от расы»*. Туземное население Гератской провинции, Афганского Туркестана и Бадахшана стало таким образом объектом двойной эксплуатации — со стороны собственных баев и знати, которые лишь отступили на второй план, но не были окончательно уничтожены приходом афганцев, и со стороны последних. О тяжести этой двойной нагрузки можно судить лишь по косвенным признакам: массовому обнищанию населения, уходу его на работу в Закаспий и Туркестан, общему сокращению посевной площади. Одновременно происходит ломка старых форм землепользования и рост крупного землевладения, главным образом афганского**. Таков в общих чертах процесс, наблюдавшийся на северных и северо-западных окраинах Афганистана.

Про таджиков «Хаят-и-Афган» (с. 299) сообщает: «Лишь в некоторых частях западного Афганистана таджики сохранили права собственности на землю. Вообще же говоря, они такие права давно потеряли и переведены на положение арендаторов или подневольных батраков у афганцев». И дальше: «Таджики жалуются, что при всех обстоятельствах вся тяжесть трудовых государственных повинностей и налогов падает на них в гораздо большей степени, чем на афганцев. Мы не можем, однако, сказать, что таджики были бы открыто враждебны дюрранийской династии». О том же см. Мак-Грегор, с. 238, 241.

Иной тип отношений складывался в наиболее отсталых районах, как Хезараджат и Кафиристан.

Подчинив себе в 90-х годах эти горные трущобы, эмирская власть стремилась хищнически использовать их ресурсы и живую силу, одновременно открыв их для свободного сообщения с различными частями страны. Было проведено всеобщее разоружение туземцев, разрушены все укрепленные замки, расквартированы многочисленные афганские войска и, наконец, принят ряд мер, направленных к ослаблению ме-

ства избежать уплаты хотя бы части налогов, коими они обязаны государю. Аймаки же и таджики рассматриваются, как покоренные народы. Хорошо еще, если сборщик налогов возьмет только вдвое против того, что следует по закону... Домовый сбор, например, платят все неафганцы, афганцы же освобождены». (Мак Грегор, Афганистан, цит. соч., с. 63).

* «Английский имперский справочник по Индии». Цитиров. соч., том V, с. 61. Возможно, что номинальный размер налогов в обоих случаях не слишком резко расходится между собой. Но дело в том, что само устройство афганского налогового аппарата открывало широкий простор взяткам и вымогательствам. Эти же получали максимальный размах именно на окраинах, где афганцы являлись правящим сословием.

** На этом подробно останавливается Артамонов «Гератская провинция», цит. соч., с. 54, 106.

стной знати. Хозяйство маленького горного народа не обладало особыми ресурсами, и внешнего толчка оказалось вполне достаточным, чтобы вызвать сильнейший кризис; — улучшение путей сообщения усилило летнюю перекочевку афганских скотоводческих племен, направлявшихся из низин Джелалбада и даже из долины Курама в Хезараджат. Афганские племена использовали не одни только альпийские луга центрального Афганистана, но также имущество, принадлежащее хезарейцам, бессильным защитить себя и свое достоинство против грабительских походов племен. Афганские же власти в лучшем случае держались «нейтрально», в худшем высылали военные отряды, беспощадно подавляющие всякую попытку хезарейцев к сопротивлению. Хезараджат служил широким полем самообогащения всевозможных малых и больших афганских чиновников, проходящие же афганские караваны и войска вели себя как в завоеванной стране. В результате этой хищнической политики началось обезлюдение Хезараджата и Кафиристана. Громадное число хезарейцев и кафиров за недоимки продавались в рабство и этот вид «товара» занимал крупное место в отпускной торговле Афганистана *. К моменту окончательного подчинения Кафиристана и Хезараджата (90-е годы) условия международной работорговли значительно ухудшились и рабы из кафиров и хезарейцев начинают обращаться исключительно на «внутреннем рынке». Большую часть рабов поставляет провинция Хезараджат, чаще всего взамен уплаты чрезвычайных налогов или недоимок. «Цены на рабов колеблются в зависимости от цен на жизненные припасы. В урожайные годы они бывают высокие, а в периоды нужды рабы котируются на рынке как негодный товар» **. Поскольку поливное земледелие требует применения высоко-интенсивного труда, рабы не могли получить широкого применения для сельскохозяйственных работ и поступали главным образом в личное услужение и для домашних работ у афганской знати. Громадные же массы хезарейцев, покидавших свою страну под непосильным налоговым бременем, спускались в Индию и находили здесь заработок в качестве чернорабочих. Массовая работорговля была отменена в конце царствования Абдур-Рахман-хана, окончательно же она исчезает лишь при Аманулле-хане.

Среди остальных национальных меньшинств особого упоминания заслуживает индусская колония. Немногочисленная индусская колония является в Афганистане наиболее яркой представительницей торгового капитала, связанного, притом, с внешней торговлей и широкими финансовыми операциями, поскольку они вообще мыслимы

* Вуд. Цитир. соч. с. 209, Муркрофт, ц. с. с. 306, Григорьев, ц. с. с. 655.

** Гамильтон, цит. соч., с. 62. О том же говорит и Мельников, с. 120.

«Как рабы, хезарейцы высоко ценятся и исполняют самые тяжелые работы». Сравн. Имперский справочник по Индии, с. 60.

в афганских условиях. Индусы образуют в каждом крупном торговом центре нечто вроде объединенной корпорации, связанной известной общностью действий и имеющей в себе зачатки банка или акционерного общества. В их руках сосредоточиваются операции по обмену денег, переводу их за границу, вексельным платежам и т. д. Занимаются и ростовщичеством. В Кабуле менялы настолько влиятельны, что служат агентами правительства для проведения финансовых операций, связанных с рынком. (В Афганистане до сих пор не существует банков). Однако, политическое положение индусов мало соответствует их роли в хозяйстве. Как «кафиры» — не-мусульмане они были обложены особой податью «джазия» и стеснены в исповедании культа; искусственно скученные в отдельных кварталах на подобие средне-векового европейского гетто, они обязаны были носить желтые тюрбаны в знак нарочитого позора и отличия от правозверных.

Экономическое угнетение национальных меньшинств сопровождалось существенным ограничением их политических прав. Они не имели доступа на высшие военные и гражданские должности. Для не-афганцев равным образом было затруднено поступление в немногочисленные учебные заведения, готовящие квалифицированных чиновников. В области вероисповеданий единственной полноправной государственной религией признавалось мусульманство суннитского толка, к которому принадлежит правящая афганская национальность. Шиты и индуисты значительно стеснены и не всегда пользуются правом публичного богослужения*.

При отбывании воинской повинности, хезарейцев и кафиров брали лишь в саперные, обозные команды, узбеки же и индусы освобождены вовсе и платят взамен особую подать.

Под сложным переплетом межнациональных отношений проступают основные черты классовой структуры Афганистана.

Господствующее, командное положение занимает сердарство. С отказом от центробежных феодальных стремлений оно становится опорой эмирской власти. Интересы его отныне неразрывно связываются с судьбами афганского абсолютизма. Как мы видели, политическая покорность афганской племенной аристократии была куплена во-первых, уступками за счет рядовой племенной массы (налоговые льготы, сердар, как вождь племенного ополчения), во-вторых, экспроприацией земельных фондов на окраинах и передаче их сердарству, в-третьих,

* Снесарева, — Афганистан, лит. соч., с. 105 — сообщает: «В царствование Хабибуллы-хана духовенство должно было формально высказаться в какой мере следует проявлять терпимость к шиитам, и оно вынесло следующее решение: «религия сунитов есть единственно правая, признаваемая его величеством, как царем ислама». На основании этого решения в Афганистане были запрещены все религиозные церемонии шиитов и отдан приказ, чтобы шиитские мечети строились на пять футов ниже сунитских».

привлечением сердаров на верхушку бюрократической лестницы. Связь сердарства с народным хозяйством проходит прежде всего по линии крупной земельной собственности, захваченной этим классом. При слабой связи с внешним рынком афганский крупный землевладелец не заинтересован в расширении посевной площади или введении каких-либо технических усовершенствований. Он руководит не самым хозяйственным процессом, а лишь присвоением максимальной доли крестьянского урожая, не останавливаясь перед разорением своих арендаторов или крестьян. В такой обстановке присвоения помещиком прибавочного продукта не обходится без насилия и осложняется национальным моментом, поскольку на окраинах помещику-афганцу противостоит «иноверческая» крестьянская масса. Отсюда возникает еще более тесная связь сердарства с государственным аппаратом, создающим условия для такой эксплуатации. Самая форма сердарского землевладения на окраинах (аренда государственных земель крупными чиновниками) закрепляет эту связь. Вместе с тем военная добыча, занятие работоторговлей, безгрешные доходы от «трудов» по управлению государством, взятки и субсидии, получаемые от англо-индийского правительства, приводят к накоплению в руках сердарства крупных капиталов, быстро принимающих денежную форму. На следующем этапе развития сердарство переходит в города и начинает заниматься сначала ростовщичеством (через подставных лиц в виду строгости шариата), а затем и оптовой торговлей. Сращение вчерашней племенной аристократии и сегодняшней бюрократии с торговым капиталом открывает совершенно новую страницу в истории Афганистана, которая будет нами особо рассмотрена в главе, посвященной реформам.

Правящие верхушки подчинившихся Афганистану национальных меньшинств, всевозможные хезарейские и узбекские ханы, беки и т. д. — сохраняют привилегированное положение. Но отстраненные от решающего участия в государственных делах, лишенные связанных с ними доходов, они играют второстепенную роль по сравнению с афганским сердарством и при случае могут стать во главе движения, направленного против Кабула. Здесь приходится считаться с наличием определенных центробежных сил.

Духовенство в Афганистане пользуется крупным влиянием. Ваклуфные земли, повидимому, не получили широкого распространения в Афганистане, и таким образом духовенство оказалось лишенным солидной экономической базы. Духовенство представляет собой глубоко реакционную силу, огульно осуждающую всякие реформы.

Европейски образованная интеллигенция (чиновничество, лица свободных профессий) начала нарождаться в Афганистане лишь в самое последнее время. Прежде государственный аппарат обслуживался едва грамотными, невежественными писцами, получившими в лучшем случае богословское образование.

Афганская городская буржуазия до последнего времени не выступала, как самостоятельная политическая сила. Торговый капитал был как бы раздроблен на несколько самостоятельных групп. Роль аристократии афганского базара играло индийское купечество, организованное в замкнутую касту, стоявшую до недавнего прошлого в стороне от политической и общественной жизни. С другой стороны, влиятельные группы торгового капитала оказались вне города. Мы имеем в виду как племена торговцев — скотоводов, повинда, так и отдельные группы внутри кочевых племен, давно специализировавшихся на скупщических и посреднических операциях. При таких условиях немудрено, что на известный период времени афганский торговый капитал самостоятельной политической роли не играет.

Крестьянство в Афганистане не всюду находится в одинаковых условиях. В коренных областях оно еще не потеряло хозяйственной самостоятельности, способности отстаивать с оружием в руках свои права. Здесь еще далеко не закончена экспроприация племенных земель и закабаление афганского мужика. Решающие бои еще впереди. Гораздо дальше шагнуло крупное землевладение на окраинах. Здесь мы находим условия, близко напоминающие персидские. Громадное количество крестьянства уже обезземелено и переходит на положение батраков.

Для государственного строя Афганистана * наиболее характерным является сочетание высокой контрактиции политической власти (эмират) с самоуправством местных правителей в области налогового дела и финансов.

Верховная власть принадлежит эмиру. При Абдур-Рахмане и Хабибулле эмиры, как указывалось, принимали титул «царя ислама» и присвоили ряд чисто религиозных функций, обычно осуществляемых в мусульманских странах шейх-уль-исламами. Эмир вместе с тем является верховным главнокомандующим; в качестве судьи он служит не только высшей апелляционной инстанцией, но лично разбирает все дела политической важности (государственная измена, восстание, расхищение государственных фондов, вероотступничество и т. д.), а равно может принимать к производству любое, даже самое мелкое дело, поскольку оно его заинтересует. Смертные приговоры могут приводиться в исполнение только с утверждения эмира. Теоретически он является неограниченным монархом. При нем состоит совещательный орган — верховный совет с весьма неопределенными функциями. Этот совет представляет последний осколок когда-то полновластного сейма племенных ханов и включает назначаемых эмиром представителей трех родов: родственников эмира и высших должностных лиц (министров или бывших наместников), ханов и сердаров, как представителей страны

* Здесь идет речь о дореформенном Афганистане периода 1880—1920 гг.

и, наконец, руководящих столичных мулл в качестве представителей религии. При Хабибулле-хане в состав верховного совета стали допускаться отдельные представители от купечества. Верховный совет созывается раз или два в году, молча заслушивает общий доклад правительства, выносит ему одобрение и расходится. Прений обычно не бывает, хотя в принципе они допустимы. В исключительных случаях, как объявление войны, заключение мира, утверждение международных договоров, верховный совет собирается, чтобы утвердить принятое правительством решение и придать ему большую авторитетность.

Исполнительная власть осуществляется эмиром при посредстве министров. Кабинета в европейском смысле, как организованного целого, несущего солидную ответственность, не существует. Совещания министров происходят не регулярно: текущая правительственная работа ведется каждым ведомством отдельно, под контролем либо самого эмира, либо одного из принцев крови, назначенного наблюдать за одним или несколькими министрами. При Абдур-Рахман-хане были созданы следующие министерства: финансов, торговли (с подотделами, транспорта и таможенных сборов), юстиции, общественных работ, полиции, государственной канцелярии, путей сообщения и почты. Народное просвещение и народное здравоохранение находилось в ведении особых управлений. При Хабибулле-хане эта организация не подверглась каким-либо существенным изменениям.

При слабом разграничении компетенции отдельных ведомств, чрезвычайно важную роль играет полиция. Она как бы поставлена над всеми остальными ведомствами и не только наблюдает за ними, но фактически объединяет и направляет их работу. Полиция подчинена непосредственно эмиру через кабульского кутвали или полицмейстера. Создателем полиции был эмир Абдур-Рахман, взявший себе образцом русскую полицию, с которой он близко ознакомился во время своего изгнания в Туркестане*. Полиция чрезвычайно многочисленна и опирается на широко развитую сеть тайного шпионажа. Помимо охраны общественной безопасности и политического сыска она несет ряд финансовых и врачебно-санитарных обязанностей и, наконец, имеет специальное наблюдение за «моральным» уровнем населения, выполняя своеобразные педагогические функции. Приведем весьма интересное перечисление функций кабульской полиции, составленное путешественником, посетившим Афганистан в последние годы Хабибуллы-хана. «Обязанности общей полиции следующее: сбор податей и налогов, поимка воров и разбойников, суд низшей инстанции, посредничество

* «A Review of the political situation in Central Asia» by Dr. A. Ghani-Lahore, 1921 г., с. 44. Если Абдур-Рахман заимствовал из царской России полицию, то от английского империализма он перепал смертную казнь путем расстрела призывавших к дулу пушки. Таково «культурное влияние просвещенной Англии и России» на варварский Афганистан.

в семейных ссорах, регистрации браков, рождений, разводов, смертных случаев, предварительное следствие с применением пыток, приведение в исполнение наказания, в том числе смертной казни, общее наблюдение за нравственностью и религиозностью, распределение сумм, полученных по благотворительным сборам, надзор за богодельнями, обнародование распоряжений правительства, устройство народных гуляний, выдача паспортов и пропусков, соби́рание сведений о заразных болезнях, наблюдение за торговлей, уголовный розыск, распространение слухов на базарах по заданиям правительства, наблюдение за чистотой, снабжение мечетей осветительными материалами, забота о материальном обеспечении духовенства, назначение почных паролей (без них нельзя появляться на улицах после 10 часов вечера), наблюдение за политическим состоянием в частях регулярной армии». Можно спросить себя, чего только не делает афганская полиция? Приведенный список буквально исчерпывает все отрасли жизни столицы *. В полицейском обиходе нередко применялись физические наказания и допросы с пристрастием.

Начатки регулярной армии возникли в Афганистане вскоре после первой англо-афганской войны, но создание ее было закончено лишь при эмире Абдур-Рахмане. Армия комплектуется путем обязательного рекрутского набора, хотя самостоятельные рекруты могут откупаться. Срок службы 18-летний. Обмундирование и вооружение казенное, а пищевое довольствие свое. С офицерским составом слабо: на ряду с выслужившимися солдатами, а также офицерами, окончившими предварительное военное училище, попадают лица, купившие за деньги офицерские должности, или же неподготовленные юнцы, попавшие в офицеры лишь в силу знатного происхождения. Пехота соединена в палтуну — батальоны численностью в 700 человек, — кавалерия в полки — рисале по 400 человек, артиллерия в батареи. Общая численность афганской армии определяется приблизительно в 70 000 человек. Обучение было поставлено слабо, тактические занятия почти не велись. По мнению специалистов, афганская армия по качествам отдельных бойцов представляет великолепный сырой материал, но в ее настоящем виде она далеко уступает европейски обученным вой-

* Любопытный пример морально-педагогической роли полиции приводит Гамильтон: «Если свободомыслящий кабулец позабудет перевязать свою голову в час молитвы, со следуемой набожностью, — полицейский чиновник обязан в первый раз сделать ему ласковое внушение. Если этого недостаточно, то он должен употребить строгие выражения — вроде: о, безумец, о, глупец. В случае продолжительного упорства пускается в ход палка. А крайним средством служит донос эмиру — он сделает остальное». «Удары сыплются с молитвенным причитанием, и при самой экзекуции полицейский чин должен по меньшей мере чувствовать, если он не умеет этого высказать, сожаление к преступнику». Цит. соч., с. 128—129

скам. На ряду с регулярной армией существует уже упоминавшиеся нами ополчения общей численностью в 400—500 тыс. человек.

Высшую власть на местах представляют эмирские наместники — наиб-уль-хукуме, объединяющие в своих руках всю административную деятельность во вверенных им провинциях. Исключение составляет армия непосредственно подчиненная Кабулу через особых военных губернаторов, имеющих свое местопребывание там же, где и наместник. При Хабibuлле-хане Афганистан делился на 6 провинций или наместничеств: Афганский Туркестан, Бадахшан с Ваханом, Герат, Кандагар, Фаррах, Кабул. Наместник назначался на неопределенный срок и при условии полной политической лояльности перед эмиром он пользовался широкой самостоятельностью. В своем лице наместник совмещал председателя суда, высшего налогового инспектора, начальника полиции и т. д., одним словом, являлся в своей провинции таким же неограниченным властелином, как эмир в Кабуле. При наместнике обычно состоит канцелярия и секретариат.

Следующим административным подразделением являются округа, возглавляемые правителями — хакимами. Округа или бекства обычно совпадают с границами когда-то самостоятельных княжеств и значительно отличаются друг от друга по своему территориальному объему и количеству населения. Бекства в свою очередь распадаются на амлякдарства (уезды), а последние на аксакальства (волости). В селениях и городах существует институт старшин — арбабов. В более крупных городских центрах каждый отдельный квартал имеет отдельного арбаба.

Законодательство не имеет даже правильной технической организации. Публикацией законов ведает полиция. В состав действующего афганского права входит на ряду с племенными обычаями (адат), чисто религиозные нормы (шариат) и лишь на последнем месте законы, изданные эмирской властью. Кондификация не ведется, и местная власть в каждом отдельном случае вольна применять любое из многочисленных, противоречащих друг другу предписаний закона.

Эмир, как указывалось, является верховным судьей и вместе с тем судьей первой инстанции. При наместниках существуют свои суды — «махкам-и-хаким» с отделениями уголовным и гражданским. Более мелкие дела разбираются судами казиев — «махкам-и-шара» (церковный суд), применяющими постановления мусульманского религиозного закона (шариата)*. Взаимные споры и претензии между купцами разрешаются их собственным судом — панчиатом. Панчиат рассматривает только дела, возникающие при торговом обороте.

* Еще в начале царствования эмира Амануиллы-хана гератский наместник Магомед-Сервар-хан в своих приговорах буквально руководился предписаниями шариата: за первую, хотя-бы пустяжную кражу, он рубил левую руку вора, за вторую кражу — правую и т. д.

Дореформенный Афганистан отличался необычайной пестротой системы налогового обложения. Основное значение имел маллат — земельный налог. Он взимался натурой или деньгами, в зависимости от желания плательщика. Налог исчислялся из средней урожайности за несколько лет и составлял для земель, орошенных водою рек, одну треть валовой продукции, водою источников — одну пятую; керизом — одну шестнадцатую *. На землях богарных казна берет лишь одну десятую валового урожая. Фактически земельный налог значительно выше. Благодаря всевозможным ухищрениям чиновников, он достигает на круг почти 40% валовой продукции.

С земель, занятых под садовые культуры и виноградники, земельный налог взимается исключительно в денежной форме: с садов — 7,1½ — 8 руп. с джероба (¹/₆ десятины) в год, с виноградников — 9—10 рупий.

С домашнего скота берется особый налог — зякат (по сведениям Артамонова). Исчисляется он в следующих ставках (ежегодно):

с каждого верблюда (сверх 3-х) — 3 рупии;

с лошади — 1 рупия;

с коровы — ¹/₂ рупии;

с барана или ишака — 0,5 рупий (12 пуль) ** (рупия равна 60 п.).

Кроме того существуют еще следующие налоги: «сафан» — налог с недвижимых городских имуществ по ⁷/₂ рупий ежегодно с единицы, оцененной в 100 рупий; «аминана» — налог с торговых помещений и кустарных мастерских в размере полуторамесячной арендной платы, уплачиваемой за наем данного помещения; «базар-биш» — сбор с каждого व्यока товара, поступающего в продажу на базаре; «бачь» — внутренняя пошлина в размере от одной шестой до одной двенадцатой со стоимости товара, сбор этот взимается в месте отправления товара, отправителю выдается квитанция. Наконец, при регистрации актов гражданского состояния уплачивается особый сбор казиев. Кроме перечисленных от времени до времени вводятся чрезвычайные налоги — на ремонт или постройку казенных зданий и т. д. В широких размерах практикуются принудительные общественные работы, начиная от расчистки казенных арыков, кончая ремонтом и постройкой дорог, мостов и т. д. Работ этих правительство, разумеется, не оплачивает.

Всей своей тяжестью налоговый гнет ложится на трудовые, производящие классы. Всякий раз при взимании того или иного налога

* Если система искусственного орошения принадлежит казне, то за воду берется дополнительная плата. Для приема и хранения зерна, поступающего в порядке налогов, в стране создана целая система казенных складов — «гудамов», с особым обслуживающим персоналом.

** Зякат взимался обычно не в денежной форме, а натурой.

плательщикам приходится уплачивать добавочную сумму в пользу многочисленного чиновничьего персонала. При таких условиях следует признать афганские налоги чрезвычайно обременительными.

Налоговый аппарат построен крайне несовершенно и лишь частично находится в руках правительства. Взимание некоторых налогов, как, например, «биш-базар», отдается на откуп. Некоторые таможи также находятся в руках откупщиков. Министерство финансов, которое на ряду с полицией ведаёт сбором налогов, разделяется на четыре департамента — севера, юга, запада и востока. Каждый департамент делится на отделы операций натурой и деньгами.

Личная казна эмира и ее доходы смешана с обще-государственными поступлениями. В центр наместниками ежегодно посылаются зафиксированные раз навсегда для каждой провинции суммы. На самом деле общий валовый сбор, за вычетом расходов, идущих на покрытие нужд самой провинции, значительно превышает отчисления, высылаемые в Кабул, и этот излишек остается «безгрешным доходом» наместника и его чиновников. В свою очередь низовой налоговый аппарат ускользает от контроля наместника. Целые округа нередко отдаются на откуп.

Основными статьями государственных доходов, кроме перечисленных выше, являются: таможенные сборы, почтовый и гербовый сбор, штрафы за правонарушения, доходы с государственных земель и магазинов, монополии на некоторые товары, и ископаемые (эмирские соляные, рубиновые и ляпис-лазуревые копи, золото и уголь) и английская субсидия (до 1919 года). Общий государственный доход Афганистана исчисляется в 35—40 миллионов кабульских рупий ежегодно. Более 30-ти миллионов поступает от земельного налога и миллиона 3—4 — от таможенных сборов. Остальные налоги имеют ничтожное фискальное значение.

Из расходных статей обращают внимание многочисленные денежные субсидии отдельным племенным вождям. Из получаемых натуральных налогов значительная доля продовольствия и скота раздаривалась эмиром своим придворным и сердарам. На жирной почве казенного довольствия в Кабуле пышным цветом распускается более утопченная жизнь, в городе создаются сердарские полузамки, полудома, с обширным штатом челяди. При распределении государственных доходов, равно как в процессе их сбора, на долю сердарства падает львиная доля.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗАПРЕТНАЯ СТРАНА

В 1901 году после смерти Абдур-Рахмана престол без кровопролития перешел к одному из многочисленных сыновей покойного — Хабибулле. Последний, однако, был вынужден удовлетворить претензии своего ближайшего соперника и единоутробного брата, Насруллы-хана, передав ему право дальнейшего престолонаследования в ущерб своим собственным сыновьям.

В начале царствования Хабибулла держался с англичанами в духе заветов Абдур-Рахмана, проявляя известную твердость. Поскольку все договоры между Англо-Индийским правительством и Афганистаном носили характер персональный, связывая лишь царствовавшего эмира и не распространяясь на его наследников, то Хабибулла считал себя свободным от всяких обязательств в отношении правительства Индии. Несмотря на узкий кругозор и невыдержанность линии, молодой эмир не порывал связей с пограничными племенами, принимал в Кабуле их делегации, щедро одаривал горцев и по примеру своего отца, усвоил титул «светоча народа и веры». Ряд властных окриков и отеческих поучений лорда Керзона, тогдашнего вице-короля Индии, больно ударили по самолюбию Хабибуллы.

Впоследствии, однако, ярко обнаружилось, что Хабибулла и по своему характеру, и по своим политическим дарованиям далеко уступает Абдур-Рахману и явился в конце концов послушным орудием в английских руках.

В 1905 году в Кабул прибыла миссия Дена для заключения нового договора взамен аннулированного смертью Абдур-Рахмана. Английские требования включали: замену туземного агента при кабульском дворе официальным английским посольством; допущение английских инженеров к непосредственному руководству фортификационными работами на границах с Россией; продолжение железной дороги от Кветты до Кандагара, и, наконец, соединение Кабула с Индией телеграфом, а может быть, и железной дорогой. Принятие этих требований должно было значительно ускорить процесс превращения Афганистана в английскую колонию и фактически лишить эту страну всякой внутренней самостоятельности. Афганцы дали английской миссии понять, что Афганистан может пойти на уступки лишь в случае новой войны с Англией. А такой возможностью английский империализм не хотел рисковать. В результате четырехмесячных переговоров, миссия Дена отказалась от первоначального проекта и целиком приняла предложения Хабибуллы, сводившиеся к автоматическому продлению действия всех договоров между Абдур-Рахманом и индийским правительством на срок его, Хабибуллы, царствования. Сверх

того, самолюбие нового эмира получало внешнее удовлетворение с признанием его звучного титула: «его величество, независимый властелин афганского государства».

1907 год явился крупнейшей вехой в истории международных отношений на Среднем Востоке. Во внешней политике русского империализма 1907 год отмечен двумя соглашениями: с Англией по средне-азиатскому вопросу, с Японией о взаимной поддержке их территориальных домогательств в Китае. Оба эти акта связаны между собой глубоким внутренним единством. Они являются выражением поворота царской России вновь к Ближнему Востоку, на котором заняла угрожающее положение империалистическая Германия.

По времени конвенция с Англией предшествует соглашению с Японией; но обим предшествует русско-японская война и революция 1905 года. Соединенными усилиями Японии и Англии русский империализм был отброшен от теплого китайского моря. Английская помощь не ограничивалась военным снаряжением и деньгами; вся береговая полоса России была поставлена под удар английского флота, а в пункте ближайшего соприкосновения их азиатских колоний русское командование стояло под угрозой враждебных выступлений Афганистана и общих осложнений по средне-азиатской границе. В разгар войны из Туркестана на японский фронт не было взято ни одного солдата, ни одной батареи, и в связи с мероприятиями лорда Китченера в Северной Индии самим русским пришлось подумать об увеличении здесь числа войск. Портсмутский договор, конечно, не ликвидировал русско-японских противоречий. Русский империализм мог примириться с потерей южной Манчжурии, Ялудунского полуострова и уже облюбованной Кореи только в случае общего поворота своей внешней политики: Константинополь должен был оплатить потерю Порт-Артура. Это ставило ребром вопрос о соглашении с Англией, как предварительном условии отказа от политики реванша на Дальнем Востоке. На заседании особого совещания по выработке русского ответа на английское предложение по средне-азиатскому вопросу министр иностранных дел Извольский прямо указал, что «переговоры с Англией, достигшие именно теперь самого жгучего пункта, находятся в непосредственной связи с теми, которые мы ведем с Японией и которые, вероятно, скоро придут к желательному результату, выразившись в заключении серий конвенций, частью вытекающих из условий Портсмутского мира 1905 года, частью же имеющих самостоятельное значение. Соглашение с Японией будет, однако, не полным, если на ряду с ним мы не обеспечим себя со стороны Англии, связанной с Японией союзом».

В своей программной речи на том же совещании министр иностранных дел Извольский настойчиво указал, что «общее положение дел, создавшееся вследствие войны и последовавшей за ней внутренней смуты, заставляет нас отказаться от замыслов, недостаточно

согласованных с действительными силами страны, и вступить на путь охраны лишь своих насущных интересов. С этой именно точки зрения нам следует разбирать вопрос афганский и рассматривать предложенные Англией пункты».

Дело в том, указывает в своей докладной записке бывший посол в Константинополе Зиновьев, что «сейчас представляется как нельзя более желательным вывести наш Черноморский флот из того бездействия, на которое он обречен, и открыть ему доступ в Средиземное море. Поднять этот вопрос окажется возможным лишь при том условии, если нам удастся заручиться искренним содействием Англии». Само собой понятно, что под этим углом зрения «все планы вторжения в Индию не выдерживают критики и должны быть отнесены в область фантазии». Засим следуют и выводы: «В случае готовности Англии способствовать разрешению вопроса о проливах, могли бы быть с нашей стороны сделаны ей уступки в средне-азиатском вопросе» *.

Еще более откровенно высказывался Коковцев:

«Уроки прошлого убеждают нас в необходимости вести исключительно реальную политику, чуждую случайностей и уклонений в сторону. С этой точки зрения отдаленность Афганистана и недоступность его нашему влиянию должны заставить нас признать его вне сферы наших насущных интересов, о чем нам надлежит совершенно определенно заявить Англии, для которой афганский вопрос представляется жизненным. Таким открытым заявлением нам, быть может, удастся успокоить тревоги Англии и избежать нежелательных и опасных трений. Важность же соглашения с Англией так велика, что для достижения его можно было бы даже отчасти поступиться стратегическими соображениями, которые, быть может, связаны с афганским вопросом» **.

Здесь ценно откровенное признание Извольского, что Россия никаких реальных «замыслов», т. е. связанных с экономикой, в Индии не имеет. Царская Россия, действительно, рассматривала Индию и Афганистан не со стороны их внутренней, самодовлеющей ценности, а исключительно под углом пользования, как пугала для англичан. Такой подход влетал от времени до времени и средне-азиатский вопрос в международные кризисы, но пропадала минутная нужда, и царская дипломатия охотно сдавала афганский вопрос в арсенал. Благо, Россия продолжала сохранять выигрышное географическое положение на границах Афганистана.

* Зиновьева цитирую по его «Осекретной записке о соглашении между Россией и Англией». (Ср.-аз. департамент, дело 86, докум. 145).

** Слова Коковцева и Извольского привожу по протоколу «Журнала Особого Соповещения по афганскому вопросу» 14 апреля 1907 г. Присутствовали: Извольский, министр финансов Коковцев, Начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Палицын, министр торговли и промышленности Философов и ряд других высших бюрократов.

Иначе подходила к соглашению британская дипломатия. Для нее ценность Индии оставалась неподвижной величиной, не зависящей ни от соглашения с царской Россией, ни от общего хода мировой политики. Индия была и остается осью английской политики на азиатском материке *. И автор другой докладной записки по среднеазиатскому вопросу, г-н Семеновский-Туринский, в праве ожидать, что опорной точкой соглашения явится обращенное к России «*требование вполне надежных гарантий безопасности Индии, без чего самая конвенция окажется невозможной*» **. Лондону оставалось только продиктовать свои условия. И, действительно, за исключением одного маловажного пункта, первоначальные английские предложения по афганскому вопросу целиком вошли в текст договора.

Если суммировать все предшествующие уступки, сделанные русским министром иностранных дел на протяжении XIX века, то конвенция 1907 года ничего нового по существу не вносит. Она только придает прежним уступкам юридическую стройность и полноту. В уже цитированной докладной записке Зиновьев указывает, что действовавшая до 1907 года формула признания Афганистана «*лежащим вне сферы русского влияния*» обходила молчанием вопрос о формальном согласии на английское руководство внешними сношениями эмирства и оставляла, таким образом, узкую лазейку, куда от времени до времени проскальзывали русские агенты. Конвенция в первой же статье заменяет эту эластичную формулу положительным обязательством России «*пользоваться для своих политических сношений с Афганистаном посредничеством правительства его британского величества*»; она обязуется также не посылать в Афганистан никаких агентов». Запоздалое отречение России от всяких «*замыслов*» в Афганистане и Индии не разрешало, однако, всех основных жизненных задач, стоявших в ту пору перед британской империей на Среднем Востоке.

В 1904 году лорд Эленборо одной фразой сдал в архив традиционную, биконсильдовскую политику поддержки Турции против России: «*Лучше видеть Россию в Константинополе, чем немецкий военный арсенал в Персидском заливе*». С каждой законченной верстой строящейся Багдадской дороги немецкий капитал железным клином внедрялся в Месопотамию, подготавливая сферу влияния и в Персии и в Афганистане. На смену русской опасности на рубежах Индии выросла новая, более страшная германская опасность.

Дорога трех «Б» (Берлин — Бизантиум — Багдад) была не только по английским интересам. Она грозила заменить мечту о православном

* В самом тексте конвенции ни подслово не упомянуто об Индии. Этот ее лицемерный характер был в свое время раскрыт Снесаревым (см. его «Англо-Русское соглашение 1907 года» стр. 24—25).

** Записка по афганскому вопросу Д. С. Семеновского, № 965 вх. с. ж. I отд., 28 апреля 1907 года.

кресте на св. Софии дешевым полумесяцем немецкой фабричной работы. И поскольку конвенция 1907 года была первым признаком будущего антинемецкого фронта, то она не только развязывала русскому и английскому империализму руки на Западе, но закладывала одновременно первый камень политического и военного сотрудничества Англии и России на азиатской почве.

Объектом их общего действия становится и Афганистан.

Объем русского участия определился двумя моментами: неудачей всей предшествовавшей английской политики, направленной к захвату Афганистана, общим международным положением и, в частности, ростом немецкого влияния на Среднем и Ближнем Востоке.

В Лондоне не делали тайны из истинного положения вещей. Сэр Эдуард Грей без обиняков заявил царскому послу Бенкендорфу: «Мы рассматриваем Афганистан как угрозу для безопасности английских владений, и эта идея не была упущена во время недавних военных реформ в Индии». Далее Грей признается в бессилии английского влияния, когда советует Бенкендорфу — «отказаться от предвзятой мысли, что Афганистан, как в силу договора Дэна, так и вследствие поездок эмира в Индию, уже вполне подчинился некоторого рода протекторату Англии, дающему ей возможность делать там с точки зрения политической, административной и военной почти все то, что она захочет». И поскольку задача закрепощения афганского народа оказывается еще неразрешенной, то «дальнейшее увеличение военного могущества Афганистана рассматривается как опасность для Индии, и придается большое значение тому, чтобы эта страна осталась изолированной и замкнутой»^{*}.

И, действительно, Британское правительство вполне отчетливо сознавало, что Афганистан отнюдь не представляет собой колонии в обычном смысле этого слова. Главные трудности еще впереди, — почему англичане решительно отвергли мысль об ограничении своей свободы действий в отношении Афганистана: «какое-либо ограничение такой свободы со стороны Великобритании не преминуло бы подвергнуть серьезной опасности мир в Средней Азии, поощряя эмира и его подданных игнорировать трактаты, которыми регулируются отношения, существующие между Великобританией и Афганистаном. Такая возможность, как военные действия британских войск в Афганистане, должна всегда иметься в виду не только для защиты англо-афганского договора, но и для обеспечения исполнения настоящей конвенции», — писало Британское министерство иностранных дел в меморандуме от 12 августа 1907 года (№ 1697 ж. вх. с. б. н. с. II отд.).

^{*} Слова Грея привожу по донесению Бенкендорфа Извольскому от 5 апреля 1907 года (№ 742 вх. ср. д. II отд.).

В немногих словах целая программа. Тезис первый (подразумевается): английский империализм за сто лет упорной работы не сумел превратить Афганистан в свою колонию. Тезис второй: Афганистан представляет собой самостоятельную силу и притом враждебную Англо-Индии. Тезис третий: окончательная ликвидация Афганистана откладывается до поры до времени. На ближайшее время подготовка ограничивается паллиативными мерами: прекращением притока свежих сил извне и возможным ослаблением Афганистана, его изоляцией.

По последнему пункту царская Россия могла оказать ценные услуги. Самый факт англо-русского соглашения объективно ослаблял Афганистан. После провокации миссии Столетова, стоившей Афганистану войны 1878 года и крупных территориальных потерь, никто не питал особых иллюзий насчет помощи с Севера. К русской «дружбе» относились, пожалуй, с большим недоверием, чем к английской. Но именно с тех пор лавирование между обоими соперниками и сознательная игра на их противоречиях были положены в основу афганской политики эмиром Абдур-Рахман-ханом. Создание объединенного империалистического фронта в корне подрывает эту шаткую опору. При новых условиях малейшая потеря внутреннего равновесия грозила стать концом для афганского государства, всякий пограничный инцидент — предлогом для иностранного вмешательства. И само собой, Афганистан, имея в тылу враждебную Россию, никогда не решился бы на разрыв или военные действия против англичан. В потенциальной возможности использовать русские штыки против Афганистана и лежал новый козырь в английских руках. Русская угроза была ценна постольку, поскольку она оставалась только угрозой. И британский империализм, пока еще не поступаясь своими историческими «правами» на Афганистан в целом, не отказывался от роли единственного представителя афганских интересов перед внешним миром и мог в обстановке, успокоенной негласным присутствием русского жандарма, продолжить свои попытки «мирного внедрения» в Афганистан, которые не сулили шансов на быстрый успех, но зато были открыты только Англо-Индии и никому другому.

Программа сэра Эдуарда Грея отличается последовательностью, но она предусматривает только три слагаемых — Россию, Англию и Афганистан. Была еще одна новая сила — Германия, и она могла перепутать карты. Правда, возможности практического сотрудничества между Афганистаном и Германией были ничтожны. Полосу немецкого влияния в районе Багдадской железной дороги разделяла от Афганистана Персия, тогда всецело подчиненная англо-русскому капиталу. Однако, чем меньше корней имело английское влияние в самом Афганистане (а оно их имело очень мало), тем в большей степени выполнение эмиром своих обязательств перед англичанами зависело от общего международного положения. В частности, даль-

нейшие успехи и Германии на мусульманском Востоке, рост обаяния ее военного имущества и, наконец, появление немецких агентов в Кабуле могли толкнуть Афганистан на выступление против чужеземной опеки. И Эдуард Грей предвидит, что «в случае дальнейшего усиления Германии в районе Багдада и появления немецких агентов в Афганистане, мы будем вынуждены пойти на крайние меры» *.

Статья вторая конвенции определяет самую сущность англо-афганских отношений. «Так как правительство его британского величества объявило в договоре, подписанном в Кабуле 21-го марта 1905 года, что оно признает соглашение и обязательства, заключенные с покойным эмиром Абдур-Рахманом, и что оно не имеет никакого намерения вмешиваться во внутреннее управление афганской территории, Великобритания обязуется не присоединять или занимать, в противность оказанному договору, какой либо части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление этой страной, с оговоркой. что эмир будет исполнять обязательства, уже принятые им по отношению к правительству его британского величества в силу вышеупомянутого договора».

Но к чему, спрашивается, было сужать свою свободу действий по договору с Россией, включая туда, правда, в косвенной и недоговоренной форме, элементы признания эмирства, как самостоятельной силы? До этого времени все международные акты, касавшиеся Афганистана, стремились игнорировать самое его существование. Правда, и на этот раз судьбы Афганистана решались без его участия. Однако, постановления конвенции составлены в приближении к действительности, и, скажем, забегая вперед, имели для Афганистана силу постольку, поскольку ни в чем не изменяли старого порядка вещей.

С отказом царской России от агрессивных планов в Индии, естественно, падал интерес ее к Афганистану. Но обе страны продолжали оставаться соседями, и события за Аму-Дарьей задевали и царскую Россию, поскольку дело шло о безопасности границ, торговле и ряде других моментов. Вопрос о выполнении конвенции был для России, в лучшем случае, вопросом дружеских отношений с Англией. Никаких территориальных приобретений этот путь, как будто, принести не мог.

Такое равнодушие не удовлетворяло англичан. Они, естественно, стремились к тому, чтобы русский жандарм был надежным жандармом и сторожил северо-афганскую границу не за страх, а за совесть. И хотя ему по существу была отведена пассивная роль наблюдателя, англичане пытаются создать дополнительный интерес царской России к своим новым служебным обязанностям. Приманкой мог бы служить сам Афганистан. Признания Грея должны были показать, что Афганистан является непочатым полем для колониального использования.

* См. уже цитированное донесение Бенкендорфа.

И если Россия действительно отреклась от фантастического похода на Индию, отчего не признать ее вполне «реальных» интересов в Северном Афганистане? И конвенция 1907 года намечает этот путь, декларируя в статье 4-й «принцип торгового равноправия» России и Англии в Афганистане. Признание торговых интересов лишь шаг к признанию политических.

И русская экспортная торговля начала готовить завоевание будущей зоны «исключительно русского влияния». Парская Россия не располагала в Афганистане такими удобными средствами мирного «экономического влияния», как консульская сеть и консульская юрисдикция. Ни один русский купец не мог въехать в пределы Афганистана, а самая торговля находилась вне защиты какого-либо международного соглашения. Правда, эти трудности сужали размах и англо-афганской торговли, но все же ее облегчало наличие туземного агента в Кабуле. Кроме того, русский капитал никогда не сумел развернуть такого гибкого, всепроникающего посреднического аппарата, каким для английских интересов являлась индийская колония в Афганистане, занимавшаяся исключительно ростовщическими и торговыми операциями.

Русская торговая политика без труда вышла из всех затруднений, не разрешив ни одного организационного или технического вопроса. И к чему было их решать, когда сам русский потребитель мог с успехом уплатить все убытки по конкуренции с англо-индийскими товарами, даже в такой архиневыгодной обстановке, как афганская. Ряд «поощрительных мер» (премии при вывозе мануфактуры, возврат акцизов для других товаров) обеспечивал такое понижение цены на русские экспортные товары, что по уплате бухарского зякета, 40% афганской пошлины и бесчисленных накладных расходов они оказывались дешевле англо-индийских и даже вытесняли их с афганских рынков. С 1901 по 1913 год вывоз русской мануфактуры вырос в 8 раз, а общий оборот торговли увеличился в 3 раза, при чем в русском экспорте первое место занимали мануфактура, сахар, металлические изделия, а в афганском ввозе каракуль, шерсть и хлопок. Такой «успех» носил довольно непрочный характер, поскольку русский сахар стоил в Кушке 20 коп., а в афганском Герате — 17—18 коп., несмотря на расходы по транспорту, а выдача премий часто превышала половину общего оборота русско-афганской торговли (в 1911 г. 4 760 тыс. рублей, при общем торговом обороте в 8 885 тыс. рублей).

Погоня за афганским потребителем не прекращалась. Министерство иностранных дел, в чаянии будущего обращения торговых интересов в политические, настаивало на применении новых льгот на русско-афганской границе. Нератов так мотивировал свою точку зрения: чем больший район Афганистана хотим мы подчинить своему

«влиянию», тем на большие жертвы придется итти *. А район, на который метил русский империализм, обнимал весь северный Афганистан до снеговых гор Гиндукуша. Здесь, на водоразделе Индии, Российская империя должна была, наконец, найти покой в своих естественных границах. Прибавим, что именно западная часть Чаарвилайета и левое побережье Аму-Дарьи, включая области Ахча, Меймене, Шибурхан, Андхой и Гератскую провинцию, по своим климатическим и почвенным условиям открывали великолепную возможность для развития хлопководства. «Афганский Чаарвилайет представляет именно одну из тех областей, — писал туркестанский генерал-губернатор министру иностранных дел Сазонову, — которая как бы самой природой создана, чтобы снабжать Россию хлопком. Для этого нужно оказать поддержку местному населению, снабдить его соответствующими семенами и кредитом, распространить в его среде необходимые технические знания и усовершенствованные орудия обработки **.

Превосходство военной техники всегда прокладывало путь европейской торговле на Востоке. В Афганистане же она должна была сделать пролом там, где войска его британского величества два раза ходили на приступ и были разбиты. И московскому ситуу эта задача была не по плечу, как ланкаширским изделиям.

Эмир Хабибулла сначала отказался присоединить свою подпись к решению конвенции 1907 года, несмотря на все свое уважение к английской конституции и к английской субсидии. Но в афганской политике, кроме этой, были и другие пружины, которые при случае могли угрожать личной безопасности Хабибуллы и его положению на троне. И эмир выразил решительный протест, обратив в ничто «торговое равноправие», «допуск торговых агентов» и «непосредственные сношения пограничных властей», выговоренные Россией.

Более того, Афганистан пытается восстановить свое пошатнувшееся международное положение путем установления более тесных связей с соседними мусульманскими странами. Сотрудничество Афганистана с Персией, Турцией и Индией периода острого подъема национально-освободительного движения 1907—1910 г.г. было, конечно, возможно в весьма ограниченном объеме. Персидская революция, молодотурецкий переворот и движение свадеши в Бенгалии были каждое для своей страны смотром классовых сил, разбуженных долголетней колониальной работой европейского капитала в Азии. Расшищая путь к борьбе угнетенных масс против колониального режима, притаив-

* «Ради этой цели, полагаю, мы должны требовать от таможенного по афганистанской границе тарифа не столько фискальных выгод, сколько содействия для привлечения в торговые сношения с нами наибольшего района афганистанской территории». Письмо Нератова к Военному Министру 2 сентября 1910 г. № 2163.

** Письмо от 22 ноября 1912 г. № 3583.

шегоса за шахским и султанским самовластием или кастовой исключительностью, эти движения рушили одновременно старые формы общественной, политической и религиозной жизни Востока.

Афганистан стоял в стороне от широкой исторической дороги. Силы революции в колониях и полуколониях были так же чужды этой стране, как и вызвавшие их причины. Староверческому, глубоко реакционному афганскому духовенству ломка традиционных предрассудков в соседних странах казалась святотатством. «Порча веры» в Индии, Турции и Персии как бы подчеркивала, что единственно избранной страной, которой суждено занять первенствующее положение среди других мусульманских государств, является «богоданный» Афганистан. И Хабибулла последовательно проводит эту политику. Он отказывается признать права халифа за Магомедом V; во время своей поездки в Индию он уже пытается войти в роль верховного покровителя индийских мусульман, роль, так блестяще разыгранную впоследствии его преемником на троне.

Общение Афганистана с его мусульманскими соседями имело двойную практическую подкладку. Оно должно было укрепить обаяние эмира в глазах собственных подданных, а с другой стороны — было надежным средством вымогательства от англичан тех или иных уступок, под угрозой обращения Афганистана в орудие «турецких инструкторов» или «индийских агитаторов». Сам эмир, напуганный судьбой Абдул-Гамида, с большой долей осторожности относился к единоверческим иностранным друзьям, а англо-русское влияние в Персии и строгая слежка по туркестанской и индийской границам фактически сужали связь между Кабулом и другими центрами мусульманской жизни.

Все же в период 1908—1910 гг. в Кабуле накапливается до 15—20 турок, занимающих более или менее видные должности в качестве врачей, учителей и офицеров. Эта незначительная группа турок создает панику в Лондоне и Петербурге. Царская Россия обращается с предостережением «о грозной опасности» к англичанам, а последние, бессильные сделать что-либо в Кабуле, добиваются в 1910 г. у турецкого правительства официального отречения от всякой просветительной или инструкторской работы в Афганистане.

Афганистан был неудобным соседом и в другом отношении. Он служил базой для контрабандной торговли оружием, для просачивания его в Индию и на территорию независимых племен северо-западной границы.

Первым звеном контрабандного ввоза был Маскат и ряд других портов Оманского побережья и на Персидском заливе*. Сюда оружие доставлялось на пароходах из Европы, большей частью, под немец-

* Франция имела конвенцию с султаном Маската, в силу которой ее пароходы не подлежали осмотру в единственном порту этого государства-карлика.

ким флагом, перегружалось далее на парусники каботажного плаванья и развозилось по побережью. Главным потребителем являлись воинственные арабские и персидские племена, Афганистан и Индия. Для последних двух стран следующим этапом служили порты Белуджистана, в частности, Гвадар; оттуда оружие караванным путем доставлялось в Афганистан и дальше в Индию. Перевозка контрабанды по суше производилась исключительно афганскими средствами и при явном содействии пограничных властей. Для торговли оружием в Кабуле было образовано нечто вроде акционерного общества, председателем которого являлся брат эмира, Насрулла-хан. Понятно, что при этих условиях афганская территория служила надежным складочным местом для оружия и не менее надежной базой для всех операций, связанных с контрабандой. С известным ростом материального благосостояния пограничных племен, после замирения их с англичанами (1907—1910 гг.), и временным исчезновением таких факторов экономической жизни горцев, как голодная блокада со стороны англичан, сожжение посевов, увод скота и т. д., — торговля оружием растет с головокружительной быстротой.

По исчислениям царского генерального консула в Бомбее, в 1909 г. в Маскат было ввезено свыше 85 тысяч ружей, а в следующем году эта цифра возросла до 103 тысяч. Из этого количества на долю независимых племен и Северной Индии приходилось от 20 до 30 процентов. Англо-индийское правительство, как и в вопросе о турецких инструкторах, в борьбе с контрабандным ввозом оружия пошло по линии наименьшего сопротивления. В Персидском заливе и северной части Арабского моря был усилен состав английского флота, началось беспощадное преследование контрабандистов. Одновременно была увеличена пограничная охрана в Белуджистане и принят ряд других мер. В результате приток оружия значительно сократился, хотя в более скромных размерах он продолжался до начала войны.

В начале XX века возникают русские проекты железнодорожного строительства, в которых значительная роль уделяется Афганистану. Уже в 1902 г. Витте предлагал противопоставить Багдадскому проекту соединение русской и английской железнодорожной сети в Азии. Транс-афганская железная дорога должна была пойти по равнинной плоской части Афганистана через Герат — Фаррах — Кандагар и требовала перевальной разработки только двух участков пути: между Кушкой и Гератом через Парапамизский хребет и Кандагаром и Кветтой через Ходжа — Амаранский. Несмотря на то, что проект с технической и финансовой стороны не представлял трудностей и сократил бы путь между Лондоном и Калькуттой до 10 дней, он повис в воздухе. Англо-русские отношения того периода отнюдь не способствовали осуществлению железнодорожной магистрали, упразднившей Афганистан, как буфер для Индии.

На смену транс-афганскому пути русский инженер и царский посланник в Персии Лессар выдвигает вариант железной дороги через восточную Персию от Теджента на Закаспийской железной дороге к Пули-Хатуму на персидской границе, оттуда через Турбетти-Шахи-Джан, Бенден и Бух-и-Малик-Сиах к границам английского Белуджистана на смычку с железной дорогой Нушка-Кветта. Сеиستانское направление, предложенное Лессаром, пролегало по местностям, не уступавшим западному Афганистану по безлюдности и малой емкости местного рынка. Но оно имело то неудобство, что было вдвое длиннее афганского (1 300 миль против 530 миль), и самое появление этого, во всех отношениях менее выгодного, варианта говорило о скрытой работе политических сил. Проект Лессара также встретил сопротивление англо-индийского правительства и остался на бумаге.

Наконец, в 1908 году, уже в новой политической обстановке, при свидании Николая II с Эдуардом VII в Ревеле, опять выплывает вопрос о транс-афганской железной дороге. Подробностей в архиве царского министерства иностранных дел не сохранилось, если не считать стереотипной фразы в отчете Извольского, что «лондонский кабинет признает желательность объединения сети русских и английских дорог в Азии в будущем, но он считает, что сейчас еще не наступило время». Пятью годами позже (1913 г.) британский империализм согласился на проведение так называемого индо-кавказского рельсового пути от русской Джульфы к Персидскому заливу, — пути, представлявшего с военной точки зрения одинаковую, если не большую опасность для Индии.

В 1912 году Сазонов во время своей поездки в Англию передал Эдуарду Грею длинный, жалобный меморандум по вопросу «о неудовлетворительном характере русско-афганских взаимоотношений». Там подробно перечислялись все неудобства пограничного соприкосновения России и замкнутого Афганистана. Основной грех заключался, конечно, в том, что Афганистан фактически находился вне сферы как английского, так и русского влияния. «Серьезность положения усугубляется еще тем», — говорится в меморандуме, — «что Афганистан при его настоящем положении является сам по себе опасным очагом воинствующего панисламизма. Обособленность Афганистана, как было уже упомянуто выше, — односторонняя, т. е. афганцы, не пуская русскоподданных к себе, сами в то же время свободно переходят в пределы России. Наконец, необходимо отметить продолжающееся усиленное вооружение Афганистана... Оружие из Афганистана уже начинает контрабандным путем проникать в значительном количестве в Средне-азиатские владения и в Бухару». И, ссылаясь на свои окрепшие «торговые интересы», русский империализм напоминает английскому о его долге перед афганским народом, в виду «опасности осложнений с Афганистаном, особенно в случае какого-либо кон-

фликта России с Турцией». Поэтому «ради обеспечения спокойствия в сфере мусульманского Среднего Востока, в чем, несомненно, не менее России заинтересована и Англия», афганский вопрос ставится в порядок дня (всепоподданнейшая записка Сазонова).

В ответ Эдуард Грей и статс-секретарь по делам Индии Крюло единодушно заявили Сазонову, что «несмотря на выплачиваемую эмиру ежегодно английским правительством субсидию, Хабибулла-хан плохо слушается голоса Англии, которой приходится мириться с этим, чтобы не обострять положения, в виду невозможности принятия против Афганистана принудительных мер». В памятной записке Британского министерства иностранных дел от 4 октября 1912 года с еще большей определенностью указывается на призрачный характер прав, выговоренных себе Россией: «Приняв после зрелого размышления по отношению к Афганистану политику невмешательства, Великобританское правительство очень затруднялось бы настаивать перед эмиром на предоставлении русскоподданным льгот, которых оно еще не может требовать для собственных подданных, и оно не думает, чтобы побуждение эмира осуществить ст. 3-ю Англо-Русского соглашения могло увенчаться успехом».

Фактически, считаясь с Афганистаном, как самостоятельной силой, английское правительство все же сделало Афганистан объектом новых переговоров с Россией, которые намечали пути дальнейшего вмешательства обеих держав в дела этой страны. В связи с предполагавшимся пересмотром конвенции 1907 года в части, касающейся Тибета, русское правительство возобновило торг о будущем разделе Афганистана, выставив следующие требования:

«1) В виду явной опасности, которая бы грозила русским владениям в Средней Азии в случае каких-либо ирригационных предприятий в Северном Афганистане, с расширением там культурной площади, и так как подобные предприятия могли бы возникнуть только при участии иностранных капиталов и под руководством иностранных подданных, то Великобританское правительство должно обязаться не допускать никаких таких предприятий на север от линии, составляемой водоразделом к югу от реки Герируда и Гиндукуша.

2) Великобританское правительство должно всячески содействовать осуществлению необходимых для нас ирригационных работ в ближайшем к границе нашей и бухарской районе Афганистана.

3) В дополнение к статье четвертой соглашения 1907 г. Великобританское правительство должно обязаться не допускать никаких монопольных прав торгово-промышленного свойства в пользу английских компаний или подданных в упомянутой в пункте 2-м зоне

4) В виду важного значения, которое имело бы для наших экономических и стратегических интересов железно-дорожное строительство в северном Афганистане, Великобританское правительство обязуется не допускать такового без предварительного соглашения с нами»*.

Отбрасывая литературную оболочку, дело сводилось к признанию монопольных прав России в северном Афганистане. Правда, они носили бы условный и призрачный характер, пока Афганистан оставался независимым. Но они получали вполне реальное содержание с минуты, когда русские и английские штыки стерли бы в своем встречном движении афганскую границу.

И английский империализм был готов на эту операцию, при условии, чтобы в его руках оставалась инициатива и право определить самый момент ликвидации Афганистана. В письме от 24 мая 1914 г. великобританский посол в Петербурге сообщил:

«Что касается северного Афганистана, то Великобританское правительство готово совместно с императорским правительством издать нижеследующее сообщение, текст коего был опубликован одновременно с конвенцией и другими нотами о Тибете:

«Императорское Российское правительство вновь подтверждает принцип, что Афганистан находится вне сферы влияния русской политики».

«Со своей стороны Великобританское правительство обязуется не поддерживать ни домогательств великобританских подданных касательно концессий на ирригационные и железнодорожные сооружения, ни их требований преимущественных прав (привилегий) в коммерческих или промышленных предприятиях в северном Афганистане, при условии, однако, что путем обмена секретными нотами будет установлено, что термин «северный Афганистан», как его следует понимать по отношению к этой декларации, будет обнимать собой только ту часть Афганистана, которая простирается на север от следующей линии:

«От Ишкашапа (Ишкашима, на Аби-Пяндже) на Зebak; оттуда на проход Мишджана; далее на проходы Навак и Мург; оттуда на Доши; далее, через проходы Сипджитак и Бабак на Доаби-Шах-Пасанд; оттуда на Таркух на Банди-Амире; оттуда на Доулет-Яр. От последнего пункта линия шла бы по хребтам следующих горных цепей: Банди-Баба, Снях-Бубак до точки, где Герируд вступает в русскую территорию у Зульфагара».

Особенно многозначительно звучит примечание, которым сэр Джордж Бьюкенен счел нужным снабдить пункт будущей декларации, подтверждающий, что Афганистан находится вне сферы русского

* Справка по Афганистану бывш. Министерства иностранных дел от 16 января 1917 г. Дело 16.

влияния: «1-й пункт декларации по вопросу о северном Афганистане», — писал он, — «прибавлен лишь для того, чтобы сделать эту декларацию менее подозрительной в глазах эмира Афганского».

Русское правительство отвергло английские предложения, исключавшие из будущей сферы русского влияния всю долину Герируда с городом Гератом, этим важнейшим стратегическим пунктом северного Афганистана. Вскоре весь вопрос был отложен, отчасти вследствие начавшейся мировой войны, а главным образом потому, что китайское правительство отказалось ратифицировать тройственное англо-китайско-тибетское соглашение, и, таким образом, отпал предлог для России домогаться компенсаций за уступки, сделанные Англии в Тибетском вопросе.

Наконец, в 1915 году, во время переговоров по вопросу о Константинополе и проливах, царское правительство, соглашаясь на передачу Англии так называемой нейтральной зоны в Персии, — выставило в числе других и следующее требование: «Императорское правительство считает желательным одновременное разрешение вопроса о сопредельном с Россией северном Афганистане, в смысле высказанных на этот счет императорским министерством пожеланий на предшествующих переговорах» (телеграмма Сазонова русскому послу в Париже 7 марта 1915 г.).

Насколько можно судить, эти русские пожелания были признаны Англией приемлемыми*.

Захватные планы русских и английских империалистов в корне разошлись с великими социальными сдвигами, принесенными мировой войной. На смену царской России в 1917 году пришло первое в мире рабоче-крестьянское правительство, а в Индии подымалось могучее национально-освободительное движение, исключавшее для англичан самую возможность нового завоевательного похода на Афганистан. Для понимания дальнейших событий, приведших к освобождению Афганистана из-под английской опеки, придется несколько подробнее остановиться на среднеазиатской обстановке в период мировой войны.

В начале войны Афганистан провозгласил себя нейтральным. В Азии борьба между обоими враждующими группами держав сосредотачивалась, главным образом, на Ближнем Востоке. Средняя Азия осталась в стороне от военных действий. В область же немецкой политической активности попадает один Афганистан, да и то в не-

* Один из лучших знатоков северо-западной границы и человек превосходно осведомленный, Sir Thomas Holdish, в своей книге, вышедшей в 1916 г., не без благосклонности предсказывает переход Герата и Афганистанского Туркестана в руки России и предупреждает, что афганцы не очень-то будут сопротивляться. См. Sir Thomas Holdish, «Political frontiers and Boundary making», London, 1916 г., стр. 276.

значительной степени. В этот период взаимное положение Англии и России, с одной стороны, Афганистана — с другой, стояло целиком в зависимости от местной, среднеазиатской, обстановки, хотя она, разумеется, не могла не подвергнуться самым решительным переменам в связи с общим ходом мировой войны.

Индия и Туркестан с первых дней войны были обращены в экономический и военный тыл своих государств — колониальных хозяев. В годы войны диктатура европейского капитала в Азии неизбежно приняла еще более беспощадный характер, более обнаженные формы. Но это же создало ломку вековых экономических отношений, резкое обострение классовой борьбы и образовало предпосылки для развития мощных революционных движений как в Индии, так и в русской Средней Азии. Таков общий фон событий, создавший объективно благоприятную обстановку для всякой попытки Афганистана выйти из-под империалистической опеки.

В начале 1914 г. командующие слои индийского общества, начиная 700 раджами, игрушечными правителями многочисленных княжеств, кончая средней буржуазией и интеллигенцией, с энтузиазмом предали интересы крестьян и рабочих и провозгласили полное единство интересов Индии с интересами ее чужеземных господ. «Индия своим участием в войне», — заявил председатель Национального Конгресса Сиха, — «доказала великой британской нации свою благодарность за мир и дары цивилизации, которыми Индия наслаждалась в течение 150 лет под покровительством англичан». Не менее определенно высказалась и Всеиндийская Мусульманская Лига, предлагая «поддержать дело британской империи, пока оно победно не восторжествует на полях сражения». С этим напутствием более 175 000 человек цветных войск были вывезены из Индии и брошены в пекло войны. Одновременно значительная часть английских оккупационных войск были также использованы для фронта*. В течение нескольких недель осенью 1914 года в распоряжении правительства оставалось на всю Индию не более 15 000 штыков. Но, благодаря усердию и верноподданническим чувствам туземных патриотов, критический момент миновал, и вскоре на смену ушедшим частям начали прибывать из Англии 60 000 второразрядных, так называемых территориальных, войск**.

* Англо-Индийская армия оказала существенную поддержку в войне; не говоря о Фландрии, Суэце и Галлиполи, исключительно силами Индии была организована экспедиция в Басру (начало 1914 г.), которая должна была вырвать у Турции гавань великого багдадского пути и одновременно обеспечить английские нефтяные промыслы в Южной Персии, расположенные всего в 80 верстах от турецкой границы.

** Интересные подробности об этом периоде можно найти у Набокова бывшего царского консула в Индии, в его «Испытаниях дипломата», Стокгольм, 1921 г., стр. 19—25.

Существенное ослабление военной мощи британского империализма в Индии само по себе было достаточным основанием для перехода к чрезвычайному миролюбию в отношении Афганистана и независимых пограничных племен*.

С ходом войны эта политика переросла первоначальный стратегический расчет и стала отражением внутреннего положения самой Индии. Гражданский мир оказался здесь недолговечным.

На бюджет нищей Индии легли тяжелые расходы по содержанию туземных войск за морями; золотой фонд был целиком обращен на «имперские нужды». Повышенное использование Индии в качестве сырьевой плантации, поставщицы хлопка, джута и масленичных семян, совмещалось, однако, с резким уменьшением географического разделения труда между метрополией и колонией. Мобилизация английской промышленности на нужды войны, невероятное повышение стоимости морского транспорта, в связи с опасностями подводной войны, наконец, падение качества английских изделий по сравнению с довоенными, освободили индийский рынок от прежней зависимости от Ланкашира. Если объективно условия военного времени и были на руку туземному капиталу, облегчив ему конкуренцию с английскими фабрикатами, то в области распределения политической власти англичанами не было сделано ни одной хотя бы формальной уступки. Наоборот, с переходом на военные рельсы колониальная государственная машина была вынуждена значительно расширить работу по внеэкономическому извлечению ценностей из Индии, в порядке прямого насилия, что, разумеется, не могло не сузить общего базиса власти и еще более приблизить ее к диктатуре. В 1915 г. был введен «Defence of India Akt», представлявший властям широчайшие полномочия по борьбе со «смутой». Всякая свобода печати была отменена; производилось массовое преследование подпольных организаций; одним словом, правительственный террор достиг невиданных, даже для колоний, размеров. Недоверие ко всему индийскому было так велико, что английское командование отказалось использовать массовый наплыв добровольцев, главным образом, из Бенгалия, предпочитая пополнить убыль в туземных войсках испытанным способом вербовки среди так называемых воинственных племен Индии, т. е. самых отсталых в культурном отношении окраинных рас, вроде гуркхов, патанов и т. д. Как и прежде, туземные офицеры были ли-

* «В военных сферах мне с такой откровенностью заявили, — доносит 26 февраля 1915 г. русский консул в Калькутте, — что наступательная война с Афганистаном в настоящую минуту невозможна. Это, впрочем, само собой понятно, если принять во внимание то количество войск, которым располагает индийское правительство. Все усилия индийского правительства поэтому направлены к тому, чтобы избежать осложнений на границе». «Синяя Книга», изд. НКВД, Москва, 1918 г., стр. 32.

шны права командовать отдельной частью — ротой, эскадром или батареей.

Тяготы войны целиком легли на плечи основного производящего класса Индии, ее трудового крестьянства. Увеличение налогового бремени в сочетании с правительственной монополией на вывоз продовольствия углубили кризис крестьянского хозяйства, подготовленный 150-летним хозяйничаньем английского капитала. Массовый переход к засеву технических культур, как хлопок и джут, форсированный запросами войны, осуществляется за счет повышения интенсивности крестьянского труда, но при сохранении старых форм производства, что привело отдельного производителя к более полному подчинению рынку и давно господствующему на нем торговому капиталу в лице ростовщиков. Но армия безработных крестьян открыла себе теперь дорогу в ряды промышленных пролетариев. И классовая борьба начинается выбиваться из кастовых и сословных форм.

Буржуазия первая созревает для политической борьбы. Всеиндийский Национальный Конгресс, бывший до этого времени игрушечным парламентом, приобретает облик дисциплинированной партии, с твердыми организационными рамками. Уже в 1916 г. национальный конгресс выступает с требованием реформ на основе предоставления Индии самоуправления по образцу Австралии и Канады, перехода к милиционной армии и широкой местной автономии. Возникает так называемая «Лига Гомруля», которая ведет широкую агитацию, захватывающую и массы. Классовое объединение буржуазии без труда преодолевает расовые и религиозные деления. Впервые за много лет индусы и мусульмане переходят к политическому сотрудничеству. Специально мусульманская организация — Всеимусульманская Лига всецело принимает в 1916 г. программу конгресса и обязуется проводить ее.

До войны 1914 года английское владычество строилось на возможном сохранении в Индии старых форм производства при новых формах эксплуатации, обусловленных ее переходом на положение колонии. И английский империализм, выступая, с одной стороны, в качестве действительного представителя «западной сатанинской цивилизации», разрушителя старой Индии, стремился, с другой стороны, ограничить этот процесс определенными рамками. Отсюда понятно желание англичан найти себе опору именно в тех консервативных слоях туземного общества, которые обречены историей на слом, которые чувствуют приближение собственной гибели и не слишком разборчивы в подыскании союзников. Так возник союз между британским раджей и другими раджами Индии, ее бесчисленными владельцами-феодалами и просто помещиками-талукдарами или заминдарами. В таком же порядке англо-индийское правительство завоевало симпатии духовенства, как брахманистского, так и мусульманского,

выступило в качестве верховного покровителя религии и, наконец, открыло себе воистину необъятную возможность по эксплуатации кастовых и религиозных предрассудков населения стравливанием отдельных групп индусов против мусульман, одним словом, — той талантливой игрой на особенностях быта и социального уклада старой Индии, которая и создавала всемирную известность британской администрации. Стремительный рост туземной буржуазии, ее политического влияния и экономического веса в корне изменили то неустойчивое классовое равновесие, на котором держалась английская власть. Молодая туземная буржуазия грозила собрать под знамена воинствующего национализма обездоленных крестьян и ремесленников. Перед британской властью стояла нелегкая задача разложить поднимающуюся волну освободительного движения, поделиться с верхами и этой ценой образовать общий фронт против масс. Задача не из легких. Переменение базиса власти должно было совершиться на фоне мировой войны, сильнейшего экономического кризиса внутри страны, при буйном росте массового недовольства, далеко опередившего выступление невольного застрельщика революции — робкой туземной буржуазии.

До тех пор, пока шатающаяся империя не получила новой опорной точки в переместившихся классовых отношениях новой Индии, английская внешняя политика должна была поневоле сохранить строго оборонительный и миролюбивый характер в отношении ближайших соседей Индии — государств-буферов, отделяющих ее от окружающего мира, и в первую очередь Афганистана *. Одновременно британская стратегия в мировой войне оказалась в значительной степени связанной внутренним кризисом Индии и вытекающей отсюда необходимостью любыми жертвами удержать линию немецкого и гурецкого фронтов на почтительном расстоянии. И Кутхаль-Амар, этот невыдержанный бросок к Багдаду, закончившийся капитуляцией генерала Таунсенда и более 10 тысяч его солдат, высадка в Галлиполи и, наконец, наступление генерала Мода на Багдад в 1917 г., в период, когда его войска были в десять раз нужнее на западном фронте, одинаково входят в ту цену, которой британский империализм заплатил за успешное изолирование Индии на время кризиса и борьбы с «внутренним врагом».

По ту сторону Гиндукуша русскому империализму также было довольно хлопот в своей среднеазиатской вотчине.

* «Действуя столь осторожно (в афганском вопросе), лорд Хардинг и индийское правительство имеют к тому достаточные основания, т. к. с уверенностью можно сказать, что в случае открытия военных действий против Афганистана мусульманское население не останется спокойным, и Индии грозят внутренние осложнения, для подавления коих у правительства в настоящий момент недостаточно английских войск». (Допесение царского консула из Индии. См. «Синяя Книга», op. cit., с. 68).

Мировая война крайне ослабила царскую Россию на афганской границе. На западный фронт были взяты все кадровые войска. Их заменили слабые ополченские дружины. В 1915/16 г.г. под влиянием острого недостатка оружия и снаряжения после «великого отхода» все военные запасы, имевшиеся в Ташкентской базе и ряде крепостей на афганской границе — Кушке, Термезе, Керках, были целиком использованы на европейском театре войны. Одним словом, как живая сила, так и весь технический аппарат, подготовленный для захватнического похода на Афганистан (в том числе готовый материал для продолжения железной дороги в Герат, сосредоточенный в крепости Кушка, равно как и разборный мост для переправы через Аму-Дарью, хранившийся до лучших времен в Термезе), — получили иное назначение.

В противоположность Индии, война лишь укрепила экономическую зависимость Средней Азии от России, хотя и здесь основы чужеземного колониального господства оказывались в значительной степени подорванными.

Война отрезала русскую промышленность от заграничного хлопка и заставила ее искать источников снабжения этим сырьем у себя «дома», в первую очередь, в Средней Азии. Процесс превращения Туркестана, Бухары, Хивы, и Ферганы в грандиозную хлопковую плантацию, начавшийся 50 лет тому назад, получил могучий внешний толчок. Расширение посевной площади хлопка происходит здесь прямо за счет сокращения посева риса и пшеницы. Туземное население в массе переходит на потребление привозного русского хлеба. Именно в этой возможности наладить ввоз дешевого русского хлеба и лежала предпосылка скороспелого увеличения хлопковых полей в Средней Азии, вне зависимости от общего сокращения ввоза мануфактуры и готовых фабричных изделий из России, неизбежно упавшего с войной.

В деле разрушения районно-оазисного хозяйства, существовавшего в Средней Азии, русский капитал нашел помощников в среде самих туземцев, баев и ростовщиков. Выросшие на скученном в отдельных оазисах крестьянстве, бессильном расширить своими собственными силами систему искусственного орошения и неизбежно идущем все дальше по пути предельного дробления земельных участков, — эти баи-ростовщики с первых дней чужеземного владычества оказались в объективной роли агентов и посредников державного русского капитала. На их долю пришлись огромные выгоды, связанные с массовым переходом крестьянства к хлопководству. Как и везде на колониальном Востоке, связь крестьянства с мировым рынком выразилась, прежде всего, в головокружительном росте ипотечных закладных, окончательном закабалении крестьянства, полной потере его хозяйственной самостоятельности. Однако у районного среднеазиатского хозяйства были и задерживающие центры: русский капитал, в отличие от английского, не сумел окончательно истребить туземного ремесла и,

опираясь на ввоз дешевых фабричных изделий, вытеснить самих ремесленников обратно в деревню, как это было в Индии. Правда, туземное ремесло было в значительной степени подорвано, но оно все еще удерживало связь и некоторый рынок сбыта среди кочевого населения, в меньшей степени затронутого русским проникновением. Таким образом, новая, «просвещенная» буржуазия, буржуазия оптовой торговли и промышленного капитала, росла в Средней Азии чрезвычайно медленно и наряду с кое-где руссифицированной туземной интеллигенцией, составляет лишь небольшую прослойку в толще традиционного общественного порядка. О развитии национального движения, в полном смысле этого слова, не могло быть и речи, хотя предпосылки его уже намечались.

Наличие в Средней Азии обширных пространств, занятых скотоводами, дало царскому правительству возможность широко развернуть переселенческую политику, строившуюся на беспощадной конфискации земель у кочевников, вытеснении их в худшие районы. Переселенческим движением особенно сильно было захвачено Семиречье, в меньшей степени — Закаспий и еще меньше — Фергана. И если в оазисных районах Средней Азии причины массового недовольства надо искать в закабалении дехканина торгово-ростовщическим капиталом, в системе посреднических закупок и авансов, в обеднении крестьянства и его пролетаризации, в соединении капиталистической эксплуатации с полуфеодальной эксплуатацией, чайрикерством, то масса скотоводов поднялась на борьбу во имя возврата отнятых земель и пастбищ. Толчок для восстания, подготовленный всей историей русского колониального владычества в Средней Азии, дал приказ 1916 года о наборе в команды окопных рабочих коренных жителей Средней Азии, освобожденных законом от всякой воинской повинности. Восстание началось в июле 1916 года, носило резко выраженный массовый и стихийный характер и распространилось как на области интенсивного хлопкового хозяйства (Фергана, Ташкентский и Чимкентский уезды, бывш. Сыр-Дарьинской области; районы Самарканда и Джизака, часть оседлой Туркмении), так и чисто скотоводческие районы, как Семиречье и Ямудскую степь. А. В. Шестаков указывает, что «действующими лицами в событиях оказалась широкая масса как городского, так и сельского населения; за небольшим исключением верхи туземной буржуазии вели политику подчинения правительству, и мы видим их в первых рядах исполнителей распоряжений власти. Городская торговая буржуазия и духовенство, выступая перед властями от имени масс, дают торжественные клятвы подчиняться приказу властей, устраивают торжественные патриотические богослужения и т. д.» (А. В. Шестаков, Восстание в Средней Азии в 1916 году, журнал «Историк-марксист», т. II, 1926 г.). Крестьянство хлопковых оазисов было сравнительно быстро разгромлено, но в степных районах борьба

затянулась. О размерах ее свидетельствует хотя бы тот факт, что в Семиречьи киргизы истребили несколько тысяч русских поселенцев, (3 224 пострадавших, 2 000 убитых), а для усмирительной работы царское правительство должно было направить 14 батальонов, 33 казачьи сотни, 42 орудия и 70 пулеметов, т. е. несравненно большее количество войск, чем имелось когда-то в распоряжении Бауфмана и Скобелева при захвате Туркмении и Коканда. Движение было буквально затоплено в крови и было использовано царским правительством в смысле «углубления» своей колониальной политики: массовая конфискация земель у коренного населения; массовая реквизиция скота и имущества; наконец, захват у Персии остальной части Астрабадской провинции, населенной туркменами-иомудами. В одном Семиречьи было предположено «сместить» (т. е. попросту конфисковать землю) 35 335 киргизских хозяйств, занимавших общую площадь в 2 510 336 десятин *. Равным образом было намечено широкое отчуждение земель «туземцев» в Закаспии и Астрабадской провинции, где Куропаткин предполагал создать целую полосу русских селений вдоль персидской границы. Только революция 1917 г. положила этому конец и освободила из тюрем заключенных повстанцев.

При одинаково неустойчивом положении русского империализма в Средней Азии, английского — в Индии, враждебное выступление Афганистана грозило весьма крупными последствиями, тем более, что третий партнер среднеазиатской игры — германский империализм — с первого же дня ее вскрыл истинное политическое значение Багдадского рельсового пути: это предприятие не только должно было возродить сады эдемские на берегах Тигра и Ефрата, создать здесь необразимые немецкие хлопковые плантации, послужить, далее, величайшим транзитным путем из Индии в Европу; но самое важное его значение заключалось в превращении всей Месопотамии в плацдарм для дальнейшей немецкой захватной политики. Железная дорога Берлин—Багдад—Басра должна была стать фундаментом немецкого колониального могущества в Азии. И с начала войны немецкие империалисты перестали делать из этого тайну. Их мечты, не говоря о Персии, обнимали Индию и Афганистан. «Покуда Индия остается в руках англичан, покуда британский флот остается хозяином в жемчужных водах, покуда полуостров Аравии окружен английскими сферами влияния и находится в ближайшем соседстве с британскими опорными пунктами, — писал Эрнст граф Ревентлоф, — до тех пор немецко-турецкая экономическая экспансия за море (Арабский залив) и самое

* «Очерки революционного движения в Средней Азии» Изд. В. Н. А. В. Москв., 1926, с. 53. Статья т. Рыскулова «Восстание туземцев Туркестана в 1916 году». Единственная общая работа, составленная на основе первоисточников.

приближение ее к морю не имеют под собой твердой основы и зависят от милости англичан» *.

Сами немцы были далеко не прочь сменить их в качестве первенствующей силы на Ближнем и Среднем Востоке. Другой немецкий автор указывает, что Багдадская железная дорога и создание немецкой зоны влияния в Персии «открывают дорогу на Афганистан, и дорога эта будет подобна заостренному мечу, занесенному над Индией. Прочное обладание такой дорогой явится для нас надежной ветвью мира. Англия никогда не осмелится противостоять нашему давлению в этом пункте» **. Но как бы немецкие империалисты ни представляли себе громадное политическое и экономическое значение Индии в системе британского империализма, какими бы необъятными ни были их захватнические аппетиты, однако, средств для их осуществления на фоне мировой войны не было. Несмотря на неудачу под Кут-эль-Амаром, англичане прочно занимали Басру, и выбить их оттуда было не под силу германо-туркам. Персия, несмотря на свой официальный нейтралитет, была прочно занята англо-русскими войсками. На персидском фронте германо-турецкие войска после частичных успехов (занятие Тавриза) держались оборонительной тактики и были совершенно неспособны выполнить какие-либо самостоятельные стратегические задачи, имеющие в виду Индию или Афганистан. Немецкая политика в Афганистане волей-неволей должна была ограничиться чисто дипломатическими средствами ***.

Заканчивая наш краткий обзор Средней Азии на фоне мировой войны, мы видим, что мощное развитие национально-революционных движений одинаково обессилили царскую Россию и индо-британскую империю, разрушая, таким образом, ограду, замыкавшую Афганистан.

Навстречу могучим революционным сдвигам, пошатнувшим две колониальные империи, в Афганистане вставали силы иного порядка.

Здесь назревала если не революция, то весьма серьезная реформа. В последние годы царствования Хабибуллы означился болезненный разрыв между государственной надстройкой и развитием афганского хозяйства. Правящий класс — сердарство — перерос им же созданную государственную форму. Бурный период своеобразного «первоначального накопления» остался далеко позади. Для капиталов, накопленных

* «Indien, Seine Bedeutung für Grosbritannien und Deutschland», Berlin, 1917, с. 25.

** «Der Iran» von Bernard Funk, Berlin, 1917, с. 17. Сравни также — Alfred Hettner «Die Ziele unserer Weltpolitik», с. 208.

*** К. И. Соколов-Страхов в своем докладе во Всесоюзной ассоциации востоковедения «Афганистан в мировой войне 1914—1917 гг.» приводит интересные данные о «великом персо-афганском плане» германского генерального штаба, предусматривавшего движение германо-турецкой армии от Багдада на восток. По мнению докладчика, только разгром турецкой армии под Саракышем зимой 1914—1915 г. помешал этому движению.

в ходе централизации Афганистана, в процессе ограбления окраин, экспроприации крестьянства национальных меньшинств и организации массовой работорговли, — нашлось выгодное помещение в торговле и ростовщичестве. Присвоенный прибавочный продукт успел стать в руках сердарства гибким торговым капиталом, жаждущим общеафганского рынка, свободы оборота, раскрепощения потребителя, общей ломки налоговой системы. Между тем старый государственный аппарат оставался прежде всего орудием внеэкономического обогащения сердарства и опирался на стеснительную систему натуральных налогов, феодальных повинностей, внутренних таможен и придумительных работ. С другой стороны, распределение налогового бремени по расовым признакам ставило в привилегированное положение афганцев. Целый ряд племен, забронированных своими вольностями, состояли на содержании у государства, не платили никаких налогов и сохраняли замкнутое натуральное хозяйство. На пути создания общеафганского рынка и национального государства эти племена составляли серьезное препятствие. В качестве носителя интересов молодого торгового капитала выступает афганское сердарство, и то обстоятельство, что этот же класс занимал командующие высоты дореформенного Афганистана, придает всему процессу своеобразный характер, но не меняет его объективно-исторической роли.

Еще в 1900-х г. участие крупного сердарства во внутреннем и внешнем товарообороте становится общим явлением. Сам эмир занимает положение первого кушца в государстве, пользуясь монополией по продаже и покупке некоторых товаров, как каракуль и ляпис-лазурь. Целый ряд оптовых и розничных лавок на кабульском базаре становится эмирской собственностью. Жены и придворные также участвуют через подставных лиц в товарообороте и обзаводятся лавками. Сердары и чиновничья верхушка участвуют или непосредственно в торговле, или же входят членами в своеобразные компании, образуемые купцами-профессионалами*. В последнем случае влияние сердара обеспечивает остальным его компаньонам известную имущественную неприкосновенность и покровительство властей. Зарождается государственное кредитование торговли, главным образом внешней. Значительно снижаются драконовские таможенные пошлины времен Абдул-Рахмана. И мы видим, что в царствование Хабибуллы наблюдается быстрый рост афганской торговли с сопредельными странами. Торговля с Россией вырастает за десятилетие (1903—1913 гг.) в три раза. Ввоз мануфактуры увеличивается в восемь раз. Общий оборот торговли с Россией вырастает за десятилетие (1903—1913 гг.) в три раза.

* «В старое время (автор имеет в виду царствование Хабибуллы) сам помещик и крупные чиновники принимали участие в сделках крупных кушцов». Д. Никулин, 14 месяцев в Афганистане, Москва, изд. «Красная Новь», 1923, с. 11.

При полной недоступности Афганистана для иностранцев организация обмена падает, главным образом, на афганскоподданных купцов, за спиной которых стоит сердарство. Не имея цифр, трудно определить точную долю сердарства в торговле, внутренней и внешней, но судя по общей картине мы вряд ли ошибемся, если припишем сердарству организационно-руководящую роль.

Питательной средой нарождающейся буржуазии служит крестьянство. Рост денежного хозяйства при сохранении натуральных повинностей влечет общую интенсификацию их, повышенную строгость взыскания. Крестьянство реагирует восстаниями (Кандагар 1912 г., Хост — 1913 г.), кочевники — массовым уходом за границу. (В 1908 г. в Россию и Персию перекочевало свыше 10 000 одних джемшидов). В крестьянстве назревает общее недовольство существующим порядком.

Совмещение торговли с «высокой службой» наиболее деятельной частью сердарства не укладывалось в рамки старого государственного порядка и на первых порах еще более дезорганизовало его. Централизованный государственный аппарат — творение Абдур-Рахмана — приходит в упадок. Места выходят из подчинения Кабулу, эмпирические наместники получают невиданную раньше свободу действий. Чиновничество не чувствует за собой контроля и грабит с удвоенной энергией. Под покровом кажущегося возврата к феодальным порядкам происходит окончательная перегруппировка сердарства, переформирование его в новый класс. В нем просыпается объективный интерес к переходу от натуральных налогов к денежному, общему росту внутреннего рынка, обеспечению личной и имущественной безопасности и в конечном счете — к созданию национального государства.

Идеологом поднимающегося движения является молодая светская интеллигенция. Как профессиональная группа, она представляет более просвещенную, но малочисленную часть чиновничества, выпавшего из стен школы «Хибибе» * или получившего случайное образование за границей. В идеологическом багаже просвещенного афганца причудливо совмещаются иностранные заимствования, в первую очередь индийские, турецкие и английские, с чисто афганскими чертами.

Воинствующий ислам не был в Афганистане подражательной затеей. Афганистан пережил иностранную оккупацию, но не стал колонией. Благодаря неповторимому стечению исторических обстоятельств, племенные ополчения — вооруженная сила докапиталистического афганского общества, — имели возможность отбить натиск первоклассной империалистической державы. Борьба велась под знаком священной войны. Охрана «чистоты ислама» и объединение правовер-

* Высшая мужская общедоступная школа в Кабуле. Основана в начале XX столетия. По курсу и типу программы ближе всего подходит к англо-индийским колледжам.

ных стали боевыми лозунгами афганцев. После победы религиозная идеология афганцев приобретает еще более непримиримый, воинствующий характер. Связь с так называемыми племенами североиндийской границы опять-таки проходит по религиозной линии, и афганские эмиры недаром воспринимают звучные титулы царей ислама, светочей веры, недаром занимаются серьезной богословской трактовкой вопроса о священной войне. Защита ислама становится политической программой афганской борьбы за независимость*.

Вместе с тем, сам ислам получает в афганской обстановке мессианское значение. Нельзя забывать, что на всем протяжении Средней Азии Афганистан остался едва ли не единственным нетронутым уголком доколониального Востока. Немудрено, что афганский народ в сознании идеологов-панисламистов получает мессианский ореол: ему, дескать, выпала на долю особая историческая задача, он народ, избранный богом, чтобы освободить Восток от европейского ига. Афганистан — богом данная страна («Афганистан худадад»).

Воинствующий ислам не исчерпывал идеологического арсенала афганской интеллигенции. Афганистан, конечно, подвергался известным внешним влияниям. При Хабибулле-хане в Кабуле была открыта первая школа повышенного типа, где обучение велось на европейский манер. Преподавателями были исключительно индусы, в большинстве связанные с освободительным движением на своей родине. Кроме них, в Кабуле находились индусские врачи, техники, оружейные мастера и кое-кто из революционных эмигрантов. Наряду с индусской существовала небольшая турецкая колония. Единичными пасытками и европейские инженеры. Сами афганцы получали непосредственное знакомство с иностранной жизнью и европейскими науками лишь при торговых поездках, да в порядке изгнания. Многочисленные сердарские роды, изгнанные при Абдур-Рахмане, вернулись при Хабибулле и принесли с собой расширенный кругозор и туманное стремление к реформам. Характерно, что издателем первого афганского журнала и глашатаем афганского национализма становится Махмуд-Тарзи, родовой афганец, проведший несколько десятков лет в изгнании в Аравии, Европе и Турции и завязавший личные связи с младо-турками.

Спрашивается, что же мог взять нарождающийся афганский национализм, или вернее — афганское сердарство, из опыта нацио-

* «Территориально-экономическое, политическое и культурное объединение людей соответствует более высокой ступени развития, чем патриархально-родовой коммунизм или государственный феодализм на базисе районно-оазисного хозяйства. Поэтому на своих первоначальных стадиях борьба против чуждого ига за экономическую и политическую самостоятельность на Востоке неизбежно приобретает характер религиозной и расовой борьбы за ислам против нашествия христианско-капиталистической Европы». Г. Сафаров, Проблемы Востока, Госиздат, 1921 г., с. 141.

нально-революционных движений в других странах Востока? Они дали более или менее отчетливое понимание роли империализма на Востоке, необходимости противопоставить ему европейскую техническую организацию, а следовательно и европейское образование. Для внутренней политики весьма поучителен был младо-турецкий переворот, превративший султанат в ограниченную монархию и давший долю власти торговой буржуазии. Наконец, грандиозный общий размах борьбы, как ни смутно отражался он в Кабуле, говорил, что во всем мире совершается единый процесс, что Афганистан не должен дольше оставаться изолированным и может достичь своих целей только в благоприятной международной обстановке и при условии коренных внутренних реформ.

На общественной поверхности политический и идеологический рост правящих верхов Афганистана выразился лишь двумя фактами: зарождением среди афганской знати движения в пользу конституционных реформ и основанием первого в Афганистане журнала «Серадж-уль-Акбар» (1911 г.). Голос в пользу реформ первым поднял индус, доктор Абдул-Гани, директор и организатор школы «Хибибие».

Движение было представлено эмиру как заговор и беснощадно им раздавлено. Большинство участников его принадлежали к сердарству. Журнал же «Серадж-уль-Акбар» с первого дня появления взял курс на афганскую независимость. В области внешней политики его редактор Махмуд Тарзи стремился разоблачить империалистический характер русской и английской политики, высказывая одновременно некоторую долю симпатии Германии и особенно Японии. Все издание было окрашено в панисламистские тона.

В Афганистане начинают складываться политические группировки. Нельзя называть их партиями. Они не обладали ни правильной организацией, ни сколько-нибудь четкой программой. Круг политической борьбы был очерчен узкими пределами двора, верхушки сердарства да небольшой прослойки светской интеллигенции. Движение ни в коем случае не имело массового характера.

Группа сознательных националистов, или, как они сами себя называли, «младо-афганцы», обладала наиболее четкими целями и законченной организацией. Они объединяли передовую учащуюся молодежь (Хибибие), группу журнала «Серадж-уль-Акбар» (Махмуд Тарзи, Абдул-Хади-хан, Абдул Азис), кое-кого из младших представителей сердарских родов и наконец одного из опальных принцев крови и его миниатюрный двор. Большое влияние на младо-афганцев имели индийские революционеры, поддерживавшие связь между Кабулом и освободительным движением в Индии*. Программа «младо-афганцев»

* Это был медовый месяц дружбы между пробуждающимся афганским национализмом и молодой Индией, дружбы, принесшей впоследствии горькое разочарование одной из сторон.

включала провозглашение независимости, выступление Афганистана на стороне Турции против Англии; коренные внутренние реформы и даже введение конституции.

В оппозиции к эмирской власти также находились афганские староверы и церковники. Экономическую основу этой группы составляло духовенство и чисто земледельческая часть сердарства (в отличие от сердаров, занявшихся одновременно торговлей). В области внешней политики афганские реакционеры в общем мирились с английским протекторатом, поскольку он ограничивался контролем над внешними сношениями страны, надежно изолируя ее от проникновения иностранных влияний. Но англичанам эта группа не слишком-то доверяла и считала необходимым, как меру самообороны, сохранить связь с племенами границы, продолжать их снабжение оружием и деньгами в борьбе с англичанами.

Наконец, афганские староверы осуждали порчу нравов при дворе, введение европейской кухни и этикета, общий отход эмира от обычаев предков. Во главе реакционеров стояли: брат эмира Насрулла-хан и высшее духовное лицо в Афганистане — Абдул-Резик-хан. Последний пользовался громадным влиянием в пограничной полосе.

В иной плоскости происходила эволюция эмирской власти. При Хабибулле-хане ее экономическая база начинает все больше перемещаться из афганского хозяйства на английскую субсидию. Получаемые доходы целиком обращались на непроизводительные цели: сооружение дворцов, подарки любимцам, придворные празднества. Английская помощь, сыгравшая когда-то прогрессивную роль в развитии Афганистана, становится орудием систематического разложения верхов афганской государственности.

Эмир начинает копировать англичан в своем дворцовом обиходе, заводит строжайший этикет и сменяет афганский национальный костюм на европейский фрак или мундир. К концу царствования Хабибулла-хан заметно опускается, посвящает все время гарему, охоте и празднествам*. В дела государства Хабибулла совершенно не вмешивается, предоставив их руководству министра финансов Мустафи-Магомету-Гуссейну, типичному временщику, заработавшему многомиллионное состояние на английских подарках и налоговых и финансовых манипуляциях. Та же мерка чисто личного интереса была положена эмиром в основу внешней политики. Он рассматривал англо-афганскую дружбу как надежное средство дохода и, если не считать редких перебоев, являлся верным слугой английских интересов. Как сообщает проф. Снесарев, в Средней Азии за ним будто бы утвердилась характерная кличка английского «нукера» — лакея**. Расхождение

* О личной деградации Хабибуллы см. Dr. Abdul Ghani, A review of political situation in Central Asia. Lahore, 1921, с. 78—79 и 92—93.

** Снесарев, Афганистан, с. 133.

между личной политикой эмира и объективными интересами представляемого им класса углубляется на фоне империалистической войны.

В фокусе афганской внешней политики стояли два основных вопроса: 1) отношение к пограничным племенам и 2) участие в войне (в связи с прибытием германо-турецкой миссии).

С уводом большинства войск на европейские фронты золото естественно сменило штык в качестве основного орудия английской политики среди независимых племен североиндийской границы. Независимые племена, однако, не удовлетворялись субсидиями и считали момент исключительно благоприятным для массового восстания и общей борьбы с англичанами. В Афганистане они надеялись получить питающий тыл и организационное руководство. Восстание предполагалось начать в 1916 году. На этот раз вмешательство Хабибуллы-хана буквально спасло англичан: племенам было отказано в афганской поддержке, часть их главарей задержана в Кабуле, в пограничную полосу эмир послал своих представителей, объявивших, что выступление преждевременно и бесполезно. Одновременно была прекращена выплата афганских субсидий племенам. Восстание было сорвано и вылилось в ряде спорадических вспышек (из них важнейшая у форта Шабкадар). Близорукая политика Хабибуллы-хана восстановила против него всю пограничную полосу и вызвала определенное недовольство как младо-афганцев, так и группы Насруллы-хана.

Германо-турецко-австрийская миссия, во главе с Ф. Гентишем и Нидермаером, выехала в начале 1915 г. из Константинополя и с величайшими трудностями пробралась через Персию в Афганистан*. Обставлена была миссия чрезвычайно умело. Кроме турок, в ее состав были привлечены два индийских революционера эмигранта — профессор Баракатула (мусульманин) и Раджа Махандра Пратап (индус). Последний вез личную грамоту турецкого султана на имя Хабибуллы-хана. Цель миссии была до-нельзя проста: толкнуть Афганистан на войну с Англией. Под давлением общественного мнения эмир принял миссию и даже вступил с ней в переговоры; внешне Хабибулла обусловил вступление Афганистана в войну двумя одинаково невыполнимыми требованиями — нейтралитетом царской России на все время англо-афганской войны; предварительной доставкой на афганскую территорию обещанного Германией оружия и снаряжения. В действительности, Хабибулла-хан продолжал рассматривать афганскую внешнюю политику исключительно под углом обогащения; не смущаясь все растущей оппозицией внутри страны, он искусно использовал страхи англичан перед возможным афгано-германским союзом в целях

* В русской зоне оккупации Персии за Ф. Гентишем была устроена жестокая погоня. Миссия перешла афганскую границу, опередив лишь на два часа преследователей и бросив часть каравана, в том числе золото.

прямого шантажа *. Подобной же тактики он держался с беженцами из индусских националистов, нашедших приют в Кабуле; в зависимости от хода переговоров с англичанами, их систематически перемещали из гостеприимного дворца в концентрационный лагерь и обратно. В конечном счете такая «дипломатия» не оправдала себя и стоила эмиру жизни.

С одобрения Насруллы-хана индийские участники немецкой миссии все же сделали попытку договориться с царской Россией по вопросу о русском нейтралитете в случае англо-афганской войны. Раджа Пратап отправил Николаю II письмо, выгравированное на золотой пластинке. Царское правительство сразу ответом не удостоило. Когда же несколько месяцев спустя Абдур-Кадыр и Мотра-Синг явились в Туркестан за окончательным ответом, то царские власти арестовали их и выдали англичанам. Оба индийских революционера пошли на смерть. Это нагляднее всякого ответа продемонстрировало афганцам, что царская Россия является орудием Англии и неспособна вести самостоятельную политику на Среднем Востоке.

Немецко-турецкая миссия вскоре покинула Афганистан, не выполнив своих задач. Однако работа ее мусульманских и индусских участников значительно способствовала окончательной кристаллизации младо-афганской партии. После отъезда немецкой миссии Насрулла-хан, стоявший за объявление войны, окончательно расходится с эмиром и попадает в опалу.

Победоносная Октябрьская революция в корне меняет положение: царскую Россию, великого угнетателя восточных народов, сменяет Россия советская, стирая расовые различия, провозглашая равенство всех народов и право их на полное самоопределение. Впервые создается для Афганистана фактическая возможность борьбы за свою полную независимость.

С первых дней установления советской власти в Туркестане английский империализм перешел здесь в решительное наступление. Уже в 1918 г. английская печать кричала о «большевистском походе на Индию», о «красном империализме». Среднеазиатская политика Черчилля и Ллойд-Джорджа была, конечно, одета в белоснежную тогу «обороны Индии». Практически под этим понималось прочное овладение Баку, раздробление Туркестана на ряд мелких княжеств по

* Хабибулла, действительно, сумел добиться многого: субсидия была повышена до 2 400 000 рупий ежегодно, а нейтралитет Афганистана до конца войны был оценен в 50 миллионов рупий, подлежащих выплате три месяца спустя после заключения общего мира в Европе. Кроме того, Хабибулла получил от англо-индийского правительства многочисленные личные подарки, драгоценности, автомобили и т. д. Впоследствии сами англичане не отрицали, что эмир был по существу их платным агентом. Сравни речь вице-короля Чельмфорда в Индийском законодательном совете 20 августа 1920, «India in 1920», отчет парламенту, в. 9—10.

образцу туземных индийских и включение в английскую зону влияния Хивы и Бухары. Стоило географическому врагу Индии — России стать советской, стоило ей отказаться от царской захватнической политики, как немедленно обнаружилось, что вся Средняя Азия находится под прямым ударом английского вторжения. Россия и Англия в этот период как бы поменялись своими историческими ролями.

В ходе общей интервенции английские войска занимают весь север Персии, выдвигаются на берег Каспийского моря, оккупируют Баку и вторгаются в Закаспийскую область. Задача создания нового грандиозного буфера против «большевистской заразы» могла считаться законченной. Эти же позиции могли пригодиться и против германского империализма, после Бреста силой проложившего себе дорогу на Украину и Кавказ, готовившегося развить свои успехи и в направлении Персии и даже Туркестана*.

Чрезвычайно обстоятельное исследование В. А. Гурко-Кряжина «Английская интервенция в 1918/1919 гг. в Закаспии и Закавказьи» (журнал «Историк-марксист», т. II, за 1926 г.) устанавливает, что если в 1917 г. у английского командования еще и могли быть страхи перед немецкой опасностью, то уже в 1918 году решающую роль играет боязнь распространения советской революции дальше на Восток, сочетаемая с попыткой прочного захвата линии Багум—Баку—Красноводск, что создало бы новый «имперский путь» связи с Индией, страхи перед немецкой опасностью, то уже в 1918 г. решающую роль играет Бухара в этой схеме должна была играть роль буфера между английским Закаспием и остальным Туркестаном.

Английские планы не ограничивались одной только Закаспийской областью: на развалинах советской власти в Туркестане должна была возникнуть целая федерация мусульманских государств под английским протекторатом**. Туда должны были также войти Хива и Бухара, о чем уже велись переговоры с эмиром Сеид-Алимом. Одновре-

* Такая возможность была весьма проблематичной, хотя англичане с ней как будто считались. Бывший эсер Чайкин на основе документальных данных сообщает: «Секретный Мешедский договор, подписанный Исполнительным комитетом Закавказской области (меньшевистски-эсеровским «правительством» Закаспия — И. Р.) и английским генералом Малессоном 19 августа 1918 г., т. е. в момент наибольших опасений Англии за целостность своих индийских владений (за несколько дней перед тем Нури-Паша, брат Энвера, захватил Баку) с полной ясностью и полнотой признает эту опасность. Так, один из его основных пунктов предусматривает разрушение Красноводского порта и железнодорожных станций Закаспия, снятие и увоз в глубь страны рельсовой сети Среднеазиатской жел. дороги»... В а д и м Ч а й к и н, Гибель 25, Москва, 1922, с. 121. Там же, с. 25.

** Вот, например, что доносит Дутову его доверенный агент, полк. Захаров, из Туркестана: «При посредстве генерала Джунговского мною заключено соглашение с английской службой генералом Б. 1) Английское правительство оказывает помощь в борьбе с большевиками деньгами, оружием, техническими средствами, а в тяжелых условиях и вооруженной силой; 2) после свержения

менно в Фергане на английские деньги было поднято восстание. Сообщение между Туркестаном и Москвой было прервано Дутовым под Оренбургом. Советская власть в Средней Азии была, казалось, на краю гибели.

В 1918 г. английский империализм достиг высшей точки своих успехов *. Англичане распоряжались на Каспийском море, контролировали рельсовый путь Батум—Баку, превратили Персию в свою колонию и удерживали в своих руках Закаспийскую область.

Превращение Персии, отчасти Средней Азии, в зоны английского влияния замыкало Афганистан в сплошное кольцо английских владений **. Одновременно полное прекращение торговли с Россией и общий мировой кризис заметно понизили размах внешней торговли Афганистана. В общем хозяйстве страны она не играла столь существенной роли, но зато поступления таможенных пошлин занимали второе место в приходном бюджете. Хабибулла-хан пытался возместить пробел усилением нажима налогового винта и сокращением жалования армии. Кое-где вспыхивали беспорядки. Армия роптала.

В середине 1918 г. на Хабибуллу было произведено первое покушение. В него стреляли при проезде эмирского автомобиля по улице. Эмир остался невредимым. Посыпались аресты, репрессии. Несколько месяцев спустя Хабибулла получил анонимное письмо, обвинявшее его в измене делу ислама и в том, что он продался англичанам.

В феврале 1919 г. эмир Хабибулла-хан был ночью застрелен в своем охотничьем шатре вблизи Джелалабада. Через его труп Афганистан вступил в эпоху «реформ» и независимого существования.

Советской власти будет образована Туркестанская республика (автономная), которая будет находиться под исключительным влиянием Англии» (Донесение Захарова от 17 апреля 1919 г. № 36). — Взято из общего архива НКВД.

* Даже такой серьезный ученый, как Випсент Смит, в толстом томе, посвященном истории Индии, не без самодовольства изображает эти минутные успехи, как нечто постоянное и чуть ли не вечное: «События 1917/1918 г., уничтожили Россию, как политическую и военную силу в Средней Азии, во всяком случае на весьма продолжительный срок». Уже через год половина индийского бюджета шла на военную подготовку на североиндийской границе после появления в Кабуле советского посольства. «Oxford History of India», стр. 637.

** Еще до убийства Хабибуллы афганская агентура в Средней Азии разрабатывает план сотрудничества с большевиками и Персией против английского империализма. Дембо в статье «Религиозно-политические взаимоотношения в сопредельных с Туркестаном странах в 1918/1919 г.» (журнал «Военная мысль», Ташкент, 1921 г., книга III, — цитирую по Крижину) сообщает, что «схема эта стремилась, во-первых, прекратить доступ к Мешеду со стороны Асхабада для англичан, во-вторых, дать большевикам небольшую помощь для занятия Красноводска, в-третьих, дать знать туркменам, при помощи воззвания, о планах англичан и их приготовлениях в Мешед, Баку и других местах и вслед затем послать тысячу-две регулярных войск под девизом освобождения и охранения священной Бухары». Афганская политика, правда, с опозданием на год, а именно осенью 1919 г., в известной мере действовала или пыталась действовать в рамках приведенной схемы.

ГЛАВА VI

АНГЛО-АФГАНСКАЯ ВОЙНА

Устранение Хабибуллы было задумано в узкой придворной среде и проведено руками его ближайших приближенных. Выстрел 21 февраля 1919 года был только прологом для выступления более широких классовых интересов, столкнувшихся в форме борьбы двух претендентов на афганский престол. Против Амануллы-хана, провозглашенного эмиром в Кабуле, выступил избранный духовенства и феодальной реакции Насрулла-хан. Находясь вместе со всем двором в Джелалабаде (зимняя резиденция двора; крупная стоянка войск на границах Индии), последний добился отречения единственного законного наследника Инаятуллы в свою пользу и пытался привести войска к присяге. Однако уже через 6 дней Инаятулла и Насрулла — оба были вынуждены отказаться от всех притязаний на престол и отдалиться на милость Амануллы-хана. Развязанное смертью эмира стихийное движение подняло на своем гребне Аманулла-хана, сразу взявшего резко реформаторский курс и смело с его пути «законных наследников» с их методами узко придворной борьбы.

Правительство Амануллы-хана в значительной своей части также вышло из среды придворной аристократии. Но его коренное отличие заключалось в умении перекинуть мост к интересам других общественных групп, использовать и направить в «государственное» русло назревавшее народное недовольствие.

Вопросом самого существования новой власти было завоевание солдатских масс, именно масс, вышедших из повиновения офицерам. В книге доктора Абдул-Гани мы находим много любопытных подробностей об этом солдатском возмущении. Оказывается, как в Кабуле, так впоследствии и в Джелалабаде, были образованы особые «солдатские советы», фактически имевшие власть в своих руках. Ими были арестованы кое-кто из офицеров и наиболее ненавистные вельможи, принадлежавшие к старому режиму (в их числе бывш. министр финансов Мустафи-Магомед-Гуссейн). В некоторых случаях доходило и до расправы на месте. «Офицерский состав, — сообщает доктор Гани, — видя такое положение, примкнул к нижним чинам по соображениям личной безопасности» *. Аманулла, прежде всего, принял меры к улучшению материального положения войск: им было обещано увеличение месячного жалования с 12 до 20 рупий и другие льготы. Был учтен и идеологический момент: будущий эмир появился перед выстроенными частями кабульского гарнизона, обнажил саблю и поклонялся, что не вложит ее в ножны, пока страна не будет освобождена от английского ига, пока не будет отомщена кровь его отпа

* Dr. Abdul Ghani, цитированное сочинение, с. 103, 105.

(в широких кругах убийство приписывалось группе Насруллы-хана, этой же версии держатся и английские источники). Предпринятые шаги оказались достаточными, чтобы обеспечить симпатии войск: они провозгласили своим эмиром Аманулла-хана, и только вслед за этим могло состояться официальное коронование*.

Хотя новое правительство и пришло к власти при поддержке солдатских масс, однако, самое утверждение эмира, повидимому, не обошлось без некоторой демократической обрядности. Во всяком случае молодой эмир в своем первом письме на имя вице-короля Индии указывает, что «народ и население Кабула и его окрестностей, сейды, улемы, гражданское и военное сословие, купцы, ремесленники, индусские и мусульманские подданные Афганистана, равно как все иностранцы, находившиеся в столице, единогласно и единодушно, по своей собственной свободной воле, с воодушевлением присягнули на верность мне»**. Вряд ли молодой эмир в действительности мог опереться на столь широкий базис власти. Но он обладал притягательной политической программой, которая могла создать его. «О, нация, гордая сознанием собственного достоинства... О, храбрая армия, — гласит первый эмирский манифест, — в минуту, когда великий народ возложил на мою голову эту корону, я объявил вам громким голосом, что приму корону и трон лишь при условии, что вы окажете мне содействие в проведении моих планов и намерений. Свои идеи я уже излагал вам и повторяю здесь лишь важнейшие:

«1. Афганистан должен стать свободным и независимым; он должен пользоваться всеми правами, которыми обладают другие суверенные государства.

2. Вы можете мне всеми своими силами в отмщении крови мученика — моего покойного отца.

3. Нация должна стать свободной; ни один человек не должен быть предметом угнетения и тирании».

Этим же манифестом уничтожились принудительные общественные работы — «бегар» и значительно снижались некоторые категории земельного налога.

Джелалабадские соперники проявили за 6 дней междоусобия полное бездействие. До Джелалабада дошли известия о том, что происходит в Кабуле, среди солдат свободно циркулировал манифест Аманулла-хана и велась агитация в его пользу. В гарнизоне вспыхнуло восстание — Насрулла и Инаятулла успели спастись бегством.. в Кабул, где были немедленно заключены в крепость. Солдатские

* Dr. Abdul Ghani, цитированное сочинение,

** «Papers regarding hostilities with Afghanistan, 1919», Presented to Parliament by command of. H. M. London, 1919 г. В дальнейшем будем именовать это издание «Белая книга № 1». — Документ 1-ый, письмо эмира от 3 марта 1919 года.

массы Джелалабада арестовали большинство высшего офицерства, в том числе местного командующего войсками Магомет-Надир-хана, будущего военного министра при Аманулле-хане, и отправило их в кандалах в Кабул по обвинению в участии в заговоре на жизнь Хабибуллы.

К 1 марта 1919 года власть нового правительства была признана на всем протяжении Афганистана. Лишь в Меймене пришлось применить вооруженную силу против хакима (правителя), добровольно не желавшего сдать должность. На очереди стал вопрос о завоевании независимости.

В цитированном нами первом письме эмира вице-королю лорду Чэльмсфорду ребром ставится вопрос о пересмотре англо-афганских отношений и выходе Афганистана из прежнего зависимого положения. Эмир пишет:

«Наше свободное независимое афганское правительство готово во всякое время приступить к заключению таких договоров и соглашений с могущественным английским правительством, которые принесли бы удовлетворение и пользу обоим договаривающимся сторонам на пути коммерческих и других выгод».

Фактически это означало, что Афганистан не считает себя связанным никакими предшествующими договорами, но что в качестве равноправной стороны он готов заключить с англичанами новый договор.

Если у англо-индийского правительства могли остаться какие-либо сомнения на этот счет, они должны были скоро рассеяться: «На дурбаре 13 апреля, — доносит британский агент из Кабула, — эмир в своей речи объявил Афганистан внешне и внутренне независимым и специально осведомил меня об этом событии»*. Не может быть сомнений, что на основе признания независимости Афганистана англо-индийское правительство могло бы договориться с эмиром Аманулла-ханом по всем вопросам, тем более, что первое письмо молодого эмира к вице-королю носило исключительно предупредительный характер. Однако, британский империализм, твердо следуя своему опыту с Советской Россией, не собирался добровольно признавать каких-либо невыгодных для себя перемен в Средней Азии. Читая ответное письмо вице-короля, направленное в Кабул после полуторамесячного выжидания, что весьма характерно само по себе, можно подумать, что в Афганистане ничего собственно не произошло и никто независимости не объявлял.

«Англо-афганская дружба, — заявляет Чэльмсфорд, — была основана на договорах и обязательствах, заключенных британским правительством с покойным эмиром Абдур-Рахманом и утвержденных

* «Белая книга № 1», документ № 4...

покойным эмиром Хабибулло-ханом. Из того, что вы написали мне, я понял, что правительство Афганистана предполагает соблюдать их, как и в прошлом» * (т. е. мириться с ограничением независимости, установленными упомянутыми договорами — *И. Р.*). Смысл дипломатической магии, приписывавшей эмиру Аманулле-хану намерения, диаметрально противоположны тем, которые он имел в действительности, — заключался в нежелании англо-индийского правительства поставить вопрос о независимости, хотя бы в порядке обсуждения. Выдержанное в чисто керзоповских, высокомерных и холодных тонах, вице-королевское послание так именно и было истолковано в Кабуле. «Для меня было предметом высочайшего удивления, — писал эмир вице-королю уже после начала военных действий, — что Ваше превосходительство ответило на мое первое письмо с таким опозданием и Ваш ответ не доставил радости моему сердцу... Вашему шр-ву следовало бы признать наше правительство в качестве абсолютно независимого правительства, в виду важного географического и политического положения Афганистана; приходится весьма пожалеть, что те надежды, которые мы возлагали на дружбу и союз Англии, рассеялись в виду Ваших писем и действий («Белая книга» № 1, документ № 31).

Вопрос о виновниках войны достаточно ясен из приведенной подлинной переписки между эмиром и правительством Индии. Твердо взятый Афганистаном курс на независимость наткнулся на империалистическое упрямство англо-индийского правительства, и последнее, разумеется, несет всю полноту ответственности за последствия своей собственно политики **. Мелкие и довольно запутанные детали «технического» возникновения войны между Англо-Индией и Афганистаном не меняют этого основного положения, и мы можем со спокойной совестью опустить их.

По сравнению с силами британского империализма Афганистан представлял несоизмеримо малую величину. О единоборстве между ними не могло быть и речи, если брать изолированное столкновение только этих двух противников. Совершенно другая картина получается, если учесть общую международную ситуацию, положение ближайшего английского тыла — Индии, и возможность грандиозного восстания независимых пограничных племен, согласованное с выступлением афганской армии.

Специфическое географическое положение Афганистана, естественно, сужает его международный горизонт. Для Афганистана,

* То же, документ № 3. Письмо вице-короля эмиру, датированное 15 августа 1919 года.

** Английские источники представляют дело так, что молодой эмир был, дескать, втянут против своей воли в войну вставшими солдатами, которых он не имел силы усмирить. На самом деле первым актом эмира Аманулла-хана при востшествии на престол было провозглашение независимости, что, при отказе англичан признать ее, неизбежно влекло войну.

замкнутого Россией с севера, Англо-Индией с юга, международная политика на 80% сводилась к англо-русским отношениям. В таком разрезе общий послевоенный кризис капиталистического мира должен был прежде всего символизироваться борьбой Советской России против интервенции, носившей на среднем Востоке характер чисто английского предприятия. Успехи нищей и голодной Советской России, устоявшей перед натиском Черчилля и его 14 народов, демонстрировали бессилие империалистического военного аппарата, разъедающие его внутренние противоречия. С другой стороны, лозунги самоопределения народов, провозглашенные Лениным, уже успели проникнуть во все уголки Азии, расчищая почву для общей борьбы революционной России и народов Востока против их общих врагов. Афганистан получил в лице РСФСР не случайного попутчика, но союзника, связанного длительной общностью интересов и принципиальным их осознанием. Понятно, что в такой обстановке путь к сближению с РСФСР, ускоренный англо-афганским кризисом, был проделан Афганистаном первым из всех восточных народов*.

Эмир Аманулла не только учел объективную обстановку, но не задумался сделать из нее все практические выводы. Уже 7 апреля 1919 г. им был отправлен в Москву чрезвычайный посол Магомет Вали-хан с поручением установить дипломатические сношения с Советской Россией, безоговорочно признавшей Афганистаном. Если Афганистан был первым государством, признавшим де-юре Советскую Россию, то наша страна была первой, признавшей независимость Афганистана. Однако, фактический обмен посольствами мог состояться не ранее конца 1919 г., когда была выбита колчаковская пробка на Оренбург-ташкентской дороге. В последних числах октября в Москву прибыла чрезвычайная миссия Магомет Вали-хана, а в декабре того же года наш чрезвычайный полномочный представитель тов. Суриц вручил свои верительные грамоты эмиру афганскому.

Общий очерк положения Индии был нами дан в предшествующей главе. Здесь мы остановимся на событиях, как бы послуживших предлюдией к 3-ей англо-афганской войне.

Основным фоном остается экономический кризис. В 1918 г. Индию постиг неурожай. Смертность от голода и эпидемии «испанки», развивавшейся на почве истощения, превысила 7 миллионов человек*. Вывоз продовольствия и сырья не прекращался. Каждый день участия

* В тот период РСФСР, отрезанная от Туркестана, не могла оказать Афганистану никакой материальной помощи. Но это не умаляет громадного объективного значения общего советско-афганского фронта против британского империализма.

* Таковы официальные цифры индийской переписи 1921 г. Census Report 1921 г.; цитирую по «India in 1923», 1924 ст. гр. 323.

На самом деле число жертв было значительно выше и должно быть исчислено в 10—12 миллионов.

в мировой войне приносил Индии прогрессивное обнищание, прогрессивное углубление классовых противоречий. Росли аграрные беспорядки. В промышленных центрах подымал голову пролетариат, бунтуя против 12—14-часового рабочего дня и нищенской оплаты. Налицо были все объективные предпосылки для крупного революционного подъема, при условии надлежащего руководства рабоче-крестьянскими массами, не имевшими ни собственной классовой партии, ни сколько-нибудь отчетливого понимания своих интересов.

Перед колониальными господами Индии, поставленными на край величайших потрясений, стояла задача разобщить движущие силы революции, вбить клин между туземной буржуазией и массами мелких ремесленников, крестьян и рабочих. Террор против масс; отрыв буржуазии от массового движения — такова была двойная программа англо-индийского правительства. Одним концом она связана с реформами Монтегю-Чельмсфорда, другим же упирается в расстрелы, карательные экспедиции и чрезвычайные законодательные меры (законы Роулета). При сделке с туземной буржуазией британский раджа мог спекулировать на страхах самих «борцов за независимость Индии» перед революцией и потому ограничился весьма небольшими уступками.

В области экономики важнейшей уступкой явилось, проведенное в 1918 году, повышение до 7½% пошлины на привозную мануфактуру, не исключая английской*. Это было равнозначно введению покровительственного тарифа для развивавшейся индийской текстильной промышленности — важнейшей отрасли приложения туземных капиталов. Характерно, что военный заем, объявленный Индией сразу после повышения текстильных пошлин, был в несколько раз покрыт подпиской. Индийская буржуазия сразу потеряла минутный налет пораженчества**. За экономикой следует политика. Статс-секретарь по делам Индии Монтегю еще в 1917 году возвестил о реформах***. Сущность реформ (законом они стали лишь с сентября 1919 года)

* Практиковавшееся ранее обложение припозной мануфактуры 3½% таможенной ставкой уравнивалось внутренним акцизом того же размера на ткани индийского производства и носило таким образом чисто фискальный характер.

** В Дэли в 1918 г. была созвана правительством конференция при участии общественных сил. На том же собрании за безусловную поддержку британского правительства высказался знаменитый впоследствии Ганди. Характерно, что великий миротворец Ганди сумел в 1900 г. принять на английской стороне участие в такой чисто завоевательной войне, как англо-бурская (в качестве н-ка санитарного отряда).

*** Речь Монтегю была произнесена в парламенте 2 августа 1917 г. Британское правительство столько раз обещало Индии реформы и столько раз нарушало свое обещание, что бессодержательная декларация Монтегю сама по себе не имела серьезного политического значения. За реформы взялись всерьез лишь в 1918 г., когда Монтегю приехал специально в Индию.

можно характеризовать, как дарование Индии призрачного конституционализма. Некоторые второстепенные отрасли управления, как общественные работы, местное самоуправление и отчасти народное просвещение, передавались в руки министров, избираемых законодательными советами и в ограниченном смысле ответственных перед своими избирателями *. Двери индийской гражданской службы, этой замкнутой английской касты, поставлявшей всех высших чиновников, были отчасти раскрыты для индийцев (в течение определенного периода до 33% общего числа назначения должны были заполняться индийцами). Далее три индуса вводились в состав Исполнительного совета вице-короля или индийского правительства и по два в состав правительств провинций. (Число англичан в тех же учреждениях 4 и 3 соответственно). Наконец, в армии снимались наиболее резкие ограничения по расовому признаку, и туземцы отныне могли ставиться во главе отдельных частей. Обратная сторона заключалась в том, что английский бюрократический аппарат продолжал сохранять всю полноту власти. Наиболее существенные отрасли управления, как армия, полиция, суд, финансы и внешняя политика, не подлежали даже номинальному контролю со стороны законодательных советов. Вице-король и губернаторы провинций сохранили самое широкое право «вето» и могли видоизменить, сократить или переделать любой закон, принятый большинством советов.

Тот же порядок мы находим и в области финансов, — хотя бюджет должен ежегодно представляться на голосование законодательному собранию, однако, права последнего существенно умалены тем обстоятельством, что расходы на оборону, церковь и «политические» вовсе не подлежат сокращению. В случае же, если законодательное собрание сократит или отвергнет какие-либо другие расходные статьи, вице-король пользуется правом полностью восстановить бюджет в его первоначальном виде, не обращая никакого внимания на результаты голосования.

Сказанного достаточно, чтобы оценить реформы 1919 года. Вся английская колониальная машина с помощью реформ приобрела облик конституционности и выборности. Вместе с тем привлечение верхов туземного общества к известному участию в государственной работе могло принести англичанам союзников из среды туземной буржуазии.

Обеспечив себе поддержку известной части буржуазии, англо-индийское правительство готовилось к решительному бою с массами — в феврале 1919 года получил силу закон, так называемый «билль Роулэта».. Опираясь, на этот закон, исполнительная власть получила неограниченные полномочия: достаточно сказать, что для заподозренных участников революционного движения отменялись все судебные

* Избирательное право носило строго цензовый характер. Оно распространялось на 5 миллионов из общего числа 319 млн. жит. Индии.

гарантии, в роде вызовов свидетелей, права апелляции и прений сторон; все производство по этим делам передавалось особым трибуналам; полицейского доноса было достаточно, чтобы отправить человека на смерть. В Индии буквально водворялись порядки святейшей инквизиции.

Левое крыло легального освободительного движения, в лице национального конгресса и мусульманской лиги, не было удовлетворено объемом намеченных реформ и в особенности их дополнением в виде Роулзетовских скорпионов. В ежегодной сессии конгрессов (декабрь 1918 года) были выдвинуты требования предоставления Индии права самоопределения, отмены всех репрессивных законов, амнистии политическим заключенным и введения провинциальной автономии. Это ставило вопрос о перенесении легальной борьбы с английским владычеством в плоскость борьбы революционной. Беда национального конгресса заключалась в том, что он боялся масс, боялся революции и меньше всего стремился отразить в своей программе интересы и пужды трудящихся классов. Неспособность колониальной буржуазии выполнить свою историческую роль и возглавить национальную революцию может совмещаться с весьма энергичными попытками мобилизовать массовое недовольство в таких организационных и идеологических формах, которые должны, во-первых, по возможности предотвратить всякое революционное насилие со стороны масс; во-вторых, содействовать осуществлению ее (буржуазии) собственных классовых целей и, в-третьих, обеспечить самой буржуазии максимум влияния в движении.

Национальное движение не сразу приняло религиозную окраску. Первым и довольно робким опытом была кампания «мирного сопротивления» (сатиаграха) законам Роулзета, организованная Ганди в начале 1919 года. По замыслу кампания была, прежде всего, мирной — «сопротивляться» законам должна была лишь небольшая группа подвижников и святых, прошедшая предварительный курс у самого Ганди и связанная клятвой отказа от насилия над чужой жизнью, личностью, а главное собственностью. К удивлению самого Ганди, с ним оказались не одни аскеты. «Самовольное» выступление масс придало всему движению совершенно иной привкус. В конце марта и в начале апреля 1919 года по всей Индии, городах и местечках состоялись грандиознейшие народные демонстрации. Везде проводились «хорталы» — особые забастовки, захватывавшие не только рабочих, но почти все население. Согласно «хорталю» должны были закрываться лавки, базары, банки, замирать вся деловая жизнь. Хорталы прошли в полном порядке.

Перед правительством Индии, ждавшим только повода, стала задача — спровоцировать и разбить массовое движение, прежде чем оно примет более высокие организационные формы. Эта провокация вошла

в историю революционного движения Индии под названием «амритсарских» событий 10—13 апреля. (Амритсар — город северной Индии, в 20 мил. к востоку от Лахора, столицы провинции Пенджаб. В Амритсаре было около 150 тысяч жителей).

Непосредственным поводом послужили беспорядки, возникшие здесь 10 апреля в связи с административной высылкой из Амритсара двух видных местных националистов — Сатиапала и Китчлу. Беспорядки стихли сами собой, и в течение двух последующих дней в городе царил ничем не нарушимое спокойствие. Такой сравнительно мирный исход совершенно не отвечал видам правительственной политики. Английские империалисты хотели дать Индии «примерный урок». И с прибытием военных подкреплений местный командующий войсками генерал Даэр беретса за восстановление порядка следующим способом: узнав, что на 12 апреля в саду Джилянавала Баг назначен митинг памяти жертв демонстрации 10 апреля, Даэр, не сделав почти ничего, чтобы мирным путем предотвратить созыв митинга, отправляется к назначенному времени в Джилянавали Баг с двумя батальонами гуркаских войск, занимает все входы и выходы и без предупреждения открывает по толпе беглый огонь боевыми патронами. Даэр лично руководит огнем и приказывает стрелять туда, где толпа теснее сплотилась. Стрельба прекращается лишь за истощением запаса патронов. На месте осталось свыше 2 000 жертв, в том числе много женщин и детей. Само собой разумеется, что толпа не сделала и попытки к сопротивлению. Впоследствии сам Даэр показал на официальном допросе: «Конечно, я мог разогнать толпу, но она снова собралась бы и смеялась надо мной; я не хотел оставаться в дураках». Излишне говорить, что высшее начальство похвалило решительный образ действий Даэра. «Ваши действия правильны, губернатор вполне одобряет», — телеграфировали ему из Лагора*.

Однако стихийное выступление масс, ускоренное провокацией Даэра, вышло за пределы отдельной вспышки, на которой правительство рассчитывало продемонстрировать свою военную мощь. За Амритсаром последовало самое крупное восстание, которое видела Индия после «сипайского бунта 1857 года». Центром восстания оставалась провинция Пенджаб (город Лахор, Гуджранавала, Козур, Вазирабад и Лиальпур), хотя отдельные вспышки имели место в Бомбее, Ахмедабаде и Калькутте. Восстание везде носило исключительно массовый,

* Сравни «Amritsar and our duty to India» by B. Horniman London. 1920 «India in 1920 г.» стр. 88, 93; 94, 119. Последующее действие Даэра по сознательной жестокости превосходит всякое вероятие. Он ввел массовое сечение и расстрелы, лишил город воды и света, и завершил свою деятельность знаменитым приказом «полети на живот»: — всякий туземец, проходя перед домом, где пострадала женщина англичанка, должен был полети на животе все это пространство.

стихийный характер. Повсюду вожди и деятели национального конгресса шли не с восставшими, а против них, оказывая властям ценные услуги по восстановлению «права и порядка» *. Движущую силу восстания составляли городские ремесленники и мелкая буржуазия, поддерживаемая в Пенджабе крестьянством. Лишь в Ахмедабаде, крупном промышленном центре, основная доля участия падает на пролетариат. При отсутствии руководства, не имея ни оружия, ни вождей, индийские массы показали во время событий максимум революционной выдержки и воли к борьбе. Восставшие прежде всего стремились захватить правительственные здания и парализовать государственный аппарат. Так было в Ахмедабаде, где город в течение 2 дней оставался в руках повстанцев. Та же тактика успешно применялась и в других местах. В Лагоре была сделана попытка организовать свою армию «данда-фаудж». Революционный инстинкт правильно подсказал массам громадное значение разрушения путей сообщений и телеграфной связи противника. Во всем Пенджабе, согласно официальному отчету, было произведено не менее 132 попыток разрушить железнодорожное полотно и телеграф. Были сделаны 3 покушения на воинские поезда из коих два удачных (пострадал один воинский эшелон и один бронированный поезд). Везде, где повстанцы захватывали власть, они тотчас же разрушали железнодорожные станции и мосты, стараясь помешать передвижению английских войск.

При громадном техническом и организационном перевесе на стороне английских войск, в конечном исходе восстания нельзя было сомневаться. Англичане пустили в ход все достижения современной техники, начиная с аэропланов и бронированных автомобилей, кончая удушливыми газами. Тем не менее борьба носила порой весьма ожесточенный характер, и от англо-индийского правительства требовалось крайнее военное напряжение. Ахмедабад был усмирен и 15 апреля, Лахор несколькими днями позже, но в остальном Пенджабе военные действия продолжались до конца месяца. Подавление было произведено с жестокостью, невиданной даже в Индии. Мирные города подвергались бомбардировке с аэропланов; целые селения были сравнены с землей; пленных не брали; военно-полевые суды и массовая порка завершили работы карательных отрядов. Военное положение в Пенджабе было снято только 10 июня.

С таким тылом, имея непосредственно за линией будущего афганского фронта восстание, едва потушенное в крови, расстроенную железнодорожную сеть и армию, раздерганную на умирительной работе, Англо-Индия, казалось, не могла рискнуть еще одной войной.

* Официальный отчет говорит про Ганди: «В минуты беспорядка его влияние было целиком брошено на сторону поддержания права и порядка». — Отчет правительства Индии от 3 мая 1920 года. «India in 1920», цит. сочинение, 218.

даже против такого противника, как Афганистан. С другой стороны, в некоторых кругах индийских националистов, опасавшихся новых революционных взрывов в пизах, росла готовность опереться на Афганистан в борьбе с английским владычеством, — готовность получить «свободы» из рук афганского эмира. Нельзя и придумать других исторических условий, более благоприятных для выступления Афганистана.

Состояние вооруженных сил отражало общий кризис английского колониального государства в Индии. В этом отношении мы находим ценный материал в английских официальных источниках: «Как Вам известно, — указывает индийское правительство в своем донесении в Лондон, — в течение мировой войны ресурсы Индии были использованы всеми доступными средствами и безжалостно брошены для удовлетворения нужд имперских войск на заморских фронтах. В результате: 1) многие лучшие генералы и штабные офицеры индийской армии находились при войсках за морями, 2) чувствовался недостаток докторов и медицинского персонала, 3) равным образом не хватало инженеров и технических специалистов, 4) железные дороги и подвижной состав были изношены и не могли развивать требуемой скорости при перевозке войск» *. Индийское правительство умалчивает о более серьезных вещах: среди войск, особенно в туземных частях, наблюдалась стихийная тяга к демобилизации. Многие из полков находились под знаменами с 1914 г. Интендантские запасы были истощены; снаряжения не хватало. Недостаток снарядов удалось пополнить лишь в силу случайного нахождения в Индии по пути в Англию базисных складов месопотамской армии (английский экспедиционный корпус) **. Вообще военный аппарат хромал на все четыре ноги. Далее необходимо учесть «внутреннего врага» и восстание в Пенджабе. «Афганская война вспыхнула именно в ту минуту», — говорит другой официальный отчет, — когда наш военный аппарат был в известной степени надорван в силу особых мер, принятых нами для поддержания порядка в Пенджабе и других местах. Нельзя забывать, что нам приходилось иметь дело с событиями, которые могли перекинуться на всю Индию. Восстание причинило значительные повреждения железным дорогам, и вся железнодорожная служба Север-

* Официальная откровенность вызвана тем обстоятельством, что, давая более или менее объективную картину развала армии накануне англо-афганской войны, англо-индийское правительство подготавливало почву для проведения крупных ассигновок на реорганизацию армий и дальнейшую военную подготовку против Афганистана и племен в 1920/21 г. Донесение правительства цитирую по — «Белой книге № 2», документ № 4, стр. 9.

** Сравни «Англо-афганская война» Ташкент, 1922 г., с. 3—4. Немного пикантные подробности дает анонимный корреспондент в «Indian Frontier Organisation» издание «Pioneer» Allahabad 1920 г.: «солдаты имели патроны, которые не подходили к винтовкам; кавалерия отправлялась в город на мулах (ишаках) вместо лошадей» и т. д., см. с. 64 и дальше.

ной Индии была до известной степени выбита из колеи. Неожиданность, с которой афганские события перешли в кризис, измена нашей пограничной милиции, угроза восстания в самом Пешавере — лишил нас того запаса времени, на которое мы рассчитывали для окончания наших приготовлений» *.

Афганский план войны стремился к выигрышу в темпе и созданию максимального широкого фронта наступления, чем предполагалось увлечь независимые племена на всем пространстве от Хейбера до Болана. Предполагалось выступить одновременно на трех основных фронтах: в направлении Кабул — Пешавер; Хост — Дера — Измаил — хал; Кандагар — Кветта **. По мнению военных специалистов самое расположение афганской армии и план ее действий были целиком рассчитаны на широкое участие независимых племен в войне. Афганские регулярные части должны были сыграть роль организующего ядра, а племенная масса по обе стороны границы явится основной ударной силой. При полном напряжении они могли выставить против англичан до 200 000 воинов, вооруженных казенно-зарядными ружьями. Занимая территорию исключительной стратегической важности, племена могли действовать в тыл и на коммуникационной линии англичан и тем помешать их продвижению в глубь Афганистана. С другой стороны афганская армия, пользуясь сочувствием независимых племен, могла без труда обойти английские укрепленные базы, как Пешавер и Кветту, и дойти до самого Инда.

Уже с конца апреля в Кабул были вызваны наиболее видные вожди и духовные руководители племен. Афганские эмиссары в свою очередь вели энергичную агитационную и военную работу среди афридиев и момандов, в Вазиристане и долине Зхоба. Среди горцев производилась массовая раздача оружия из арсенала Кабула и Джелалабада.

Неменьшее значение для успехов афганского оружия должны были сыграть сочувствие и поддержка самого населения Индии.

* «Белая книга № 3», документ 9-й. Донесение вице-короля от 5 августа 1919 года.

Милиция — особые части, сформированные из пограничных племен под командой англо-офицеров. Милиция в первые же дни войны стала массами переходить на сторону Афганистана и восставших племен

** Командование на первом фронте было вверено Салех-Магомет-хану; он имел в своем распоряжении 29 батальонов (16 500 штыков), $7\frac{1}{2}$ полков кавалерии (2800 сабель) и около 110 орудий, половина которых не могла быть пущена в дело за ветхостью или недостатком снарядов. На хостском направлении расприжался самый талантливый из всех афганских военачальников — Магомет-Назир-хан, уже освобожденный эмиром из тюрьмы. При нем находился его брат Шах-Вали-хан. Здесь действовали 17 батальонов (9 509 штыков), 3 полка кавалерии (1 110 сабель) и 60 орудий. Наконец, в кандагарском направлении афганцы имели 10 батальонов пехоты, 2 полк кавалерии и 21 орудия под командованием престарелого Абдул-Гудус-хана. В качестве общего резерва в распоряжении афганского командования оставались гарнизоны Герата, Мазар-и-шерифа и других городов.

Войне против британского раджи с самого начала был придан освободительный ореол. Еще до официального начала войны на границе и в Индии широко распространился эмирский манифест, в самых резких выражениях осуждавший англо-индийское правительство. Там между прочим говорилось: «Почти все подданные британского правительства, как магометане, так и индусы, проявили полную искренность и верность, оставаясь все время лояльными подданными короля-императора. За это их вознаградили жестокостью и насилием, не щадя религии, чести и скромности». Далее эмир, оговариваясь, что он не собирается вмешиваться во внутренние дела Индии, — высказывает прямое одобрение повстанцам: «С точки зрения ислама и человечности я против несправедливых законов Роулэта, и по моему мнению индийцы глубоко правы, когда они поднимают восстания и беспорядки». Несколькими днями позже эмир в письме на имя вице-короля предлагал: «Отменить тиранические законы Роулэта». Наконец, в самом ходе войны афганскими войсками широко распространялись воззвания и листовки «временного правительства Индии», находившегося в Кабуле. В этих листовках указывалось, что афганское правительство стремится не к порабощению Индии, но выступило в ее защиту. Указывается и на то, что временным правительством «заключен с эмиром договор, которым определяется предел афганского проникновения в Индию». Афганская подготовка не ограничивалась агитацией: через эмирскую почтовую контору в Пешавере шла раздача оружия и непосредственная организация восстания.

В момент объявления войны у англичан оставался в силе план кампании, разработанный еще в 1916 году. Этот план носил строго оборонительный характер и предусматривал англо-афганскую войну на фоне общеевропейской. Изменение плана 1916 г. вызвало величайшую путаницу с мобилизацией, доставкой снаряжения и т. д. Английский отчет говорит: «Не имея возможности следовать ранее намеченной системе быстрого сосредоточения сил, мы были вынуждены рассеивать войска по всему протяжению границы, тем самым нарушая наш прежний план, который предусматривал, что прежде, чем войска будут перевезены на границу, там уже будут сосредоточены необходимые итпендантские склады и склады снаряжения» (Белая книга № 3, документ 9-й).

Английский план не ставил себе широких целей. Намечался главный удар на Джелалабад. Этим предполагалось помешать соединению афганцев с наиболее могущественными и воинственными племенами границы — момандами и афридиями *, разьединить эти племена между

* Афридия занимают местность непосредственно к югу от Хейберского прохода; моманды же занимают горную область к северо-западу от Хейбера. Первое племя может выставить до 20 тыс. воинов, второе — 16—18 тыс.

собой, создать угрозу Кабулу и тем заставить афганцев оттянуть силы с других фронтов. В Бедуджистане английское командование предполагало ограничиться обороной; а в центре (Вазиристан, долина Эхоба) оно мирилось с необходимостью эвакуировать все посты в Дюрандовой полосе (линия постов Точи и Вапо).

Численный перевес безусловно был на стороне английского командования — к концу кампании оно располагало за рекой Индом 340-тысячной армией при 188 000 вьючных животных.

На Афганской стороне, как мы видим, были решительно все остальные преимущества, но самое оружие, которым наносился удар, — армия дореформенного Афганистана, плоть от плоти старого полуфеодалного строя — была не на высоте задачи. Она не обладала единством командования, и организационно и технически не была подготовлена к широким полевым операциям. Это сказалось с первого же дня войны. Вместо общего выступления на 3 фронтах, приуроченного к определенному дню и согласованного с племенами, а может быть и Индией, получился величайший разноречивый. У Хейбера, где раньше всего было закончено сосредоточение войск, они преждевременно для самого Кабула ввязались 3 мая в бой с английскими пограничными ликетами, который развился в генеральное сражение*. Это преждевременное и неудачное начало в значительной мере отразилось на общем ходе операций — Газнийская группа смогла обнаружить себя лишь в 20-х числах мая, а Кандагарская еще того позже (середина июня). Война таким образом свелась к ряду отдельных эпизодов и, самое главное, афганская армия не смогла развить общее наступление и увлечь за собой всю массу пограничных племен.

Военные действия развернулись следующим образом. Стычка мелких пограничных отрядов в Хейберском проходе перешла в генеральное сражение. Англичане располагали здесь двумя дивизиями против 9 афганских батальонов. После двух дней сопротивления афганская армия была разбита, в чем исключительную роль сыграли аэропланы. Лишь под влиянием бомбардировки с воздуха афганские части обратились в паническое бегство. Осколком бомбы был ранен афганский командующий Салех-Магомет-хан. 13 мая английская кавалерия заняла город Дакку.

Поражение афганцев в Хейбере имело громадный эффект на границе. Этот успех английского оружия в связи с широким подкупом вождей и родовых старшин предотвратил массовый переход момандов и аффридиев на сторону Афганистана. Все же частичное выступление имело место. 15 и 16 мая аффридии произвели жестокую атаку на всю

* Встает вопрос — не стремилось ли английское командование спровоцировать афганцев, прежде чем последние успеют закончить стратегическое разгруппирование своих армий. Такое предположение, однако, не оправдывается неподготовленностью самих англичан.

линию английских постов в Хейберском проходе. Нападение было отбито, но возможность его повторения приковывали значительные английские силы к путям сообщения: В «описании» англо-афганской войны, составленном на основании официальных английских источников, мы находим точный расчет сил, которыми 19 мая располагал английский командующий генерал Баретт на фронте Дакки — Пешавер: оказывается, «от Пешавера до Ленди Котала для защиты коммуникационной линии находилась вся вторая дивизия, от Ленди хане до Дакко одна бригада первой дивизии и в самом Дакко две бригады первой дивизии». Таким образом линия сообщения Пешавер—Дакко оборонялась от племен почти полутора дивизиями, а для дальнейшего наступления оставались ничтожные силы. Обзоритель справедливо замечает, что силою в 8 батальонов и 12 эскадронов вести дальнейшее наступление на Джелалабад не представлялось возможным, ибо при продвижении вперед из действующего отряда приходилось бы выделять новые и новые части для охраны коммуникации *. К этому присоединялись транспортные затруднения. Английский военный специалист прямо указывает, что «наше продвижение в Джелалабад было невозможным ввиду недостатка транспортных средств **». Наконец, в Хейберском проходе среди войск началась эпидемия холеры. Суммируя положение на фронте Кабул—Пешавер, мы приходим к заключению, что английская армия, несмотря на достигнутые успехи, оказалась в тупике. Она не могла двигаться дальше вперед, среди войск началась холера, линия сообщений оставалась под ударом племен. Одновременно обозначалось наступление генерала Надир-хана на Толл и туда пришлось спешно перебрасывать войска. В распоряжении английского командования оставались аэропланы. 17, 20 и 24 мая был совершен налет на Джелалабад. В результате воздушной бомбардировки были взорваны военные склады, остатки афганской регулярной армии рассеялись, а самый город, оставленный властями и жителями, подвергся несколько дней спустя полному разгрому окрестными племенами. 24 мая был произведен налет на Кабул. Бомбы были сброшены на дворец, Министерство иностранных дел и арсенал. Афганское правительство начало переговоры о мире.

На других фронтах положение между тем продолжало оставаться благоприятным для Афганистана. Армия Надир-хана, сосредоточенная на выступе афганской территории у гор. Матуна (Хост), после значительной подготовительной работы среди племен, перешла 21 мая в решительное наступление на форт Толл, расположенный в долине Курама на железной дороге Котат-Толл. Первым следствием этого наступления явилось общее восстание в Вазиристане, где англичанам

* «Описание англо-афганской войны» лит. соч., стр. 10.

** «Indian frontier organisation», лит. сочинение, стр. 44.

пришлось очистить все посты на линии Банну, Гумала и Верхнего Точи. Племенная милиция массами переходила в ряды восставших. Вазиристан фактически был освобожден и к афганцам присоединилось до 20.000 «священных воинов» из племен вано-вазирова, махсудов и Дауров. Помимо Вазиристанского отклика, наступление Надир-хана в случае его успешного продолжения, открывало афганцам возможность, во-первых, соединиться с племенем оракзаев, во-вторых, действовать на английские коммуникационные линии и обойти Пешаверский укрепленный район. «На наше счастье», — говорит английский военный специалист, — «пртивник не воспользовался преимуществами, которые ему безусловно принадлежали; если бы афганцы проявили больше настойчивости, трудно предсказать, во что развернулись бы события» *. Но афганцы не проявили никакой настойчивости и хотя Надир-хан обложил Толл и вынудил этот форт к капитуляции, однако, афганский командующий не развил операций и по приказу эмира отступил обратно в Афганистан, исполняя условия перемирия.

На фронте Кандагар—Кветта не происходило значительных столкновений, если не считать взятия англичанами афганской пограничной крепости — Спинбалдак. Афганская армия держалась пассивно, но одной угрозы ее выступления было достаточно, чтобы приковать английские силы к Кветто-Пишинскому лагерю и развязать свободу действия восставшим племенам в долине Эхоба. Здесь силы повстанцев кроме махсудов и вазиров состояли из боевых контингентов племен ширани и мардок-хель. Ко времени заключения перемирия в руках восставших находилась вся долина Эхоба. Английские силы были осаждены в форту Сандеман. Верховное командование считалось с возможностью распространения восстания на богатые долины Лорелая и Сиби, что ставило под угрозу окружения Кветто-Пишинский укрепленный лагерь. Только перемирие с Афганистаном дало английской армии возможность перейти здесь к наступательным действиям против племен.

Перемирие безусловно выводило англо-индийскую армию из тяжелого положения. Разгром афганцев под Даккой, правда, устранял непосредственную опасность нашествия на Индию, но еще не создавал угрозы Кабулу. На всем протяжении границы от Хейбера до Белуджистана 340 000 английская армия была связана пограничными племенами, часть которых открыто примкнула к восстанию, а другая сохраняла выжидательное положение. Малейшая неудача английского оружия грозила поставить под ружье племена последней группы и тогда положение могло принять более опасный оборот. Сам Афганистан оставался пока вне сферы английских ударов (если не считать авиационных налетов), и афганские армии на фронте Хоста и Кандагара

* Там же, с. 69.

сохраняли полную боеспособность. При таких условиях продолжение войны против Афганистана и племен одновременно представлялось далеко не шутливым предприятием.

Условия перемирия предусматривали вывод афганских войск из полосы независимых племен. В отношении последних английское командование, наконец, получало свободу расправы. Фактически англичане продолжали сохранять оборонительную тактику и не решались на сколько-нибудь серьезные карательные экспедиции до подписания мира с Афганистаном*. Если англичане и достигли некоторых успехов в Вазиристане, где ими было восстановлено сообщение между постами Баи-Мираншах и Танк-Джандола и нанесен ряд частичных поражений повстанцам, то афганцы, в свою очередь, сумели за время перемирия привлечь на свою сторону афридиев и подтолкнуть их на общую атаку постов Хейберского прохода (16-18 июля). Равным образом, нейтральные до сих пор моманды начинали все больше втягиваться в партизанскую войну против англичан. Наконец, афганцы в качестве залога возвращения Дакки, занятой англичанами, выдвинули отдельный отряд в Вану (на территории независимых племен) и заняли этот важный стратегический пункт.

Причина выхода Афганистана из войны, несмотря на сравнительно благоприятное стратегическое положение и героическую борьбу племен, следует искать в причинах внутреннего порядка. Афганистан боролся за независимость. Молодой афганский торговый капитал и связанное с ним сердарство боролись за независимость, т. е. за возможность «свободного развития» в национальных рамках. Эта цель уже была обеспечена, поскольку английская армия не имела фактической возможности вторгнуться в пределы Афганистана и снова навязать ему протекторат. При первобытной организации афганской армии, где каждый солдат сам находит себе пропитание, а все интендантские и военные поставки выполнялись государством на государственных заводах, само ведение войны не было прибыльным предприятием. Сердарство не было в нем заинтересовано. Лишь в случае стремительных успехов афганского оружия и выхода армии в богатые долины Инда, война начала бы «самоокупаться». Но этого не произошло. Война приняла затяжной характер; совершенно замерла торговля с Индией — это больно ударило по интересам купечества и сердарства. Некоторые капиталы, вложенные сердарами в надежные индийские банки, находились под угрозой конфискации; отсюда еще большее

Заключение перемирия с Афганистаном не отразилось на положении в Вазиристане. На самом деле к этому времени враждебность племен усиливалась широко распространенным убеждением, что Британское правительство заключило с эмиром договор, согласно которому их стран (Вазиристан) будет передана Афганистану. Официальный отчет англо-индийского командования об операциях в Вазиристане был опубликован 20 августа 1920 года.

тяготение к миру. Наконец, сыграли свою роль жестокие воздушные налеты и приближение к Кабулу деморализованных остатков армий, разбитой под Даккой. Опасался внутренних волнений. Кабул мог стать вторым Джелалабадом *. И поскольку основная цель — независимость уже была обеспечена, Кабул был готов заключить мир с Англией через голову борющихся независимых племен.

Афганская делегация 25 июля прибыла в Раваль-Пинди, а 8 августа был подписан предварительный мирный договор. Его основные положения — признание независимости, отмена английской субсидии, прекращение транзита оружия, закупленного Афганистаном за границей и следующего через Индию, территориальный «status quo». Еще во время переговоров предшествовавших перемирию афганское правительство отказалось от своей принципиальной позиции, что война была начата за независимость. Афганское министерство иностранных дел выдвинуло версию о случайном возникновении войны из пограничных недоразумений. В договоре 8 августа ни полсловом не упоминалось ни о независимых племенах, ни об отмене «тиранических законах Роулата».

Итак Афганистан завоевал независимость* — право на свободное внутреннее развитие. При вынужденном и подневольном отказе британского империализма от роли опекуна Афганистана, возможность спокойного осуществления этого права в значительной мере зависела от трех факторов, сыгравших столь крупную роль в успешном исходе войны из пограничных недоразумений. В договоре 8 августа ни как его барьера против английской агрессивности; и национально-революционного движения, как его союзника в самой Индии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

РЕФОРМЫ АМАНУЛЛЫ 1919—1929 гг.

Война с Англией, несмотря на ее в общем успешное для Афганистана окончание, выявила отсталость, необычайно низкий технический и культурный уровень страны, ее неспособность тягаться с техникой и мощью империализма. В последующее десятилетие международное положение Афганистана оставалось напряженным и

* Вот как описывает газета «Аман и Афган» положение в Джелалабаде и провинции после войны: «С возникновением войны имущественная и личная безопасность исчезли. Город Джелалабад был разграблен. Казна и арсенал вследствие трусости ответственных лиц были расхищены. Предметы украшения царских дворцов разграблены. Власть в стране перешла в руки злодеев. Никто не осмелился после вечерней молитвы выходить из дому. По большой дороге нельзя было ни пройти, ни проехать» («Аман и Афган» 1920 год, № 14).

неустойчивым. В отношении революционной России, а потом Советского Союза, правящие круги Афганистана никогда до конца не смогли изжить страха перед «русской опасностью», сложившегося в жестокой школе захватнической политики царизма. С другой стороны, на границах с Индией молодое Афганское государство имело перед собой британский империализм, планомерно, шаг за шагом заканчивавший подчинение себе племен пограничной полосы, создавая непосредственную угрозу независимому существованию Афганистана, не останавливаясь перед разными видами едва прикрытого вмешательства во внутренние дела эмирата. В таких условиях вопрос о реформах был вопросом жизни и смерти для Афганистана, только вышедшего из долгого периода спячки.

Первые шаги капитализма протекают в нынешних странах Востока, как Афганистан и Персия, в условиях, существенно отличных от однородного процесса, который характеризует раннюю историю европейского капитализма. Афганистан сделал попытку создать свое собственное национально-буржуазное государство не в безвоздушном пространстве, а на территории, которая разделяет страну Советов от крупнейшей английской колонии в Азии. Строительство это совершается в тот период, когда миром еще правит капитал, вступивший в полосу загнивания и распада (империализм), но когда одна шестая часть земного шара объединена в советское и социалистическое государство. Соотношение сил этих двух систем не могло не оказать непосредственного и постоянного влияния на ход развития Афганистана. С другой стороны, классовая борьба в самом Афганистане — а каждый шаг на пути к капитализму покупается морем пота и крови, происходит в обстановке отчаяннейшей, напряженнейшей классовой борьбы и классовых конфликтов, — ставила вопрос о том, будет или не будет афганское крестьянство, — этот основной производительный класс — безропотно, не получив ничего взамен, нести все издержки по модернизации Афганистана, превращению его из «полуфеодального в полубуржуазное государство» (Раскольников). И помимо непосредственных фактов экономики и классовой борьбы, на сопротивляемости афганского крестьянства не могло не сказаться то обстоятельство, что в соседнем Советском Союзе таджикские и узбекские декханы, опираясь на диктатуру пролетариата, победоносно завершили аграрную революцию. При оценке недавних аграрных реформ в Румынии, Польше и лимитрофах марксистские исследователи ставят на первое место влияние Октябрьской революции и попытку буржуазии наших западных соседей известным образом сбезопасить себя от крестьянской революции. В эпоху мировой революции даже крестьянство весьма отсталых восточных стран, не представляет того податливого, лишнего сопротивления материала, удобного для целей первоначального накопления и жесточайшего усиления эксплуатации.

Важнейшими предпосылками перехода к товарно-капиталистическому способу производства является наличие рабочей силы, освобожденной от цепей рабской или феодальной зависимости, и наличие капиталов.

Исторически известны три основных способа создания капиталов: внешний грабеж, войны, главным образом — колониальные; первоначальное накопление за счет производительных классов собственной страны; получение капиталов извне в форме займов или инвестиций.

Для Афганистана первый путь был закрыт. И слабые попытки, сделанные в отношении соседей, не увенчались и не могли увенчаться никаким успехом. Третий путь — привлечение иностранных капиталов, также был исключен. При напряженном международном положении Афганистана, когда Афганистан за последние десять лет находился несколько раз на волосках от новой войны, «нейтральные» капиталы в Афганистан не шли, не заручившись предварительно английской поддержкой, Англия же ставила условия, явно не совместимые с независимостью. Советский Союз дал известные средства, закрепившие наше сотрудничество с афганским народом и поставившие вопрос об инвестициях капиталов на принципиально новую основу, — когда государство диктатуры пролетариата может и должно содействовать экономическому подъему стран Востока, борющихся с империализмом. Но сам Советский Союз в период хозяйственного восстановления и индустриализации не располагает достаточно мощными свободными средствами для этой цели.

Таким образом, вопрос о капиталах должен был разрешиться в Афганистане лишь на основе внутреннего накопления. Это обстоятельство следует особенно иметь в виду при оценке всей реформаторской деятельности падишаха Амануллы.

Вопрос о движущих силах реформ 1919—1929 гг. представляется спорным. Некоторые исследователи считают возможным начисто отрицать роль торгового капитала. Другие ограничиваются указанием на процесс создания национально-прогрессивного государства, причем однако остается не выясненным, какие именно классовые интересы скрываются за этой вывеской. Третьи отмечают переход «от полуфеодального к полубуржуазному государству», что не вносит особой ясности в положение. В первом издании своей книги мы видели основную пружину в интересах крупного торгового капитала, и в частности, той его группы, каковая тесно сращена с высшим чиновничеством, а отчасти и с помещичьей собственностью, образуя тонкую прослойку «торгующих господ» под условным обозначением *сердарства*.

На этой точке зрения мы остаемся в основном и сейчас. Необходимо лишь внести некоторые уточнения. Ясное дело, что «господская торговля» известной группы *«сердаров»* не покрывает целиком понятия афганского торгового капитала. Кроме «господской торговли» отме-

чается индусская колония, с ее достаточно широким размахом ростовщических и торговых операций. Крупный торговый капитал начал создаваться в Афганистане главным образом на почве внешней торговли в период царствования Хабибуллы. Отдельные эмирские монополии обеспечивали более быстрый темп концентрации торгового капитала, и такое же положение создавалось на местах, где начало наблюдаться сращивание верхушки административного аппарата с одной стороны, крупного торгового капитала — с другой. В 1919 г. на фоне брожения, отчасти имевшего массовый характер, к власти путем дворцового переворота приходят младо-афганцы, представляющие именно ту группу сердарства, которая ближе всего была связана с приобретательством через рынок, а также идеологически осознала «национальные интересы». Остальные группы торгового капитала непосредственного участия в образовании власти не приняли. Правда, как мы увидим ниже, политика Амануллы-хана в первое время объективно отвечала интересам торгового капитала, содействуя бешеному темпу концентрации капитала, сняв внутренние таможи, открыв вместе с тем городской буржуазии широкий доступ к чиновничьим и офицерским должностям. Но власть весь период безраздельно остается в руках небольшой правящей верхушки, отчасти вышедшей из старой сердарской и чиновничьей среды, а отчасти пополненной представителями худородной разночинной интеллигенции. Вся эта группа не только представляет идеологический и организационный аппарат, обслуживающий переход Афганистана на рельсы буржуазного развития. Правящая верхушка, представленная министрами, придворными, крупнейшими чиновниками, ближайшим окружением падишаха, сама проникнута духом энергичного приобретательства. Непосредственно опираясь на государственную власть, используя средства государственного бюджета, возникают монопольные компании, отдельные предприятия, торговые общества, где решающее значение и прибыль принадлежат этому же немногочисленному слою. И если вначале эта прослойка еще носила известный патриархальный отпечаток старой помещичьей и феодальной среды, то финансовые спекуляции, различного рода коммерческие предприятия и сделки все более перерождают ее на пути к монопольному торговому, ростовщическому и спекулятивному капиталу. Задачу накопления капитала, о которой шла речь выше, пытались разрешить прежде и больше всего в пользу именно этой ограниченной правящей верхушки, хотя разумеется, выигрывал и разночинный торговый капитал, выигрывала и индусская колония.

Здесь, значит, как бы происходит продолжение процесса первоначального накопления, но существенно отличного от абдур-рахмановских времен. Тогда накапливали сокровища, ценности, рабов, подати

натурой. Сейчас накапливают с целью образования капитала, и этот капитал, не залеживаясь ни единой минуты, обращается на финансирование внешней торговли, крупные валютные спекуляции, а частично и на создание промышленных предприятий.

Относительная слабость торгового капитала в Афганистане сказалась на том, что нужны были новые меры внеэкономического принуждения, монополии и привилегии для того, чтобы обеспечить быструю концентрацию капитала. Эта концентрация складывается не только в «естественных» рыночных отношениях, но и на почве непосредственного государственного вмешательства и регулирования. Этот факт отражает сравнительно раннюю стадию экономического развития, примерно, отвечающую России XVI столетия. Но всякие исторические аналогии весьма опасны. В Афганистане, где с одной стороны продолжался процесс первоначального накопления, одновременно начали создаваться первые промышленные предприятия, с европейской техникой, а весь процесс отличался темпом совершенно невиданным в предшествовавшие эпохи. Другим моментом является то, что к концу десятилетия политическая оболочка абсолютного государства начинает давить и тормозить то самое развитие «на буржуазно-национальные рельсы», выдвинутое в качестве программного требования младо-афганцами в 1919 г. Методы регулирования сверху, отдельные монополии, созданные на потребу накопления узкой правящей верхушки, ставят чересчур тесные рамки окрепшей торговой буржуазии. Она уже готова создать свой частный банк. Ей же навязывают сверху государственный банк, где решающую роль играли бы чиновники и предпринимательски настроенные министры*. Купечество добивается и расширения политических прав, но ему в этом отказывают. Одним словом, политическая оболочка приходит в противоречие с интересами торгового капитала в широком смысле, который чувствует, что разные подпорки в виде монополий, привилегий и т. д. начинают приносить уже не пользу, но прямой вред**.

Реформы налогов и аграрная политика

Другая группа противоречий складывается на почве налоговой и аграрной политики нового режима. Это противоречие между крестьянством с одной стороны, помещиком и абсолютным государством — с другой.

* Интересные данные приведены у т. Аршита, Афганистан и последние события, журнал «Новый Восток», № 25, 1929 г.

** Здесь идет речь не о внешней торговле, где разрозненному афганскому купечеству противостоит английский капитал, и следовательно «подпорки» необходимы, но о торговле внутренней.

Введение единообразного налога на землю и скот и перевод его в денежную форму представляет краеугольный камень финансовых, да и всех вообще реформ Амануллы-хана. За основу денежного налога была взята стоимость одной четвертой части валового урожая, принимаемая во внимание средняя урожайность за 12 лет и базарную цену. Ставка подлежит пересмотру каждые три года, особой правительственной комиссией с участием представителей населения. Реформа Амануллы не явилась полным нововведением. Уже в конце XIX столетия сады и земли под техническими культурами платили налог деньгами. На остальных землях крестьянин мог вносить налог по желанию, в денежной или натуральной форме, причем, разумеется, преобладали натуральные поступления. По данным «Бюллетеня прессы Среднего Востока» за декабрь 1928 г. (Ташкент), рост земельного налога рисуется в следующем виде. Размер годового налога до 1919 г. с одного джериба орошаемой земли — 5 рупий * в год. Сейчас за первую категорию — 16—20 рупий, вторую категорию 9—15 рупий, третью категорию — 4—8 рупий, т. е. в среднем трехкратное увеличение. По Днепровскому («Хозяйство Гератской области», стр. 98) повышение будто бы еще более значительно и ставки налога колеблются между 20 рупиями для лучшей половины земли и 16 рупиями для худшей. Кроме поземельного налога крестьяне уплачивают целевой сбор на просвещение и участвуют в дорожной повинности, имеющей до сих пор характер принудительных работ, хотя они официально отменены падишахом Амануллой.

Повышение налога на скот рисуется в следующем виде и также отразилось на бюджете крестьянского хозяйства:

Объект обложения	Размер годового налога до 1919 г.	Размер годового налога до 1928 г.
Верблюд	3 рупии *	4 рупии *
Лошадь	$\frac{1}{2}$ »	2 »
Корова	$\frac{1}{2}$ »	1 »
Ишак	12 пуль	1 »
Баран.	7 »	$\frac{1}{2}$ »

С упразднением натурального закветного сбора подвергся распродаже правительственный вьючный транспорт, и многочисленные стада рогатого и мелкого скота, накапливавшиеся в казне в силу сбора налога.

* Рупия равна 60 пулям.

Основная тяжесть поземельного налога, который, кстати, вместе с поступлениями налога со скота дает свыше 50% афганского бюджета, ложится на оседлое земледелие, и в частности на поливное земледелие. Проф. Вавилов правильно отмечает: «Орошаемые земли являются главным объектом обложения. Правительство, повидимому, вынуждено опираться главным образом на доходы с поливных земель, по той причине, что налоги на неполивные земли труднее учитываемы и сбор их сопряжен с большими трудностями. Если просмотреть положение о налогах на богару, то все оно наполнено различного рода штрафами, наказаниями за укрытие засеянной земли, невнесение в реестр, ложные показания о количестве засеянной земли, вознаграждения доносчикам и т. д. И самый размер налога здесь уже совершенно произвольный и определяется губернатором по соглашению с населением» (Вавилов, *Op. cit.*, стр. 173). На юг налог с богарных земель равняется 10% валового урожая.

Прежде чем перейти к оценке налоговой реформы надо поставить вопрос о том, сопровождался ли налоговый зажим аграрной революцией или реформой, ослабившей значение помещичьего гнета и феодальных пережитков.

В самом начале своего правления падишах Аманулла отменил принудительную дорожную повинность и другие виды принудительных общественных работ, — «бегар». Отмена эта полностью не проведена в жизнь до настоящего времени. Другим ударом по феодальным пережиткам явилось уничтожение рабства, хотя оно не имело серьезного значения в сельском хозяйстве. Эмирский фирман 1921 г. дословно гласит следующее: «Достойно сожаления, что некоторые славные и почтенные лица владеют рабами и рабынями, хотя согласно приказов светлейшего шариата, владение последними не дозволяется. Народы и племена ислама, которые являются свободными, не могут держать в своих домах рабов и рабынь. После этого (приказа) лица, впавшие в униженное состояние рабства, в виде рабов и рабынь, должны быть безотлагательно и без промедления освобождены. Если кто ранее сего имел сожителство с рабыней, от которой имел детей, но до сих пор по неведению не заключал с ней брачного договора, согласно правилам шариата должен вступить с ней в брак и выдать ей брачный документ, при условии согласования с приказами шариата о соблюдении ее прав. Если кто под видом какой-либо хитрости, например, под именем слуги или под именем своего ребенка, пожелает задержать рабыню, то это не дозволяется. Он должен безусловно удалить ее из своего дома, предоставив ей право идти, куда она хочет. Если кто нарушит этот приказ и будет держать у себя в доме рабынь из упомянутых выше (в приказе) насильно, то с хозяина дома взыскивается штраф от 1.000 до 2.000 рупий за душу. После настоящего приказа покупка и продажа рабынь какого бы то ни было племени воспрещается. Если

кто-либо приступит к покупке или продаже рабынь, то где бы они ни находились, они объявляются свободными». Другим актом явилась отмена различного рода налоговых привилегий, которыми пользовались отдельные племена в силу их положения, как казначества. Но эта реформа отнюдь не затрагивала помещичьего землевладения. Наконец, была проведена и аграрная реформа, о которой к сожалению мы располагаем лишь весьма отрывочными и неполными данными*. Реформа сводилась примерно к следующему. В первые годы нового режима, в связи с финансовым кризисом, была начата продажа по дешевым ценам государственного земельного фонда. Общие размеры этого фонда неизвестны, но зато известно, что туда вошли и были проданы с молотка земли отдельных крупных помещиков и феодалов, политических противников Амануллы, конфискованные им в самом начале царствования. Цены на землю были снижены, но не настолько, чтобы сделать возможной закупку ее безземельными крестьянами. Днепроvский (стр. 77—79) отмечает следующие причины неудач реформы, отнюдь не создавшей крестьянского землевладения: 1) крестьянское хозяйство переживает сейчас жестокий кризис, крестьянство чаще продает землю, чем покупает; 2) в условиях налоговой системы, взяточничества и вымогательства чиновников, высоких ставок налога — само крестьянство предпочитает оставаться под защитой у помещика, а не «свободным»; 3) крестьянство боится возвращения старого владельца, поскольку дело идет о конфискованной земле; 4) нарезка земли из госфонда сопряжена с рядом формальных трудностей, которые не под силу крестьянину, особенно при неприязненном отношении чиновников. «По совокупности всех указанных причин казенная земля понемногу переходит в руки помещиков» (стр. 79). Таково положение в Гератской провинции. Об Афганском Туркестане Монич сообщает: «Правительство, идя навстречу крестьянским нуждам, объявило распродажу казенных земель на очень льготных условиях с долголетней рассрочкой платежа, равносильных почти бесплатной раздаче земли. Но крестьянская масса предпочитает уклоняться от приобретения в собственность этих земель. Во-первых, нищий крестьянин не в силах без посторонней поддержки поднять свое хозяйство, не имея примитивного сельскохозяйственного инвентаря, быков, семян и т. д., а во-вторых, крестьянин страшится непосредственного контакта с собирающей налоги администрацией, что является неизбежным, когда он становится собственником земли — главным объектом государственного налогового обложения и чиновнических злоупотреблений» (стр. 323). При таких условиях реформа привела к обратным результатам, чем на какие была

* Не вполне ясен вопрос о вакуфных землях. Они еще при Абдур-Рахмане были частично изъяты и поставлены под контроль правительства. Аманулла как-будто провел ряд мер по усилению правительственного контроля

рассчитана, и лишь содействовала дальнейшей концентрации земель в помещичьих руках.

Другим путем было общее повышение производительности сельского хозяйства, рост его товарности, а следовательно, и рост дифференциации крестьянства. При общем увеличении продукции возможно было перенести и повышенные налоговые взыскания. Такого роста производительных сил сельского хозяйства в Афганистане не наблюдалось. Правда, правительством были предприняты некоторые оросительные работы, к югу от Гиндукуша. Так, в 1926 г. была восстановлена древняя плотина Газневидских эмиров Банд-и-Сарадж около Газни, оросившая около 5 000 га. В 1923—25 гг. закончена плотина на притоке реки Кабула у Танги-Гору. Неудачной оказалась попытка немецких инженеров оросить пустующие земли у слияния Горбенда с Пендширом. В оазисе Джелалабада были искусственно орошены высокие террасы по берегам реки Кабула. Вода проведена каналом из Доронского ущелья за 20 км. Наконец, начата постройкой большая плотина в Хосте, в районе Чакмана. Общие вложения в ирригацию не превышают суммы порядка 4—5 миллионов рупий, а на выборе места для оросительных работ в южном Афганистане, с его галечниковыми почвами, сказалась политика правительства, заинтересованного в переводе в оседлое состояние именно беспокойных племен южного Афганистана. На севере при меньших вложениях можно было добиться большего производственного эффекта. По сравнению с сотнями миллионов рупий, извлеченных по налогу, сельское хозяйство Афганистана получило очень немного в обмен.

Таможенная политика, проводимая падишахом Амануллою, также не содействовала росту товарности сельского хозяйства. Сушеные фрукты облагались вывозной пошлиной около 25—40% со стоимости. Хлопок-сырец — 20%. Шерсть (главным образом продукт скотоводческого хозяйства) — до 40%.

Незаклучение торгового договора с СССР, что оживило бы наиболее богатые северные районы, также дало свой отрицательный эффект. Лишь в 1928/29 г. советско-афганская торговля достигает довоенного уровня.

В условиях малой товарности сельского хозяйства, введение денежных налогов могло явиться непосредственной и основной причиной кризиса. Про Францию старого режима Маркс указывал, что причина лежала не столько в величине налогов, сколько в том, что они денежные, а потому так тяжелы для крестьянства. То же самое можно отнести к Афганистану. Кризис крестьянского хозяйства, обезземеливание крестьян — получило новый, сильнейший толчок. «Процессы измельчания хозяйства и постепенное обезземеливание крестьян, вообще наблюдаемое в районах поливного хозяйства, за последние пять-шесть лет особенно усили-

ли сь...». Днепровский далее указывает на связь этого процесса с введением денежного налога. «Эта форма налога, будучи сама по себе очень прогрессивным мероприятием, в условиях почти натурального хозяйства не могла дать тех положительных результатов, на которые оно, быть может, было рассчитано, и наоборот, даже способствует обеднению крестьян... а отсюда очень частые случаи продажи земли» (Днепровский, стр. 78). На ту же картину указывают и другие наблюдатели. Наряду с массовой продажей крестьянской земли отмечается своеобразная коммendaция: крестьянин пытается заслониться от всемогущего налогового аппарата помещиком, которому он отдается под защиту. «Нигде в Афганистане крестьянство не переживает такого ужаса, как там, где оно оказывается хозяйственно независимым» (Монич, 324). Аграрная и налоговая политика нового режима не могла не вызвать стихийного недовольства в самых широких кругах крестьянства.

Скотоводческое хозяйство и реформы

Наряду с земледелием, скотоводство является основной отраслью народного хозяйства. Перед правительством падишаха Амануллы, кроме того, стоял вопрос о переводе в оседлость скотоводческих племен, без чего невозможно было разрешить задачу окончательной централизации страны, нельзя было обезопасить и оседлые земледельческие заисы от вечных налетов и «колтоманства». Правительственная политика последнего десятилетия выдвинула следующие мероприятия. Во-первых, расширение оросительной сети южного Афганистана. Но в силу естественных условий (недостаток почвы и воды, см. выше), а также в силу недостатка капиталов, особенно после кризиса, вызванного Хостинским восстанием 1924/25 гг., не удалось добиться сколько-нибудь значительного результата. Вторым средством могло явиться массовое переселение афганских племен на север, постепенное оседание их в Афганском Туркестане и Катагано-Бадахшанской провинции. Был издан особый закон, устанавливающий ряд льгот переселенцам и даже обеспечивавший им известную ссуду и налоговые льготы при переходе их к оседлому земледелию. Процесс переселения безусловно происходит сейчас, но медленным средневековым темпом. С другой стороны по мере роста волны афганской эмиграции соответственно увеличатся трения с коренным таджикским и узбекским населением на почве освоения все уменьшающегося фонда свободных земель. Третьим средством было административное регулирование перекочевков, установление особых маршрутов для них, под угрозой уголовной кары в случае отклонений. Так, для движения через Хезараджат после событий 1923 г. был издан эмирский фирман об обязательном движении афганских кочевников лишь по трем определенным дорогам. Правительство, однако, не всегда располагает военной силой, чтобы настоять

на своих требованиях, а отдельные чиновники легко входят в стачку с вождями кочевых племен, делясь с ними прибылью от налетов и колотманства.

Повышения налогов на скот мы касались выше. Высокие вывозные таможенные пошлины на шерсть (около 40%) также могли вызвать неудовольствие. Другими моментами трения с кочевым населением были: 1) стремление правительства сократить или уничтожить кочевую торговлю с его средневековой организацией повинда; в частности, была введена особая система лицензий на право торговли, чем ставилось препятствие непосредственному участию кочевников в торговле с Индией; 2) автомобиль, в связи с проведением и улучшением шоссейных дорог, начал понемногу конкурировать с кочевым транспортом. Во время восстания 1928/29 г. племя шинвари первым делом предало огненной казни свыше 20 грузовых автомобилей на дороге Желалабад-Дакка. При слабых, лишь первых ростках афганской промышленности — черводары, погонщики верблюдов, целые племена, выбрасываемые из старой отрасли труда конкуренцией механического транспорта, тем самым теряли всякий заработок и усиливали кадры безработных.

Таможенная и торговая политика

Нигде, пожалуй, так ярко не сказалась руководящая роль торгового капитала. Два устоя новой политики явно связаны с попыткой обеспечить создание внутреннего рынка. С одной стороны, были отменены внутренние таможи, с другой — значительно повышены пошлины на предметы заграничного импорта.

Афганский таможенный тариф 1920 г. устанавливает, что товар должен только один раз облагаться пошлиной, и самая ставка фиксируется раз навсегда. Раньше приходилось представлять товары на до-смотр чуть ли не в каждом городке, в каждом базарном пункте. Бесчисленные внутренние таможенные сборы заменял единообразный пятипроцентный сбор со всех товаров, перевозимых для продажи из одного пункта Афганистана в другой. Снятие внутренних таможенных барьеров, разгораживавших страну на ряд разобщенных областей, в значительной мере раскрепощало внутренний торговый оборот.

Таможенный тариф 1920 г. строится на чрезвычайно высоком обложении как заграничного импорта, так и экспортного афганского сырья. На иностранную мануфактуру пошлина была поднята с 5—14 процентов до 20—30 процентов. На предметы роскоши, куда, между прочим, зачислялось и готовое платье иностранного происхождения, папиросы, мыло и т. д., была установлена почти запретительная ставка. Экспортные пошлины варьируются от границы вывоза; так, например, шерсть при вывозе ее через Кабул облагается 40-процентным сбором с цепы, в то время как по соверной, советской границе

он уменьшается до 20 проц. Этим путем пытались обеспечить приток шерсти, необходимый Кабульскому заводу Машин-хане. Хлопок-сырец облагается 20-проц. пошлины. Каракуль — 11 проц.; кишмиш, кишки — 20 проц. Безусловно, ставки афганского экспортного тарифа страдают переобложением. Тем не менее, единый тариф, несмотря на его тяжесть, был все же более приемлемым для купечества, чем те 12—16 разнообразнейших сборов, бывших в ходу во времена Хабибуллы и Абдул-Рахмана*.

С Англией была заключена лишь краткая конвенция о транзите, в развитие основного договора от 1921 г. Отсутствие общего торгового договора, при наличии в Афганистане гибкого посреднического аппарата индусской купеческой колонии, не имело особенно болезненных результатов для англо-афганской торговли. В 1925 г. англо-индийское правительство, форсируя проникновение на афганский рынок, установило возврат пошлин с английской мануфактуры, ввозимой в Афганистан через Индию. Большинство европейских заказов афганского правительства также шли через Индию, не говоря о ценной каракулевой торговле.

На наших торговых отношениях с Афганистаном тяжело сказались отсутствие договоренности. Афганское правительство не допускало к себе наших торгоагентов, чем устранялась возможность непосредственной связи наших заготовительных организаций с рынком. Шерсть, хлопок, кожи — все это приходилось закупать через афганских купцов-комиссионеров, выступавших как бы монополистами. Здесь интересы быстрого развития товарооборота были прямо принесены в жертву нескольким крупным посредникам, связанным с административной властью северных провинций и сумевших нажить крупные состояния. С другой стороны, наша система торговли, трудность получения кредита, таможенные формальности, необходимость поездки в Москву — все это в известной степени благоприятствовало концентрации торгова в руках отдельных крупных комиссионеров.

Транспорт

Разработка путей сообщения составляла существенную часть программы централизации истекшего десятилетия. Из новых дорог автомобильного сообщения отметим путь из Кабула в Гардез через

⊙ Даем список важнейших таможенных сборов времен Хабибуллы: а) чакхиль-яка — 1 на сорок; первое с веса, второе с груза, третье с цены, четвертое с числа предметов, пятое с куска (мануфактуры, сукна). Разные сборы: первое отчисление в пользу оценщиков, второе — сбор 10 пай (анпа) на местные пужа, третье — комиссионный сбор, четвертое — страховой сбор, пятое — сбор в пользу конвоя, шестой сбор — на освещение, седьмое — дополнительный сбор и это еще не все сборы!

Алтимурский перевал (закончен в 1927 г.); постройку укороченного варианта шоссе Кабул-Джелалабад; открытие дороги Меймене-Андхой-Назар-Имам к Советской границе. В самые последние годы была начата разработка перевальных путей через Гиндукуш по Саянгскому варианту. Были приняты меры к улучшению существующей автомобильной дороги Кабул—Кандагар—Нью—Чаман. Между Кабулом и Кандагаром было установлено пассажирское автомобильное сообщение, между Кабулом и Пешавером — товаро-пассажирское. Перевозка товаров между Кабулом и Пешавером монополизирована. По сообщению корреспондента «Берлинер Тагеблат» Клотцеля, — «эта монополия находится в руках афганского общества «*Motogani Kabul, Turkham Motor-Transport Co.*», акционерами которого состоят падишах и большая часть министров. Цена фрахтов высока. Транспорт караванным путем стоит дешевле, но зато перевозка продолжается четыре недели вместо двух дней автомобилем, причем хрупкие товары очень страдают от ежедневной погрузки и разгрузки».

В важнейших городах построена радиостанция. Пешавер соединен с Кабулом телеграфной линией. Постройкой закончена линия телеграфа Кабул — Кандагар. Строятся телеграфные линии: Термез — Кабул, а также Кушка — Герат — Кандагар. Последние две линии будут иметь крупное коммерческое значение, как вторая магистраль индо-европейского телеграфа. В 1927 г. открыта линия воздушной почты Кабул — Ташкент. Совсем недавно, наконец, Афганистан вступил во Всемирный почтовый союз. Общая схема афганских путей сообщения и телеграфных линий дана в приложении на особой карте.

Монополии

Отличительной чертой является наличие, главным образом, торговых монополий. Из монополий, предоставленных иностранцам, отмечается монополия «Немецко-афганской компании» на вывоз кишек при обязательстве ее скупить целиком всю кишечную продукцию страны. Раньше эта монополия принадлежала итальянцу Бернарди. Иностранный же капитал (немцы) имеет монополию на добычу и вывоз лапис-лазури. Более крупное значение имеют торговые монополии туземного капитала. При новом режиме был образован ряд оптовых торговых компаний с отделениями по всей стране, с основными капиталами порядка 500 тыс.— 2 млн. рупий, каковые получили правительственную монополию на торговлю определенными категориями товаров: общества «Семмар» по торговле сахаром и сухими фруктами; «Аманиэ» — по торговле кожей; «Брадерани — Афган» — по отдельным видам галантереи и мануфактуры. Пайщиками этих компаний-гигантов по афганскому масштабу, кроме отдельных купцов, состоят почти исключительно высшие сердары и бюрократы, члены царствующей

щего дома, включая самого падишаха. В последнее время образовались еще две крупные торговые компании — «Шаркат-и-Камар» в Мазаре; «Шаркат-и-Зия» — в Кандагаре *. В северном Афганистане действует ряд фактических монополий на почве тесного сращения крупного купечества и верхушки административного аппарата. Так, о Герате консульский отчет сообщает: «Гератское крупное купечество создало две монопольные компании и при ближайшей поддержке гератских властей захватило в свои руки сырьевой рынок Гератской провинции и пограничной полосы Бадгиза». Про Мазар-и-Шериф мы узнаем, что крупный местный купец Абдул-Азиз-шах-Заде вместе с местными властями образовал нечто вроде монопольного общества по заготовке шерсти. По Меймене имеются данные, рисующие самое возникновение такой компании: новый хаким или губернатор созывает кушцов, указывает на необходимость поднятия торговли и развития производительных сил области. Тут же образуется компания с основным капиталом в 100 000 рупий, причем пайщиком является и сам шах. В отдельных случаях такие же компании пыгаются приступить и к закупке машинного оборудования за границей, к постройке промышленных предприятий. Такая попытка, правда, не увенчавшаяся успехом, была сделана в Герате (хлопкоочистительный завод).

Значение таких мероприятий для дальнейшей концентрации торгового капитала чрезвычайно велико. В 1928 г. пять афганских крупных купцов уже сосредоточивали в своих руках больше 50 проц. всего оборота товаров (около 3 млн. руб.) по Керкипской таможне. Торговля Герата с Индией и Советской Россией — а она исчисляется суммой в несколько миллионов рублей — также находится в руках двух монопольных компаний **. Чрезвычайно прибыльной оказалась торговля бухарским каракулем в революционные годы. Так, единственный кабульский купец — Абдул-Азиз, имеющий сейчас свое собственное агентство в Лондоне, а потому прозванный Лондани, нажил состояние в несколько миллионов рупий, закупая каракуль в Керках по 2½ афганских рупий за штуку и продавая ее в Пешавере за 18 индийских рупий. По свидетельству нашего торгового агента в северо-афганской торговле (дело идет, очевидно, о внешней торговле) на первом месте идут к а б у л ь ц ы, затем индусы и лишь на третьем месте местные купцы. Недаром первым министром торговли падишаха Амануллы был крупнейший кабульский купец и сердар Мулла-Гулям-Магомед-хан и до сих пор в Совете министерства торговли заседают кабульские купцы.

* На Всеафганской Джире в августе 1928 г. падишах сообщил о регистрации еще 10 оптовых торговых компаний.

** Возвращаясь из Москвы в 1928 году афганский министр торговли Абдул-Хади-Хан усиленно рекомендовал гератскому купечеству «торговать не по одиночке, а через компании».

Уже отмечалось участие падишаха в компании автомобильного транспорта. Когда же в 1928 г. по государственному бюджету было отпущено 500 000 рупий на развитие хлопководства в северном Афганистане, то эта сумма была передана особой компанией, где виднейшее участие принимают управляющий личной казной эмира Магомед-Аюбхан и немец Эбнер. Указанные факты в достаточной мере освещают сращение правящей верхушки с крупным торговым капиталом *.

Промышленность

Прежде всего отметим протекционистские тенденции, поскольку они отразились в афганском законодательстве, в частности, в «уставе о поощрении промышленности». В § 14 Устава мы читаем следующее: «Для поддержания производства на афганских заводах правительство может по мере надобности и нужд страны увеличивать пошлины на ввозимые предметы и материалы, подобные которым вырабатываются внутри страны, на заводах своих подданных, или вовсе воспретить ввоз подобных товаров и материалов из-за границы». Афганистан, еще не создавший своей промышленности, уже мечтает о завоевании внешних рынков. В ст. 15 того же Устава мы читаем: «Для поощрения своей внутренней промышленности афганское правительство может также уменьшать вывозные пошлины на предметы и материалы, выработанные на заводах внутри государства и экспортируемые за границу, или же совершенно снять пошлину с таковых». Этот же устав, относящийся к 1921 г., вводит особые льготы для афганцев, открывающих промышленные предприятия, — они получают бесплатно землю из государственных наделов, освобождаются на 10 лет от всех налогов, общегосударственных и местных, в течение пяти лет они пользуются правом беспошлинного ввоза необходимых машин и оборудования. На известных основаниях дается и субсидия. Наконец, правительство «обеспечивает заводы заказами и пользуется преимущественным правом покупки готовых предметов и материалов, вырабатываемых вышеуказанными заводами» (Положение, ст. 13-я). Льготы, предоставляемые коренным афганцам, могут распространяться и на иностранных капиталистов, участников предприятия. Но в этом случае «земли и заводские корпуса обязательно должны оставаться афганской собственностью и иностранно-подданные, которые находятся в компании с афганско-подданными, обязаны беспрекословно подчиняться всем уставам и налоговым обложениям высокого Афганистана как действующим в настоящее время, так и могущим быть установленными в будущем. Все могущие возникнуть споры и тяжбы должны разби-

* Чрезвычайно интересный материал о крупном торговом капитале приводит «Бюллетень прессы Среднего Востока», № 3, 1929 г.

ратся в афганских судах и по афганским законам» (ст. 5-я). Более того, «афганское правительство может, когда пайдет необходимым, лишить или ограничить права компаньона иностранца» (ст. 6-я). Совсем в советском духе, в духе постановлений нашего концессионного права. Афганистан, как видно, не собирается подражать примеру Персии.

Создавшиеся небольшие промышленные предприятия носят государственный характер и построены на средства, отпущенные по бюджету. В районе Кабула построена мыловарня, цементно-бетонный завод, стекольный завод и наконец, сравнительно крупная спичечная фабрика. Последнее предприятие создавалось в расчете на введение государственной спичечной монополии, что должно было «уравновесить» такой существенный недостаток, как отсутствие удобных лесных материалов по соседству с Кабулом. В Кандагаре установлен заводик искусственного льда, в Мазаре — мыловаренный и маслوبيнный. Наконец, во время европейской поездки падишаха был закуплен целый ряд машин и оборудование для следующих предприятий: сахарофабричный завод (имелась в виду монополия на сахар, писчебумажная фабрика; шерстопрядильня, шерстомойня, ткацкая для хлопчатобумажной фабрики и наконец химический завод. Точные размеры этих проектированных заводов неизвестны, а вся программа была сорвана восстанием 1928/29 г. В Герате, как уже отмечалось, была оборудована электростанция и почти закончена постройка хлопкоочистительного завода. В Кандагаре и Желалабаде было приступлено к переоборудованию электростанции. На заводе Машин-хане была устроена мастерская ремонта автомобилей.

Финансы и бюджет

Финансовое положение Афганистана после войны было необычайно тяжело. Паразитический бюджет Хабибуллы-хана опирался на английскую субсидию, затем шли таможенные сборы с англо-афганской и русско-афганской торговли. Все три источника были ликвидированы: торговля с Россией фактически прекратилась еще с 1917 года; английская субсидия была уничтожена по договору в Раваль-Пинди. Кроме того, под предлогом борьбы с независимыми племенами, англо-индийское правительство закрыло все горные проходы, ведущие в Индию, и блокада была снята лишь в самом конце 1919 года. Наконец, война за независимость поглотила небольшие сбережения казны, которые оставались после расточительного царствования Хабибуллы-хана. Правительство не располагало средствами ни для расплаты с войсками, ни для содержания чиновников.

Прежде чем перейти к финансовой реформе, пришлось принять ряд мер в срочном порядке, чтобы как-нибудь отвратить банкротство и покрыть наиболее острые нужды.

В области изыскания новых источников дохода были пущены в ход все средства. Ряд имений и денежных капиталов вельмож старого режима были конфискованы и перешли в собственность казны. Часть государственной земельной собственности пошла с молотка. Кризис был настолько остр, что не брезгали и мелочами: в Кабуле было организовано несколько лотерей для продажи ценностей из дворцовой сокровищницы. Продавали бриллианты и за границу — во Францию и Америку. Но полученных средств очевидно не хватило и пришлось обратиться к эмиссии. Сперва правительство прибегло к скрытой эмиссии — выпуску недоброкачественной серебряной монеты. Медную монету покрывали (гальваническим путем) тонким слоем серебра и выпускали ее за серебро. Но для этой операции не доставало запасов серебра, хотя в чеканку пошла вся серебряная посуда не только царствовавшего эмира, но и конфискованная у Насрулы и Инаятулы. Тогда было приступлено к выпуску бумажных денег. Они обеспечивались свободным разменом на золотую монету, которая была выпущена одновременно с кредитками. Золотая монета была с громадной примесью лигатуры и явно не соответствовала своей номинальной стоимости. Правительство было бессильно остановить стремительное падение кредиток и золота. После военных бунтов в Меймене, Джелалабаде и Мазар-и-Шерифе, когда солдатские массы отказались брать новые деньги, правительство провело выкуп кредиток. Одновременно было изъято из обращения и золото (январь 1921 года).

В области финансов, кроме уже отмеченных реформ, крупнейшее значение имеет введение всех доходов и расходов в рамки твердого государственного бюджета. Бюджет составляется министерством финансов, утверждается советом министров и государственным советом. Повидимому, проведено твердое деление между личной собственностью эмира и государственной казной. Первый афганский общегосударственный бюджет был принят на 1923 год*. Бюджет был составлен без дефицита, но огласки тем не менее не получил. Как указывалось

* Е. Вейдт, Афганистан, Москва, 1927г., стр. 37, дает следующие сведения об афганских финансах:

«Основной закон 1923 г. устанавливает, что ежегодно в Афганистане должен вырабатываться бюджет расходов и доходов. По имеющимся газетным сведениям, государственный бюджет Афганистана в 1926 г. составлял около 100 000 000 афгани (1 афгани — 43—45 коп.). Доходная часть бюджета составляется из таможенных пошлин, земельных и других налогов и разных иных государственных доходов. Из общей суммы доходов расходуются приблизительно 80 000 000 афгани, а остаток остается в казне в качестве запасного фонда. Наибольшая доля, а именно около 40% бюджета, расходуются на армию. Затем идут расходы на содержание эмира, содержание полиции, содержание финансовых чиновников и содержание посольств за границей. На хозяйственные и просветительные нужды расходуются очень небольшие суммы, что показывает, на каком низком хозяйственном и культурном уровне находится современный Афганистан».

выше, весь налоговый аппарат подвергся строгой централизации — «все чиновники финансового ведомства, как в центре, так и в провинциях, подчинены министерству финансов и исполняют свои обязанности согласно его приказам» (Основные законы, ст. 45). Финансовое ведомство обладает сейчас разветвленным аппаратом на местах (главноуполномоченные в провинциях и областях, финансовые агенты в губерниях и уездах). В стадии обсуждения находится вопрос об учреждении государственного банка.

При недостоверном характере данных об афганском бюджете они имеют лишь известный иллюстративный смысл. Приведенная ниже афганская государственная роспись на 1928 год была опубликована в немецкой печати, откуда и заимствована нами, причем необходимо иметь ввиду, что возможны весьма и весьма значительные неточности.

Бюджет составлен в объеме 140 миллионов рупий по приходной части, расход равен 120 миллионов рупий; 30 миллионов должны были составить запасный фонд. Приходная часть бюджета увеличена в полтора раза по сравнению с 1926 г., что соответствует и общему повышению налогов.

Основной доход	Основной расход
Земельный налог . 70 мил. афг. руп.	Военное ведомство . . 40 мил. руп.
Налог со скота . . 10 » » »	Двор 10 » »
Таможни 40 » » »	Дар-уль-аман 10 » »
Выпуск серебряной монеты 10 » » »	Миньвудел 7 » »
Финансовые операции . . . 4 » » »	Индия 4 » »
Разное 16 » » »	Торговли 4 » »
	Просвещения 3 » »
	Юстиции 2 » »
	Финансов 1 ¹ / ₂ » »

Расходы на двор выше обычного в связи с заграничной поездкой падишаха (в 1928 г.). Дар-уль-аман — ассигнования на постройку новой столицы под Кабулом, на что, по исчислению тов. Примакова в «Большевике» (№ 3—1929 г.) было израсходовано с ранее отпущенными суммами до 40 млн. рупий. Сметы по министерствам внутренних дел и торговли включают ассигнования, очевидно, незначительные, на постройку шоссе и оросительных каналов. По сравнению с крупными затратами на непроизводительные цели (Дар-уль-аман, двор), обращают на себя внимание отпуск ничтожных средств на постройку путей сообщения и каналов. Картина отчасти

меняется, если учесть, что падишахом при его поездке за границу была израсходована сумма порядка 20—30 млн. рупий на закупку военного снаряжения, а также машин, заводского оборудования, автомобилей, аэропланов и т. д.

В 1925 г. была проведена денежная реформа, сущность которой сводилась к тому, что вместо старой рупии кабули с высоким содержанием серебра (около 90 проц.) были выпущены новые рупии «афгани» с большой примесью амальгамы (до 53 проц.) причем курс «афгани» был декретирован правительством на 10 проц. выше кабули. Всего было выпущено в обращение на 70 миллионов рупий новой монеты (заявление министра финансов на заседании Джирга в августе 1928 г.). Прямым следствием наивной финансовой операции явилось падение курса рупии. В этом же направлении действовал неблагоприятный торговый баланс Афганистана по торговле с Индией. Приводим таблицу падения курса из статьи тов. Фора «Экономика современного Афганистана» (№ 7—8 журнала «Торговля СССР с Востоком»).

В 1925 г. за 100 афганск. рупий	60	индийских
В 1926 г. за » » »	55	»
В 1927 г. за » » »	50	»
В 1928 г. за » » »	40	»

Инфляция была по интересам самых широких кругов населения, уменьшая вместе с тем мизерные оклады чиновников, вынуждаемых тем более налегать на взятки.

Прогрессивной чертой новых афганских бюджетов является полное прекращение выплаты субсидий отдельным племенам и племенным ханам; общее сокращение стипендий, субсидий и пенсий, которыми пользовались члены царствующего дома, всякого рода придворные фавориты, отдельные сердары.

Административные реформы

В области юстиции также проводятся реформы. Составлен уголовный кодекс по типу турецкого, проведено деление суда на отделы — уголовный, гражданский и по должностным преступлениям; образован верховный суд; смягчены карательные меры — отменен расстрел из пушки, уничтожены пытки; смертная казнь должна обязательно получить утверждение самого эмира и возможна лишь при сознании преступника.

В области государственного устройства Аманулла-хан не внес коренных изменений. Здесь была проделана работа по очищению и углублению основ порядка, заложенного еще при Абдур-Рахман-хане. В конце 1919 года в Кабуле был создан немногочисленный

(25 членов) законодательный совет из высших чиновников и сведущих лиц. На совет была возложена подготовка общей административной реформы. Осенью 1920 года в разработке законодательства принял близкое участие Джемаль-паша, известный младотурецкий деятель, пробывший в Афганистане до сентября 1921 года. В конце 1921 года большинство предложенных реформ получили утверждение эмира и в том же году на места выехали особые комиссии «проведения реформ», возглавляемые министрами и ближайшими сотрудниками эмира. Председатели этих комиссий являлись как бы особоуполномоченными Кабула и должны были вдохнуть новый дух в низовую администрацию. На них же лежала задача упорядочить налоговый аппарат и наладить приток средств в казну, переживавшую тогда жестокий кризис.

В области центрального управления необходимо отметить упорядочение работы министерств и создание государственного совета.

О власти и ответственности министров мы находим ряд важных общих положений в «основных законах управления Афганистана». Совета министров, как коллегиально ответственного и постоянно действующего органа, попрежнему не существует. Он собирается всякий раз по особому приказу эмира (ст. 4) и имеет председателя лишь на время заседания (ст. 1). Новое законодательство ясно определяет функции отдельных министров, как ответственных глав ведомств, и их отношение к главе исполнительной власти — эмиру. Каждый министр является единственным руководителем работ всего ведомства и за свою деятельность несет непосредственно ответственность перед эмиром. Все министры «за положение и исполнение подчиненных им дел лично ответственные». Они подсудны особому высшему суду. Не менее важный момент вносит ст. 5-я основных законов — «на всякое распоряжение по какому-либо вопросу, основанное на словесном приказе эмира, ответственный в том министр должен заручиться письменным документом от его величества» (ст. 6-я).

Министерства образованы следующие: военное, иностранных дел, внутренних дел, юстиции, финансов, торговли, общественной безопасности (полиции), народного просвещения, земледелия и управления государственным советом. Кроме того, на правах министерств имеются два независимых управления: управление почт, телефонов и телеграфов и медицинское управление. Самые названия министерств говорят о функциях, особенностей же организации мы коснемся в связи с реформами в отдельных отраслях управления.

Государственный совет образуется из членов по назначению (высшие сановники, министры, бывшие генерал-губернаторы) и по выбору. Численное соотношение тех и других законом не установлено. Выборы в государственный совет двухстепенные и очевидно носят высокоцензовый характер. Сначала происходят выборы в провинциальные сове-

щательные собрания — «все лица, занимающие видное положение в обществе и пользующиеся доверием среди населения центральных и провинциальных городов, уездных городов, а также главы больших племен, поскольку все они платят маллиат (налог), избирают от каждой губернии и уезда по одному человеку из числа лиц, также платящих государству маллиат» (Основные законы, ст. 141-я). Выборные члены провинциальных совещательных собраний собираются под председательством генерал-губернатора и выбирают из своей среды одного представителя в государственный совет. Особым представительством пользуются сама столица и Кабульская губерния. Выборов до 1924 года не происходило, и государственный совет, повидимому, комплектуется исключительно членами по назначению.

В составе государственного совета образовано три отдела: организационный — для подготовки, истолкования законодательства*; судебный — который действует в качестве высшего административного и апелляционного суда; и гражданский — функции последнего определены весьма туманно: «рассмотрение вопросов, касающихся дел гражданских, торговых, общепользных и просвещения». Государственный совет очевидно ведает публикацией закона. Председатель государственного совета входит в состав совета министров на правах полноправного члена.

Особое место занимает Всеафганское представительное собрание или Луи-Джирга (Большая Джирга). Джирга созывается не периодически, лишь для принятия решений в исключительно важных случаях. Такая Джирга впервые была созвана летом 1924 г. во время Хостинского восстания, и под влиянием реакционного духовенства, составившего более $\frac{1}{3}$ всех делегатов, высказалась за отмену некоторых реформ. Вторая Джирга была созвана в конце августа 1928 г. для утверждения реформ, предложенных падишахом после возвращения из Европы. Собралось более 1.000 делегатов. В состав их не вошли: чиновники, духовенство, офицеры. Джирга приняла новый закон о престолонаследии, согласно которому трон переходит к старшему сыну падишаха, в то время как раньше наследник мог произвольно назначаться царствовавшим монархом. Джирга утвердила упразднение государственного совета, замену его Народным советом, переизбираемым каждые три года. Состав Народного совета — 150 депутатов. Выборы прямые и очевидно всеобщие. Пассивным избирательным правом не пользуются: госслужащие, военные, купцы и банкроты. Падишах предложил Джирге тут же выделить из своего состава 150 человек для образования первого Народного совета, но Джирга отказалась, предлагая провести выборы по конституции, и сессия Народного совета так и не состоялась.

* Законы фактически готовятся не государственным советом, а особыми комиссиями под личным руководством эмира.

В конституции имеется упоминание о высочайшем Дурбаре или Совете, созываемом раз в год для заслушивания общего доклада правительства и отчета отдельных ведомств. Состав Дурбара — «высшие чиновники и наиболее уважаемые лица государства, назначаемые эмиром» (Основные законы, ст. 7). На заседаниях обычно присутствует дипломатический корпус, а сам Дурбар имеет, главным образом, декоративное значение. Распустив Джиргу в 1928 г. падишах проводил некоторые реформы через послушные ему Дурбары. Организация Дурбара очевидно заимствована из соседней Индии, где они в еще большей степени носят характер декоративных, торжественных заседаний или приемов.

Реформе местного управления предшествовал пересмотр административного деления страны. Весь Афганистан был подразделен на пять провинций или наместничеств — Кабульскую, Кандагарскую, Гератскую, Туркестанскую (Мазарскую), Катагано-Бадахшинскую и четыре области — Восточную (туда входят Лагман, Кунар, начинается в верстах 20 от Кабула на восток), Южную (Логар, Гардез, Зурмат, Хост), Фаррахскую и Мейменинскую. Провинции и области в свою очередь подразделяются на губ., а последние на уезды и участки (волости).

Впервые был установлен полный список селений и волостей, их административные границы.

Общий порядок бюрократической иерархии и строгого централизма распространяется на местное управление. Генерал-губернатор сохранил свое звание эмирского наместника (наиб-уль-хукума), он по-прежнему является «главой и центром управления провинций», но сущность его обязанностей претерпела значительные изменения. Из полновластного сатрапа он превращен в правительственного чиновника с определенной компетенцией, действующего в порядке особого «устава генерал-губернатора», лишенного права решать сколько-нибудь важные принципиальные вопросы. «Если возникает какое-нибудь простое и обычное дело», — читаем в основных законах (ст. 112, раздел 7-й), — «и оно предусмотрено уставом генерал-губернатора, то генерал-губернатор может исполнить его самостоятельно, лишь известив об этом соответствующее министерство; но если дело это имеет серьезное значение, то генерал-губернатор испрашивает соответствующее разрешение из министерства». Роль генерал-губернатора, как бюрократического звена, по-прежнему велика — он обладает большой административной властью, имеет право объявлять военное положение, ни один чиновник в провинции не может сноситься помимо его с центром*. Но он

* Основные законы, ст. 137-я. «Никто из чиновников провинции не может непосредственно сноситься с министерством, коему он подведомственен. Подобным же образом министерство не может отдавать приказов, о чем бы то ни было непосредственно подведомственным чиновникам, находящимся в провинции. Все сношения должны происходить через генерал-губернатора».

лицо подконтрольное и подотчетное. Каждая рупия расходов предусмотрена провинциальной сметой, а излишек должен пересылаться в Кабул. Каждый шаг, взятый им на свою ответственность, должен быть сообщен министерству на утверждение. Рядом с генерал-губернатором вырастает целая вереница чиновников, представителей отдельных ведомств. Сменить их он не может без согласия центра, и в случае отдачи генерал-губернатором какого-либо противозаконного приказа, «они обязаны сообщить и объяснить обстоятельства дела непосредственно в министерство». Кроме того, существует особая контрольная палата.

Из чиновников, состоящих при генерал-губернаторе, наиболее независимое положение занимает управляющий финансами (мустофи). На время отсутствия губернатора из провинции он является его заместителем. Сравнительно независимое положение мустофи и большая близость его к центру (назначается и смещается лично эмиром) должна быть целиком отнесена на счет его ответственности перед центром за «отправление излишка провинциальных доходов в столицу государства» *.

Как говорит само название, в лице совещательных собраний, провинциальных, областных и уездных, мы имеем лишь зародыш местного самоуправления. Закон прямо гласит: «генерал-губернатор вовсе не обязан непременно поступать согласно постановлению совещательных собраний, которые представляются ему в виде советов». Представитель исполнительной власти председательствует на их заседаниях; он же вносит все дела, подлежащие рассмотрению. Компетенция совещательных собраний также весьма ограничена. Их практическое значение — информировать власть о нуждах населения и придавать своим одобрением большую авторитетность тем или иным действиям правительства.

За провинциальной и областной администрацией следует в порядке подчиненности власти губернские (хукумет-и-калан) и уездные. Общие основы остаются прежними. Новое законодательство вносит лишь некоторую стройность в систему соподчинения властей, более точное размежевание их функций, известное усиление бюрократического аппарата. Созданы губернские должности: чиновника земледелия и почтового чиновника. В уездах же, где раньше царем и богом был один хаким (уездный начальник), совмещавший в себе все административные и судебные функции, появляются целых три новых лица: финансовый чиновник, чиновник по переписи и комендант полиции (стражников).

* Кроме мустофи мы находим в штате провинциального центра следующих высших чиновников: управляющего канцелярией губернатора; управляющего просвещением; управляющего таможней; управляющего переписью; управляющего земледелием; управляющего транспортом (по перевозке); дипломатического чиновника, командира стражников (котвали) и почт-директора.

Устанавливается больший контроль центра и над волостным начальством. Власть попрежнему остается в руках местного хана или племенного старшины* Но к нему предъявляют ряд требований, его снабжают длинными письменными инструкциями, стремятся превратить его в чиновника обычного типа.

Усиление власти чиновничьего аппарата в громадной степени повышало его ответственность и ставило перед правительством вопрос о борьбе с злоупотреблениями и взяточничеством, давно ставшим второй натурой афганского чиновника. Борьба эта ведется довольно примитивно полицейским способом. Вряд ли можно ждать существенных успехов от образования «верховной комиссии по борьбе со взяточничеством», от введения системы взаимного соглашения среди чиновников и от применяемых, от случая к случаю, жестоких мер репрессий.

Общий дух реформ — это дух полицейской опеки, всеобъемлющего бюрократического надзора. Все должно делаться сверху, государством и через государство. До обеспечения так называемых буржуазных «свобод» Афганистан еще не дошел. И хотя встречается упоминание «о справедливом законе неприкосновенности жилища», однако полиция сохраняет и право и фактическую возможность нарушать его. Полиции до сих пор подчинено даже городское управление.

Слабость государственного аппарата в целом заключалась в отсутствии сколько-нибудь культурного и образованного чиновничества. Кадры его начали понемпогу складываться лишь к концу десятилетия.

Армия

Из реформ по отдельным отраслям управления на первое место следует поставить реорганизацию вооруженных сил страны. В основу ее положены следующие принципы.

Высшее военное управление безраздельно сосредоточено в руках военного министра. Ему присвоены права главнокомандующего, и он подчинен непосредственно эмиру. Впервые организован главный штаб и генеральный штаб. Расширены штаты военного министерства. Создано военно-судное управление. Ведется энергичная работа по съемкам и составлению полной карты Афганистана.

Местное военное управление (округа) соответствует общегражданскому делению страны на провинции и области. Местным командующим войсками является один из старших начальников частей, расположенных в провинции (или области). Командующий войсками подчинен непосредственно военному министру, минуя генерал-губернатора.

* Основные законы говорят в соответственной статье: «участковый (волостной) начальник должен быть грамотный, добродетельный, пользоваться известностью и обязательно быть из ханского рода племени».

Согласно новой организации, армия будет состоять из постоянных войск, содержимых в мирное время, и ополчения. Иррегулярные войска (племенная милиция) распускаются.

Реорганизация афганской армии была начата в 1920 году под руководством покойного Джемаль-паши, и к ней были привлечены турецкие инструктора. Из турецкой терминологии были заимствованы названия для высших войсковых соединений—фирке—дивизия, лива—бригада. Остальные названия местные, афганские: гунд—полк, кандак—батальон, туля—рота, булюк—взвод, перки—отделение и дильгие—звено.

Пехотный фирке состоит из двух-трех лива, из гундов по 3 кандака каждый. Кандак распадается на 4 тули по 3 булюка каждый. Булюк в свою очередь состоит из двух перки по 3 дильгие каждый. В туле 126 рядовых. Кандаки до сих пор сохраняют название местности или племени, откуда они укомплектованы, но намечено введение нумерации. Сформированы штабы, пока только при фирке и ливах. В кавалерии высшим войсковым соединением также является фирке. Дальше идут те же подразделения, что и в пехоте, с той разницей, что кав-кандак распадается на 3 тули по 4 булюка каждый, а кав-булюк состоит из 2 перки по 2 дильгие каждый. В кав-туле 128 рядовых. Приступлено к формированию пулеметных команд.

Бессрочная служба заменена срочной. Из армии уволены старики, оставлены средние возрасты. Происходит подготовка к переходу от системы беспорядочных рекрутских наборов к всеобщей воинской повинности. На местах создаются особые органы по учету населения. В самой армии солдаты переведены на казенный паек—раньше каждый солдат питался сам, как мог. Создается и афганский военный воздушный флот.

Военные реформы падишаха Амануллы делятся на два периода. Первоначально воинская повинность была реорганизована таким образом, что 50% армии составляли добровольцы, другая же половина набиралась из рекрутов, выставляемых афганскими племенами. Каждое племя само подбирало и выставляло одного рекрута на каждые 10—12 человек, способных носить оружие. Офицерский состав попрежнему носил клановый характер. Громадное большинство офицеров принадлежали к дюррани и в частности к баракзайскому клану этого племени. Вторая стадия реформ наступает лишь к 1928 г. Вводится всеобщая воинская повинность. Все мужское население от 7 до 70 лет берется на учет. Устанавливается трехлетний срок службы. Откуп от рекрутчины запрещается. А самое главное, племена теряют право самим подбирать рекрутов. Все племя должно отныне являться на призывные участки, где отбор производится уже чиновниками Амануллы. Материальные предпосылки для реорганизации армии были созданы лишь в 1928 г. закупкой свыше 50 000 винтовок во Франции, заказом за границей и современной артиллерии. Работа отдельных турецких и немецких воен-

ных инструкторов сколько-нибудь значительного влияния на обучение войск до 1928 г. не оказала. Турецкая миссия Кязим-Карабекира-паши прибыла в Афганистан уже в разгар восстания 1928 г. Восстание Баи-Сакао произошло как раз накануне афганской военной реформы.

Просвещение

Повторяя урок XVIII века, афганский абсолютизм видит в просвещении основной рычаг и двигатель прогресса. Афганистан впервые получает возможность приобщиться к достижениям современной науки и техники. «Во имя независимости, — заявлял эмир в одной из своих речей, — стремитесь к просвещению. Без учения и совершенствования Афганистан будет подобен слабому ребенку; но, овладев знаниями, он в десятки раз увеличит свою внешнюю и внутреннюю силу и займет подобающее место среди других великих народов. Посылайте же своих детей в школы; удаляйте их от себя; посылайте их за границу». (Речь 28 июля 1919 года).

Эта программа не осталась только на словах. За последние годы Афганистан сделал шаг вперед на пути просвещения. Особенно, если учесть, что почти все приходилось создавать наново.

Значительно расширена школа «Хабибие». Ее программа пересмотрена в сторону усиления курса естественных наук. Намечено дальнейшее преобразование ее в университет. Уж сейчас при «Хабибие» функционируют особые курсы для подготовки казиев и общеобразовательное отделение. Демократизирован состав учеников, а преподавательский штат пополнен рядом немецких и индусских профессоров.

Открыто новое среднее-учебное заведение «Амание», которое по программе соответствует французскому колледжу и должно готовить афганских юношей, отправляющихся во Францию, непосредственно к поступлению в тамошние университеты. В старших классах преподавание ведется исключительно на французском языке. Начальник училища и большинство преподавателей — французы.

Не забыто и женское образование. В 1920 г. в Кабуле открылась первая в Афганистане женская школа с курсом гимназии. Сейчас открыто еще несколько женских школ. В том же Кабуле основан учительский семинарий, который должен выпустить новых учителей для реформируемых ныне средних и низших школ.

Согласно «положения о министерстве народного просвещения» (ст. 55-я) намечено открытие следующих учебных заведений:

- 1) государственной гражданской школы для подготовки юношества страны к государственной службе; 2) школы высших преподавателей для подготовки учителей средних школ; 3) школы инженеров; 4) школы казиев и 5) института лингвистов». (До 1927 г., однако, ничего не было слышно об их открытии).

Приняты меры к реформе низших школ (эдадйе) и средних (мед-рессе), но проведение реформы затруднено острым недостатком сколько-нибудь подготовленного преподавательского персонала.

Подготавливается издание закона о всеобщем обязательном обучении.

По докладу министра просвещения на Джирге 1928 г. в Афганистане насчитывается 320 школ с 51 000 учащихся. В высших учебных заведениях обучается 4 500 человек. После возвращения падишаха из Европы был утвержден Дурбаром закон о совместном обучении в начальных школах, а также о значительном расширении всей сети учебно-просветительных учреждений. Все эти начинания были сорваны восстанием.

С 1921 г. проводится отправка афганского юношества за границу. К 1928 г. более 1 000 молодых афганцев обучались в Германии, Франции и Турции. Предполагается отправка еще новых партий. В Ташкенте прошли курсы учения афганские радио-телеграфисты; другая часть их получила подготовку в Индии. Однако все эти успехи представляют пока лишь каплю в море огромных требований на квалифицированную интеллигенцию в связи с проводимыми административными и общими реформами. Нужда здесь остается чрезвычайно острой. Характерно, что выпускной класс «Хабибие» был в 1923 г. взят на практическую государственную работу до окончания полного курса.

Подготавливая у себя дома новую интеллигенцию, афганское правительство одновременно привлекает к себе на службу отдельных иностранных специалистов, главным образом, немцев, французов, русских и итальянцев. Сейчас в Афганистане работает более ста немецких врачей, инженеров и техников. Итальянец Бернади назначен советником в министерство финансов. В области просвещения афганское правительство, следуя сложившейся традиции, особенно охотно пользуется услугами индусов.

В 1923 г. создана особая комиссия ученых, занятая составлением грамматики и толкового словаря коренного афганского языка «пушту». Производится его очищение от наиболее грубых иностранных заимствований и примесей. Впоследствии предполагается провозгласить этот язык государственным вместо «фарси» (персидского), который до сих пор являлся официальным языком в стране.

Во всех ведомствах ведется переводная и компилятивная работа. Расширена издательская деятельность. Выписан ряд типографий из-за границы; одна из них была оборудована при помощи РСФСР.

Газетное дело шагнуло вперед. При Хабибулле-хане на весь семи-миллионный Афганистан издавался один единственный журнал «Серадж-уль-акбар». Сейчас мы имеем около 17 газет и журналов. Важнейшие из них следующие: в Кабуле журнал «Аман-и-афган» и военный журнал «Меджме-и-аскарие», газета «Анис»; в Герате — газета «Тифак-и-ислам»; в Кандагаре — газета «Тулю-и-афган»;

в Джелалабаде — газета «Итихад-и-Машрик» (самая интересная афганская газета, рассчитанная на читателя из пограничной полосы северо-западной Индии). В Мазар-и-Шерифе также есть свой печатный орган. Качество афганских газет пока весьма невысоко — они носят сухо-официальный характер, а в части общей информации питаются некритической перепечаткой материалов зарубежных, главным образом, англо-индийских газет. Тираж не велик. Для провинциальных органов он подчас исчисляется не тысячами, а сотнями экземпляров.

Колониальная политика

Провозглашается национальное и религиозное равноправие.. Сам эмир выступает державным примирителем между враждующими сектами шиитов и сунитов. В 1920 г. он лично участвует в шиитской церемонии (шахсей-вахсей) и, обращаясь к присутствующим, заявляет, что шииты, по его мнению, такие же хорошие мусульмане, как и суниты. Все ограничения в отношении шиитов были сняты в том же году. Эта политика была ближайшим образом рассчитана на завоевание симпатий хезарейских племен. В последующих событиях хезарейцы проявили себя весьма активными сторонниками режима Амануллы.

Из области национальной политики необходимо отметить отмену наиболее резких черт расового неравенства, в первую очередь ограничений прав индусской колонии в Афганистане. Понятно, что крупная городская буржуазия, каковой по своему классовому составу является индусская колония в Афганистане, должна была занять подобающее место при новой власти. Установление индо-афганского равноправия и единства в полной мере отвечало и внешней политике Афганистана. С индусов снимается позорное отличие — желтая чалма. Они освобождены от особой подушной подати «джазиа» падавшей раньше на «неверных». Индусская молодежь получает доступ в военную школу, в высшие гражданские школы. Отдельные индусы становятся членами кабинета министров, (например, Нариджан-Дасс, член афганской мирной делегации по переговорам с Англией в 1919 г.). Одновременно смягчается, и притом в значительной степени, старый афганский угнетательский режим в отношении национальных меньшинств севера. Чиновничий аппарат значительно коренизируется. Узбеки, таджики, разумеется, соответственной классовой квалификации, получают доступ к самым высшим административным и чиновничьим должностям. Падишах Аманулла при своей поездке на север всячески подчеркивал свои симпатии к узбекским и таджикским националам.

Духовенство

Общий ход реформ неминуемо должен был обрушиться на косное мусульманское духовенство, имевшее прежде как бы монополию в области просвещения и отчасти правосудия (церковные суды). В связи

с переходом вакуфных доходов в казну муллам были даны постоянные места с определенным окладом жалованья и обязательной таксой на требы. Государство окончательно переводит их на положение своих платных чиновников и стремится немедленно использовать духовенство в деле насаждения просвещения. Муллам вменялось в обязанность, кроме знания религиозных книг, ознакомиться в определенный срок с элементарным курсом по математике, истории, географии и приступить к бесплатному обучению детей своего прихода этим наукам. Одновременно все церковные суды были безусловно подчинены министерству юстиции, и этому ведомству было поручено «наблюдать за тем, чтобы лица, не получившие разрешения правительства на занятие должности судьи, не могли бы отправлять эти обязанности» (положение о министерстве юстиции, ст. 33-я).

Наконец, по возвращении падишаха из Европы был проведен через Джиргу закон о выборке духовенством специальных свидетелей или лицензий, без чего ни один мулла не имел права произносить проповедей. Одновременно был запрещен въезд мулл, питомцев мусульманского университета Деобанд в Индии, являвшихся удобными агитаторами реакции, а иногда и агентами английского империализма.

Идеология

О политической идеологии просвещенного эмирата мы располагаем ценным материалом в виде речей Амануллы-хана. Они обнаруживают разительное сходство с идеями просвещенного абсолютизма Европы XVIII столетия. Афганское самодержавие прежде всего принимает оболочку «службы народу». Довольно характерным образцом является речь эмира, произнесенная 14 июля 1924 года на всенародном Дурбаре. Эмир между прочим заявил: «Он ставит на одобрение Дурбара свою работу за пять лет; собрание должно подробно рассмотреть все сделанное им и сказать, правильно ли он поступил. Если будет признано, что он поступил неправильно и во вред своему народу, то он уйдет и передаст правление другому. Но если Дурбар найдет, что он поступил правильно, что его работа принесла пользу народу и государству, то собравшиеся должны оказать ему поддержку в дальнейших реформах и выступить против тех, кто является противником этих реформ». В другой своей речи о сущности протектората (1919 г.) эмир еще более подчеркивает свою роль «служителя народа».

Разрывая по существу с традициями косного мусульманства, афганские реформы внешне сохраняют облик строгого правоверия. Законодательство пестрит ссылками на «честный шариат», на «уважаемый обычай» и т. д. Сам эмир выступает не только в качестве светского государя, но и религиозного главы, духовного владыки — имама. «Не с легким сердцем я возлагаю на себя это тяжелое бремя имамата

(духовное руководство) и эмира (светская власть)» — так гласит первый фирман. Таким образом, эмир становится высшим судьей в вопросах религии, и в своей борьбе против темного духовенства Аманулла облечен ореолом «царя ислама» и выступает в качестве правоверного и строгого мусульманина. Государственная власть оказывается в непосредственной связи с «небесными силами». Вот что мы, например, читаем в таможенном уставе 1928 года: Статья 1-я: «Таможенные служащие, зная, что они ответственны перед всемогущим богом и что всемогущий знает и смотрит за тем, что они делают, должны всегда иметь в виду благо государства и свою ответственность перед ним». Эту проформу внешней верности шариату падишах пытался сохранить до конца, и когда им проводились серьезнейшие бытовые реформы, то они опять-таки мотивировались ссылками на коран. На отделение церкви от государства и открытое противопоставление себя в качестве светской власти реакционному духовенству афганский абсолютизм так и не решился.

Бытовые реформы

Посылка афганских учащихся за границу, декрет о совместном обучении мальчиков и девочек явились уже революцией в косном афганском быту. Падишах взялся за быт особенно энергично после возвращения из европейской поездки. По образу кемалистской Турции было объявлено, что всякий, появляющийся на улице в чалме или шальварах подлежит штрафу или полицейскому взысканию. Одновременно была проведена энергичная кампания за раскрепощение женщины. Королева Сурая сняла паранджу. Ее примеру последовали немногочисленные представительницы высшей придворной аристократии. Проект закона об установлении сравнительно высокого брачного возраста был, однако, Джиргой 1928 г. отвергнут.

Из более ранних реформ, очевидно, внедрившихся глубже, отметим нормировку свадебного калыма (выкупная плата за жену, вносимая при заключении брачного контракта), введенную правительством еще в 1920 г. Цель этой нормировки была как бы известная «демократизация» брака, так как при прежних условиях калым фиксировался весьма высоко, и бедняку, чтоб уплатить его, приходилось откладывать женитьбу иногда на десятки лет.

На особом месте стоит отмена всех титулов, чинов, рангов, парадной формы и орденов, кроме ордена Независимости, жалуемого за боевые заслуги. Эта мера была опять-таки проведена падишахом осенью 1928 г.

Общая оценка

Основы полицейского и бюрократического государства, заложенные Абдур-Рахман-ханом, получают окончательное завершение и развитие. Государство насаждает промышленность, оберегает ислам и

нравственность, нормирует свадебный калым, устанавливает формы одежды для гражданских и военных, сдает бродяг в солдаты или рабочие, выдает приданое дочерям сердаров и стремится стать основным и единственным руслом экономического и общественного развития.

Однако идеология «служения монарха народу» и религиозное освящение всех действий эмира-имама отнюдь не упраздняют классовой борьбы в Афганистане, но дают ей лишь новую форму.

Основная слабость всего процесса модернизации лежит в противоречии между бурным темпом внедрения денежного хозяйства и отсталым уровнем производительных сил горноскотоводческой страны.

Теперь можно обрисовать основные линии классовых интересов, складывающихся на почве реформ и модернизации Афганистана.

У власти стоит узкая группа, вышедшая из недр феодально-помещичьего класса в качестве представительницы интересов «господской торговли» и находящаяся в стадии превращения в монополистную группу крупного торгово-ростовщического капитала. Опираясь на аппарат государственного насилия, правящая верхушка одной рукой ведет более или менее решительную борьбу против духовенства за централизацию, за европейское просвещение, сокрушая такие феодальные пережитки, каковые однако непосредственно не затрагивают крупной земельной собственности; другой рукой она осуществляет бурное накопление, быстро сосредоточивая в своих руках капиталы, перекачиваемые либо прямо из госбюджета, либо собранные на монополиях и торговых привилегиях, либо присвоенные путем использования в интересах личного накопления своего служебного положения (взятки, поборы). И поскольку весь государственный аппарат продолжает оставаться на весьма отсталом уровне бюрократической централизации и контроля, «плановому», более или менее организованному накоплению в пользу правящей верхушки сопутствует широкое вымогательство и поборы низших звеньев административного аппарата. Переходной стадии соответствует и характер государственного строительства. Отпущенные на него средства в большей степени идут на непроизводительные затраты, в меньшей — на создание промышленности, дорог, ирригационных капалов. Созданные промышленные предприятия носят зародышевый характер и возникают в связи с теми или иными монополиями (предполагавшаяся спичечная и сахарная монополия).

Историческая роль реформ заключается в том, что они дали сильный толчок развитию денежного хозяйства, организовали борьбу за независимость; подвинули вперед дело централизации, широко открыли двери европейскому образованию. В дальнейшем объективно возможна дифференциация правящего слоя в смысле выделения промышленного капитала, разумеется при благоприятных внешних и внутренних условиях. На данной стадии интересы правящей верхушки начинают приходить в противоречие с интересами более широких кругов мелкой городской буржуазии, недовольной монополиями и всякого рода зажи-

мами. За последнее десятилетие торговый капитал в Афганистане настолько окреп, что начинает понемногу противопоставлять себя интересам верхушки монополистов, добиваясь расширения политических прав, большего влияния и на экономическую политику. Выступление падишаха Амануллы на Великой Джирге 1928 г., где он ругал купцов, сравнивал их с ворами, пытался лишить их избирательных прав и наконец грозился ввести монополию внешней торговли, очевидно, выявляет этот назревающий конфликт, конкуренцию между разными группами торгового капитала * Конкуренция эта не перешла еще в стадию открытой борьбы за власть, остальные слои торгового капитала политически не оформились, не создали своей идеологии, организационно распылены.

Если противоречия между разными группами торгового капитала, и в частности недовольство монопольной верхушкой, не достигло еще особой остроты в городе, то этого нельзя сказать о крестьянстве. В начале десятилетия режим младо-афганцев, возникший и окрепший в борьбе за независимость, безусловно пользовался самыми широкими симпатиями крестьянства. Смягчение принудительных работ, отмена рабства, слухи о наделе крестьянства землей, первоначальное уменьшение численности армии, установление национального равноправия, — основную массу крестьянства составляют как раз национальные меньшинства — все это не могло не создать популярности новой власти. Переломным явилось введение денежных налогов, общее увеличение налогового гнета, стремительно ухудшившее положение крестьянства. Здесь лежит «самое узкое место» реформ, именно здесь коренилась величайшая их слабость. Бурному темпу вторжения денежного хозяйства, бурному темпу разорения и обезземливания крестьянства ни в малейшей степени не соответствовал рост производительности сельского хозяйства или создание промышленных центров, могущих отвлечь избыточное население деревни. Вполне понятно, что крестьянство не могло быть одновременно движущей силой реформ и основным объектом первоначального накопления (главным образом налоговая эксплуатация). При напряженном международном положении Афганистана, отсутствие крестьянской базы должно было особенно тяжело сказаться на устойчивости правительства в борьбе с империализмом. Разумеется, поскольку дело идет об афганском крестьянстве, не следует забывать его распыленности, многонационального характера страны, политической отсталости. На фоне крестьянского недовольства могли получиться самые разнообразные узоры религиозных, националь-

* «Падишах обратился с предложением производить закупки непосредственно из первоисточника, минуя посредников. Но если такие закупки за границей не будут удачны, то правительство готово будет ввести монополию внешней торговли». Цит. по отчету ТАСС о заседании Дурбара от 5 октября 1928 г.

ных и иных движений, по экономическую базу их, решающий в конечном счете момент — ни в коем случае не следует упускать из виду.

Наряду с оазисными районами, где давно сложилась помещичья собственность и тяжелое давление налогов не новинка, налоговые сборщики Амануллы впервые проникают в замкнутые горные области, занятые независимыми или полунезависимыми племенами, пытаются произвести там перепись полей.

Интересы скотоводческих племен и скотоводческого хозяйства были отмечены выше. Всякая централизаторская деятельность не встречала поддержки у скотоводческих племен, воспринималась ими, как лишение свободы. В особенности же, поскольку на скотоводческую торговлю с Индией были наложены тяжелые стеснения, резко повышен налог на скот и впервые обозначилась конкуренция машинного транспорта.

Другая опасность грозила младо-афганскому режиму со стороны помещичьего класса, в значительной мере еще проникнутого феодальным, реакционным духом. Для того, чтобы обеспечить традиционную эксплуатацию помещиком своих арендаторов или чайрикеров, вовсе не требовалось дорого стоящих и далеко идущих реформ. Правда, мы отмечали интересы «господской торговли», связь помещика с рынком, но «господская торговля» далеко не покрывает всего помещичьего класса, так же, как она не покрывает и всего торгового капитала. По мере экономической эволюции правящей верхушки она все больше отрывается от своей феодально-помещичьей базы, встречает все меньше поддержки в среде ханской и феодальной аристократии. Ни бытовые реформы, ни общий курс на модернизацию, ни отмена чинов, орденов и званий не могли создать младо-афганцам сторонников в этом реакционном и консервативном в основных своих устремлениях классе.

Афганская интеллигенция дает две группы, резко противостоящие друг другу: реакционное духовенство и молодую светскую интеллигенцию. Духовенство, связанное одним боком с феодальным землевладением (вакуфы, церковная собственность), с другой, в низовых своих звеньях близко соприкасается с жизнью крестьянства, но представляет в обоих случаях ярко реакционную силу, озлобленную потерей старой монополии в области просвещения и суда. Не будет преувеличением сказать, что реакционное духовенство готово было создать идеологическое оформление всякому движению, направленному против просвещенного эмирата. Новая интеллигенция, посвященная на европейский манер, с кадрами более или менее культурного чиновничества, нового офицерства, не связанного с племенным прошлым Афганистана, светских судей, наконец, инженеров и врачей, едва-едва начала создаваться в Афганистане. Афганский абсолютизм не успел еще создать себе верных и преданных слуг из числа городских разночинцев и мелкой буржуазии и в этом также сказалась общая отсталость Афганистана, прямое следствие его давней зависимости от империализма.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АФГАНИСТАНА

Трудность правильного понимания афганской внешней политики заключается, прежде всего, в оценке той сложной международной обстановки, в которой приходилось действовать просвещенному Эмирату.

В своем завещании большой прозорливец.— Эмир Абдур-Рахман когда-то наметил веки афганской внешней политики: одинаково недоверчиво относиться к обоим империалистическим соседям, опираться на менее агрессивного против более агрессивного, но не допускать вмешательства во внутренние дела, одним словом маневрировать, окончательно не даваясь в руки ни Англии, ни России. Но этот рецепт совершенно не предусматривал распада империи «белого царя» и образования на ее месте свободного союза народов СССР.

Это обстоятельство было сразу учтено правительством Амануллы-хана. Маленький Афганистан ринулся в борьбу с Британской империей, твердо зная, что его тыл обеспечен. Уже 27 мая 1919 г. советское правительство безоговорочно признало независимость Афганистана особым письмом Ленина на имя Амануллы-хана. И когда сэр Гамильтон Грант, после подписания прелиминарного мирного договора в Раваль-Пинди, передал 8 августа 1919 г. афганистанской делегации ноту, где Англия была вынуждена отказаться от пятидесятилетней политики протектората, признавая «независимый Афганистан государством свободным и самостоятельным в его внутренних делах и внешних сношениях», то это означало не одну только невозможность для Англии продолжать вооруженную борьбу. Затяжка войны неизбежно привела бы к самому тесному боевому сотрудничеству между Афганистаном и РСФСР, боровшихся против общих врагов. А именно этой опасности английская дипломатия пыталась избежать. Уже в отчете английского главнокомандующего в Индии Чарльза Монро «О боевых операциях против Афганистана» мы находим особую инструкцию генералу Маллесону, командующему англо-силами в Хорасане: «ни в коем случае не допускать переброски большевиками боевых припасов в Афганистан». Настроения английского командования еще более ярко выясняются из письма самого Маллесона бухарскому эмиру Сейд Алиму, написанному в июле 1919 г., т. е. тогда, когда афганцы еще не пришли к полному соглашению с англичанами в Раваль-Пинди. Надо сказать, что Маллесон находился в секретных сношениях с эмиром, используя Бухару, как контрреволюционный клин между Афганистаном и Советским Туркестаном. Самое письмо представляет большой интерес, освещая английскую политику на Среднем Востоке. В начале мы находим прямые указания на снабжение эмирской Бухары английскими

винтовками и патронами: «Не могу скрыть своей радости по поводу прекрасного впечатления, которое ваше письмо и грамота произвели на меня и, в частности, по поводу того, что отправленные мною вам оружие и патроны вами исправно получены. Последняя весть усугубила мою радость». Далее следует «историческое» объяснение причин, толкнувших афганский народ на борьбу за независимость. Дело заключается только в том, что «афганцы самый заносчивый, самоуверенный и самый нетерпимый народ в мире, возмнивший о себе и вбивший себе в голову одну ложную мысль, которая и губит его — это то, что они призваны в мире сделать и иметь больше того, что они на самом деле имеют».

Затем по основному интересующему нас вопросу — Маллесон спрашивает бухарского эмира: «Искренни ли афганцы в своем желании кончить распрю?». Сам он видит в переговорах лишь тактический прием, рассчитанный на выигрыш времени: «не думают ли афганцы скорее этими переговорами создать проволочку времени, дабы иметь тем самым возможность более совершенным образом провести в жизнь свои предначертания, выскивающие и требующие военных действий, и усилиться в военном отношении или еще вернее получить военную помощь своих новых друзей, т. е. большевиков».

Вашему величеству великолепно известно, что с незапамятных времен афганцы были склонны к измене и подлостям и полагаться на их слова абсолютно нельзя».

Опуская типичное колониальное высокомерие, с которым английский генерал относится к национальным запросам 8-миллионного народа, важно отметить: 1) страх перед возможностью афгано-советского сотрудничества, 2) глубокое убеждение, что все происходящие перемены носят временный и случайный характер и скоро все войдет в свою колею. О большевиках Маллесон говорит, «что они стремятся все перевернуть вверх дном, но кажется после афганцев очередь возмездия и за ними, они получат по заслугам несколько позже»*.

На Раваль-Пиндском договоре отразились эти же противоречивые тенденции. С одной стороны, была признана независимость Афганистана, потому что без этого вообще нельзя было кончить войну и выбить почву из-под возможного афгано-советского боевого сотрудничества. С другой — индо-британское правительство рассматривало сделанную Афганистану уступку, как нечто временное и преходящее, поскольку вопрос о самом существовании основного врага — РСФСР — должен

* Цитирую по русскому переводу с персидского текста. Подлинник письма генерал-майора Маллесона, начальника соединенных английских сил в Мешхеде (Персия) от 21 Рамазана 1337 г. на имя Сейд Эмира Бухары было обнаружено в архивах Эмира после провозглашения в 1920 г. советской республики в Бухаре.

был бы решен в порядке интервенции. При таких условиях неудивительно, что в договоре, который признает афганскую независимость, т. е. ликвидирует раз навсегда роль Афганистана, как буферного государства на службе английских интересов, встречаются отдельные статьи весьма и весьма мало напоминающие отношения равноправных сторон. Так в ст. 2 высокомерно указывается: «Британское правительство, желая отметить свое неудовольствие, настоящим отменяет привилегию, которой пользовался покойный эмир в смысле транзита через Индию оружия и боевых припасов». Еще более любопытна статья 4-я, где устанавливается особый испытательный срок в шесть месяцев, «в течение которых афганское правительство своими действиями и поведением имеет доказать свою действительно искреннюю готовность возобновить дружбу с Британским правительством». Но английская дипломатия проявила свою дальновидность не только тем, что пыталась унизить молодое афганское национальное правительство, отказывая в немедленном обмене посольствами и устанавливая всякие «испытательные сроки». В конце 1919 г. все горные проходы Индии были закрыты для афганской торговли, что фактически равнозначно экономической блокаде. При общем послевоенном афганском кризисе это наносило тяжелый удар народному хозяйству страны и наводило на мысль, что блокада преследует определенную политическую цель.

Таким образом, совершенно независимо от пресловутых «большевистских интриг», сама английская политика сразу обострила отношения с Афганистаном, явно обнаружив свой традиционный характер.

Но уколы афганскому самолюбию, даже блокада, все это не было основным и решающим в развитии англо-афганских отношений. Основным препятствием была английская политика на северо-западной границе Индии, или, выражаясь точнее, предпринятый английским империализмом разгром и истребление патанских племен, восставших в 1919 г.

Какое положение создалось здесь к 1919 году? Впервые во время 3-й англо-афганской войны Афганистан и племена выступили единым и сплошным фронтом. Массовое восстание племен преследовало цель — изгнать английских оккупаторов и присоединиться к Афганистану*.

* В наши задачи не входит подробный анализ положения племен и их последующей героической борьбы. Эта тема заслуживает особого исследования как одна из наиболее ярких страниц в истории борьбы родового первобытно-коммунистического общества против колониального проникновения. В весьма поверхностном перечислении причин восстания племен в 1919 г., приводимом английской «Синей книгой» — «Индия в 1920 г.» — основное значение приписывается экономическому кризису и в частности: 1) проникновению денег, 2) лишению племен основного «приработка», кочевой торговли и грабежа. Приводим полностью английское официальное объяснение: «Недовольство племен было в значительной степени последствием 3-й англо-афганской войны. Но приходится считать, что в наличии следующих причин, а именно: общее недоволь-

Об этом свидетельствует не только английский официальный источник*, но и многочисленные депутации вазиров и махсудов, просившие эмира о включении их в состав афганского государства. Фактически это объединение уже было достигнуто, поскольку дело касается Вазиристана, где английские гарнизоны удерживали лишь отдельные укрепленные пункты. Аномалия, при которой 3 млн. афганцев против собственной воли числятся в английском подданстве, была частично ликвидирована (Вазиристан), причем восстания среди аффридиев и момандов достаточно красноречиво говорили о настроениях и этой группы племен. В Раваль-Пинди надежды на государственно-национальное объединение племен и Афганистана были безжалостно разбиты. Английская делегация отказалась даже обсуждать этот вопрос. Но отказ рассматривать вопрос о патанском (афганском) населении северо-западной Индии, как вопрос международный, еще не предрешал возможности более или менее удовлетворительного его разрешения внутри Индо-Британской империи путем компромисса, известных уступок племенам, предоставления им хотя бы той доли независимости, которой они пользовались раньше. Этого не произошло. Англо-индийское правительство воспользовалось сложившимся положением, чтобы всемерно усилить свое стратегическое положение на границах Афганистана. Поскольку надо было расчистить почву для создания новых опорных пунктов, новых шоссейных и железных дорог, новых аэродромов, необходимо было добиться полного подчинения племен, сломить раз навсегда их сопротивление. Центром сопротивления естественно был Вазиристан — эта недоступная горная область, ограниченная с запада водоразделом Сулеймановых гор, с севера долиной Курама, с востока — Индом. Здесь сохранились наиболее примитивные хозяйственные формы. Родовой быт и истинно демократический уклад (отсутствие наследственных вождей — маликов) ограничивали влияние племенной верхушки и исключали возможность ее подкупа англичанами, как это наблюдалось среди аффридиев и особенно в Белуджистане. Племена махсудов и вазиров и политически, и организационно были наиболее тесно связаны с Афганистаном. По свидетельству Indian

ство в результате мировой войны; присутствие в племенной зоне значительного числа дезертиров, главным образом из безработной и склонной к авантюрам молодежи; возрастающее экономическое давление размножающегося населения на недостаточно плодородную землю; фанатическое возбуждение, вызванное военными неудачами мусульманских держав».

¹⁾ * «Враждебность племен, — пишет англо-индийский главком Чарльз Монро, — усиливалась широко распространенным убеждением, что Британское правительство заключило с Эмиром договор, по которому их страна (Вазиристан) будет через 6 месяцев передана Афганистану». В другом месте он еще более определенно указывает «Вазиры верили в возможность легкой победы, которая заставит нас очистить Вазиристан». Отчет о вазиристанских операциях цитирую по приложению к «London Gazette» от 12 марта 1920 года.

Year Book за 1923 год «среди них (мухсудов и вазиров) афганские эмиссары пользовались особенным успехом. Эти племена могли выставить до 30 тысяч воинов, на 75% вооруженных современными дальнебойными винтовками, и представляли не шуточных противников. Борьба с ними была наиболее жестокой за весь период нашего проникновения на северо-западную границу. Махсуды дрались с величайшим упорством. Меткость стрельбы была изумительна, тактика боя достойна похвалы, и в их рядах дрались многочисленные дезертиры нашей пограничной милиции и индийской армии».

Более точные сведения дает подполковник Ватевилль в вышедшем в 1925 г. описании вазиристанских операций*. Английскому наступлению в 1919/20 г. противостояли лишь следующие племена:

	Число бой- цов	Число совре- менных вин- товок
Махсуды, включая племя Урмар из района Канигурама.	16 000	8 000
Вано-вазиры.	7 000	3 000

Точи-вазиры не принимали участия, хотя отдельные бойцы этого племени присоединились к махсудам. Английские силы равнялись в среднем 80 000, из коих 42 000 бойцов и 37 000 сопровождающих.

Уже осенью 1919 г. против отложившихся племен была начата самая жестокая и свирепая война, продолжавшаяся с величайшим напряжением до 1921 года, но законченная окончательно лишь в 1923 году. Не останавливаясь перед бомбардировкой мирных деревень с аэропланов*, перед оценением целых районов и прекращением туда

* H. de Wateville, Waziristan 1919—1920 Campaigns and Their Lessons. London, Coustave, 1925, стр. 24, 71.

* Следующие данные, взятые только за один месяц 1923 г., пагально рисуют «беспощадную воздушную войну», которую вели королевские воздушные силы против мирного населения патавских деревень.

Интенсивность бомбардировки выражается в следующих цифрах:

- 17 декабря — 16 аэропланов сбросили на Ахмедвали и соседние деревни — 4½ тонны бомб.
 18 декабря — на Завеоу и соседние Ахмедваму деревни было сброшено — 3 тонны бомб.
 19 декабря — на Васпаскауай и Бадшах-Хан было сброшено — 1½ тонны бомб.
 22 декабря — 18 аэропланов сбросили на Васиаспену и Бадшах-Хан — 4 тонны бомб.
 14 декабря — 16 аэропланов сделали на «Джалалкхиль 44 полета и сбросили 6 тонн бомб.»

(«Таймс оф Индия» 6/1—23 г.).

всякого подвоза жизненных припасов (голодная блокада), не останавливаясь перед применением газов и химической войны, английское командование прокладывало свой путь через трупы «тех, кто на горах мужества боролись за свою независимость и независимость Афганистана».

По самым скромным расчетам «Вазиристанские операции» потребовали участия около 80 тыс. войск (считая «сопровождающих») и обошлись нищей Индии свыше 300 млн. рупий*.

Отличительной чертой борьбы в Вазиристане явилась, с одной стороны, слабость, усталость, начавшееся разложение англо-индийской армии; с другой стороны — редкий героизм и твердая воля к борьбе восставших племен. Английский верховный главнокомандующий, сэр Монро называет всю кампанию «невероятно жестокой и упорной борьбой с племенами. Противник дрался с мужеством и решительностью, невиданными на границе... атаки племен были правильно организованы, а сочетание ружейного огня и штыкового удара — бесподобным». Между тем англо-индийская наемная армия, нахлебавшаяся под ружьем с 1914 г., в условиях неслыханного обострения классовой борьбы в самой Индии, начала переживать открытые признаки разложения. Даже официальный историк Вазиристанской операции отмечает: «наличие определенных признаков, каковые можно обозначить началом разложения армии». Солдаты не хотели драться. Тактические поражения легко переходили в панику. Несмотря на тройное превосходство сил, не говоря о технике, первые же столкновения с махсудами обнаружили «гораздо более опасное положение вещей, чем предполагалось нашим командованием». (Ваттевиль, «Вазиристан», стр. 114). «В течение первых месяцев кампании» — продолжает этот же обозреватель, — «мы не могли добиться даже частичного тактического превосходства над махсудами». В бою под Таракай (декабрь, 1919 г.) англо-индийские войска потерпели частичное поражение при уроне 256 раненых, 66 убитых. В результате тактического поражения не менее 5 батальонов «обнаружили признаки слабости, делавшие весьма рискованным их дальнейшее употребление в боях. Впечатление от потерь и поражений было таково, что даже индийские артиллеристы были потрясены событиями этих трех последних дней**». Английское командование меняет тактику, компенсируя слабый дух войск усилением их числа, щедрым употреблением техники, применением бомбардировок с аэропланов — ставится даже вопрос об удушливых газах. В конечном счете исход борьбы был предрешен изолированным положением Вазиристана, численным и техническим превосходством сил империали-

* Денежные расходы по статье Сейделя «Новый восток» № 4 «Англия и Индия.»

** Ваттевиль «Вазиристан», цит. соч. стр. 91, 114, 210.

стов*. Но можно с уверенностью сказать, что никогда раньше весь военный аппарат индо-британской империи не был так близок к краху, как именно в этот период, никогда экспедиции против племен не принимали характера такой затяжной, упорной борьбы, исход которой до заключительных дней Вазиристанской кампании оставался под знаком вопроса.

Какой отклик находили события на границе в самом Афганистане, как воспринималось там массовое истребление племен? Для иллюстрации приведем выдержку из статьи в газете «Итихад-и-Машреки» (24 января 1923 г., № 93), как типичный образец того, что писалось в афганской печати об английской усмирительной работе. Самое название статьи «Зверства и кровопролития, произведенные иностранными хищниками на границах Афганистана» — говорит за себя. Для начала статья приводит параллель между деятельностью «английских цивилизаторов» и ордами Чингиз-хана.

«Но мы можем сказать о настоящем положении, что нынешние поступки англичан и их прошедшие дела в отношении к нашим братьям-единоверцам, говорящим с нами на одном языке, солидарным и единомыслящими с нами, т. е. к афганцам пограничной полосы, начиная от дорогих областей Афганистана до северо-запада вообще, и, в частности, к населению Массудистана и Вазиристана, во всяком случае затмевают и перед ними бледнеют тиранства потомка Чингиз-хана-Хулагу».

«Защищенные здания, жилища, дома, мечети, молельни, постройки на кладбищах, минареты, скот и наконец пожилые старцы, малые дети и несчастные женщины становятся мишенью для их бомб с аэропланов и целью бомбардировок с воздушных кораблей».

Спрашивая английское правительство «не есть ли это та самая цивилизация, что дает вам право упрекать большевиков в варварстве?», — статья заканчивается угрозой войны, «как бы ваши нынешние преступные деяния в Вазиристане и Массудистане не вызвали бы религиозную борьбу и национальную войну».

Здесь дело идет не только о чувствах. Афганское правительство в полной мере учитывало, что удачное окончание усмирения племен надолго, если не навсегда, закрывает возможность пан-афганского

* Отношение мусульманской общественности Индии к экспедиции против племен выясняется из следующей резолюции Всеиндийского Комитета халифата, приводимой нами по газете «Банде-Матрам» от 22 февраля 1923 г. Комитет Халифата выражает «чувство глубокого негодования и протеста против тиранической политики англо-индийского правительства, подвергнувшего бомбардировке с аэропланов невинных и беззащитных махсудов и вазиров, борющихся за свою свободу и независимость. Мы объявляем о глубокой симпатии индийских мусульман к своим братьям независимой полосы». Попытка послать особую медицинскую миссию помощи бойцам Вазиристана, разумеется, разбилась о сопротивление англо-индийских властей.

объединения и, что еще более важно, оно видело, что усмирительная работа является прологом к обширной программе военно-стратегического строительства, которое в конечном счете угрожало безопасности и независимому существованию Афганистана. Уже 20 августа 1920 г. вице-король Индии Чельмсфорд в своей речи при открытии законодательного собрания наметил основные пункты новой программы, а именно: 1) занятие центрального Вазиристана регулярными силами; 2) соединение шоссеиной дорогой линии Гомула и Точи; 3) расширение прежней линии постов; 4) постройка железной дороги через Хейберский проход и 5) специальные меры экономического порядка в смысле окончательного замирения племен (привлечение их к постройке дорог, расширение ирригационной сети и т. д.).

Не надо быть военным, чтобы оценить истинный смысл новой пограничной политики. В частности, необходимость постройки железной дороги через Хейберский проход (она закончена в 1925 г.), который давно прорезывают 3 параллельных шоссеиных дороги, мотивируется тем, что во время последней англо-афганской войны на охрану прохода пришлось выделить $1\frac{1}{2}$ дивизии, чем были значительно ослаблены войска, предназначенные для наступления внутрь Афганистана*. Предполагается, что с проведением железной дороги охрана этого горного прохода будет значительно облегчена и, следовательно, явится возможность с гораздо большей быстротой и решительностью действовать в направлении Кабула. Майор Артур Мур, специальный корреспондент «Таймса», недоуменно писал: «Основанием и оправданием необходимости постройки Хейберской железной дороги выставляют Афганистан. Но афганская армия сейчас не в лучшем состоянии, чем 40 лет назад, когда ни одному специалисту даже в голову не приходило, что она может угрожать Индии». Автор заблуждается только в одном отношении — если афганская армия не угрожает Индии, то это совсем не значит, что англо-индийская армия не может угрожать Афганистану. И Хейберская дорога является лучшим к тому доказательством... Что же касается остальных пунктов новой программы, то она включает занятие регулярными войсками Вазиристана и создание там громадного укрепленного лагеря на Размакском плато. Одновременно была предпринята постройка целого ряда шоссеиных и железных дорог, проведенных в ближайшем соседстве с афганской границей и в неслыханной степени увеличивающих способность англо-индийской армии к быстрой концентрации и наступлению. Вся эта программа заслуживает специально военного разбора, но здесь мы бы хотели отметить мнение одного из выдающихся работников англо-индийского штаба, который выпустил под псевдонимом Артура Вин-

* Хейберская дорога представляет чудо инженерного искусства. На протяжении 40 километров она имеет 34 тоннеля и 90 мостов.

цента маленькую брошюру «Оборона Индии», где он расшифровывает истинное значение программы Чельмсфорда. Винсент говорит: «Нападение — лучшее средство обороны. Неприятель нам не опасен, если с самого начала мы сможем предупредить его движение. Если нам вообще придется воевать, то надо вынести войну как можно дальше от пределов Индии. Когда начнется война, мы должны быть далеко впереди племен, угрожая им спереди, сзади и с боков, отрезая их от источника пополнения оружием, деньгами и боевыми припасами» *.

По самой своей природе правящая верхушка Афганистана была весьма и весьма склонна ко всякого рода колебаниям, половинчатым решениям вопросов. Большинство афганских сердаров держали свои вклады в английских банках, были связаны с англо-индийской торговлей, отчасти находились и под культурным влиянием англичан. Тем не менее первое время, т. е. приблизительно в течение года, прошедшего между Раваль-Пиндским договором и отъездом афганской делегации в Миссори для новых переговоров с англичанами (лето 1920 г.), взяла верх непримиримая линия. Под этим мы понимаем политику максимальной поддержки борьбы независимых племен, путем оказания им помощи оружием, деньгами, всякого рода материалами и т. д. **. Одновременно афганское правительство не порывало связи с отдельными видными представителями индийской революционной эмиграции, как Обейдула и Пратап. Не может быть сомнений, что афганская политика исходила, прежде всего, из того обстоятельства, что самый исход военной борьбы на границе оставался не решенным в течение довольно продолжительного времени ***. Только в начале 1920 г. колоннам генерала Климо удалось после ожесточенных боев проникнуть в сердце Вазиристана и занять города Канигурам и Макин. В то же время афганское правительство выжидало результатов от миссии Магомет-Вали-хана, посланной в Москву. Решительная победа Красной армии

* Arthur Vincent, Defence of India, London 1923 г. Стр. 60—61.

** Проф. Арнольд Тоунби определяет этот период от 1919 г. до весны 1922 г.: «Основной причиной длительных волнений на границе были афганские интриги. Действуя посредством раздачи денежных субсидий племенам, а также через тех дезертиров английской службы, которые были приняты в афганские войска, опираясь наконец на небольшие колонии недовольных и фанатичных горцев, которые перешли через границу, и осели в Афганистане — власти Юго-Восточных провинций в Афганистане в период 1919 г. до весны 1922 г. поощряли сопротивление правительству Индии со стороны племен, как посредством пропаганды, так и помощью деньгами и снаряжением.» «Islamic World since the Peace settlement», Arnold I. Toynbee. Oxford, 1927. Стр. 554.

*** Как сообщает Ваттевиль — «Вазиристан», цит. соч., стр. 7 — афганская делегация выявила в Миссори, что поскольку все договора, прежде заключавшиеся с Кабулом, носили характер личного обязательства царствовавшего эмира перед англо-индийским правительством, Аманулла-хан не считает себя связанным Дюрандовым соглашением 1893 г., отдавшим Англо-Индии Вазиристан.

пад Деникиным зимою 1919/1920 г., восстановление связи между Туркестаном и Москвой и прибытие центральных работников в Ташкент делали реальными эти надежды на получение советской помощи.

Но советско-афганские отношения находились в зависимости не только от того положения, которое складывалось на северо-западной границе Индии, но и от общего хода революционных событий в бывших царских колониях.

Как известно, Средняя Азия находилась в исключительной зависимости от русского и даже мирового рынка (цены на хлопок в Америке). Разрыв этой связи немедленно повлек хозяйственную катастрофу и неслыханные бедствия для крестьянства.

Гражданская война (колчаковская «пробка» на Оренбург-Ташкентской дороге), расстройство транспорта и декрет Туркестанского советского правительства от 28 февраля 1918 г. о конфискации хлопка имели своим ближайшим результатом голод, поразивший, прежде всего, хлопководные районы. По свидетельству Сафарова в отдельных районах смертность достигала от 25 до 50% общего числа жителей. («Колониальная революция», Гиз, 1921, стр. 81).

В экономическом кризисе и кроются основные корни, так называемого, «басмаческого движения», которое трепало Среднюю Азию в течение четырехлетнего периода.

«...достаточно было небольшого толчка, чтобы двинуть к восстанию обезземеленное и разоренное крестьянство. Этим впоследствии воспользовалась и русская и туземная буржуазия в борьбе за власть» *.

Вышло так, что русские белогвардейцы нашли общий язык с туземными феодалами и баями (Юкандская Автономия, тесное сотрудничество Дутова с эмирской Бухарой), а советская власть представляла диктатуру «нового» русского города и поселка над «старым» городом и кишлаком. В своем приказе от 23 мая 1920 г. тов. Фрунзе следующим образом характеризует положение до соединения с центром: «Местная советская власть первое время своего существования делала все возможное, чтобы оттолкнуть от себя трудовое население.

Власть захватывалась группами авантюристов, желавших положить рыбу в мутной воде. Вместо национализации производства шел открытый грабеж не только буржуазии, но и средних слоев населения. Вместо защиты мусульманского населения от баев — над ним чинились неслыханные надругательства.

Действовавшие здесь части красноармейских войск в руках некоторых руководителей превращались из защитников трудового народа и революции — в орудие насилия над ними.

* Статья С. Гинзбурга «Басмачество в Бухаре» стр. 130. Сборник «Революционное движение в Средней Азии», Москва, В. Н. А. В.

На этой почве и создалось то движение, которое известно под именем «басмачества». Басмачи не просто разбойники, — нет, главные силы басмачей составляют сотни, тысячи тех, кого так или иначе задела или обидела прежняя власть. Не видя нигде защиты, они ушли к басмачам и тем придали им небывалую силу.

Вместе с собой они принесли басмачам поддержку мусульманского населения»*.

Идеологической платформой басмачества служили надклассовые, религиозные лозунги, вроде «Священная война в защиту Ислама», «Защита шариата», «Борьба с неверными большевиками» и т. д., ни в малейшей степени не отражавшие классовых интересов дехканства. В этом заключалось величайшее внутреннее противоречие «басмаческого движения», его органическая слабость.

Но даже соединение с центром (1919 г.), борьба с «колонизаторским уклоном», улучшение государственного аппарата, привлечение коренного населения на советскую работу еще не были достаточными, чтобы расколоть басмачество, лишить его ореола народной борьбы. Советская политика в период 1919—1921 гг., во-первых, не располагала необходимыми ресурсами, чтобы прийти на помощь крестьянскому хозяйству, а во-вторых, со всей строгостью ввела порядки военного коммунизма, часто не считаясь с особенностями экономики и быта Средней Азии.

Только в конце 1921/22 г. создается перелом. Открытие базаров, восстановление вакуфов (при соответственных мерах против их будущего расширения), восстановление шариатского суда для желающих, в сочетании с решительными военными операциями, раскалывают басмачество, вырождающееся в чисто бандитское движение. В 1923 г. басмачество окончательно ликвидируется.

Несколько иной оборот приняли события в Бухаре. Бухарское ханство находилось раньше в таком же подчинении у царского правительства, в каком туземные княжества Индии у англо-индийского правительства. Под защитой русских штыков в неприкосновенности был сохранен весь строй отсталой восточной деспотии. Крупная торговая буржуазия и интеллигенция едва начали создавать свои классовые интересы в смысле необходимости реформ и вели весьма и весьма скромную культуртрегерскую работу («Младо-бухарцы»).

После октябрьского переворота Бухара становится центром контрреволюции во всей Средней Азии. Эмир Сяид Алим входит в ближайшие сношения с Дутовым, дает у себя широкий приют белогвардейцам, реорганизует с их помощью армию, наконец, получает от англичан деньги и оружие, и, в свою очередь, снабжает им туркменских бандитов и ферганских басмачей. Неудачный поход вооруженных

* Цитирую по «материалам гражданской войны» (Труды Исторической военной комиссии) т. III, стр. 42.

отрядов Туркестанской красной гвардии на Бухару («Колесовский поход», март 1918 г.) был крупной политической ошибкой и только усилил внутреннюю реакцию в Бухаре (около 2 000 замученных джадидов) и обострил отношение между Бухарой и Ташкентом. Между тем ханство остро переживало экономический кризис, охвативший всю Среднюю Азию.

Разорение крестьянства и грозное предупреждение в виде двух крупных крестьянских восстаний (Карши и Гидждуван, 1919 г.) не изменили политики эмира — в связи с попытками создать регулярную армию, он даже значительно усилил налоги. В августе 1920 г. против него поднялось массовое движение, руководимое младо-бухарцами и коммунистами.

Эмир бежал в Восточную Бухару, где он пытался создать себе точку опоры. Однако энергично преследуемый советскими войсками, он перешел 10 марта 1921 г. на афганскую территорию.

Но советский переворот не ликвидировал, да и не мог ликвидировать всех экономических трудностей. Вместе с тем новое бухарское правительство недостаточно энергично принялось за обновление аппарата: по-просту говоря, вся власть на местах оставалась по-прежнему в руках беков и старой бюрократии и, хотя в конце-концов бухарское правительство принялось понемногу за проведение реформ, но эти реформы часто встречали сопротивление в среде самого правительства. В Бухаре, также как и в советской Средней Азии, крестьянское движение подпало под руководство мулл и баев и приняло контрреволюционный характер. Надо отметить, что центром басмаческого движения стали горные вилайеты Восточной Бухары, населенные независимыми племенами (племена локайцев и матчай). Отсталое население этих районов находилось под исключительно сильным влиянием духовенства и составило ударную силу басмачества.

После вывода частей Красной армии осенью 1921 г. басмачество сразу захватывает крупные территории. Во главе отдельных шаек становится бывший военный министр и член Центрального Комитета партии «Единение и прогресс» Энвер Паша. В 1920 г. Энвер нашел временный приют в РСФСР и поспешил отблагодарить советское правительство предательским переходом на сторону басмачей. В качестве «зятя султана, афганского сердара и командующего армией ислама» в Средней Азии, он пытался осуществить фантастическую мечту о создании мусульманской федерации из Бухары, Ферганы и Северного Афганистана*. Фактически его силы не превышали, однако, нескольких тысяч партизанов. И хотя Энвер предлагал советскому правительству мир и дружбу «на основе признания его власти в Средней Азии» и обещался взамен повторить подвиги Бабур и изгнать англичан

* Титул афганского сердара он получил в начале 1921 г.

из Индии, однако, объективно энверовский мятеж был как нельзя более на руку английскому империализму.

Как сообщает командующий советскими войсками, разгромившими летом 1922 г. Энвера, последний пользовался весьма малым авторитетом среди горных племен, часто ссорился с их вождями, а его постоянные попытки заставить горцев сражаться по всем правилам военного искусства только облегчили победу Красной армии 15 июня 1922 г. Энвер потерпел решительное поражение под Кафрюном, а 4 августа погиб он сам во время незначительной кавалерийской стычки. Гибелью Энвера басмачество не кончилось. Отдельные вспышки продолжались и в 1923 г. Перелом наступил тогда, когда советская власть широко пошла навстречу экономическим нуждам трудящихся и декханство убедилось на личном опыте, что власть Советов, — это его собственная власть.

Как мы видим, период 1917 — 1923 гг. был чрезвычайно бурным периодом для Средней Азии.

Как же реагировала афганская внешняя политика на все эти события? Чтобы понять извилистую линию афгано-бухарских отношений, а также тех отношений, которые одно время создавались между ферганским басмачеством (Мамед Амин Бек) и некоторыми афганскими группами, надо отдать себе отчет в том, какие интересы толкали Афганистан к активным выступлениям в Средней Азии.

Прежде всего приходится отметить интересы торговли. Уже в 1920 г. бухарские базары были завалены товарами англо-индийского происхождения. Эти товары шли через Афганистан. При закрытии выхода на русский рынок, бухарский каракуль, бухарская шерсть и отчасти бухарский хлопок искали себе других путей. Таковы были предпосылки временного возобновления древней транзитной дороги через Гиндукуш. В своей речи на первой экономической конференции средне-азиатских республик тов. Файзулла Ходжаев следующим образом обрисовал положение бухарской внешней торговли в последние годы эмирской власти: «из Бухары в Афганистан шли каракуль, шелк-сырец, хлопок, отчасти старое железо (рельсы) и т. д. Транзитом через Афганистан в Бухару шли из Индии и Персии чай, краски, нитки, спички, бязь и мануфактура. В 1918 г. через Афганистан было вывезено 50% урожая хлопка, равного 200 тыс. пуд. То же повторилось и в последующие годы и, в частности, в 1922 г., когда урожай хлопка достиг в Бухаре до 400 тыс. пудов» *. Разумеется, такое положение вещей в высшей степени ненормально. Англо-индийские товары, доставлявшиеся в Бухару за несколько тысяч верст вьючным путем, обходились чрезвычайно дорого и были доступны только состоя-

* «Отчет о первой экономической конференции средне-азиатск. республик», 5—9 марта 1923 г. Ташкент. О торговле этого периода см. подробнее вторую главу.

тельным слоем населения. Но для фиска эта транзитная торговля имела крупные выгоды. Мы не располагаем точными данными об афганском бюджете. Но по всей вероятности, в период 1920 г. и позже пошлыны с транзитных товаров, и особенно с таких высокоценных видов сырья, как каракуль, составляли весьма крупную статью доходных поступлений эмирата. Политически это находило выражение в попытках Афганистана установить самые дружеские отношения с эмирской Бухарой. Создавалось весьма запутанное положение. Афганское правительство великолепно видело, что эмир Сейд Алим дружит с белогвардейцами, получает помощь от злейших врагов Афганистана, и вообще стремится реставрировать старые порядки в Средней Азии. А возрождение этих порядков автоматически влекло бы за собой потерю Афганистаном независимости. Но с другой стороны, установление советской власти в Бухаре означало заключение таможенного союза с РСФСР, а следовательно, выпадение из афганского бюджета дохода от транзитных пошлыны. Маленький Афганистан в течение некоторого времени (до победы турецкой национальной армии над греками и до отказа Персии от кабального договора, навязанного ей англичанами в 1919 г.), выступал в качестве единственного независимого мусульманского государства. Такая постановка необычайно поднимала престиж Амануллы-хана в глазах собственных подданных. Афганская политика этого периода носит остро пан-исламистский оттенок. Повелитель Афганистана выступает в роли верховного покровителя всех мусульман, одинаково заинтересованного в судьбе греко-турецких отношений и восстания в Египте и судьбах Бухары. Небольшая выдержка из Афганского официоза «Аман-и-Афган» от 16 Раби ус сана 1338 г. (январь 1920 г.) наглядно это иллюстрирует: «200 миллионов индийцев не смогли отстоять Мекку, священную столицу ислама, от завоевания ее неверными. Удивительная загадка. Однако разрешить ее не трудно. Члены мусульманской семьи народов, увы, слишком заняты своими собственными, частными делами: турки — Турцией, арабы — Аравией, индийцы — Индией, персы — Персией, египтяне — Египтом, бухарцы — Бухарой. Кто же думает об общих делах всего ислама? Никто. Однако в это несчастное время господь всевышний смилостивился наконец, над своими рабами, явив в мире новые счастливые существа, которые спасут ислам от позора. Среди этих благословенных существ имя е. в. Амануллы-хана по справедливости занимает первое место. Угрожает ли опасность священной Бухаре, угнетают ли мусульман в Индии, захватывают ли неверные Мекку и Медину — все это составляет предмет огорчений и размышлений е. в., на основе которых он вырабатывает и быстро принимает свои меры».

Реально афганская политика была ограничена как слабостью своих материальных ресурсов, так и самим географическим положе-

нием Афганистана. В отношении Средней Азии у некоторых слоев афганской правящей верхушки безусловно имелись мечты о создании мусульманской средне-азиатской федерации от Закаспия до Ферганы, где Афганистан занимал бы первенствующее место. Возможность расширить свою территорию даже путем захватов на севере вместе с тем рисовалась как простейший выход из внутреннего экономического кризиса. В этом направлении были даже предприняты некоторые, впрочем, весьма слабые попытки. Как сообщает С. Гинсбург в своем очерке «Басмачество в Фергане» (стр. 139), «в первой половине декабря 1919 г. Мамед Амина посетила афганская делегация, примирившая его с Иргашем и другими главарями. Та же делегация вела переговоры об установлении в Фергане при содействии Афганистана «учредительного собрания», причем афганцы обещали помочь деньгами и оружием». Об этом же факте в несколько другой версии пишет Р. Р. Зуев: «Афганский представитель настаивал в ставке Мамед Амина на передаче ему письма для Эмира афганского с просьбой принять Туркестан и в частности Фергану под его «высокую руку»; за это он обещал 500 штук винтовок и 1 800 000 патронов к ним». (Военно-историческая комиссия, Материалы гражданской войны, т. III, стр. 42). Тот же автор замечает: «Сильное пан-исламистское влияние шло несомненно из Афганистана».

С эмирской Бухарой Афганистан установил официальные сношения, но не только это. Несмотря на острый недостаток в оружии и снаряжении, испытываемый афганской армией, зимой 1919—20 г. в Бухару, в качестве подарка, была отправлена батарея, обслуживаемая афганскими инструкторами. Этот акт должен был продемонстрировать особый интерес, который афганское правительство придает укреплению бухарской боевой мощи. Кроме артиллеристов были посланы отдельные отряды пехоты, общей численностью до 500 человек, принятые на бухарскую службу.

Советское правительство не вмешивалось в афгано-бухарские отношения, считая Бухару совершенно независимым государством. Это было зафиксировано 8-й статьей общего советско-афганского договора, парафированного в Кабуле 13 сентября 1920 г. советским полпредом Сурицем и Афганским мининделом Тарзи. Эта статья устанавливает, что «высокие договаривающиеся стороны соглашаются (признать) действительную независимость Хивы и Бухары, какая бы форма правления там ни существовала, согласно желанию их народов». Тем не менее некоторые афганские группы не хотели примириться с советской революцией в Бухаре и пытались оказать поддержку басмачеству и Энверу. Как указывает обозреватель первого пятилетия советской внешней политики, И. Майский, «некоторые трения между Россией и Афганистаном возникли также в первой половине 1922 г., в виду

несколько двойственной позиции, занятой афганским правительством в отношении разразившегося как раз в это время «басмаческого движения» в Бухаре. Советское правительство имело основание подозревать, что отдельные представители афганской государственной власти тайно поддерживали это движение и имели сношения с вождем последних, ныне убитым Энвер-пашой» (стр. 148). И далее: «Как уже упоминалось выше, Энвера поддерживали некоторые представители афганского правительства и в частности афганский посол в Бухаре. После того, как было установлено участие последнего в заговоре против бухарского правительства, он был выслан из пределов Бухарской республики» (стр. 155). За подробностями мы отсылаем к отчету Н. Е. Какурина «Боевые операции в Бухаре в 1922 г.». Достаточно будет сказать, что при составлении плана наше командование «не исключило возможности активного выступления Афганистана в пользу бухарской контрреволюции». Какурин пишет: «Я должен был считаться с этой возможностью и предусмотреть меры противодействия». Далее он указывает, что у Энвера было до 1 000 афганских добровольцев, и что снабжение басмаческих отрядов огнеприпасами велось частью из Афганистана (Материалы гражданской войны, том III, стр. 104—109, см. там же стр. 128, 135, 93). Отбрасывая явное преувеличение о возможности открытого военного выступления Афганистана, приходится признать, что в этот период создалась известная напряженность советско-афганских отношений, которые вошли в свое нормальное русло лишь после окончательного разгрома басмачества и начала мирного строительства в Бухаре.

Не следует однако придавать крупного значения советско-афганским трениям в Средней Азии. Несравненно сильнее были интересы, властно требовавшие сотрудничества. Советская дипломатия ясно отдавала себе отчет, что попытки афганской экспансии в Средней Азии не отражают широких национальных интересов, не отражают основной линии афганской внешней политики.

Отбрасывая частности, в период 1919—1922 г. наши отношения с Афганистаном прогрессивно улучшались, но колебания, зигзаги и неустойчивость наших афганских контрагентов помешали им воспользоваться советской помощью как раз в тот период, когда наши руки не были связаны торговым соглашением с Англией.

Уже в апреле 1920 г. афганское правительство решает прекратить неограниченную поддержку племен (оружие, деньги), т. е. покончить с той фактической войной, которую оно продолжало до этого времени вести против Англии руками племен. Афганская делегация выезжает в индийский горный курорт Миссори для новых пе-

реговоров с Англо-Индийским правительством. Для того, чтобы продемонстрировать англичанам, что дело идет о желании Афганистана договориться «всерьез и надолго», установить «прочный мир», был предпринят ряд предварительных шагов (высылка индийских революционеров из Кабула, смещение редактора газеты, руководившего антибританской пропагандой на границе, отказ в дальнейшей помощи племенам. Конференция в Миссори не привела к конкретным результатам, но она знаменует желание Афганистана установить с Англией добрососедские отношения. Афганистан стремится теперь занять нейтральное положение между РСФСР и Англией, чтобы извлечь максимальные для себя выгоды из противоположности их интересов.

Соглашения с РСФСР легко удалось достигнуть на основе признания независимости, полного равноправия и взаимности. Договор 13 сентября 1920 г. (окончательно подписан 28 февраля 1921 г. в Москве) кроме того обеспечивает Афганистану «денежную и материальную помощь» и право транзита грузов через Советскую территорию, что представляло для Афганистана крупное значение, поскольку до этого времени транзит шел исключительно через Индию и зависел от каприза англо-индийских властей.

Но договориться с Англией оказалось исключительно трудным, поскольку Афганистан рассчитывал сохранить самостоятельность, и в частности дружеские отношения РСФСР, как важнейшую гарантию этой самостоятельности. Как сообщает годовой отчет НКВД за 1920—1921 г. (стр. 51), прибывшая в Кабул английская миссия «предпринимает в январе 1921 г. решительные шаги к срыву русско-афганского договора, противопоставляя ему свой проект, в основном сводящийся к следующим положениям, предложенным чрезвычайным уполномоченным Великобритании, Генри Доббсом: 1) сохранение с Россией исключительно торговых взаимоотношений, т. е. фактическое аннулирование соглашения от 13 сентября 1920 г., 2) отказ афганцев от покровительства пограничным племенам, этнографически и религиозно родственными Афганистану и служащим очагом непрерывных восстаний против англо-индийских властей. В свою очередь, англичане предлагают беспопытный транзит товаров, идущих в Афганистан, обмен представительствами, притом непосредственно с Лондоном; пересмотр вопроса о разграничении в отмену Равалпиндского соглашения, обязывающего афганцев принять решения комиссии, составленной из одних только англичан. Наконец, следовало обещание широкой материальной помощи».

Одно время, летом 1921 г., английская миссия ставила предварительным условием соглашения разрыв дипломатических сношений с Советской страной и восстановление английского контроля над афганской внешней политикой. Но афганское правительство не испытывало ни малейшего желания добровольно лезть в кабалу, из которой так:

недавно освободилось. Как сообщает тот же отчет (стр. 129), «Эмир Аманулла-хан созвал на 7 августа 1921 г. широкое представительное собрание, в составе всех имевшихся в Кабуле членов расширенного законодательного совета, делегатов местной индийской общины, представителей духовенства, членов царствующего дома.

В результате всестороннего обсуждения обоих проектов — русского и афганского — длившегося 4 дня, меджлис 11 августа 1921 г. отверг английское предложение. 13 августа афганское правительство ратификовало русско-афганский договор».

Твердость, проявленная афганским правительством, привела к быстрому снижению первоначальных английских требований, и в результате 16 октября 1921 г. был подписан общий англо-афганский договор. Прежде всего следует отметить, что все попытки афганцев добиться пересмотра вопроса о племенах не привели ни к каким результатам. Английская делегация последовательно отвергла предложение о плебисците, о духовном протекторате (Афганский эмир является высшим религиозным авторитетом для племен), наконец об установлении нейтральной зоны. Единственно, чего добились Афганцы, это заверения, «что Великобритания питает добрые намерения к племенам и всячески желает относиться к ним гуманно». Практика воздушных бомбандировок в особенности показала цену этой гуманности. Кроме того «обе стороны будут извещать друг друга о военных операциях, необходимых для установления порядка среди племен». Но в остальном договор является существенным достижением для Афганистана, устанавливая безоговорочное признание независимости, обмен посольств непосредственно с Лондоном, право на транзит оружия через Индию (правда, с известными ограничениями), некоторые торговые ты. К тeneвым сторонам следует отнести то обстоятельство, что афганское правительство в особой ноте обязывалось перед Англией не допустить открытия советских консульств в Кандагаре и Ганзи, хотя они были предусмотрены московским протоколом.

Кроме РСФСР и Англии, Афганистан вступает в договорные отношения с рядом других государств (Персия, Турция, Германия, Франция, Бельгия, Польша). Кроме первого союзного договора с Турцией (1 марта 1921 г.), проникнутого к тому же религиозно-мусульманским духом, это — стереотипные документы, предусматривающие установление сношений и обмен посольствами. Казалось бы всеобщее признание окончательно упрочило международное положение Афганистана.

Но уже в 1923 г. британский империализм предъявил Кабульскому правительству ультиматум с требованием выдачи ряда мусульман — английско-подданных из пограничных горцев, обвиняемых в убийстве английских офицеров на территории независимых племен. Одновременно в полуофициальном порядке было снова выдвинуто

требование разрыва дипломатических отношений Афганистана с Советским Союзом. /«Потерпев поражение в дипломатической борьбе, в закулисных интригах и подкопах против СССР и его полномочного представительства в Афганистане», — пишет наш бывший полпред тов. Раскольников в своей брошюре «Афганистан и английский ультиматум» (Москва, 1924, стр. 32, изд. «Красная Новь»), — «англичане решили отыграться на ультиматуме, взять афганцев на испуг сильным ударом кулака по столу. Нет никаких сомнений, что ультиматум скрывает за собой попытку приготовления государственного переворота, попытку свержения теперешнего эмира для замены его ставленником англичан»/ Действительно, в Афганистане велась активная подготовка в этом направлении. Вот как рисует ее Марко Поло: «Одновременно с толками о предстоящих воздушных налетах на афганских базарах распускаются слухи, что в то же время в Афганистане, произойдет государственный переворот. В самом Афганистане, в некоторых областях, даже в таком важном пункте, как Кандагар, происходят волнения, вызываемые реакционными муллами, и конечно не только одними муллами, которые притом оказываются в обладании средствами, для них совершенно не подобающими. В то время как Аманулла-хан ставит на придворной сцене пьесы, высмеивающие духовенство, реакционные муллы ведут против него систематическую агитацию, являясь оружием против создания в Афганистане прогрессивного национального государства. Кто-то старается поссорить Афганистан с советскими республиками и вызывает беспорядки также и у афганских северных границ. Невидимая рука спланирует реакционные элементы, которые были бы не прочь вернуться к старым временам Абдур-Рахмана. Слухи о заговорах против реформатора-эмира, неустанно борющегося за обновлением Афганистана, распространяются теми же невидимыми источниками*. Но внутреннего кризиса вызвать тогда не удалось. Афганистан, имея за собой решительную поддержку СССР, отверг английские требования. В нашей печати была поднята кампания, разоблачавшая захватные планы британского империализма. Эта кампания нашла живой отклик в западно-европейской, главным образом, французской печати.

Афганский министр иностранных дел дал на страницах «Матэн» следующую оценку этому событию: «Мы имеем», — сказал Махмуд Тарзи, — «новую фазу тех усилий, которые Британская империя издавна делает, чтобы захватить нашу страну. Англия всегда говорит о свободе вне Европы, а иногда и в последней, но первая всюду душит ее. Будучи более полувека повелительницей моей страны, она не может успокоиться, что, благодаря нашему успешному восстанию в 1919 г., она лишилась возможности нас контролировать и экспло-

* «Известия», 4/I 1924 г.

атировать. Она не может вынести мысли, что, завоевав себе полную независимость, мы, помимо ее, завязали сношения со всеми главными нациями мира. Она ищет каких угодно предлогов, чтобы вернуть себе то, что мы у нее вырвали». («Матен» от 17/XII 1923 г.).

К этой характеристике нечего добавить. Между тем, за ультиматумом 1923 г. вскоре последовало восстание в провинции Хоста, которое представляет первую серьезную попытку англо-индийского правительства использовать внутренние движения в Афганистане, чтобы добиться своих целей. Хостинские события будут рассмотрены в последней главе, в связи с афганской гражданской войной 1928/29 г. Однако, относительно английского участия можно отметить широкое, хотя и неофициальное снабжение повстанцев оружием из Индии и наконец появление среди поднявшихся племен мангаль и джадран английского пенсионера, Абдул-Керим-хана, пытавшегося возглавить восстание. Захваченный в плен правительственными войсками, Абдул-Керим-хан, перед тем как ему удалось снова бежать в Индию, раскрыл перед судившим его трибуналом много нитей, связывавших английские политические агентства на северо-западной границе и даже иностранный департамент правительства Индии с событиями в Хосте. Остается пожалеть, что афганское правительство, очевидно не желая обострять отношений с Англией, официально не опубликовало материалов следствия по делу Абдул-Керим-хана.

Выше, при оценке исхода третьей англо-афганской войны мы наметили три причины, в значительной мере обусловившие завоевание и сохранение Афганистаном своей независимости: наличие революционной России, пришедшей на смену империи «белого царя»; героическая борьба племен пограничной полосы; мощный подъем национально-революционного движения в самой Индии. Последние факторы нельзя рассматривать вне зависимости от политики английского империализма, и мы перейдем к ним ниже.

Отношения между советским и афганским правительством продолжали непрерывно укрепляться. И если раньше реакционное движение басмачества и гражданская война в Средней Азии не могли не создавать известной трещины в наших отношениях с Афганистаном, то в такой же мере советско-афганское сотрудничество углублялось и ширилось по мере хозяйственного подъема советской Средней Азии, по мере того, как все ярче обнаруживались глубочайшие различия между колониальной политикой царизма и политикой советской власти. В 1925 году состоялись учредительные курултай, утвердившие национальное размежевание советской Средней Азии. На месте пестрой ткани государственного и административного деления, где наряду с областями, ранее управлявшимися русским чиповничеством, сохранились бухарское и хивинское ханства, — были созданы новые советские республики по националь-

ному признаку. На северных границах Афганистана образовались Узбекская, Туркменская и Таджикская социалистические советские республики. Этот шаг, предпринятый по требованию широчайших масс трудящихся, объединенных в систему советов, должен был облегчить борьбу с феодальными пережитками, создать предпосылки культурной революции, изжить национальную вражду, развязав классовую борьбу внутри каждой из национальных групп. Излишне говорить, в какой мере этот шаг способствовал изживанию старых национальных антагонизмов в Средней Азии, явившихся выражением противоречий между оседлым и кочевым населением, между более отсталыми, примитивными народностями и правящей верхушкой более сильных, исторически развитых национальных групп. Одновременно самым решительным образом была проведена коренизация аппарата государственного управления: из орудия русского колониального владычества он стал органом самоуправления трудящихся туркмен, узбеков и таджиков. Аграрная реформа, — хотя точнее называть ее аграрной революцией, — уничтожила феодальные пережитки и в значительной мере сократила эксплуататорское землепользование баев и манаров. Хлопководство достигло в 1927 г. 80% довоенного уровня. И хотя империалистическая печать до сих пор пытается представить и национальное размежевание в Средней Азии, и культурную революцию, и аграрную реформу лишь в качестве хитроумной махинации большевиков, якобы протягивающих жадную руку завоеваний к узбекским, туркменским и таджикским областям Афганистана, на самом деле общее укрепление советской власти на территории бывших царских колоний безусловно ставило отношения между Афганистаном и СССР на более прочную политическую и экономическую базу (возобновление торговли).

Пограничный инцидент 1 декабря 1925 года, связанный со спором о государственной принадлежности острова Урта-Тугай (на Аму-Дарье), был дружелюбно ликвидирован работой смешанной советско-афганской комиссии, отдавшей этот остров Афганистану, «в виду преобладающих экономических интересов последнего», чем, очевидно, не создается прецедента в отношении других островков на Аму-Дарье, принадлежащих Советскому Союзу. В 1926 г. между советским правительством и Афганистаном был заключен так называемый Пагманский пакт (15 августа 1926 года). Этот пакт еще в большей степени выявил мирный характер советской политики на Востоке. Дело идет не о военном союзе с Афганистаном, не о совместных агрессивных выступлениях СССР и Афганистана против третьей стороны, а лишь о взаимном нейтралитете и ненападении. Пагманский пакт предусматривает нейтралитет другой стороны, если одна сторона будет вовлечена в войну, а также невступление во враждебные комбинации, невмешательство во внутренние дела. Другими словами, в случае, если Советскому Союзу будет грозить военная опасность, то

нам обеспечен дружественный нейтралитет Афганистана, в том смысле, что на его территории не найдут себе места ни шпионские, ни бандитские организации третьей державы, и мы будем иметь спокойный тыл в Средней Азии. Однородные обязательства мы в свою очередь даем Афганистану.

Несколько позже Афганистан заключает однородные обязательства с Турцией и Персией, что должно было выявить общность интересов молодых национальных государств Среднего и Ближнего Востока, продемонстрировать всему миру их политику миролюбия и неагрессивности.

Английская политика в отношении Афганистана и племен северо-западной границы представляет весьма сложно действующий механизм, связанный с рядом мировых политических проблем, переплетенный, с другой стороны, с классовой борьбой в самой Индии. Внешняя политика Англии на Востоке не может рассматриваться вне связи с внутренним положением Индии и в частности той роли, которую играет английский империализм, противопоставленный революционному движению. Основным фактом последних десяти лет индийской истории является разгром революции 1919—1922 г. Слабость мелкобуржуазного руководства, измена вождей выявила контрреволюционную роль буржуазии и позволила империализму смалеврировать, а в конечном счете и раздавить массовое движение. Руководящие английские политики оценили этот факт таким образом, что правительство его британского величества никогда за последние 50 лет не было так сильно в Индии, как сейчас. Поскольку под это определение мы подставим силы лишь буржуазного движения, то можно вполне согласиться с Биркенхедом и сэром Малькольмом Хэйли, этим фактическим руководителем режима вице-короля, лорда Ирвина. После краха гандизма национально-буржуазное движение выделило партию сваражистов, на протяжении какого нибудь пятилетия проделавшую в ускоренном темпе эволюцию от вхождения в индийские законодательные органы лишь «с целью обструкции и саботажа их» до фактического сотрудничества с англо-индийскими властями. И хотя экономическая мощь и политическая организованность туземной буржуазии сильно выросла за последние десять лет, хотя противоречия между империализмом и туземной буржуазией не изжиты, хотя англо-индийские власти даже сузили круг экономических уступок, сделанных индийскому капиталу в критическую минуту послевоенных и революционных событий, хотя наконец ни в коем случае нельзя говорить о «деколонизации Индии», остающейся под властью английского финансового капитала, тем не менее революционная роль туземной буржуазии падает с каждым днем. В 1928 г. состоялся исторический съезд всех национально-буржуазных партий в Лукнове, где было принято в качестве объединительной программы их так называемая «Конституция Неру». В области

политической она ограничивает свои требования лишь самоуправлением для Индии по образцу Канады и Австралии, причем однако заранее соглашается на оставление иностранной армии оккупации, оставляя в руках английского вице-короля внешние сношения и право назначения важнейших чиновников и офицеров, признает все долги Индии Англии, гарантирует особые преимущества и права английскому капиталу. По аграрному вопросу съезд в Лукнове высказался за сохранение помещичьей собственности и санкционировал феодальные пережитки, объявив, что все права собственников и земледельцев останутся неприкосновенными в будущей самоуправляющейся Индии. Устами Пандита Моти-Лал Неру, председателя сессии Национального Конгресса в 1928 году, национальная буржуазия высказалась за корыстные интересы кучки помещиков, владеющих 80 процентами всей земли, и теперь, как во время кризиса 1922 г., открыто противопоставила себя многомиллионным массам крестьян. Съезд в Лукнове и принятие конституции Неру явились не чем иным, как капитуляцией национальной индийской буржуазии перед английским капиталом. Эта капитуляция разумеется не устраняет разделяющих их противоречий, не исключает она и дальнейших трений, но она отбрасывает национальную буржуазию, как класс, на ту сторону баррикад в предстоящих революционных боях индийского рабочего класса и крестьянства. Роль гегемона в освободительной борьбе переходит к индийскому пролетариату. И если в довоенные времена рабочий класс Индии, вынужденный отдавать предпринимателю 12-ти и 14-ти часовой рабочий день за мизерную оплату, не окупавшую прожиточного минимума, представлял лишь распыленную массу полу-кули — полукрестьян, не терявших связи с деревней, то в период 1925—1928 гг. впервые созданся оседлый пролетариат в Индии. Завоевание 10-ти часового рабочего дня по закону 1923 г., реорганизация индийской промышленности, переход к более утонченным способам эксплуатации, повышение производительности труда, в связи с острой конкуренцией на индийском и внешнем рынках, — все это в конечном счете создало устойчивые пролетарские кадры в Индии, а тем самым и предпосылки для политической и профессиональной организации рабочего класса. Уже в 1928 г. Индию охватывает забастовочное движение, не уступающее по своему размаху великим забастовкам 1919—1921 гг. Пролетариат впервые выступает как самостоятельная политическая сила, противопоставляет себя, как класс, и английскому империализму и туземной буржуазии. Рост революционных, политических и профессиональных организаций пока отстает от массового пробуждения рабочих к борьбе. Еще полностью не изжито реформистское руководство профсоюзами, коммунистическая партия Индии еще не представляет той мощной руководящей организации, какой она уже могла

бы быть и какой она безусловно станет в скором будущем. Рост революционного пролетариата в стране колоний полностью меняет расстановку классовых сил. Вырисовывается перспектива руководства со стороны пролетариата распыленным стихийным движением крестьянства в Индии, где аграрные отношения отличались неслыханной напряженностью, где чистка феодальных пережитков, уничтожение туземных деспотий стоит в порядке дня. В такой обстановке английская политика в Индии и на ее границах слагается под угрозой надвигающейся революции.

Помимо прочего, такое положение обуславливает необходимость для империализма значительного усиления и реорганизации армии, а с другой стороны — активизацию внешней политики, направленную в первую очередь против Советского Союза. В предстоящей борьбе с индийским пролетариатом и крестьянством английский капитал должен иметь свободные руки на границах с Индией, абсолютную свободу действий против «внутреннего» врага. А «внешним врагом» Индии является не империалистический соперник, а молодые национальные государства Азии и Союза советских социалистических республик, связанных с ними не только договорами дружбы, но и длительной общностью интересов. Возможность сотрудничества между национальным движением зарубежного Востока и национальным движением Индии, заразительность примера афганской или турецкой независимости, растущее тяготение угнетенных колониальных народов к Советскому Союзу отражают в зеркале международных отношений тот же внутренний кризис английского колониального владения. Буржуазная политика принимает следствия за причины и считает, что, покончив с Советским Союзом методами вооруженной борьбы, раздавив или подчинив себе независимые государства Востока, она тем самым сразу же разрешит основные противоречия, разъедающие изнутри режим колониального господства над многими миллионами населения Азии. И если трезвый учет общего международного положения Индии, перенесение тяжести мировой политики к берегам Тихого океана, опасность японской конкуренции, растущие англо-американские противоречия продиктовали английским колонизаторам такую систему пограничных военно-стратегических мероприятий, которые исключали бы повторение опыта третьей англо-афганской войны 1919 г., когда пришлось перебросить на северо-запад Индии почти 300 000 штыков, то эти мероприятия вместе с тем могут стать исходной точкой для наступательной войны и против Афганистана, и против Советского Союза. Военно-стратегическое строительство имеет свою логику. И если присмотреться к английскому железнодорожному и стратегическому строительству от берегов Средиземного моря до северо-западной границы Индии, то все ярче вырисовывается единый военный и политический план. Если раньше Персия и Афганистан

являлись как бы внешними буферами Индии, их бездорожье и отсталость должны были задержать и ослабить угрозу внешнего нашествия, то сейчас сама английская политика форсирует капиталовложения, создание железнодорожных путей и концессионных зон, которые, с одной стороны, экономически оторвали бы эти страны от СССР, а с другой, превратили бы их в плацдарм для перенесения военной борьбы уже на советскую территорию. Система автомобильных путей из английской подмандатной Палестины к Багдаду, создание мощной базы авиации в Моссуле, имперская линия воздушных сообщений, которая через южную Персию связывает Индию с Средиземным морем, и дальше с Англией, начало постройки трансперсидской магистрали и военные приготовления на северо-западной границе Индии, в неслыханной мере усилившие британский империализм на подступах к Гиндукушу, — являются отдельными слагаемыми в этой общей подготовке.

На пути из Индии в Советскую Среднюю Азию лежат две основные преграды, — независимые племена и Афганистан, географически связанные с двумя горными барьерами — Сулеймановыми горами и Гиндукушем. Весь исторический и стратегический опыт, начиная от первой англо-афганской войны и кончая кампанией 1919 г., показал, что утвердиться в южном и юго-восточном Афганистане, т. е. на южных скатах Гиндукуша, невозможно или во всяком случае необычайно трудно, поскольку прочно не освоена полоса пограничных племен от Читрала до Кветты. После войны 1919 г. англо-индийское правительство чрезвычайно стремительным темпом проводит программу не только военно-стратегического строительства, сооружения баз, аэродромов и крепостей, но целый ряд экономических мероприятий. О размахах этой политики прежде всего дает представление грандиозный военный бюджет британской империи в Индии. Следующая таблица, составленная на основе индийских ежегодников за соответственные годы, дает соотношение между общими расходами центрального правительства Индии и расходами военными (в миллионах руб.).

1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1 428	1 979	1 340	1 308	1 300	1 299	1 252
778	720	650	604	693	602	567

От 40 до 50 процентов всего индийского бюджета систематически расходуется на военные нужды, несмотря на то, что эти военные приготовления не имеют ничего общего с интересами самой Индии. Основная доля расходов падает на северо-западную границу и здесь

сосредоточены главные силы англо-индийской армии. Из восьми действующих дивизий пять расположены в направлении Пешавер-Бабул, одна в Вазиристане, одна в Кветте и одна в глубоком тылу составляет стратегический резерв; из шести эскадрилий воздушного флота четыре расположены в районе Пешавера, одна эскадрилья в районе Кветты и одна эскадрилья в Амбале. В текущем 1928/29 году воздушные силы Индии усиливаются еще двумя эскадрильями, хотя индийское законодательное собрание не вотировало кредитов и не было даже официально поставлено в известность о переброске. Прав тов. Ринг, когда он пишет в своей статье, что «из приведенного расположения войск видно, что вся англо-индийская армия предназначена для военных действий на северо-западном театре Индии, т. е. против СССР и Афганистана». («Новый Восток» № 23—24, статья «Оборона Индии»). Одновременно принимаются меры к переводу ряда частей англо-индийской армии на механическую тягу, что должно разрешить вопрос о транспорте при вторжении в горные, лишенные железных дорог, области Афганистана. Почти решен вопрос о переброске в Индию и лучших сил английской армии, так называемого экспедиционного корпуса, составляющего ударную силу британского империализма. Наконец, значительно снижен темп «индианизация» армии, т. е. перевода целых частей под команду туземных офицеров, и англо-индийская армия в целом остается верным орудием «защиты имперских интересов».

Приложенная к книге схема дает общее представление о ходе дорожного и стратегического строительства за последние годы. Основные усилия были сосредоточены в Вазиристане. «За истекшее пятилетие, — пишет тов. Примаков в № 3 журнала «Большевик», — англичане провели через Вазиристан три автомобильные дороги от Индии на запад к афганской границе и связали их между собой системой автомобильных рокировочных путей. К трем центрам Вазиристана — Тал, Банну, Танк — подведены железные дороги, связанные железнодорожным мостом в Кушальгаре и паромной переправой в Калайбаге с путями сообщения Пенджаба. Форт Размак (в центре Вазиристана) и форт Ландихана (Хейберский проход) развиты в первоклассные укрепления, и возле них созданы базисные склады для авиации и пехоты. Характер направления и темп работ убеждают нас в том, что английское командование приняло решение оборонять Индию впереди Сулеймановых гор, и производит военно-дорожные и базисные работы для вторжения в советские хлопковые районы». В последнее время намечается дальнейшее дорожное строительство в Вазиристане. Предположено провести еще одну дорогу параллельно афганской границе от Леваре до Ваню. Энергично ведется работа по сооружению железнодорожного пути от Кветты до форта Сандеман. Уже ведутся переговоры с племенами о сооружении нового крепостного пункта

в районе горы Шалай, на самой границе с Афганистаном. В областях к северу от Хейберского прохода также ведется энергичное дорожное строительство.

Но не надо представлять себе английскую политику в качестве силы, действующей лишь бронированным кулаком. Целая система экономических мероприятий является как бы дополнением к военной оккупации и преследует основную цель расколоть могучие племенные союзы, перевести беспокойных кочевников в состояние оседлости, усилить племенную аристократию за счет племен в целом, — одним словом, создать условия для мирного внедрения «цивилизации». В отношении Белуджистана такая работа была проведена еще в 80-х годах прошлого столетия сэром Робертом Сандеманом, и эта область может считаться полностью замиренной. На крайнем севере английская политика поддерживает деспотическую власть царьков Дира, Свата, Читрала и Бунира, вкладывая одновременно большие средства для развития дорожного строительства, для проведения ирригационных каналов. Контракты на сооружение дорог, привлечение горцев на военную службу в качестве «кассадаров», увеличение сети искусственного орошения, наконец, открытие школ и оспопрививательных пунктов, крупные субсидии племенным вождям и маликам, — вся совокупность этих мероприятий достигла известного эффекта и в отношении племен афридиев и оракзаев. Насколько можно судить по восторженному приему, недавно оказанному сэру Джону Саймону племенной Джиргой, где были представлены малики и ханы афридиев, оракзаев, английская политика действительно сумела создать известную противоположность интересов между племенной аристократией и остальной массой. Опубликованный в 1927 г. IX том свидетельских показаний перед Королевской комиссией по земледелию Индии рисует нам картину, с одной стороны, быстрого роста помещичьего землевладения и захвата ханами и старшинами родовой земельной собственности в долине Свата, Курама, и районах, прилегающих к Пешевару, а с другой — процесс оседания кочевников на землю*. Очевидно, не все области в одинаковой степени захвачены этим процессом, в частности, Вазиристан в значительной еще мере сохраняет свой первобытный уклад. Но важно учесть, что ханы и аристократия, пользующиеся сейчас автомобилем в качестве средства сообщения, посылающие своих сыновей учиться в английские колледжи и успевшие захватить крупную земельную собственность, вряд ли явятся вождями священной войны против «неверных» в случае нового столкновения Афганистана с Англией. Внося нужную поправку на официальный оптимизм, нельзя не отнестись с большим вниманием к «правительственному отчету по

* Royal Commission on Agriculture in India. Vol. IX, North-Western Frontier Province, London, 1927 г., стр. 12, 70, 126.

администрации границ» за 1927/28 г., где говорится, что «политика замирения племен посредством открытия дорог, школ, госпиталей, капалов, опытно-показательных ферм, пунктов агрономической помощи, сочетаемая с мерами по обеспечению порядка и спокойствия, привела к полному успеху» *. Показательным является резкое уменьшение убытков от налетов и грабежей. Если за 1920/21 г. они равнялись 286 000 рупий, а в 1923/24 г. — 60 000 рупий, то за 1927/28 г. они составляли всего 15 000 рупий. Правда, северо-западная граница много раз переживала периоды внешнего спокойствия перед новым взрывом. Еще накануне последней англо-афганской войны английская официальная литература указывала на спокойствие и создавшиеся мирные навыки племен. Но необходимо задать себе вопрос, не является ли на этот раз спокойствие границ показателем успешности английской политики, которая, опираясь на громадные средства, получаемые по бюджету нищей Индии, действительно может себе позволить роскошь создания земледельческих оазисов на искусственно наращенной почве, проведения ирригационных каналов и туннелей в скалах и пустынях, дорог через неприступные кручи, лишь бы обеспечить прочное замирение района, играющего совершенно исключительную роль в общей системе имперской обороны. К 1927/28 г. программа военно-дорожного строительства, так же как и замирение племен, в основных своих чертах были закончены. Вставал вопрос об осуществлении второй части программы уже в районе Гиндукуша, т. е. на афганской территории. Осуществление программы шоссейного и железнодорожного строительства, отвечающего задачам английского штаба, могло бы, разумеется, принять формы «мирного сотрудничества» с правительством Кабула и совершаться под прикрытием концессионных или иных невинных на вид соглашений. Однако, путь мирного проникновения в Афганистан был закрыт для английской дипломатии. Прочное освоение так называемой «Дюрандовой полосы» не только отодвигало в неопределенное будущее вопрос о возвращении Афганистану почти 3-х миллионов афганцев, оторванных от него после войны 1878 г. и по договору Дюранда в 1893 г., но, что еще важнее, лишало Кабул мощного союзника в случае нового военного конфликта. Показательным является интервью афганского министра торговли, Абдул-Хади-хана, с корреспондентом газеты «Берлинер Тагеблатт» 5 августа 1928 г. «Военные махинации Англии на афганской границе являются для нас неожиданностью и беспокоят нас. Англия стремится подчинить себе независимые племена Вазиристана и Ягистана. Но независимость этих племен является для Афганистана равноценной его собственной независимости». Другой афганский министр метко сравни-

* «Border Administration Report» 1927—1928. См. также «India in 1925—1926» (moral and material Progress), стр. 201, 205, 207.

вал Хейберскую стратегическую железную дорогу с «английским пистолетом, приставленным к сердцу Афганистана». Вместе с тем близость Индии, с ее мощным аграрным движением, с ее трехмиллионным революционным пролетариатом, не могла не оказать нервирующего действия на линию английской дипломатии. При объективно напряженном состоянии на индо-афганской границе требовались максимальный такт и выдержка, чтобы до поры до времени маскировать свои истинные цели, создать в афганском правительстве хотя бы иллюзию добрососедских, мирных отношений. Но эта задача не удалась ни сэру Генри Доббсу, ни его преемнику, майору Фрэнсису Хемфрису. Предъявление ультиматумов, военные угрозы, концентрация войск на границе, как средство дипломатического давления, требование разрыва сношений с СССР, — все эти методы и приемы весьма наглядно разоблачали истинную сущность английской политики, обнаруживая, что по существу речь идет не больше и не меньше, как о капитуляции Афганистана, возвращении его в старое положение зависимости. Такая капитуляция была неприемлема для правительства младоафганцев, пришедших к власти под знаком независимости и державших твердый курс на создание из Афганистана самостоятельного буржуазно-национального государства. Кроме того, необходимо учесть стихийную ненависть широчайших масс Афганистана к английскому империализму (три войны), влияние Советского Союза и ряд других исторических условий, в своей совокупности исключавших для падишаха Амануллы путь подчинения Англии.

Между тем, в 1928 г. (вернее, в последнем месяце 1927 г.) начинается европейская поездка падишаха. Эта поездка была не только новым шагом к модернизации Афганистана. Она необычайно ярко выявила симпатии национально-буржуазной Индии и Египта к афганской независимости и реформам, а тем самым обострила отношения с Англией. В Индии падишаху Аманулле был оказан восторженный прием, в особенности мусульманами Бомбея, коим падишах рекомендовал объединение с их братьями-индусами, в то время как англо-индийское правительство, как известно, строит свою политику на разжигании индо-мусульманской вражды. Английский вице-король, лорд Ирвин, должен был спешно заболеть, чтобы не слышать речей Амануллы, говорившего о необходимости развития национальной промышленности в Индии, в противовес засилию иностранных товаров. Общественное мнение Индии не могло не задать себе вопроса, почему маленькая и бедная горная страна за какое-нибудь десятилетие смогла добиться значительных успехов в области преодоления азиатчины и отсталости, революции быта и установления национального равноправия, в то время, как в Индостане уголовный кодекс до сих пор стоит на страже предрассудков касты, лишь церковный брак является законным, а индо-мусульманские погромы остаются такой же неизменной принад-

лежностью колониального режима, как и еврейские погромы в царской России.

Другим результатом поездки падишаха явилось соглашение с Турцией о присылке военной миссии Кязим-Карабекира-паши для организации афганской армии. Как уже говорилось выше, были закуплены значительные запасы вооружения и амуниции, создававшие основу для перевооружения войск. Далее, удалось разрешить вопрос о привлечении крупных сравнительно капиталов в Афганистан. Финансовая блокада, которую Афганистан испытывал в еще большей, пожалуй, степени, чем СССР, была прорвана. Были начаты разговоры и с американскими капиталистами. Наконец, был заключен договор с французскими фирмами, дополненный потом соглашением с известными группами немецких капиталистов об изыскании и постройке железнодорожных путей, причем намечалась дорога: 1) Кабул — Кандагар — Нью — Чаман, 2) Нью — Чаман — Кандагар — Герат — Кушка. Оба варианта этих путей в общем отвечали английским интересам. Но спрашивается, было ли правительство младо-афганцев достаточно послушным орудием в руках Англии для того, чтобы последовательность и самый порядок проведения этих железнодорожных путей соответствовали бы интересам англо-индийского генерального штаба. На это приходится ответить отрицанием. Программа железнодорожного строительства, даже если она объективно облегчала бы задачу английского проникновения, проводилась бы падишахом Амануллою прежде всего под углом развития экономики самого Афганистана. Это отразилось бы и на последовательности постройки южных и северных участков трансафганской магистрали. Это же обстоятельство сказалось на привлечении нейтрального немецкого капитала, что в известной мере обесценивало французскую концессию и, очевидно, стоящие за ней группы английского капитала.

Почти за десять лет, прошедших со времени провозглашения независимости, британскому империализму не удалось вернуть себе позиций, утраченных в 1919 г., между тем как в подготовке войны против СССР, в политике изоляции индийской революции роль афганского участка выросла в громадной степени.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ

Наш очерк не ставит своей задачей дать исчерпывающее описание гражданской войны, охватившей в 1928/29 г. Афганистан. Историю этих событий писать нельзя, не только потому, что гордая муза истории якобы может отдавать свое внимание только событиям более или менее отдаленной древности. Наоборот, марксистская наука хочет связаться с самыми живыми вопросами современности. К ограничению нашей темы нас прежде всего принуждает недостаток материала. Правда, Бюро прессы Среднего Востока в трех своих бюллетенях, посвященных событиям в Афганистане, дает чрезвычайно ценный материал в виде подлинных актов — воззваний, фирманов, относящихся как к последним дням царствования Амануиллы в Кабуле, так и к режиму Бачи-Сакау. Тем не менее фактическая сторона остается недостаточно освещенной. На информацию буржуазной прессы, при активнейшей роли английского империализма в событиях, положиться никак нельзя. Ряд сведений нуждается в уточнении, другие — в проверке. В таких условиях от исследователей нельзя требовать законченной картины, и мы будем вынуждены обратить основное внимание на анализ причин, вызвавших гражданскую войну, а также попробуем раскрыть в пестром узоре племенной розни, религиозных конфликтов и реакционных лозунгов основные линии классовых противоречий, какую бы внешнюю форму они ни принимали, какими идеологическими покровами ни облекались.

Развертывание гражданской войны в Афганистане дает любопытное сочетание двух сил, в одинаковой степени стоящих еще у порога капиталистического развития. Одной такой силой являются выступления окраин, точнее, окраинных земледельческих или полужемледельческих племен, впервые приводимых в подчинение центральному правительству. Другой силой является стихийное, но тем не менее бурное недовольство крестьянства, таких областей Афганистана, каковые давно замиренны, где уже сложилась помещичья собственность, где цены на землю достаточно высоки и где налоговая эксплуатация сочетается с помещичьим гнетом. Итак, с одной стороны племенное движение окраин, под руководством своих ханов, вождей и старейшин при сильном влиянии духовенства. С другой стороны — движение крестьянства, нашедшего своих вождей отчасти в главарях бандитских отрядов (сам Бача-Сакау; его главный военный министр Сейд-Гуссейн-Черикари), отчасти же подчиненного руководству правоверной мусульманской поповщины, с которой объединены и некоторые помещичьи слои. И, как мы увидим ниже, правительство «слуши веры пророка божьего» — так именуется Хабибулла—Бача-Сакау — доволь-

по радикально разрешив вопрос о снижении налогов, оставило в полной неприкосновенности земельные отношения и помещичью собственность. Само собой разумеется, что нельзя проводить резкой и окончательной грани между тем и другим движением. Они связаны между собой рядом неуловимых градаций, ступеней, переходов. Так крестьянство горных долин Горбенда и Пяндшира (кугистанцы), выпесившее на гребне своего стремительного выступления Бачу, для боевых и других целей, пользуется старой формой племенного объединения, выступает в качестве кугистанских племен. И здесь, значит, тоже племенная форма движения. Но содержание его остается различным для окраин, которые впервые испытали тяжелую руку сборщика налогов, и для тех областей, которые поднялись не потому, что с них брали налог (их предки платили его еще во времена империи Великого Могола), но потому что налог этот невыносимо тяжелый. Окраинные племена опять-таки нельзя подводить под единый ранжир. В первой главе нами были даны описания экономического быта ряда племен Хоста и других областей юго-восточного Афганистана. Одни из них земледельцы, другие скотоводы, третьи сочетают то и другое, четвертые связаны с кочевой торговлей и обслуживанием вьючного транспорта. Но важно одно, — эти племенные силы в основном выступают, как силы центробежные. Их программа чисто отрицательная — вернуть себе прежнюю племенную вольность, добиться отмены налогов, уничтожить всеобщую воинскую повинность, восстановить цветущие времена кочевой торговли и вьючного транспорта — вот основные их требования. И они в значительной мере отвечают изолированному характеру горных твердынь Сефид-Куха и северного склона Сулеймановых гор в районе Хоста. Еще в 1913 г. Хабибулла-хан пытался привести обязателей Хоста к регулярной уплате налога. Но восстание опрокинуло этот план. Одной из причин, толкнувших племя шинвари на восстание против падишаха Амануллы в ноябре 1928 г., было обложение их налогом, в то время как прежде это племя никаких налогов не несло, так как предполагалось, что оно несет службу по охране безопасности дороги Кабул-Хейберский проход, на участке между Джелалабадом и Даккой. Как мы знаем, такие же полуфеодалные отношения существовали между центральной властью и другими племенами. Они не платили налогов, но были обязаны воинской службой, разверстка рекрутов производилась по племенам, их сводили в племенные войсковые соединения под командой своих же старшин и ханов. Наконец, племенная аристократия получала субсидии и пособия из Кабула; политика подкупа сочеталась с наличием афганских гарнизонов в основных стратегических пунктах племенной полосы юго-восточного Афганистана. На смену этой робкой, если угодно, осторожной политике кабульских эмиров, которые лишь весьма медленно и постепенно укрепляли свое влияние среди племен, — пришла на смену

решительная линия младо-афганского правительства. Постройка дорог, усиление власти чиновников, светский суд и первые светские школы, а наряду с этим самое решительное усиление налогов, всеобщая воинская повинность, готовящаяся перепись населения для этой же цели, введение паспортной регистрации кочевников — вот совокупность мероприятий, которые неизбежно должны были закончиться конфликтом. Нельзя обвинять младо-афганцев в том, что они впервые по настоящему принялись за централизацию афганского государства. Но кампания за подчинение и централизацию окраин исторически совпала с резким обострением отношений с крестьянством в коренных областях Афганистана. Между движением Бача-Сакау и пугачевщиной нельзя проводить параллелей, хотя бы потому, что первый оставил в неприкосновенности помещичью собственность, а второй вешал не только чиновников Екатерины II, но и помещиков-крепостников. Но одна черта сходства имеется. Там и здесь сочетаются движения крестьянства центральных областей с движением окраин. Казачество и племена приволжских окраин составили кавалерию Пугачева. Таким же образом первый и наиболее сильный удар, отвлекший всю силу Амануллы из Кабула на восток, нанесло восстание окраинных племен шинвари и отчасти момандов. Лишь после этого кугистанцы, во главе с Бачей, смогли захватить столицу как бы силой.

Комбинация обоих движений, в первое время развивавшихся как бы параллельно друг другу, чрезвычайно ослабила армию. Можно сказать, что падишах Аманулла, в отличие от всякого благоприличного деспота, «насаждавшего» просвещение «варварскими методами в варварской стране», упустил из виду все значение создания вооруженной силы, в достаточной мере изолированной от крестьянства и не в меньшей мере оторванной от племенной основы. Племенные формирования еще с грехом пополам можно было использовать для подавления крестьянских бунтов или аграрных волнений. Они в общем сохраняли свое значение и для борьбы с британским империализмом. Но за разрешение задачи подчинения себе окраин, имея кроме того перед собой все признаки острого назревающего конфликта с крестьянством, нельзя было и братья, не создав особой вооруженной силы, которая слепо шла бы за падишахом-централизатором. Невольно вспоминается блестящее место у М. Н. Покровского, как Петр I, — а он имел куда более солидную социальную базу, чем афганский падишах, — заставляя часами мокнуть под дождем помещичью знать и высших чиновников в ожидании бала или приема, ни на одну минуту не задерживал развода гвардии, своих верных Семеновского и Преображенского полков. Но младо-афганцам, кстати, везде и повсюду подчоркивавшим свое восхищение петровскими реформами, не надо было обращаться к истории XVIII века за поучительными примерами. Сумел же

в соседней Персии удачливый диктатор выковать себе крепкое ядро вооруженных сил, получившее закал не только в борьбе с окраинными феодалами, но и в кровавых усмирениях крестьянских движений. Так или иначе, афганское правительство этого не сделало. Одним своим боком организация вооруженных сил упиралась в старую племенную основу, а другим впитывала в себя пауперизированное крестьянство, так как сколько-нибудь состоятельные слои в армию не шли, нанимая вместо себя рекрутов. Армия была в загоне. Войскам по месяцам не платили жалованья. Дезертирство принимало массовые размеры. С ним приходилось бороться средневековыми приемами, вроде круговой поруки деревни или племени за каждого выставленного рекрута. Офицерский состав с одной стороны носил племенной характер (большинство высшего командного состава — из клана мухамедзаев — эмирского клана дюррани), с другой — был разбавлен торговой буржуазией, покупавшей своим младшим сынам офицерские патенты, а с третьей — впитывал всевозможных любимчиков и придворных фаворитов. По сообщению немецких газет, командиром лучшего и образцового кабульского корпуса во время событий 1928 г. оставался некий Магомед-Сами, беглый турецкий унтер-офицер, сторонник рукоприкладства и палочной дисциплины, выдвинутый на высокий пост лишь за качество придворного шутовства и другие подобные заслуги. О реорганизации армии в Кабуле вспомнили только тогда, когда грянули громы 1928 года. Тогда правительственный официоз «Анис» с сожалением отмечал, что правительство «совершенно не интересовалось организацией специальных войск для охраны внутренней политики и внутреннего порядка». Эта же газета подчеркивает, что «охрана внутреннего порядка и внутренней политики имеет большее значение, чем поддержка внешней политики». В этой же статье мы читаем вполне обоснованные соображения, что «солдат или полицейский, который только год или два тому назад вышел из тех же самых слоев населения и стал на службу правительству, еще не отстал от мыслей и понимания, воспринятых им в семье или племени, и в случае столкновения правительства с этим племенем он весьма вероятно станет на сторону последнего» («Анис», ноябрь 1928 г., № 25—47). Предсказания «Аниса» оправдались на все 100%; армия оказалась одинаково непригодной как для борьбы с окраинными племенами, так и для подавления крестьянских движений.

Прежде чем перейти к событиям 1928 года, остановимся на тех движениях, каковые были как бы репетицией будущей гражданской войны. Основное значение имеет Хостинское восстание 1924/25 г. Ему предшествовал известный период идеологической подготовки, охвативший не только окраины, но и такие центры, как Кабул и Кандагар. Приводим перевод одной из прокламаций, расклеенных в конце 1923 г. в Кабуле. Надо кстати сказать, что появление этих прокламаций

странно совпало по времени с резким обострением англо-афганских отношений в декабре 1923 г. (см. гл. «Международное положение Афганистана»). Прокламация дословно гласит следующее: «Эмир обещал в первый год своего царствования не расходовать казны, не брать недоимок, оставшихся со времени его отца; уменьшить налог на дома, хорошо оберегать честный шариат. Таким образом, он дал несколько обещаний, а теперь поступает вопреки обещанию; во-первых, он сооружает новый город, положив ему имя Аль-Аман, к которому строят шоссе и расходуют на это дело сотни тысяч рупий; со всех сторон привел эмир чужие посольства и расходует на них каждый год 20 миллионов рупий; налоги на дома увеличил вдвое, наших детей отправил в чужие края, откуда все они вернутся неверными; наконец, эмир пожертвовал честным шариатом. С давних пор уставы были в сердцах каждого. О, эмир, почему ты отказался от честного корана, почему ты дал женщине право (жить) по собственной воле? Где же осталась честь женщины и шариат? Наконец, почему вы насильно берете в солдаты?» Здесь уже намечена та основная идеологическая линия, которая на первое место ставит порчу шариата, нарушение устоев правоверия и «еретические» бытовые реформы, хотя наряду с этим упоминается увеличение налогов и введение всеобщей воинской повинности.

Хостинское восстание, охватившее племена мангаль, джаджя, джадра, зурмат, а отчасти сулейман-хейль и тут-хейль, эти две ветви гильзайского племени, вспыхнуло в марте 1924 г. Хост представляет собой область горного земледелия, глубоко врезающуюся в зону независимых пограничных племен, между долиной Курама и Вазиристаном. Можно сказать, что область эта лишь впервые при Аманулле была окончательно подчинена центру.

Повстанцы, руководимые муллами, Абдулла-Ленгом и Абдур-Рашидом, выставили следующие основные требования: 1) отменить новое законодательство, разрушающее основы древней общины; 2) уменьшить налоги; 3) немедленно удалить из Кабула всех европейцев, которые обманывают эмира и грабят народ; 4) закрыть в Кабуле женскую школу, так как по Корану не полагается, чтобы женщины обучались, кроме священного Корана, всяким наукам неверных; 5) назначить новое правительство и возобновить прежнюю свободную торговлю с Индией (отмена лицензий, таможенных ограничений). Требования отражают связь племен со скотоводческой торговлей, а с другой стороны — ярко обнаруживают крестьянский характер движения. Так, в частности, это относится к требованиям уменьшить налоги и восстановить «основы древней общины».

Восстание племен Хоста, всемерно поддержанное британским империализмом, а отчасти прямо руководимое им, через верхушку мулл и племенных вождей, а потом и путем посылки Абдул-Керим-хана,

приняло весьма опасные размеры. Предложенное правительством перемирие и переговоры не увенчались успехом. Начались военные действия. С большим трудом эмир Аманулла сосредоточил войска, которым удалось ликвидировать попытки повстанцев выйти из Хоста в сторону Кабула через Альтимурский перевал. В мае 1924 г. восстание было локализовано.

Правительству удалось во всяком случае предотвратить присоединение независимых племен границы, в частности, махсудов и вазиров. Сравнительно быстрый исход, однако, не удовлетворял невидимого режиссера афганской гражданской войны. Была сделана еще одна попытка оживить события. В августе 1924 г. среди племен неожиданно появился Керим-хан, сын эмира Якуб-хана и внук Шир-Али-хана, жившего до этого времени в городе Бенаресе на английской пенсии. Неожиданное появление этого английского пенсионера, пробовавшего в Афганистан, при явном попустительстве со стороны пограничных властей Индии, показало эмиру, что борьба ведется не только против реформ, но и лично против него. Впоследствии, после подавления восстания, Керим-хан, взятый в плен правительственными войсками, с полной откровенностью объяснил, что он был послан англичанами. Появление Керим-хана не внесло существенных изменений в ход военных действий. Благодаря горному характеру местности и наличию в руках повстанцев обильных запасов оружия и снаряжения, доставленных из-за рубежа, окончательная ликвидация восстания затянулась почти на годичный срок. В отдельные периоды (зима 1924 г.) восстание принимало характер, явно угрожавший целостности афганского государства. Отдельные отряды мангаль и джадран приблизились на расстояние 80 килом. к столице, где царил всеобщий паника. Правительство не задумалось впервые в истории Афганистана прибегнуть к широкому формированию из национальных меньшинств (таджиков и хезарейцев) и направило их на борьбу. Одновременно были впервые применены боевые аэропланы. К началу 1925 г. Хост был занят правительственными войсками и восстание ликвидировано.

Хостинское восстание только пробило крупную брешь в афганских финансах, заставив правительство отказаться от целого ряда намеченных вложений в ирригационную сеть и промышленность, но также привело к попытке компромисса. В оценке этого компромисса основным является то, что младо-афганцы, оставив без всякого внимания основные крестьянские требования повстанцев, в известной мере пошли навстречу интересам косного духовенства. В июле 1924 г. в Кабуле было созвано всенародное представительное собрание, Джирга, для решения вопроса о реформах. Самый состав собрания, на одну ~~треть состоявшего из духовенства~~, улемов, сейдов и шейхов, предвещал резко отрицательное отношение к реформам. Уступки падишаха Амануллы носили демонстративный характер возврата к строгому

правоверию и включали: 1) восстановление многоженства; 2) закрытие женских школ; 3) в судебные учреждения по должностным преступлениям введены мусульманские закоповеды — казии и муфтии (стремление духовенства к прежней монополии в суде); 4) назначение на государственную службу лишь лиц, твердых в исламе; 5) иностранные языки могут преподаваться лишь лицам взрослым и притом прошедшим курс религиозного образования; 6) учреждаются особые трибуналы под названием «Управление общественной нравственностью», во главе с мухтасибами или особыми контролерами, на коих возложено наблюдение за выполнением всех правил ислама; 7) учреждены в Кабуле и губернских центрах духовные управления; в Кабуле же организованы два духовных училища и особое ученое учреждение для «охраны устоев шариата». В свою очередь, Джирга выступила на поддержку правительства и в особом манифесте указала, что «мы исправили эти вопросы, согласно ханифитского толка шариата, так что эти вопросы не могут оставлять теперь никаких сомнений в сердцах всего населения и афганских улемов. Поэтому всякий, выступивший с оружием в руках против правительства или издаваемых им законов, подлежит суровому наказанию». Как пишет Бюллетень Прессы Среднего Востока (январь 1929 г., вып. 2-й), «решениями Джирги не удовлетворены были в первую очередь англичане, выдвинувшие претендента на афганский престол в лице Абдул-Керима, весь век свой прожившего пенсионером англичан в Индии. Но было уже поздно. Энергичный военный нажим правительства и уход племени сулейман-хейль в Индию доказали восстание».

Хостинское восстание показало, во-первых, слабость армии, ее весьма низкую боеспособность в борьбе с племенами; во-вторых, готовность правительства идти на компромисс с реакцией, а не с крестьянством, в минуту кризиса и опасности; в-третьих, несерьезный, а лишь демонстративный характер этих уступок. На протяжении трех лет они целиком были взяты обратно, и к осени 1928 г. реформы, резко заостренные против духовенства, достигают своей кульминационной точки. Но история не повторяется, и то, что удалось младоафганскому правительству летом 1924 года, не удалось ему в январе 1929 г., когда исторический декрет падишаха Амануллы об отмене реформ не только не остановил движения кугистанцев на столицу, но и не отколол от восстания мусульманской поповщины. Вообще говоря, раскалывать движение, в основной своей массе крестьянское, таким манером, чтобы привлечь на свою сторону лишь его идеологическую верхушку — мусульманскую поповщину, — не сулило прочной основы дальнейшим реформам.

Наряду с Хостинским окраинным движением за последние три года наблюдались отдельные вспышки крестьянских волнений и в важнейших земледельческих областях Афганистана. В Катагано-Бадах-

шанской провинции (Шугнан, Минджан и Горан), в Гератской провинции (в Чакчеране), в Кандагарской провинции (в районе Земиндара), наконец, в Лагмане (южная, Джелалабадская провинция) и в ряде других мест (список приводим по Бюллетеню Прессы Среднего Востока за декабрь 1928 г.). Вспышки эти до поры до времени легко подавлялись правительственными войсками и вырождались в бандитизм. «Отчет о моральном и материальном прогрессе Индии» за 1925/26 г. (стр. 209) отмечает подобную же, очевидно, довольно серьезную вспышку в районе Кух-и-Дамана, под Кабулом. Одновременно начинает расти и бандитизм. Целый ряд шаек нападают на хакимов, на сборщиков налогов и ускользают, пользуясь сочувствием крестьян. На борьбе с бандитизмом сказывается и расхлябанность правительственного аппарата. Отдельные чиновники вступают в негласное соглашение с бандитами, при условии дележа прибылей. Усиливается и дезертирство в войсках. Иногда дезертируют целые части с командным составом. Особой смелостью налетов отличаются две шайки, оперировавшие в Кугистане и долине Черикара — это шайки таджиков Бача-и-Сакау и Сейд-Гуссейна-Черикари, крестьян по происхождению, сыгравших в 1928 г. роль вождей кугистанского движения.

Слабость правительства падишаха Амануллы заключалась не только в том, что оно не располагало армией пред лицом поднимающихся окраинных и крестьянских движений. Как мы помним, диктатура младоафганцев была весьма верхушечным образованием, и устойчивость этой диктатуры определялась, не говоря о массах крестьян, отношением феодально-помещичьего класса, из недр которого вышел переворот 21 февраля 1919 г., и поддержкой торгового капитала, в чьих интересах прежде и больше всего лежала новая политика модернизации и реформ. Между тем, к осени 1928 г. все глубже обнаруживаются трещины, отколовшие правящую верхушку от своей традиционной основы. Этот отрыв яснее всего можно проследить на созыве Всеафганской Джирги, состоявшейся 29 августа — 2 сентября 1928 г. в Кабуле. На Джирге правительство падишаха Аманулла (кстати, и сам он только вернулся из европейской поездки) выступило с более или менее отчетливой политической программой. С другой стороны, сама Джирга, созданная на основе выборности с более или менее демократическим составом представителей, а в особенности проекты реформ государственного устройства, предложенные Джирге, безусловно представляют собой попытку младоафганцев найти новую точку опоры в стране, создать себе поддержку и популярность в широких массах.

Пред Джиргой (между прочим, все ее делегаты, числом более тысячи, были уже переодеты в платье европейского образца, чего удалось достигнуть не без применения полицейских мер) сам падишах и его министры выступили с рядом предложений. Новые реформы в основном сводятся к следующему: 1) упразднение Государственного Совета

и создание вместо него выборного Народного Совета или парламента, в составе 150 депутатов, с полномочиями на три года, при продолжительности ежегодной сессии в 8 месяцев. Выборы прямые, вопрос о всеобщем их характере, о требованиях ценза и т. д., на основе имеющихся в нашем распоряжении материалов, не удалось вполне выяснить. Кворум составляют 81 депутат. Пассивным избирательным правом не пользуются чиновники, офицеры, купцы-банкроты, лица, приговоренные к тюремному заключению на срок свыше 3-х лет, иностранно-подданные, так же, как и афганцы, перешедшие в иностранное подданство. По сообщению кабульского корреспондента ТАСС, «активного и избирательного права лишаются лица моложе 20 лет и неграмотные». Таким образом устанавливается образовательный ценз — грамотность, что, кстати, должно было сузить круг активных избирателей процентов до 10 общего числа мужского населения. Любопытно, что правительственный проект, предусматривавший лишение купцов пассивного избирательного права, был в силу настояний Джирги изменен таким образом, что лишение распространяется только на купцов-банкротов.

2) Новый закон о престолонаследии, согласно которому последником престола считается старший сын падишаха, а таким образом царствующий падишах лишается права самому выбирать себе наследника, как это устанавливалось старым афганским обычаем.

3) Реорганизация армии на основах всеобщей воинской повинности, которой подлежит все мужское население. Призыву подлежат лица, начиная с 17 лет; срок службы трехлетний; на учете состоит все мужское население от 7 до 70-летнего возраста. Откуп от военной службы или поставка рекрутов вместо себя карается по закону.

4) Отмена всех титулов, чинов, рангов, военной и гражданской парадной формы, а также всех орденов и знаков отличия, кроме ордена независимости, жалуемого за боевые заслуги.

5) Новый уголовный и уголовно-процессуальный кодекс, а также положение о Главном Ревизионном управлении, целью которого является борьба со взяточничеством. Для борьбы со взяточничеством кроме того приняты следующие меры:

а) на каждого чиновника при поступлении его на службу, заводится особый лист, где отмечаются его доходы и расходы;

б) Народный Совет установит особым законом максимальное количество домашних слуг, которое разрешается иметь чиновникам;

в) государственные служащие, под страхом ответственности, не имеют права делать долгов;

г) устанавливаются взыскания за преступления по должности.

6) Постановление о том, что муллы должны выбирать особые свидетельства на право произнесения проповедей. Проповедь без валичия такого свидетельства от властей влечет уголовную кару.

Для оплаты военных заказов, произведенных за границей, — по сообщению падишаха, закупленных во Франции 53 тыс. винтовок недостаточно, нужно еще 50 тыс. винтовок, — вводится чрезвычайный налог в размере 5 рупий афгани, вносимый всеми афганцами, достигшими 15-летнего возраста. Государственные служащие вносят месячный оклад.

Правительство выступило с рядом разъяснительных речей и докладов, где обосновывалась необходимость дальнейшего строительства промышленных предприятий, необходимость бытовых реформ, при довольно резких выпадах против духовенства. Однако, вопрос о снятии паранджи или хотя бы замене ее легкой вуалью (сейчас афганская женщина закрыта безобразным балахоном, прикрывающим ее в роде савана с головы до ног), так же, как вопрос об открытии госбанка и о санкционировании Джиргой железнодорожного и промышленного строительства, были сняты без обсуждения, в виду выяснившегося резко оппозиционного настроения Джирги. Это настроение проявило себя и при провале другого правительственного проекта, а именно — об установлении брачного возраста для женщин в 18 лет, для мужчин — в 20 лет. Это предложение, внесенное лично эмиром, было единогласно отвергнуто Джиргой. После этого правительство пыталось добиться создания более удобного органа, имеющего, однако, авторитет представительного учреждения, путем выделения Джиргой 150 делегатов, которые тогда же образовали бы Народный Совет. Джирга отказалась выбирать делегатов в Народный Совет, сославшись на формальную причину: выборы в Народный Совет прямые, должны производиться всем народом, а не Джиргой. После этого, собравшись еще один раз 2-го сентября для утверждения нового государственного флага и герба, Джирга была объявлена распущенной.

Неожиданный роспуск Джирги был более чем понятен при создавшемся положении. Если присмотреться к новым предложениям реформ и оценить их с точки зрения интересов важнейших классов афганского общества, то очевидно, что они не удовлетворяли ни помещичье-клерикальную реакцию, ни торговый капитал, не давая в то же время ничего существенного широким слоям скотоводов и крестьян.

Как указывалось выше, купечеству падишах угрожал введением монополии внешней торговли, пытался лишить купцов избирательного права, отказал в учреждении частного банка, выдвигая в противовес ему банк государственный. Все дальнейшие выгоды от поставок, подрядов и других операций, связанных с железнодорожным строительством, отчасти же — с промышленным, с банковскими операциями и т. д., должны были быть поделены между узкой правящей верхушкой и иностранным капиталом. Предложенная программа реформ включала в области экономики ряд серьезнейших концессионных уступок (железные дороги), а появление многочисленных иностранных специалистов

и инженеров показывало, что программа, намеченная младо-афганцами, не останется на словах. Джигра углубила трещину между торговым капиталом и правительством. О духовенстве говорить ничего. Эта группа монополистов — интеллигентов старого Афганистана была решительно выбита из седла. Бытовые реформы, широкое развитие образования, наконец, ряд мер, прямо направленных против реакционного духовенства, как выборка лицензий и т. д., — ясно показывали, что правительство идет на решительную борьбу с мусульманской попщиной.

Феодално-помещичий класс не видел в реформе ничего, кроме опасных и совершенно ненужных нововведений. Создание более или менее демократической системы выборов в Народный Совет, ломка старого строя, борьба с взяточничеством, составлявшим одну из доходнейших статей помещичьих сынков и самих помещиков на государственной службе, решительная централизация, европейское образование — все это если прямо и не подрывало важнейших экономических интересов, связанных с сохранением крупной земельной собственности, тем не менее создавало вполне достаточные основания для недовольства, враждебности, резко оппозиционных настроений. Здесь Джигра только обострила положение, выявила наличие противоречий, накопленных за последние десять лет.

А что же давали реформы, и в частности самые последние, широким массам населения? Положительной стороной их является решительная кампания по борьбе со взяточничеством и демократизация государственного строя. И раньше проводились кампании по борьбе со взяточничеством, но они не приводили, да и не могли привести ни к каким немедленным результатам. Этой одной реформой, пытавшейся ограничить поборы и грабежи госчиновников, нельзя было проложить моста к крестьянским массам, находившимся накануне вооруженного восстания. Что же касается демократизации государственного строя, введения выборности, ограниченной, кстати, для активных выборщиков 10 процентами населения, то, в условиях полицейской диктатуры, малой грамотности населения, его зависимости от феодално-помещичьих слоев, — начатки парламентаризма, как то показывает опыт Персии, решительно ничего массам не дают. Между тем одновременно правительство еще усилило налоговый нажим (чрезвычайный налог на военные нужды) и наконец решилось на введение всеобщей повинности, лишившей племена их старого права самим поставлять рекрутов.

После краха режима Амануллы европейская журналистика пыталась все объяснить на идеалистический манер. Решающее значение приписывалось бытовым реформам, — снятию чадры отдельными придворными афганками, посылке афганских девушек за границу, введение европейской одежды и кепки на смену традиционному халату,

пышной чалме и туфлям с загнутыми концами. Причину же этих реформ находили не менее основательной. — Падишах, дескать, поехал в Европу, посмотрелся заграничных новинок, ему все это понравилось — ну, он и решил переделать Афганистан на тот же манер, как Кемаль это проделал в Турции. Один немецкий журналист писал, что ничего не принесло такого вреда, как две недели личного общения падишаха Амануллы с Мустафой-Кемалем. История, не представляет правоучительной повести о хороших или плохих монархах, их удачных или неудачных царствованиях. Афганские реформы связаны с определенным экономическим процессом, который имеет по крайней мере пятидесятилетнюю давность. Из самой установки реформ, а она опять-таки исторически обусловлена, вытекала неизбежность величайших конфликтов и классовых противоречий. Реформы, так, как они строились, вели с одной стороны к неизбежному отрыву правящей узкой верхушки от своих феодально-помещичьих устоев; с другой стороны — назревали крестьянские восстания. При таких условиях европейская поездка падишаха и ускоренный темп развертывания модернизации только обострили положение. Силы, которые все равно рано или поздно вышли бы наружу, проявили себя быстрее, все течение кризиса приняло стремительный оборот. Более осторожный темп модернизации, задержка бытовых реформ и т. д. лишь отодвинули бы развязку, не устранив, однако, причин, лежащих в самой основе слабости младоафганского режима (отношения с крестьянством).

Первая попытка восстания даже предшествует роспуску Джирги. 30 августа из Кабула бежали в Хост два видных представителя мусульманской поповщины — Ага-и-Гуль Хезрет-и-Шур-Базар, наиболее авторитетный из духовных лиц Афганистана, и с ним вместе — мулла Абдур-Рахман, председатель кассационного суда при министерстве юстиции. Оба беглеца были задержаны, доставлены в Кабул, Абдур-Рахман казнен, Хезрет-и-Шур-Базар приговорен к смерти, но приговор так и не был приведен в исполнение. Одновременно была раскрыта довольно обширная реакционно-поповская организация. При первой опасности восстания в Хосте на юг была двинута гвардия Амануллы. В правительстве же начались колебания. Падишах предложил образовывать кабинет известному реакционеру и англофилу Шир-Ахмет-хану. Но широкого движения в Хосте не произошло. Тогда падишах заявил, что будет лично вести дела, назначив своим постоянным заместителем Магомед-Вали-хана. Вскоре последовал созыв дурбаров. Эти чисто совещательные органы, созываемые из высшего чиновничества и офицерства, кабульской знати и купечества, должны были придать реформам ту демократическую авторитетность, которой не удалось получить на Джирге. Дурбары утвердили ряд бытовых реформ, как снятие чадры, был оглашен план железнодорожного строительства, решено основание государственного банка, установлено совместное обучение мальчиков и девочек в низших школах.

Для промежуточного периода между Джиргой и восстанием характерными являются, во-первых, попытка образовать реакционный кабинет во главе с Шир-Ахмет-ханом, во-вторых, противоставление дурбаров Джирге при затяжке выборов в намеченный Народный Совет.

Последующие четыре месяца были решающими для младо-афганского правительства. Для ясности картины предположим основную канву событий. 13 ноября началось восстание одного из кланов племени шинвари (район Дарей-и-Назиана). Восстание быстро разрослось и приняло угрожающие размеры. Джелалабад был осажден. Правительственные войска, значительно усиленные подкреплениями из Кабула, удерживали линию Гандамак—Нимла, препятствуя дальнейшему распространению движения на север. В этот же период широкую огласку получает деятельность видного агента английской «Интеллидженс-Сервис», полковника Лоренса. Индийская, французская и немецкая печать устанавливает, что Лоренс находится под именем механика королевских воздушных сил Тома Шоу на афганской границе, что он ведет образ жизни, явно несоответствующий его скромному положению, что в его распоряжении находятся крупнейшие денежные средства. Афганское правительство отдает приказ об аресте Лоренса, буде он окажется на территории эмирата. Под влиянием сделанных разоблачений английское правительство отзывает Лоренса из Индии. Одновременно в пограничной полосе Индии невиданно снижаются цены на магазинные винтовки и боеприпасы к ним. Английские таможенные власти отнюдь не препятствуют широкой переброске оружия через афганскую границу. Из Индии в Афганистан, и притом в район, охваченный восстанием, проникает сердар Омар-хан, подобно Абдул-Кериму (см. Хостинское восстание), долгое время живший на английскую пенсию под надзором пенджабских властей. Между тем Кабул вступает в переговоры с племенем шинвари, к которому частично присоединились и моманды. Исторический фирман Амануллы от 10 января 1929 г. об отмене реформ в основном имеет в виду удовлетворение требований окраинных племен. К концу декабря ханы племени шинвари прибывают в Кабул для личных переговоров. По сообщению Бюллетеня Прессы Среднего Востока (вып. 2-й за январь 1929 г.), «5-го января в Джелалабаде было заключено официальное перемирие, и тогда же в переговорах повстанцы выдвинули требование ликвидации реформ, отмены воинской повинности и сохранения прежних прав в области самоуправления». Несмотря на интриги британского империализма, Кабул был на пороге того, чтобы добиться компромисса с окраинными племенами, правда, на основе крупнейших уступок, включавших отмену всеобщей воинской повинности, установление сената из мулл и племенных ханов, в качестве контролера над правительством, возвращения духовенству его важнейших привилегий.

Между тем, наряду с восстанием окраинных племен, в непосредственной близости к Кабулу вспыхнуло движение кугистанцев, в основной своей массе — крестьян. И в какой бы степени британский империализм ни был связан с разработкой блестящего стратегического плана — бросить кугистанцев с тыла на Кабул именно в ту минуту, когда основные силы правительства отвлечены на Восток, соединение племенных окраинных движений, с движением крестьянства в центре, представлялось исторически неизбежным. Сочетание этих двух сил, выступивших на первых порах совместно, сломило хребет централизованного правительства. Уже в октябре месяце значительно усиливаются действия бандитских шаяк в Черикаре. Ими разгромлен склад оружия в окрестностях Кабула. 14-го декабря крестьяне-кугистанцы, влившиеся в шайки Бача-Сакау и Сейд-Гуссейна, общим числом в несколько тысяч человек, вооруженные большей частью дубьем, в меньшей — винтовками, подходят поздно вечером к Кабулу в качестве мобилизованных на борьбу с племенами. Неожиданным движением кугистанцам удается захватить предместье Кабула, значительные склады оружия, занять командующие столицей горные высоты. Почти месяц продолжается отчаянная борьба за Кабул. Правительство широко использует племенную рознь. Против кугистанцев направляют шиитские племена хезарейцев, отчасти и южные племена. В этот же период британский империализм открыто демонстрирует как свое абсолютное нежелание считаться с положением Афганистана в качестве независимого суверенного государства, так и свою связь с теми, кто борется против режима младо-афганцев. Английские военные самолеты поддерживают связь между британской миссией, оказавшейся в районе расположения кугистанцев, и Пешавером. Ими разбрасываются прокламации, содержащие наряду с агитационным обращением к «дружественному, храброму, религиозному афганскому народу» прямые угрозы интервенции. Образец такой прокламации, из числа разбрасывавшихся 9 декабря 1928 г., заслуживает быть полностью воспроизведен.

«Дружественный, храбрый, религиозный афганский народ! Вы хорошо знаете, что Британия с давних времен была другом и доброжелателем афганского народа и Афганистана и всегда одобрительно смотрела на прогресс и процветание их.

Британия до того времени, пока ее миссия в Кабуле и консульства в Джелалабате и Кандагаре будут в безопасности, — так как охрана и уважение ко всем миссиям подтверждаются всеми священными преданиями, уважаемыми законами ислама и международными обычаями, — не предполагает вмешиваться в Ваши внутренние дела.

Если же с вашей стороны, т. е. со стороны афганского народа, будут произведены какие-либо насильственные действия против британских служащих или зданий консульств и миссий, то мы предупреждаем вас, что Британское правительство примет все меры для воз-

мещения всякого рода ущерба, нанесенного ее служащим и имуществу».

В других прокламациях, за подписью Остина Чемберлена, английское правительство, минуя им же самим официально признанное правительство Афганистана, обращается с угрозами кар и возмездия ко всякому, кто причинит вред английскоподданным. Тщетно афганский офицоз «Анис» взывает к нормам международного права и жалуется на то, что «население города и деревень раздражено этими совершенно бессмысленными поступками англичан. И действительно, никакой мусульманин, а особенно афганец, не может согласиться, чтобы военные самолеты правительства, которые уже в течение 10 лет возводят на нашей границе укрепления, прилетали бы в нашу столицу, так как мы знаем, что всякий шаг этого правительства направлен против нас» («Анис» от 13 декабря 1928 г.). Между тем, для английской миссии нахождение в зоне военных действий кроме бытовых неудобств имело крупнейшие политические выгоды. Как об этом весьма откровенно оповестил сэр Остин Чемберлен с трибуны Палаты Общин, уже 14 декабря, т. е. накануне внезапного нападения кугистанцев на Кабул, их вожди были у английского посла, сэра Френсиса Хэмфриса, чтобы заверить его в своих дружеских чувствах и подчеркнуть, что английским представителям не грозит никакая опасность. Буржуазная печать комментировала это сообщение в том смысле, что если опасность и грозит, то только турецкому и советскому посольствам. Будущий историк, по всей вероятности, найдет чрезвычайно много интересных подробностей об истинном характере дружеского контакта между вождями кугистанцев и сэром Френсисом Хэмфрисом в донесениях английского посла из Кабула за этот период.

Военная борьба за Кабул продолжалась с переменным успехом. Одно время правительственным войскам удалось значительно потеснить повстанцев. Но агитация Бачи оказывает свое разлагающее действие на войска. 13 января 1929 г. Бача-Сакау прорывает фронт, на его сторону переходит ряд частей, другие перестают повиноваться офицерам. В ночь на 14 Аманулла отрекается от престола в пользу своего старшего брата Инайатуллы. Группа мулл отправилась из Кабула по поручению Инайатуллы с предложением перемирия. Бача-Сакау наотрез отказался. К 15 весь Кабул в руках повстанцев, Инайатулла сдается и при посредничестве английского посла выговаривает себе право отъезда через Индию в Кандагар, куда еще 14 числа бежал Аманулла с несколькими приближенными.

Провозглашение Бача-Сакау эмиром кабульским с титулом эмира Хабибулла-Гази, «слуги веры пророка божьего», в свою очередь повлекло аннулирование Амануллой уже в Кандагаре своего отречения. Такова в самых главных чертах первая стадия гражданской войны.

Следует в особенности подчеркнуть некоторые характерные черты этого периода. Британский империализм в это время в одинаковой сте-

нени поддерживает всякое движение, направленное против централизованного правительства, не разбирая между окраинными племенами и кугистанскими крестьянами. Основная цель английской политики могла считаться достигнутой отречением Амануллы. Возвращение Инайатуллы к власти как нельзя более соответствовало бы видам правительства Индии. Пассивный, податливый внешним влияниям, близкий реакционному духовенству, известный своим правоверием, этот принц мог бы явиться послушным орудием, каким был его покойный отец. Воспарение Инайатуллы, захват власти над правящей верхушкой в центре, вместе с тем сразу же превратило бы весь Афганистан как бы в зону английского влияния, что представляло бы значительные преимущества по сравнению с методом отрывания по куску южных, пограничных провинций, к чему английская политика вероятно попытается прибегнуть, если гражданская война примет неблагоприятный для нее оборот или чрезмерно затянется. Статьи руководящих органов английской буржуазной печати, не скрывавшие своего восхищения приходом к власти «законного наследника» Инайатуллы, могут послужить уместным комментарием к высказанным выше соображениям. Однако социальные силы, вызванные движением кугистанцев, хлынули дальше, чем это диктовалось бы интересами иностранного капитала. У власти Кабула оказался не Инайатулла, а Бача-Сакау. Еще некоторое время спустя сэр Фрэнсис Хэмфрис, и ближе всех связанный с верхушкой кугистанцев и более других скомпрометированный этой связью, пытался направлять политику по линии превращения Бачи в основной, если не единственный, опорный пункт английского влияния в Афганистане. Вождю кугистанцев было предложено возобновление старого договора об английском протекторате, разумеется, при соответственной субсидии. Было достигнуто соглашение об организации воздушной почты к Пешаверу на английских военных самолетах. Шла речь о привлечении английских инструкторов в армии. На отказ от независимости новый эмир Кабула все же не пошел. С другой стороны, Форейн Оффис очевидно сомневалась в возможности объединения Афганистана под властью таджиков. Наконец, правительство, вынесенное на гребне стихийного крестьянского движения, каким бы реакционным оно ни было по своим лозунгам и руководству, тем не менее могло бы в борьбе со своими противниками выявить свою крестьянскую основу в гораздо большей степени, чем это хотелось бы империализму. Крестьянские движения, хотя бы протекающие под руководством реакционного духовенства, все же представляют опасность по соседству с колониальной Индией. Гораздо более приемлемым для правительства Британской Индии явился бы приход к власти в Кабуле такой фигуры, которая опиралась бы на окраинные племена и на племенную аристократию. В этом смысле и были даны надлежащие директивы. Окончательная связь с Бачей не была порвана, правительство «слуги

пророка божьего» могло бы служить удобной ширмой для организации басмаческих налетов на СССР, для интриг бывшего эмира бухарского, но центр английской работы был перенесен на окраины. Перемена обстановки в Афганистане, разумеется, может повлечь и перемену английской акции, кстати сказать, весьма быстро и гибко приспособляющейся к соотношениям борющихся сил. Уже 25 февраля, вскоре после победы кугистанцев над движением окраинных племен и после присоединения к Баче Мазар-и-Шерифской и Катагано-Бадахшанской провинций английское посольство в полном составе оставило Кабул.

Самое падение младо-афганского правительства сопровождалось некоторыми моментами, на которых необходимо несколько подробнее остановиться. В минуту опасности отчетливо проявился двойственный промежуточный характер группы, стоящей у власти. Эта двойственность показала себя не только в колебаниях, во внутренних разногласиях в самом правительстве, в отсутствии крепкого руководства военной борьбой, но и в попытках компромисса в обстановке, когда этот компромисс равносильен капитуляции. Агитационная работа младо-афганцев в период осады Кабула строилась на двух устоях: характеристике самого правительства, как правоверного, исламского, действующего в строгом согласии с шариатом, и характеристике кугистанцев исключительно в качестве грабителей, воров и разбойников. Приведем иллюстративные выдержки из прокламаций падишаха Амануллы от 24 и 18 декабря 1928 г.

«Хотя злодеи уже пристыжены величием и истинностью Корана, разбиты на всех пунктах войсками нашего правительства и верными племенами и сделать ничего не могут, однако, в виду того, что вы находитесь далеко от центра, возможно, что эти сведения, сообщаемые вам по слухам, искажены. Я даю вам полное заверение в том, что в Кабуле полное спокойствие, а налеты и грабежи злодеев приходят к концу».

В другом месте кугистанцы характеризуются как «разбойники, выступающие только с личной целью — намерением грабежа и разрушения». Наконец, прокламация 24 декабря подчеркивает с одной стороны «религиозное рвение и храбрость нашего народа, который не примет участия в вероломных действиях этих разбойников и пойдет рука об руку с государственной властью, чем заслужит милость божью», а в другой — указывается, что гражданская война выгодна «лишь внешним врагам Афганистана». Претензии младо-афганцев на правоверие явились явно неудачным приемом, ибо весь комплекс реформ, в особенности же последние, явно разрывал с традициями косного шариата, засилием мусульманской поповщины. Пресса кемалистской Турции прямо ставила это в вину падишаху.

Дальнейшее развитие компромиссной тактики приводит нас к фирману падишаха от 10 января 1929 г. Перевод фирмана полностью приведен в приложении к книге. Уже пункт 1-й этого фирмана полностью подтверждает приверженность падишаха к исламу. «Появились слухи, как будто я — прибегаю здесь к покровительству божию — не имею должного уважения к пророку. Такими известиями я — опять прибегаю к покровительству божию — был настолько опечален, что больше этого я ничем в мире опечален быть не могу. Я, который не только во время намаза, но и вне его всегда благословляю и словословлю пророка, могу ли я сомневаться в величии его? Даю своему дорогому народу заверения, что считаю любовь и уважение к пророку основой веры и своего счастья в обоих мирах. Главным правилом жизни признаю верность заповеди: «Нет бога крѐме бога и Магомета, пророка его». В дальнейшем фирман предусматривает учреждение второй палаты или Сената в составе 50 членов, куда «входят избранные известные улемы, — выборы их производятся улемами всего Афганистана, — сердары, ханы и государственные служащие, обладающие специальными знаниями». Сенат обладает широкими полномочиями. Без его утверждения решения Народного Совета недействительны. Сенат же несет функции религиозного контроля в смысле соответствия закона «велениям священного шариата и заповедям ханифитского толка». Как общее правило, «пока вопрос не получит одобрения Сената, исполнению он не подлежит». На сенат далее возлагается пересмотр существующих законов. «То, что в них будет найдено противным шариату, Сенат исправит». Наряду с уступками духовенству и отменой бытовых реформ крупнейшее значение имеет пункт 9-й об отмене всеобщей воинской повинности. Здесь устанавливается отказ от учета населения и сохранение племенного характера армии. «Набор в войска будет производиться по племенам, — т. е. количество рекрутов, подлежащих призыву, будет распределяться между племенами». Пункт 4-й гарантирует возвращение из-за границы обучающихся там женщин-афганок. Пункт 7-й запрещает на будущее время открытие женщинами лица и рук, восстанавливает чадру. Этого же вопроса касается и пункт 13-й. Днем отдыха снова назначается пятница (пункт 12-й). «Женские школы временно закрываются». Отменяется обязательное пошение европейского платья (18-й пункт). В отношении духовенства разрешается проповедь без правительственной лицензии.

Муллы и население Кандагара на общем собрании своем 31 декабря 1928 г. также обратились к правительству с рядом требований, в общем повторявших уже известные нам моменты. Любопытен пункт 7-й Кандагарской программы, предлагающий составить Национальный Совет по крайней мере наполовину из представителей духовен-

ства. Одновременно отмечается необходимость назначения «в Национальный Совет и Совещательные Комиссии сведующих улемов, которые по утверждению законопроекта свидетельствуют о соответствии его догматам шарита». Здесь как бы предвосхищена идея Сената, на который, согласно фирмана 10-го января, возложены и эти функции. Выставленные требования очевидно были условием поддержки падишаха Амануллы в дальнейшей борьбе со стороны Кандагарской провинции, где в это время энергичнейшую агитацию развивала мать падишаха, властная и даровитая Улия-Хазрет. В ответном рескрипте на имя генерал-губернатора Кандагара (5 января 1929 г.) падишах отмечает, что «остался доволен искренностью и разумностью предложений, выдвинутых улемами и делегатами Кандагара». Далее указывается, что общее объявление о реформах (вернее, об отмене реформ) должно в общем удовлетворить кандагарцев.

Подводя итоги первому периоду гражданской войны, отметим: 1) параллельное развитие движения окраинных племен и куги-станцев, направленное против централизованного правительства; 2) поддержку этих движений империализмом, 3) попытку младо-афганцев пойти на мировую с духовенством и окраинными племенами, найти точку опоры в феодально-помещичьих слоях.

Второй период гражданской войны характеризуется: 1) разрывом движения кугистанцев с движением окраинных племен; 2) объединением всех почти таджикских и узбекских областей под властью кабульской монархии Бача-Сакау, охватившей к марту афганский Туркестан до Меймене и Андхоя, Катагано-Бадахшанскую область и часть Кабульской провинции с Кух-и-Даманом и долиной Черикара, причем среди подступов к Кабулу Бача-Сакау занял и Газни; 3) превращением Кандагара в военную и политическую базу Амануллы, куда он официально и перевел свою столицу; 4) тягой окраинных племен к полной независимости от Кабула, рядом межплеменных конфликтов и столкновений, на фоне которых выступают различные соискатели, сначала Али-Ахмед-хан, а затем бывший военный министр Надир-хан, пытающиеся объединить племена Хоста и южной области для движения на Кабул, независимо от падишаха Амануллы; 5) в общем — выжидательной тактикой английского империализма, внешне соблюдающего нейтралитет, но вместе с тем «на всякий случай» исподволь подготавливающего отторжение приграничных районов Афганистана. Так, в нашей печати появились сведения о занятии отрядами наваба Баджаурского, английского вассала, города Асмара на афганской территории. Не менее энергичную деятельность развивает английский консул, переехавший после разгрома Джелалабада в районе Суррхуда, откуда он руководит агитацией за присоединение всего Джелалабадского базиса к Британской империи.

К весне 1929 г. Афганистан как бы распался на ряд составных частей. Классовые конфликты как бы тонут в племенной усобице и национальной вражде. В отдельных районах восстановились порядки, напоминающие еще до-Абдур-Рахмановские времена. Так, караваны, совершающие и сейчас свое движение из Индии в Кабул, облагаются 10 или 12 раз пошлиной в пользу племен, сидящих в районе дороги, причем каждое племя отвечает за безопасность торговцев лишь на своем участке. Шинвари и моманды одно время выражали готовность признать власть Бачи, при условии, если он сохранит полностью их вольности и права, не будет посылать к ним ни сборщиков налогов, ни чиновников для воинской переписки населения. Крупнейшее племя гильзаев, руководимое одним из представителей бывшего царского рода клана Тохи, Гауз-уд-Дина, всю зиму оставалось в выжидательном положении, очевидно, стремясь восстановить особое гильзайское княжество. В какой бы степени эти сепаратистские стремления ни финансировались или организовывались агентурой правительства Индии, все же они еще раз обнажают низкий экономический уровень, взаимную обособленность тех или других районов Афганистана. Но в столкновении племен, в расовой и национальной вражде все же возможно проследить основную экономическую и классовую подоплеку, какой бы затемненной и неуловимой она ни представлялась на первый взгляд.

Основным является вопрос о силах, стоящих за кабульской монархией «слуги пророка божьего». Программным воззванием является воззвание улемов северных провинций, датированное 28 декабря 1928 г. В приложении эта фетва приведена полностью. Обращение 28 декабря легло в основу важнейших последующих выступлений Бача-Сакау, его агитационных летучек, его законодательных актов уже после прихода к власти. Весь этот документ проникнут самым ярким духом поповской реакции. Самая необходимость свержения Амануллы мотивируется требованиями шариата. Для отказа от верности падишаху использована старая мусульманская идея о договоре между правителем и народом о том, что повиновение власти лишь постольку обязательно, поскольку сама эта власть действует в рамках священного закона *. Приводим вводную часть фетвы.

* Об обязательстве падишаха «управлять страной согласно святого шариата» имеется соответственное место в основном законе (10 апреля 1923 г.): «Ст. 4. Вследствие чрезвычайных услуг, оказанных его августейшим величеством на пути прогресса, возвеличения и достижения независимости афганского народа, благородный афганский народ обязуется, что эмирская власть в Афганистане будет переходить к потомкам ныне правящего падишаха, сторонника прогресса афганского народа, по принципу наследования, при чем престолонаследник будет избираться его величеством и народом; *особа эке монарха во время тронного заседания в присутствии знати и народа дает обязательство управлять страной согласно святого шариата и настоящего Основного Закона*, охранять независимость Афганистана и быть верным своей родине и народу».

«Да не будет скрыто от нас, населения всего Афганистана, что мы раньше признавали свое подданство эмиру Аманулле-хану, как вместилищу правления по священным законам, при условии, чтобы он не совершал дел, противных велениям великого шариата. В виду того, что вышеупомянутый (Аманулла) не выполнил условий, в силу которых наше подчинение ему было для нас обязательным, мы приводим ниже описание дел его, идущих против велений корана, против правил веры главы пророков, а также его ересей и поступков, противоречащих шариату Мухамедову».

Дальше следует каталог «ересей и проступков» падишаха-реформатора из 21 пункта. Ему ставится в вину и отмена саяма, чалмы, и «исламских одежд». Особенное возмущение вызывает снятие чадры, чем «была разорвана завеса чести нас, мусульман». Бритье бороды и усов также представляется опасным нововведением, равно как и школа с преподаванием европейских языков, «где наши дети учатся запоминать имена бывших неверных царей». Комментируя посылку девушек-афганок за границу на учебу, фетва, не закончив перечисления, уже переходит к выводам: «Поступки Амануллы и вообще все, что им делается в настоящее время, указывают на порчу его религиозных убеждений и на то, что он является противником шариата». «Он держит религию в презрении», «он попирает ислам», «уничтожил лунное летоисчисление», велел писать цифры по-английски, перенес день отдыха на четверг вместо традиционный пятницы. Но главное — «падишах ликвидировал мулл, муэдзинов и служащих при мечетях, которые назначались со времен древних султанов и получали жалование из государственных средств». Он «отверг призыв к молитве и власть райсов и мухтасибов, способствовавших укреплению веры ислама». За этим следует обвинение в насаждении пьянства, незаконная казнь муллы Абдур-Рахмана и заточение ряда других попов. При таких условиях возмущение против «падишаха-еретика» является не чем иным, как священной войной, ибо «согласно смыслу стихов корана, человек, вызывающий разврат и беззаконие среди мусульман, действующий против ханифитского толка и попирающий религию, есть убийца мусульман». Обосновав по всем правилам поповщины прекращение верности Аманулле, фетва заканчивает: «Принимая во внимание все незаконные действия и порчу религиозных убеждений эмира Амануллы-хана, возбудителя разврата и мятежа, неверие которого доказано, и необходимость покорности которому от нас отпала, мы все, мусульмане, и особенно население северных провинций, желая прекратить свое подданство ему, устраняем его от царствования над нами и с настоящего времени признаем себя, согласно божьему велению и указаниям великого пророка и его асхабов, истинным подданными эмира Хабибуллы-хана, человека честного, слуги народа, ревнителя чистой веры Мухамедовой, прекрасного нравом, храброго

мужественного и любящего своих подданных». Если бы история гражданской войны Афганистана, и в частности кугистанского движения, писалась только на основании этого документа, то вряд ли можно найти более яркий образчик поповской реакции. Ни полслова о требованиях и интересах крестьянства. Все целиком и без остатка сведено к шарияту и его нарушениям.

Дальнейшие фирманы или законы Бачи, наряду со всевозможной исламской фразеологией, дают более реальный политический материал. Уже фирманом 18 января было объявлено, во-первых, о сложении всех недоимок, во-вторых, об отмене обязательной воинской повинности, в-третьих, о том, что «все налоги сверх предписанного законом малиата (земельный налог) отменяются». Более подробно говорится о налогах в фирмане 20 февраля 1929 г. Этот фирман устанавливают прощение всех недоимок в царствование Хабибуллы, а также всех недоимок царствования Амануллы, за исключением последнего года, начиная с 22 марта 1928 года. Но «если земледелец не уплатил стоимости купленной им государственной земли или имущества, таковая с него взыскивается». Зато решительно отменяются все добавочные и чрезвычайные налоги последнего десятилетия. «Дополнительные к основным налоги, введенные эмиром Амануллой, вроде сбора на школы, на содержание депутатов, на дорожное строительство и другие подобные им, отменяются». Правительственный Совет, образованный при Баче из ханов и мулл, под названием Совета Исламиэ, того же 20 февраля, декретирует: «Принудительные повинности запрещаются. Кроме зякета и сумм, взимаемых согласно шарияту, никаких других сборов с населения не будет».

Бача, конечно, не отменил налогов, но он в значительной мере их сократил. Установление традиционного малиата, т. е. поземельного налога в натуре и по ставкам конца правления Хабибуллы-хана, возвращение к старому зякету, т. е. натуральному налогу со скота, уничтожение всех дополнительных целевых и чрезвычайных сборов было актом, несомненно завоевавшим симпатии весьма широких кругов крестьянства. И характерно, что Али-Ахмед-хан, пытавшийся двинуть в феврале окраинные племена шинвари и момандов на Кабул, последовал примеру Бачи, декретируя самое решительное снижение налогов. Другой мерой «слуги веры пророка божьего» явилась отмена всеобщей воинской повинности и значительное сокращение чиновничьего аппарата. Целый ряд министерств были сокращены, в том числе министерство просвещения. Школы европейского типа закрыты. Учебники сожжены. Иностранцы специалисты прогнаны. Какими бы реакционными эти меры ни были, их агитационный результат для крестьянского окружения Бачи несомненен. Школы ненавистны афганскому крестьянину не потому, что они рассадник просвещения, но потому, что на содержание этих школ приходится платить дополнительный целевой

сбор, достигающий в руках чиновника-вымогателя размеров, непредусмотренных никакими законоположениями, а самые школьные здания сплошь да рядом строятся в порядке трудовой повинности, причем правительство не сумело провести сколько-нибудь широкой разъяснительной кампании среди крестьянства. О европейских специалистах, — исключая, конечно, советских работников, всегда пользовавшихся безусловными симпатиями населения, в силу отсутствия колониальных замашек и в силу того факта, что их содержание или ничего не стоит афганскому народу или стоит ему очень немного, — известно, что иностранцы получали громадные оклады жалованья, между тем, как работа их или непонятна афганскому крестьянину, или же он относится к ней враждебно, как к общему предвестнику надвигающегося капитализма. В тех условиях мероприятия Бачи имели свой политический смысл и дали ему значительную устойчивость в борьбе за власть. Ясное дело, что движением руководят муллы и реакция. Ясно также, что вместе с движением, а отчасти на руководящих ролях, идут представители феодально-помещичьих групп. Черикарские ханы поддерживали Бачу. Они заседают в Совете Исламиз, они пишут для него фирманы, которые он утверждает отпечатком своего пальца. Ясно наконец, что сам Бача-Сакау, Сейд-Гуссейн Черикари и другие вожди, выброшенные к власти массовым движением, могут при благоприятных условиях весьма быстро проделать эволюцию в сторону восточных деспотов-реакционеров самого обычного типа. Уже тот факт, что Бача не сломал целиком чиновничьего аппарата, что он сохраняет прежних деятелей на их постах, поскольку они принимают ему присягу, что он пытается привлечь на свою сторону отдельных министров, представителей знати — является достаточно ясным показателем. Но ягодки возврата к патриархально-феодальному укладу Афганистана на плечах крестьянского восстания кугистанцев обнаружат себя во всей прелести значительно позже, а сама эволюция может принять тот или иной ход, то или иное направление, в зависимости от целого ряда слагаемых, где далеко не последнее место занимает и политика Советского Союза. Пока же крестьянство будет с энтузиазмом драться, заменяя голым мужеством недостаток техники, напористостью и силой — отсутствие офицерского состава.

Другим моментом является то обстоятельство, что окраинные племена далеко не с такой охотой идут в бой против Кабула, и силу военного сопротивления кугистанцев дополняет умелая агитация. Агитация в значительной мере разложила соединенные силы племен момандов и шинвари и остатков регулярных частей войск Амануллы, которые уже под начальством Али-Ахмед-хана в конце января 1929 г. подошли на 15 километров к Кабулу. Коалиция стремительно распалась, и только весной 1929 г. уже Надир-хану удалось снова объединить племена, сколотить из них более или менее боеспособные ополчения и двинуться в поход на Кабул, пока без особых результатов.

Остается падишах Аманулла и кандагарская группировка. Ее военной опорой является племя дюрани, т. е. та часть афганского крестьянства, которая находилась на положении привилегированного казначества, имела сравнительно крупные земельные наделы. Весьма своеобразным представляется то, что силы, действующие против Кабула и Бачи, до сих пор не смогли объединиться. Али-Ахмед-хан выступал отдельно от Амануллы и очевидно стремился выкромить престол самому себе. Потерпев неудачу, он изъявил покорность падишаху и был им арестован. Магомед-Надир-хан, ныне действующий со своими братьями в Хосте и южной провинции, несмотря на самые настойчивые расспросы индийских националистов так и не ответил, будет ли он добывать престол для себя или для падишаха Амануллы. Надир-хан, этот бывший военный министр, единственный талантливый военный начальник во время третьей англо-афганской войны, высоко образованный и культурный человек, является одним из крупнейших помещиков и безусловно может стать опасным конкурентом падишаха, поскольку дело идет о взаимной симпатии племен и афганской земельной аристократии. С другой стороны, нельзя пройти мимо того факта, что торговый капитал, явно поссорившийся накануне гражданской войны с младо-афганцами, был приведен в покорность логикой классовых конфликтов. Прекращение торговли, грабежи на важнейших караванных путях, разгром крупнейших купцов при занятии Кабула куги-станцами, произвольные аресты и конфискации, не говоря о принудительных займах в пользу правительства «слуги веры пророка божьего», — все это повернуло симпатии купечества к младо-афганцам и Аманулле. Кандагарские купцы подписали миллионные суммы на организацию весеннего похода против Бачи. В свою очередь крестьянские ополчения последнего, обнаруживая высокую боеспособность при обороне родных мест, — а Кабул является ключом к долине Черикара и Кугистана, — пока не проявили способности к наступательным операциям и перенесению их вглубь коренных афганских областей. Не сказал своего последнего слова и британский империализм.

Но кроме британского империализма на Востоке действуют и другие силы. Сам афганский народ, выдержавший три войны с Англией и отстаивавший свою независимость, пусть через гражданскую войну, снова придет к объединению. Народы Советского Союза с величайшим вниманием и сочувствием следят за событиями в Афганистане и рассматривают всякую попытку английской интервенции как прямую, непосредственную угрозу мирной жизни наших Средне-азиатских республик. Сама Англия связана не только своим пролетарским тылом и поднимающимся в метрополии рабочим классом, но и более близким индийским тылом, забастовочным движением в Бомбее и ростом, несмотря на все репрессии и загородки, индийского коммунистического движения. Афганистан, как прежде Балканы, ста-

повится одним из узловых пунктов мировой политики. И если британский империализм, гонимый призраком индийской революции, попытается здесь разрубить мечем войны разъедающие его изнутри противоречия, то эта война станет революционной войной Советского Союза и угнетенных народов Азии за свое раскрепощение.

Последние месяцы гражданской войны (май — июнь 1929 г.) привели к разгрому сил Амануллы-хана. Начатое им весной наступление на Кабул через Газни не имело под собой достаточной военно-политической базы. Силы бывшего падишаха органичивались ополчениями гильзаев и джоррани, не обнаружившими стойкости в бою. Гильзаи, в критическую минуту, когда силы Амануллы и Бача-Сакау столкнулись под Газни, в лице крупнейшего клана сулейман-хель приняли сторону эмира Кабула и обнажили тыл кандагарских войск. Аманулла был вынужден начать отступление, теряя по дороге обоз, артиллерию, снаряжение. Отступать приходилось не по шоссе, где господствовали враждебные гильзаи, а по горным тропинкам. У Кандагара собрались лишь ничтожные остатки 10 тыс. армии, выступившей оттуда с Амануллой. Считая дальнейшее сопротивление бесполезным, бывший падишах выехал 23 мая в Индию вместе с семьей и свитой, передав Кандагар Али-Ахмед-хану. Уже 1 июня Кандагар был в руках чиновников Бача-Сакау. Сам Аманулла, не задерживаясь долго в Индии, выехал в Италию, где он намерен поселиться.

В северном Афганистане попытка генерала Гулям-Наби-хана, бывшего афганского посла в Москве, удержать Мазарскую провинцию для Амануллы, также окончились неудачей. После ряда успехов Гулям-Наби в начале июня должен был очистить северный Афганистан, а отдельные отряды его войск, перешедшие на территорию СССР, были разоружены советскими властями.

Центром сопротивления Кабулу остается Хезареджат и Хост. Хезаринцы борются не столько за интересы Амануллы, сколько за собственную самостоятельность. Бача удачно натравливает гильзаев на хезаринцев, обещав, в случае победы, передать гильзаям постбища и пахотные земли их противников. В Хосте действует Надир-хан с братьями, объединяя те самые племена, которые в 1924—1925 г.г. принесли столько вреда своим восстанием. Благодаря близости к Кабулу Хост в руках Надира представляет серьезнейшую угрозу для Бачи. Отдельные отряды племен, стоящих за Надир-хана, подходили весной к столице на расстоянии 40 км. Борьба пока идет с переменным успехом, и все попытки Надира выйти за пределы Хоста, так же как попытки Бача вторгнуться вглубь этой провинции, оканчивались неудачей. Программа Надира сводится к созыву всеафганской джирги, каковая одна только имеет право выбрать нового падишаха. Бача же, чьи заслуги в деле восстановления «чистоты Ислама» Надир не отрицает, должен отречься от незаконно захваченного престола, хотя

может выступить соискателем на выборах. Такие предложения, недостаточно подкрепленные вооруженной силой, разумеется не встречают сочувственного отклика в Кабуле.

Сам режим «слуги веры пророка божьего» по минованию острого времени военной борьбы, приобретает все более реакционный характер. Кабул становится центром притяжения мусульманской поповщины, афганская территория превращается в базу бандитско-басмаческих налетов на советскую Среднюю Азию, Бача афиширует свою дружбу с бывшим Эмиром Бухарским и всевозможными курбаши (главари басмачей). Не слышно ничего о каких-либо новых мероприятиях в интересах крестьянства. Сама гражданская война, выросшая из крестьянского восстания, приобретает характер борьбы хезаринцев, таджиков (Бача) и афганских племен (Надир), приобретает характер племенных и расовых конфликтов. Победа Надира, какими бы обещаниями он себя сейчас ни связывал, означала бы восстановление господствующего положения афганцев, т. е. афганского торгового капитала и афганского помещика. Кабул в руках Бача-Сакау и удержание им власти являются символом победы таджиков, со всеми вытекающими отсюда для внутренней и внешней политики Афганистана последствиями.

МАТЕРИАЛЫ.

Объявление падишаха Амануллы об отмене реформ 10/1 1929 г.

Да будет известно дорогим моим подданным, что некоторые племена Восточной провинции, не понимая того, что они действуют под влиянием противников нашего народа, по подстрекательству врагов внешних и внутренних, подняли восстание против своего правительства и совершенно беспричинно и безосновательно наносят вред имуществу и зданиям правительства, уничтожают вещи, находящиеся в этих зданиях, и принимают участие в военных действиях против властей.

Так как мне хорошо известно, что таковые поступки совершаются по невежеству и непониманию, исключительно в результате подстрекательства врагов, я не имею намерения наказывать кого-либо и прощаю их.

Ведь если дети делают что-либо по непониманию, отец их никогда не смотрит на них как на своих врагов и не удалит их от себя. Точно так же и я смотрю на некоторые поступки населения Восточной провинции, как порча и уничтожение имущества, и говорю вам, что вы в этом случае, сами того не понимая, становитесь поддержкой злодеям.

Прекратите ваши действия, нарушающие спокойствие населения городов и ваших же районов. Этим вы, в силу настоящего объявления о прощении, избавитесь от наказаний и успокоите народ божий.

Распространяющиеся в некоторых частях Восточной провинции слухи о моих якобы противных священному шариату поступках, используемые противниками нашего народа и правительства в своих целях, нарушили единение и согласие между народом и его правительством.

Исключительно только с целью вновь обрести это единение и согласие, являющееся душой и импульсом жизни страны, я исправил некоторые пункты, по слухам, вызвавшие волнение. Эти пункты, несмотря на то, что они были или предложены депутатами Джирги, или же ими одобрены, вызвали обиды и возмущения. Поэтому я каждый из этих пунктов так, как вы можете видеть ниже, изменил.

Если кроме перечисленных мною вопросов найдутся какие-либо другие, требующие исправления, то сенат, организация которого

предусмотрена п. 2 настоящего объявления, рассмотрит, исправит и уточнит их.

1. Появились слухи, как будто бы я (прибегаю к покровительству божьему) не имею должного уважения к пророку. Такими известиями я (прибегаю к покровительству божьему) был настолько опечален, что больше этого я ничем в мире опечален быть не могу. Я, который не только во время намаза, но и вне его всегда благословляю и славословлю пророка, как я могу сомневаться в его величии. Я даю своему дорогому народу заверение в том, что любовь и уважение к пророку я считаю основой веры и счастья своего в обоих мирах и главным правилом признаю — быть верным заповедей: «нет бога кроме бога и Магомета, пророка его».

Вышеприведенные безосновательные слухи распространяются нашими противниками, преследующими личные цели, и врагами нашего народа и государства.

Я вновь говорю вам, как говорил уже не раз: «Не относитесь беспечно и легкомысленно к тем козням, смуте и злодействам, на которые толкают вас ваши враги. Не верьте словам кого-ни-попало, иначе вы можете сделаться причиной раскола в народе.

2. Из практики стало видно, что предложения, принятые народными представителями Джирги, вызывают возражения со стороны улемов. Это происходит вследствие того, что население не выбрало их своими вакилями (нар. представителями), хотя никаких препятствий к этому с моей стороны не было.

Для устранения этого мною найден такой выход: в самом Кабуле учреждается на постоянное время Сенат, состоящий в крайней мере из 50 членов, в который входят выбранные известные улемы (выборы их производятся улемами всего Афганистана), сердары, ханы и служащие, обладающие специальными знаниями. Каждый вопрос, решенный в Народном Совете, поступает на рассмотрение Сената. Особенно это касается религиозной стороны вопросов, т. к. они должны вполне соответствовать велениям священного Шариата и заповедям ханифитского толка. До тех пор, пока вопрос не получит одобрения Сената, исполнению он не подлежит.

То, что в существующих законах будет найдено Сенатом противными Шариату, Сенат исправляет.

3. Еще ранее было предусмотрено назначение прокуроров, и в Государственном Совете было даже составлено соответствующее положение.

4. По мнению некоторых лиц, не исключая даже депутатов Джирги, девичьи, уехавшие за границу, отправлены в страны не-исламские. Нет! Они отправлены не в эти страны, а в Турцию, для изучения врачебного дела, специально женского, с той целью, чтобы в нужное время мусульманки не были принуждены обращаться к докторам-мужчинам.

Школу, в которой они обучаются, я видел лично сам. В Турции эта школа предназначена специально для женского образования. В этой школе наши студентки находятся под особым наблюдением супруги нашего посла в Ангоре Гулям-Джелали-хана, сына покойного Сипах-Салара-Гулям-Хейдар-хана-Чархи, и проходят специальный курс наук при соблюдении того, чтобы он соответствовал чистоте и целомудрию афганских студенток.

5. Взгляд мой на улемов, окончивших Део-Бенд, которым и запретила въезд в Афганистан, вовсе не был основан на том, что само учреждение Део-Бенд я рассматривал как вредное. Нет, я только хотел пресечь возможность некоторым лицам, относящим себя к этому учреждению и не понимающим положения нашего государ-

Члены Сената получают достаточное содержание.

В настоящее время, в виду требования этого же со стороны народа, я одобрил назначение прокуроров, согласно определенному положению.

В виду того, что этот вопрос встречен плохо, и все думают, что девичьи отправлены в европейские страны, где ведут несоответствующий афганским женщинам образ жизни, я, для прекращения недоразумений и раскола в народе, потребовал их обратно.

Так как этот вопрос также встречен плохо и послужил причиной обиды, я поставил, что окончившим Део-Бенд улемам, имеющим свидетельства этого учреждения, впредь разрешается въезд в Афганистан наравне с прочими улемами*.

* Део-Бенд — высшая духовная мусульманская академия в Индии.

ства, сделавшись орудием в руках лиц, имеющих личные цели, сеять в народе, под видом окочивших Део-Бенд лиц, учения разных толков, вроде каджани, и тем нарушать национальное единение и религиозное учение Афганистана**.

6. Еще ранее, как было известно Советом улемов Кандагара, в ст. ст. 204—208 Устава о наказаниях, были определены наказания за взяточничество.

7. По поводу закрытия лиц женщинами на Джирге этого года было постановлено не принуждать к чадре женщин некоторых племен, вроде кочевников и прочих, у которых нет этого обычая, и в то же время не принуждать городских жительниц отказываться от ношения вуали. Это самое постановление Джирги я проводил в жизнь, и только в силу фетвы некоторых улемов, на основании соответствующего стиха Корана, несколько человек не закрывали своих рук и лиц.

8. Преподавание разрешалось при условии наличия соответствующих свидетельств. Цель этого распоряжения была, что преподавание не велось бы кем попало и это не послужило бы причиной заблуждения.

9. Набор в войска производился из населения по жребии, для чего был введен учет населения и выдавались учетные свидетельства.

В настоящее время я буду особенно наказывать за взяточничество. Т. к. ст. 3 настоящего объявления предусматривает назначение прокуроров, то на их обязанности будет лежать наблюдение за борьбой с этим злом.

Так как некоторые из противников, преследующие свои цели, раздули этот вопрос и представили это так, что якобы я насильно заставляю женщин открываться, в виду того, что этот вопрос, будучи встречен плохо, порождает недоразумения, — я совершенно запретил, чтобы женщины несколько открывали свои руки и лица или стригли бы свои волосы. Хотя последнего они и не делают.

Наличие правительственного свидетельства для проповедывания отменяется.

Так как население таковым положением недовольно, учет его и выдача учетных свидетельств отменяется. Набор в войска будет

** Здесь Аманулла имеет в виду секту ахмадийцев (каджане), проникающих в Афганистан в качестве агентов британского империализма.

Это делалось для того, чтобы все население несло военную службу и участвовало в защите страны.

10. В отношении наказаний за употребление спиртных напитков некоторые противники и преследующие свои личные цели лица распространяют слухи, что правительство намеренно уклоняется от наказания за этот проступок. Между тем как я лично сам удерживал всеми способами от этого великого вреда, издавал распоряжения и приказы и установил положения, строго карающие за этот проступок.

11. В отношении суда «ихтисаб» (по наблюдению за нравственностью и исполнением религиозных постановлений) правительство не проявляло небрежности. Для того, чтобы этот суд действовал по определенному постановлению, была необходимость составления соответствующей книги на персидском языке, и таковая в настоящее время находится в стадии обработки.

12. В отношении переноса дня отдыха с пятницы на четверг, я полагал так, что вследствие отдыха по пятницам большинство чиновников и учащихся отправлялось за город по своим делам, не присутствуя на пятничных молитвах. Когда же отпускной день был мною перенесен с пятницы на четверг, то все указанные выше люди аккуратно присутствовали на

производиться по племенам, т. е. количество подлежащих призыву будет распределяться между племенами.

Так как мною теперь принят институт мухтесибов (наблюдающие за нравственностью и исполнением религиозных постановлений), то эти последние лиц, замеченных в этом проступке, будут наказывать. Со своей стороны я лично сам буду следить, дабы в этом деле не было послаблений.

В каждой провинции, губернаторстве и уезде учреждается по одному мухтесибу, которые за дела, запрещенные шариатом, по шариату же налагают наказания. Выбор мухтесибов производится немедленно, впредь до определения порядка выборов местными улемами из своей среды, причем избранный должен быть компетентен в этом деле. Он должен на основании постановления шариата вникать и наблюдать за выполнением предписанных шариатом постановлений и согласно шариату же налагать наказания.

Так как этот вопрос стал для некоторых лиц предметом недовольства и обиды, то день отдыха вновь переносится с четверга на пятницу. Кроме того в день покаяния также будет даваться освобождение от работы.

этих молитвах. Перемена эта была сделана мной с разрешения улемов, которые указали, что работа по пятницам дозволительна. По пятницам, в час молитвы, полиция, выполняя обязанности мухтесибов, побуждала лавочников и всех мусульман присутствовать на пятничной молитве.

13. Была предусмотрена замена чадры, закрывающей с головы до ног, чадрой сирийской или капдагарской.

14. В отношении мюридизма мнение мое было таково, что только военнослужащие должны были бы спрашивать у меня разрешения стать последователями, «мюридами», какого-либо духовного руководителя (пира), но это не касалось прочих лиц.

15. При запрещении вступать в брак учащимся, не окончившим полностью своего обучения, я полагал, что брак препятствует окончанию образования.

16. С разрешения улемов была основана женская школа.

17. Запрещение делать долги было сделано потому, что последние являлись причиной многочисленных тяжб, затруднений и ущерба правительственного чиновничества, и кроме того некоторые из чиновников использовали свое положение для получения денег в долг.

18. В отношении европейского платья было понятно, что приказ

Распоряжение отменяется, и каждая женщина может носить чадру, закрывающую ее с головы до ног. Носить же европейское платье не следует.

Так как это мое распоряжение было истолковано как совершенное запрещение быть «пиром» или «мюридом», то необходимость испрашивания моего разрешения на это, что касалось только военных, отменяется.

Так как этот вопрос также неправильно понят, запрещение вступать в брак до окончания образования отменяется.

До организации Народного Совета и Сената, которые займутся вопросом об учреждении женских школ, — таковая временно закрывается. То же самое касается и Управления покровительства женщины.

Так как этот вопрос был также встречен плохо, то запрещение делать долги мной отменяется.

Так как этот вопрос стал причиной затруднений и обиды на-

о нем якобы распространялся на всех и был обязателен. Этот приказ был издан для Кабула, а не для всего Афганистана.

рода, я решил не устанавливать для всех типа одежды, и теперь всем моим подданным разрешается ношение одежды покроя и формы, допускаемых шариатом.

После всех этих разъяснений и исправления и устранения недоразумений я хочу вам ясно и прямо сказать, что вышеизложенным я не преследовал никаких личных целей. Я не придаю значения своему царствованию. Моей единственной целью является желание искренно служить моему дорогому государству и народу и этим заслужить благоволение всевышнего.

Если люди, разрушившие единение народа со своим правительством, после прочтения настоящего объявления не прекратят своих выступлений, то ответственность за печальный и опасный результат их дел, причиняющих вред как им самим, так и правительству, в этом и загробном мире ляжет на них. Они не должны думать, что причиняют вред только правительству. Нет, в этой мере они причиняют вред самим себе, своему народу, своей стране, эмиру и исламу. Я мог бы также причинить большой вред и ущерб подобного рода людям, поднявшим голову неповиновения, но однако, до настоящего времени я этого не делал, даже в тех случаях, когда видел с их стороны нападение. Причина этому та, что их беды я считаю своими. Я не считаю возможным для себя расходовать оружие и боеприпасы, заготовленные для противодействия козням иноверцев, на убийство мусульман. Все, что было возможно сделать для прекращения недовольства, как вы видите в этом объявлении, я сделал. В заключение я привожу стихи Корана: стих из части 4-й, стих из суры Худжарат, стих из 5-й части, 9-й стих 5-й части.

Все, что я делал до сегодняшнего дня, я делал для прогресса и блага моего доброго народа. Я никогда не желал и не желаю совершать дела, противного вере Ислама и священному Шариту. В настоящее время, для устранения раскола и розни, минуту тому назад я одобрил исправления тех пунктов, которые сделались причиной недоразумения.

А м а н у л л а.

От улемова, сердаров и ханов Кабула

Отважные братья, народ Афганистана!

В результате недоразумений, возникших между частью народа и правительством Афганистана по поводу некоторых пунктов, которые хотя и были утверждены национальной Лой-Джиргой, но послужили причиной волнений в некоторых племенах Восточной провинции, — явилась война.

Мы, истинные служители права и веры главы пророков (да благословит его бог и ниспошлет ему мир!), приносящие себя в жертву благородному афганскому народу, огорчены этим разногласием между ним и правительством. Это разногласие, кроме колоссального ущерба, гибели отважных юношей, расхода денег, патронов и снаряжения, предназначенных для защиты родины от чужеземцев, — ничего другого не приприсит. Настоящее, заслуживающее сожаления, положение противоречит священным словам: «Они сообща прибегли к крепкой защите бога, но не разделились». Указанное выше обращение его величества к служителям религии и правительства заслуживает полного доверия.

В силу своих религиозных обязанностей и действуя согласно священным словом (цитаты из Корана), мы, после того как обнародовано настоящее королевское объявление, с обязательством отмены вопросов, которые внешне явились причиной народных волнений, считая по Шариату и религии дальнейшее неповиновение и возмущение против правительства недозволенным, — даем мусульманское наставление по Шариату: так как вы, народ, и мы сами, после обнародования настоящего объявления, не видим никаких неясностей, которые могли бы служить причиной розни народа с государством, вы должны повиноваться своему королю, согласно великих слов: «Повинуйтесь богу, повинуйтесь пророку и повелителю из вас!» и избавить государство и народ от моральных и материальных ущербов и стыда перед внешним врагом. Пусть не будет причины вашей верной гибели в этом и загробном мире.

28 Раджаба 1307 года. (10 января 1929 года).

Подписи

Факир-Мухаммед-Садых, известный под именем Хезрет-Саиб-Шур-Вазар, Мухаммед-Акбар, Мулла-Аюб-Мухаммед, Мухаммед-Юнус-Сардар, Мухаммед-Сарвар, председатель суда чиновников, Абдул-Гафар, Сейфур-Рахман, Дин-Мухаммед, Мухаммед-Усман-Сардар, Абдулрахим и Абдураб, сыновья покойного Ходжи-Абдуразака, Гулям-Хезрет и Гулям-Мухаммед.

Во имя бога милостивого, милосердного!

Правительственное объявление.

Да не будет скрыто от улемов, сейдов, ханов, шейхов и прочего населения провинций Каттаган и Бадахшан!

Как я, так и все братья-мусульмане, хорошо знают, что восстание и военные действия религиозных и отважных племен Восточной провинции против эмира Амануллы-хана были произведены исклю-

чительно во имя бога и для получения благоволения святого пророка (да будет мир божий над ним!). Какое большое унижение причинил Аманулла учению и улемам! Вместо того, что, как это должно быть на основании постановлений священного Шариата, ладшах старался бы для укрепления и прогресса религии, эмир Аманулла-хан — наоборот — проявлял стремление к разрушению основ истинной веры. В виду того, что распоряжения его, противоречащие священному Шариату, будучи разъяснены в отдельных объявлениях, не являются секретом и известны каждому человеку из населения Афганистана, то надобности в повторении их не имеется, да и упоминание о них сжигает язык. По совершенной мудрости божьей, выраженной в его словах (арабская цитата), настойчиво было необходимо, чтобы население Северной провинции и другие братья де религии приложили усердие и старание стереть Аманулла с лица земли и теперь с помощью божьей и всепобеждающего святого арабского пророка — главы религии — Аманулла несет возмездие за свои деяния. Несмотря на обещание, данное нам отважными братьями-мусульманами Восточной провинции, они не могли принять участия в войне. Однако, несмотря на это и на то, что к Аманулле-хану прибывало со всех сторон большее количество людей, несмотря на его желание уничтожить население Северной провинции, — герои этой провинции не удовлетворились отражением нападений Аманулла, но перешли смело в наступление и напали на столицу. Благодаря божественному промыслу Аманулла-хан не мог сопротивляться и, оставив в Арке вместо себя брата своего Миун-Ус-Салтана, убежал. Миун-Ус-Салтанэ, увидев, что у него нет сил к сопротивлению и войне, предложил мир. Нынешнее правительство, не желая проливать кровь своих братьев-мусульман и разорять их имущество, заключило с Миун-Ус-Салтанэ договор и согласно его собственному желанию отправило его с семьей в Индию. Укрепленный Арк сдался без сопротивления и находившиеся там войска, приветствуя нас, изъявили покорность. Все население Кабула и Кабульской провинции на приеме в моем дворце признали власть этого слуги религии. Хотя я, ничтожнейший раб всевышнего и не имел желания к царствованию и предпринимал мероприятия только ради милости бога и благоволения пророка (да будет мир божий над ним) и для того, чтобы в будущем также оказать службу исламу и мусульманам, я принял это бремя в надежде на воздаяние в загробной жизни. В настоящее время ко мне ежедневно прибывают группы братьев-мусульман Кабульской провинции для признания меня верховным правителем, а население отдаленных провинций присылает грамоты о подданстве. Настоящим объявлением вам сообщается, что я, слуга религии, при восшествии своем на престол Афганистана сделал следующие распоряжения, которые с помощью всевышнего и будут выполнены:

1) Ведение государственных дел будет происходить согласно постановлениям священного Шариата, как всевышний указал в слове своем (арабская цитата). На основании этого все то, что в распоряжениях, изданных при эмире Аманулле-хане, противоречит священному Шариату и его указаниям, мной отменяется.

2) Школы религиозных наук, закрытые по распоряжению Амануллы-хана, мной приказано открыть.

3) Женские школы закрываются совершенно. Новые школы для мальчиков, в которых они обучались географии и математике, также закрываются. Мусульманские дети будут обучаться уму в мечети района своего местожительства, в прежнем порядке. Лица, занимавшиеся изучением телеграфного дела, авиации и изготовления винтовок и пушек, попрежнему. Мусульманскому государству телеграф, самолеты и орудия войны необходимым.

4) Недоимки прошлых лет до конца царствования покойного эмира Хабибуллы-хана с крестьян в виде податей на земле, с кушцов в виде пошлыны и с «кардаров» в виде кардари* — полностью прощаются. Остаются только три рода недоимок: с лиц, кои получили от казны наличные деньги и не возвратили их, с лиц, получивших деньги для выполнения договора и не возвративших их, и с лиц, которые, купив какое-либо государственное имущество, здание или поместье, не уплатили их стоимости. С вышеперечисленных лиц эти недоимки взыскиваются. Недоимки царствования эмира Амануллы-хана с земледельцев, причитающиеся в виде податей на землю, до конца 1346 г. (2 марта 1928 г.) полностью прощаются. Если земледелец не уплатил стоимости купленной им государственной земли или имущества, таковая с него взыскивается. Недоимки, числящиеся за «кардарами», лицами, получившими от казны ссуды и не уплатившими их, и лицами, получившими деньги на покупку золота, серебра, хлеба и прочего и не доставившими их — взыскиваются.

5) Содержание сеидам, улемам, шейхам, хазаратам**, назначенное во время царствования эмира Хабибуллы-хана и отмененное при эмире Аманулле-хане, восстанавливается.

6) Содержание муллам, муэдзинам и служителям при мечетях, не относящихся к городскому управлению, отмененное эмиром Амануллой-ханом, будет выдаваться государством в соответствии с распоряжением эмира Хабибуллы-хана.

7) Набор в армию, производившийся эмиром Амануллой-ханом принудительно, отменяется. Набор будет производиться добровольным путем.

* «Кардар» — должностное лицо. Кордари — суммы, собранные с населения и подлежащие сдаче в казну.

** Хазара — особенно чтимые духовные руководители и их семьи.

8) Произнесение проповеди с указанием на то, что разрешается делать по закону и что запрещается, введенное эмиром Амануллой-ханом, в настоящее время разрешается.

9) Эмиром Амануллой-ханом было запрещено давать наставления населению проповедникам различных религий орденов, как-то: кадырие, кашбенди, чашие и сахраурди. Нами дано общее разрешение, и всякий проповедник, получивший позволение от своего пира (духовный руководитель), может попрежнему свободно давать наставления населению.

10) Дополнительные к основным налоги, введенные эмиром Амануллой-ханом в последние годы его царствования, вроде сборов на школы, на содержание депутатов, на дорожное строительство и так далее, отменяются.

11) Офицеры, уволенные от службы во время царствования эмира Аманулли-хана, в настоящее время, в виду их высокого достоинства и заслуг, вповь назначаются на службу с повышением в чине.

12) Наибы, аксакалы и арбабы, уволенные во время царствования эмира Аманулли-хана, в настоящее время восстанавливаются в должности и выполняют свои обязанности попрежнему.

Вышеперечисленные статьи, только что отданные в приказе для исполнения, объявляю вам, моим братьям по религии, для сведения и ожидаю ваших письменных заявлений о подданстве, которые вы должны представить мне через своих ханов, улемов, шейхов и представителей, кои будут удостоены царской милостью и отпущены.

Печать: Эмир Хабибулла-хан, слуга веры пророка божьего.

20 февраля 1929 г. Кабул.

Фетва мулл и улемов северной провинции против падишаха Аманулли от 28/XII 1928 г.

Во имя бога милостивого, милосердного!

Да не будет скрыто от нас, населения всего Афганистана, что мы раньше признали свою подданность эмиру Аманулле-хану, вместилищу правления по священным законам, при условии, чтоб он не совершал дел, противных велениям великого Шариата.

В виду того, что вышеупомянутый не выполнил условий, в силу которых наше подчинение ему было для нас обязательным, мы приводим ниже описание дел его, противных велениям Корана и правилам веры главы пророка, его ереси, поступков, противоречащих Шариату Мухамеда:

1) Он отверг приветствие (седам), узаконенное словами пророка, и убедили нас — население — следовать приветствию, принятому у неверных.

2) Он отверг чалму, узаконенную пророком, лишь при наличии которой выполнение намаза считается наиболее совершенным, и приказал заменить ее шляпой фасона, принятого у неверных, причем лиц, отказавшихся от ношения шляп, он выставлял, как преступников.

3) Он отверг исламские одежды, которые носили наши предки, и отдал распоряжение носить всем одежды неверных, что делается и в настоящее время.

4) Он приступил к велению божие, выраженное в стихе Корана о том, что посторонний мужчина не должен смотреть на постороннюю женщину, и наоборот — женщина не должна смотреть на постороннего мужчину, и сделал объявление о снятии чадры, противоречащее указанному велению.

5) Несмотря на то, что выход из дома взрослым женщинам и девушкам без разрешения мужей и выход вообще всех женщин иначе, как при соблюдении известного порядка и в необходимых случаях (что дозволено законом), воспрещается, Аманулла определил наших женщин и девушек в школу, чем разорвал завесу чести нас, мусульман. До сих пор эта женская школа функционирует.

6) В настоящее время, вопреки словесной и действующей заповеди пророка о ношении усов и бороды, в Афганистане делается противное.

7) Наши теперешние дети, которые по закону Шарията считаются наравне со взрослой девушкой, стали совершенно бесстрашны и отправляются в школы, не соответствующие смыслу религии, законам Шарията и велениям Корана, где разрушаются их религиозные убеждения. В этих школах они должны были бы изучать науку, которая для каждого мусульманина и мусульманки предусматривается Кораном и вполне достаточна, а не учиться писать и считать по-английски и запоминать имена бывших неверных царей.

8) Ни в каком мусульманском народе или толке не было принято, как не принято и сейчас, отправлять взрослых мусульманских девушек из страны ислама в стороны неверных иначе, как при соблюдении определенных условий, для того, чтобы эти девушки изучали английское письмо или искусство. Вследствие такого прекрасного его поступка нас, мусульман, порицают во всех странах как исламских, так и неверных; никогда никакой падишах не делал такого явного притеснения, да и не будет делать.

9) Поступки Амануллы и вообще все то, что им делается в настоящее время, указывают на порчу его религиозных убеждений и на то, что он является противником Шарията. Все, что мы видим из его теперешних дел, все это делается только временно, для этого тленного мира и для плоти. Он не стремится к прогрессу веры, являющейся основой всякой жизни.

10) Милостивый пророк наш показал себя нам, как друга науки и ученых, — этот же Аманулла имеет личную вражду к людям науки. Он видит добро в удалении этих людей и в пренебрежении к религиозным наукам. Это есть признак его неверия.

11) Согласно смыслу стихов Корана, человек, вызывающий разврат и беззаконие среди мусульман, действующий против ханифистского толка и попирающий религию, — есть убийца мусульман. Возмущения, происходящие сейчас, — дело рук Амануллы. Он преступил путь, указанный исламом, и, уподобляясь своими предложениями, словами и делами неверным, хочет вырвать из нас корни ислама и сделать нас в наших делах подобным неверным.

12) Он уничтожил лунное летоисчисление, указанное в Коране, и установил летоисчисление солнечное.

13) Он, Аманулла, сделал объявление о том, чтобы числа месяцев и годов писались бы по-английски. Здесь цель его — постепенно уничтожить почитаемые нами книги священного законоведения и пустить в обращение запрещенные книги неверных.

14) Установленные со времени пророка божьего названия дней, правила о торговых сделках и почитание пятницы он, Аманулла, уничтожил и переменял дни — из пятницы сделал субботу, а из четверга пятницу. Делая это якобы во имя религии, он в действительности поступал против Шариата. Это была его частная выдумка.

15) Аманулла не расходовал государственных средств, как это дозволяется законом. Он ликвидировал мулл, муэдзингов и служащих при мечетях, которые назначались со времени древних султанов и получали жалованье из государственных средств. Он отверг призыв к молитве и власть райсов и мухтесибов, способствовавших укреплению веры ислама. Это — противно священному Шариату.

16) Аманулла отверг ученых (улемов) и шейхов, которые, распространяя слово божие, учили покорности богу, молитве и правилам веры. Из этого видно, что Аманулла стремился к разрушению истинной веры.

17) Почтенного Хезрети-Шур-Базара и его родных, поддерживающих мир ислама, которые еще в начале его царствования помогли ему стать правителем и наставления которых он в прежнее время принимал, — теперь, в результате развращенности своих мыслей, он арестовал. Мулла Хаджи-Абдуррахман, прекрасный ученый истинной веры, бывший его имам, за то, что он запрещал ему делать недозволенные Шариатом поступки, был им казнен.

18) Употребление спиртных напитков, абсолютно запрещенных Кораном и являющихся великим грехом, он, Аманулла, ввел среди своих чиновников и других мусульман и отдал соответствующее распоряжение об этом, а также употреблял спиртные напитки и сам.

Поэтому, принимая во внимание все незаконные действия и

порчу религиозных убеждений эмира Амануллы-хана, возбудителя разврата и мятежа, неверие которого доказано, и необходимость покорности которому от нас отпала, мы, все мусульмане, и особенно население Северной провинции, желая прекратить свое подданство ему, устраним его от царствования над нами и с настоящего времени признаем себя, согласно божьему велению и указаниям великого пророка и его асхабов, истинными подданными эмира Хабибуллы-хана, человека честного, слуги народа, ревнителя чистой веры Мухаммеда, прекрасного нравом, храброго, мужественного и любящего своих подданных. Мы совершенно добровольно признаем его правителем Кабула, с тем, чтобы он вел дела правления соответственно божьим велениям и чтобы само правление его производилось согласно законам Шариата.

Мы, люди Ислама, ставим своей задачей просить у бога счастья в делах правления нашего эмира, дабы эмир заботился о подданных и был справедлив. Да будет всегда в зените солнце его жизни и счастье его царствования. Да будет всегда колыхаться волнами море его славы и блеск его правления. Да будет благословенна афганская монархия для слуги пророка божьего, эмира Хабибуллы-хана.

Да не останется в живых тот, кто не хочет вечности для падишаха.

Воззвание эмира Хабибуллы-хана по случаю вступления на престол.

Да не будет скрыто от внимания братьев по вере, сеидов, улемов, шейхов, высших административных и войсковых начальников, ханов и прочих моих подданных из населения Афганистана.

В виду того, что эмир Аманулла-хан, признанный всем населением Афганистана падишахом, пользовался неограниченной властью, вследствие чего произошел ущерб чистой вере Мухаммеда, и вследствие того, что все скверные поступки и дела Амануллы, вызвавшие необходимость удаления его с престола, удостоверены всеми истинными улемами Северной провинции, высшими должностными лицами Афганистана—министрами и всеми служащими и почтенными лицами Кабульской провинции,—я, приносящий себя в жертву чистой религии нашей, и дорогой храбрый брат мой Сеид-Гуссейн-хан, главный военный министр, приложили старание для того, чтобы удалить Аманулла с престола и оживить религию Мухаммеда. При помощи господ мы сомкнули ряды против Амануллы и удалили его с престола, после чего населением было принято подданство мне—слуге чистой веры пророка божьего. Слава господу, что благодаря молитве и благословию вашему, братья ислама, я добился самодержавия и воссел на трон Кабульской монархии.

Оповещая вас, дорогие братья, о столь доброй вести, я прошу

у господ, чтобы он помог мне уничтожить все еретические уклонения от ханифитского толка, которые ввел Аманулла. Пусть вера Ислама день со дня возвышается и укрепляется.

Ниже я, слуга веры, опубликовываю принятые мной для вашего успокоения и благополучия мероприятия:

1) Все недоимки за прежние годы слагаются.

2) Призыв на военную службу, который производился раньше, отменяется; каждый добровольно служит государству; каждому солдату выдается в месяц жалованья 20 рупий деньгами и 4 сирапшеницы. Все налоги сверх предписанного законом малиата отменяются. Размер малиата будет определен согласно книги божьей. Школы, основанные раньше, по приказанию прежнего эмира, закрываются; недостатки, которые будут замечены в дальнейшем, будут исправляться мной на счастье моего дорогого народа, о чем я вас буду оповещать новыми объявлениями. Да поможет всевышний. Будьте спокойны. Чиновники, ранее находившиеся на службе, остаются на своих местах, но должны быть милостивы к верным моим подданным.

Скорее присылайте мне ваши грамоты о принятии подданства.

6 Шеэбана 1347 года (18 января 1929 г.)

Печать: Эмир Хабибулла, слуга истинной веры.

Законодательство Эмира Хабибуллы-хана во имя бога милостивого, милосердного!

Правительственное объявление.

Доводится до сведения верноподданных:

Комитет меджлиса «Исламиз» по упорядочению для гражданского и военного управления для благополучия государства и населения постановил следующее:

1. Касательно пункта 12. Во времена эмира Амануллы-хана в Кабуле и других городах было сильно развито пьянство.

Во всех домах и местах, где имеется вино, таковое должно быть в течение месяца вылито. Если по истечении этого срок в каком-либо мусульманском доме будет вино или принадлежности для производства опьяняющих напитков, то таковые, согласно священному Шариату, будут поломаны, а их владельцы будут избиты.

2. По пункту 21. Кроме официальных органов государства никто не имеет права заставлять кого-либо являться. Государственные же органы, если хотят вызвать какое-либо лицо, делают это через городское управление.

3. По пункту 22. Солдатам или гражданам, имеющим собственное оружие, никто не должен предъявлять никаких претензий, касающихся этого оружия.

4. По пункту 24. Перевоз домашних вещей с одного места в другое, например, из города в деревню или из деревни в город, не воспрещается. Всякое лицо имеет право перевозить свои личные вещи во всякое место. Казенное имущество без приказа и разрешения перевозить никто права не имеет.

Вышеуказанные главы публикуются для сведения населения.

Примечание. Разрешения на перевоз личных вещей могут быть даны полицией (полицейской комендатурой) при условии, если будет представлено свидетельство от чиновника той местности, где данное лицо проживает.

Настоящий приказ действителен в течение трех месяцев, по истечении которых будет дано распоряжение.

Печать: Эмир Хабибулла-хан, слуга веры пророка божьего.
Кабул, 20 февраля 1929 г.

Во имя бога милостивого, милосердного!

Правительственное объявление.

Да не будет скрыто от верноподданных!

Для блага государства и населения члены меджлиса по упорядочению государственных военных дел постановили следующее:

1. Пункт 19. При письменных сношениях по возможности не следует употреблять трудных слов и выражений.

Все объявления и приказы пишутся на фарси и так, чтобы было понятно народу.

2. Пункт 25. Согласно одобрению меджлисом, шейхам и улемам выдается то же жалованье, которое они получали во времена покойного эмира Хабибуллы-хана.

3. Пункт 26. Принудительные повинности в Афганистане запрещаются. Кроме податей, закята и сумм, которые взимаются согласно Шариата, никаких других сборов с населения не будет.

Вышеозначенные главы публикуются для Вас, верноподданные, чтобы вы, прочтя их, были осведомлены.

Кабул, 20 февраля 1929 г.

КАРТЫ И СХЕМЫ

И ПАТАНСКИХ РАЙОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ИНДИИ

НАСЕЛЕНИЕ ПАТАНСКИХ РАЙОНОВ СЕВ.-ЗАП. ИНДИИ						
Сокращ.		Численность	Язык	Расов. происхождение	Доминир. способ хозяйств.	Религия
(М)	Юсуфзаи	750.000	У	Ы	Осед.+полук.	Сунниты
(Г)	Мандан-заи	300.000			Оседлые	
(У)	Гадгны	20.000			"	
	Утман-хэль	100.000			"	
	Хаттаки	370.000			"	
(Аф)	Афридии	260.000	Т	Ц	Оседл.+полук.	Сунн.+ шииты
(Ч)	Чамкани	30.000			"	
(Ор)	Оракзаи	240.000			"	
(З)	Займукты	50.000			"	
(Бв)	Бангап	80.000			Оседлые	
(И)	Иса-хэль	70.000	Ш	Н	"	И
(Бч)	Банпучи	120.000			"	
	Дауры	70.000			"	
(М-В)	Махсуди-Вазиры	200.000			Осед.+полук.	
(Бт)	Битани	60.000			Оседлые	
	Марватты	160.000	У	А	"	И
(Ш)	Шираи	60.000			Полукочевн.	
(Ус)	Устарана	30.000			"	
(М-х)	Мандо-хэль	70.000			Осед.+полук.	
	П а н и	30.000			"	
(Тр)	Тарины	50.000	П	И	"	Сунниты
(Г)	Гильзаи ³	40.000			Полукочевн.	
	Какары	200.000			Осед.+полук.	
(Д-х-В)	Дервиш-хэль-Вазиры	400.000			Полукочевн.	
	Т у р и	70.000			Оседлые	
(Ммв)	Моманды	270.000			Осед.+полук.	Шииты Сунниты

В с е г о: 4.100.000

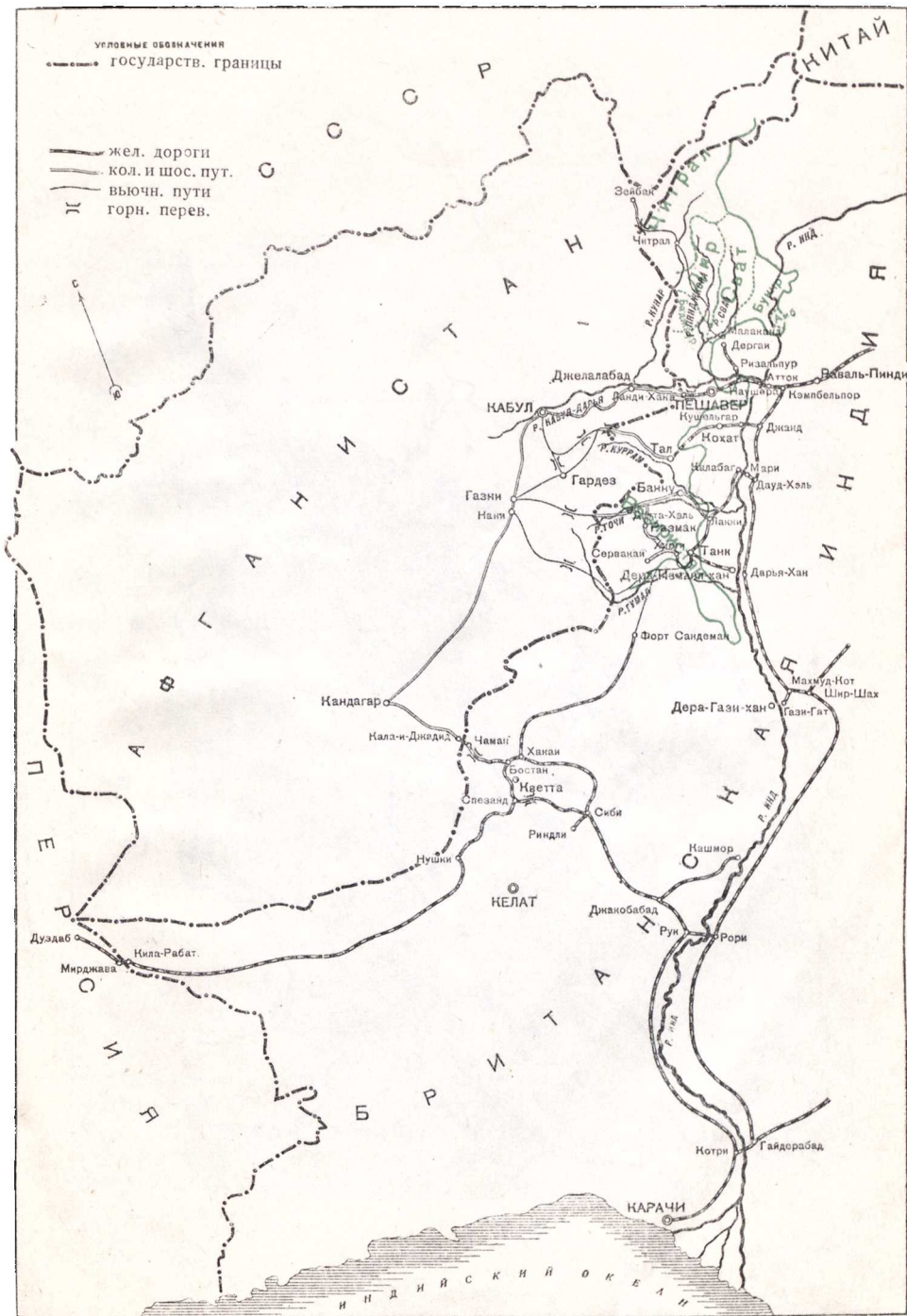
Всего патан насчитывается 7.600.000 чел., из них 3.500.000 чел. в самом Афганистане, а 4.100.000—в прилегающих районах Британской Индии.

¹ Встречается много измаилитов.

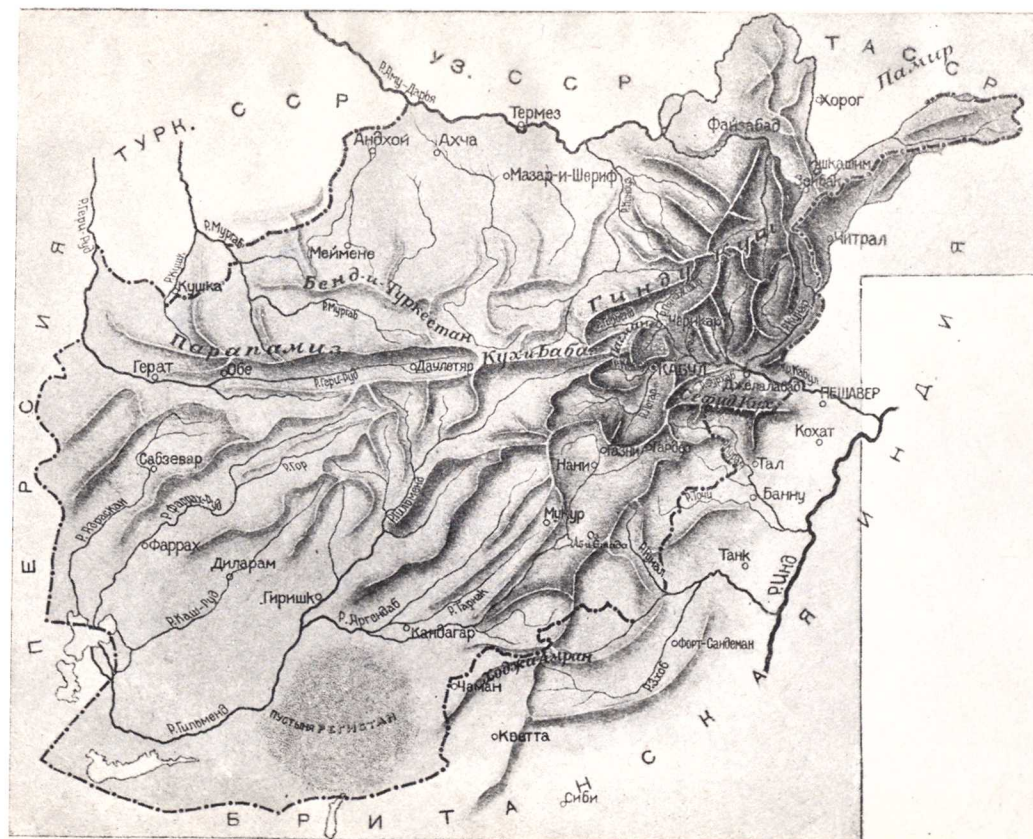
² 30 лет тому назад были язычниками.

³ Последние 5 племен частично находятся и в Афганистане. Цифры, приводящиеся здесь, относятся лишь к тем кланам, которые находятся на британской территории.

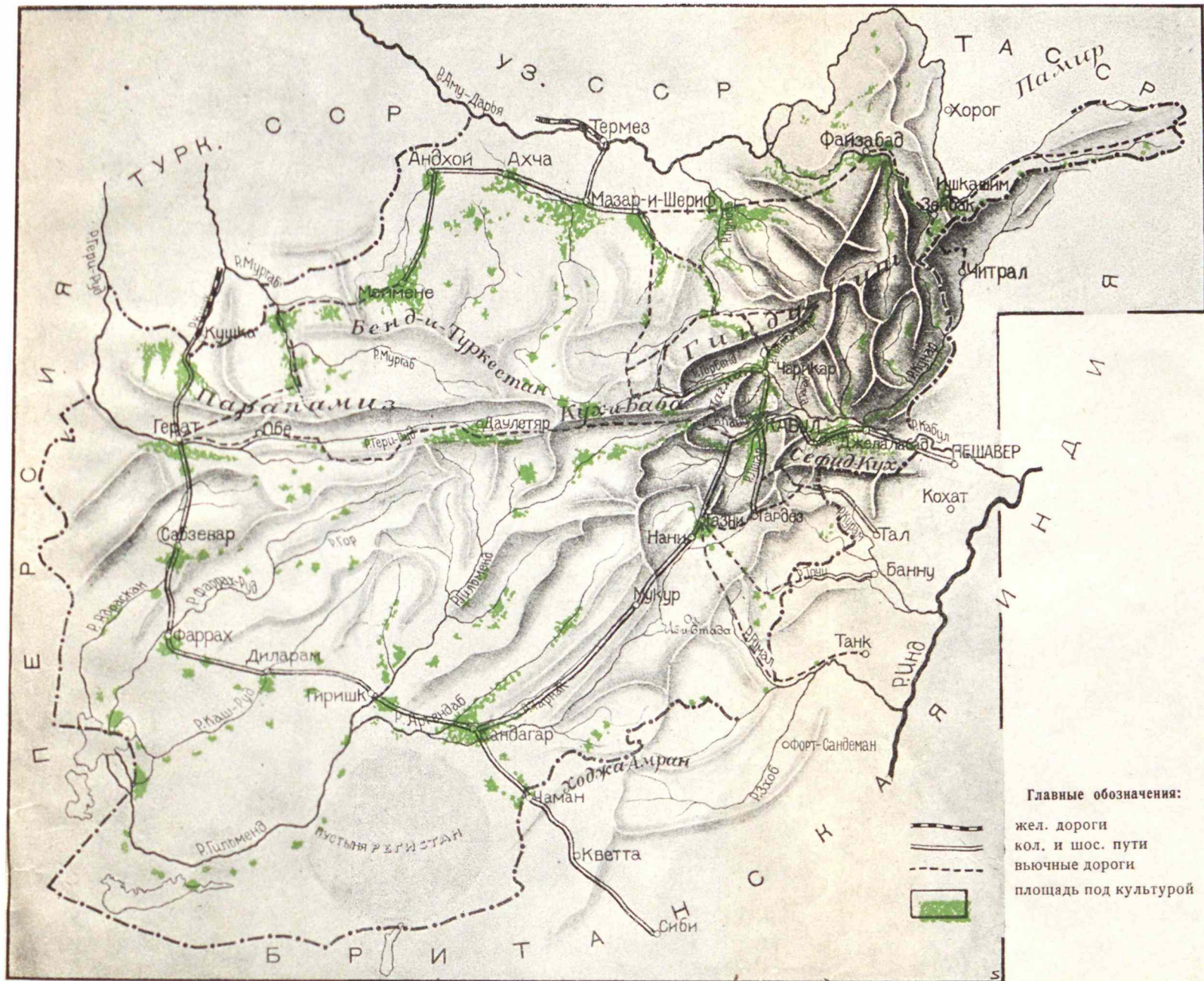
СХЕМА ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ПОДСТУПОВ К АФГАНИСТАНУ

КАРТА ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ РЕЛЬЕФА АФГАНИСТАНА

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ РАЙОНОВ АФГАНИСТАНА (По Вавилову)

Составил Н. Куслаев

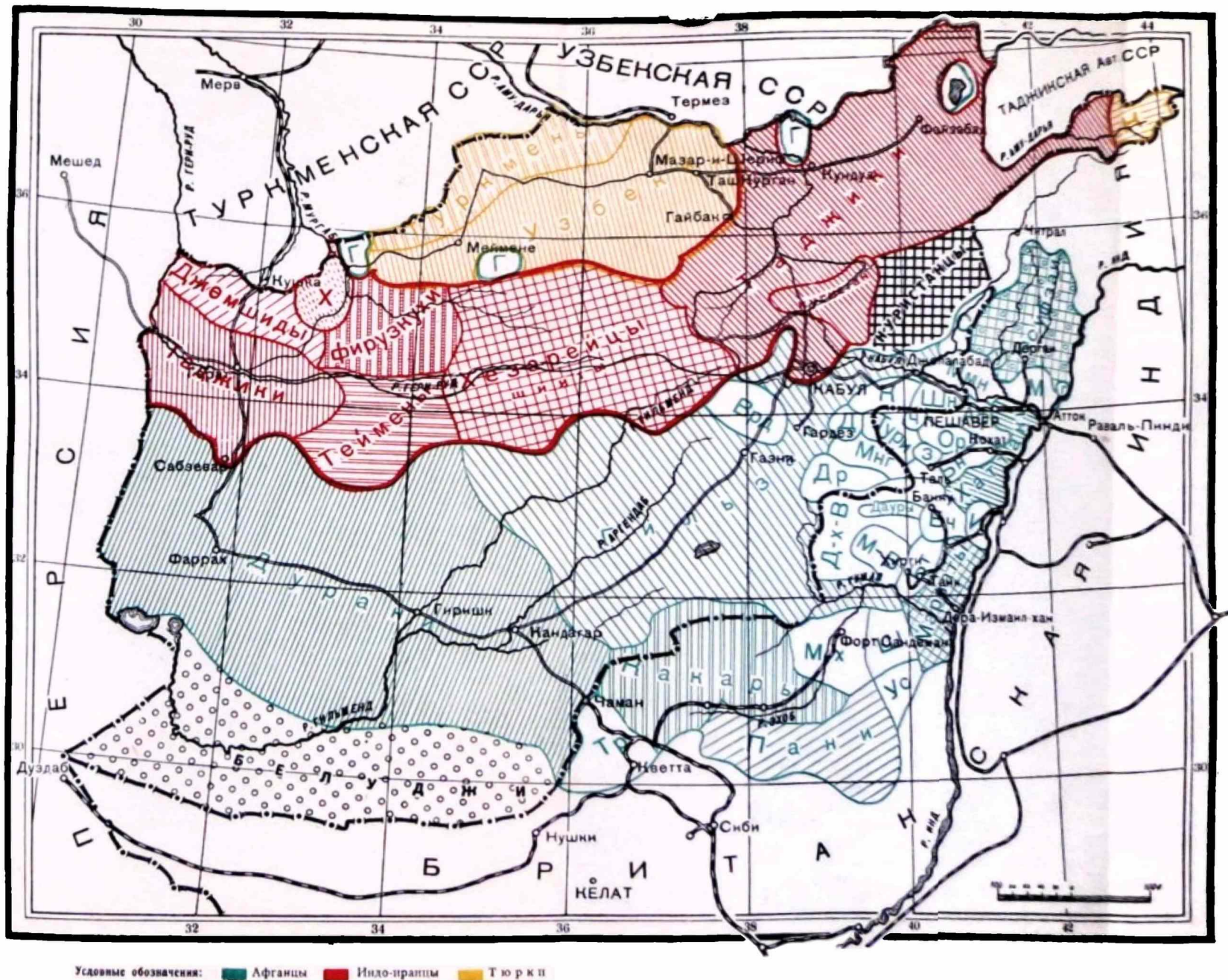

СХЕМА ПУТЕЙ АФГАНИСТАНА С УКАЗАНИЕМ ВАЖНЕЙШИХ ПЕРЕВАЛОВ

